

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

№ 4

Языки России в контакте с русским языком

МОСКВА
2020

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы номера:

Е. В. Кашкин, кандидат филол. наук;

Н. М. Стойнова, канд. филол. наук;

И. А. Хомченкова (Москва, Россия)

Редакционный совет

А. Е. Аникин, д. ф. н., академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

Яннис Какридис, Dr. habil., профессор (Берн, Швейцария);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плулунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, д. ф. н., член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Сомова

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 4

Indigenous languages of Russia in contact with Russian

MOSCOW
2020

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Editors of the Issue

Egor V. Kashkin, PhD;

Irina A. Khomchenkova;

Natalia M. Stoynova, PhD. (Moscow, Russia)

Editorial board

Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);

Yury D. Apresyan, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Václav Čermák, Ph.D., Professor (Prague, Czech Republic);

Michael S. Flier, Ph.D., Professor (Cambridge, USA);

Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);

Alexey A. Gippius, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Yannis Kakridis, D. Sc., Professor (Bern, Switzerland);

Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Alexandr P. Mayorov, D.Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);

Olga Mladenova, Ph.D, Professor em. (Calgary, Canada);

Tore Nettet, D.Sc., Professor, (Tromsø, Norway);

Vladimir A. Plungian, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);

Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Fjodor B. Uspensky, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Cynthia M. Vakareliyska, Ph.D., Professor (Oregon, USA);

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Björn Wiemer, D. Sc., Professor, (Mainz, Germany);

Olga T. Yokoyama, Ph.D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

Executive secretary

Alexandra E. Somova

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-76037.

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
<i>З. М. Халилова</i> (Россия, Москва), <i>М. Ш. Халилов</i> (Россия, Махачкала), <i>Я. Г. Тестелец</i> (Россия, Москва). Влияние русского языка на бежтинский и хваршинский языки	16
<i>Е. В. Буденная</i> (Россия, Москва). К вопросу о малоизученном факте экспансии местоимений в ижорском языке	34
<i>Д. В. Герасимов</i> (Россия, Санкт-Петербург). Союзные сравнительные конструкции в разговорном чувашском языке	49
<i>В. Ю. Гусев</i> (Германия, Гамбург / Россия, Москва). О камасинском постпозитивном условно-временном союзе <i>dak</i>	76
<i>Е. Л. Рудницкая</i> (Россия, Москва). Лексические заимствования из русского языка и модель управления в эвенкийском языке	89
<i>Е. В. Кашкин</i> . (Россия, Москва) Особенности русской речи носителей мокшанского языка	110
<i>В. В. Баранова</i> (Россия, Санкт-Петербург). Языковые контакты в Калмыкии и формирование локального варианта русского языка	131
<i>К. Наккарато, А. Б. Панова, Н. М. Стойнова</i> (Россия, Москва). Нестандартный порядок слов в дагестанском русском: именные группы с генитивом.	146
<i>Е. В. Рахилина</i> (Россия, Москва), <i>А. К. Казкенова</i> (Казахстан, Алматы). Маркирование итератива в русской речи носителей казахского языка	168
<i>М. З. Муслимов</i> (Россия, Санкт-Петербург). Особенности оформления именных групп в смешении кодов водский/русский и ижорский/русский	193
<i>С. А. Оскольская</i> (Россия, Санкт-Петербург). Переключение кодов в речи носителя нанайского языка	224
<i>Н. М. Стойнова</i> (Россия, Москва). «По-нанайски говори!» Переключение кодов в текстах на вымирающем языке	243
<i>В. В. Дьячков</i> (Россия, Москва). Структурные и социолингвистические характеристики горномарийско-русского переключения кодов: пилотное исследование	273
<i>И. А. Хомченкова</i> (Россия, Москва). Русские числительные в горномарийской речи	289

CONTENT

Предисловие	9
<i>Zaira Khalilova</i> (Russia, Moscow), <i>Madzhid Khalilov</i> (Russia, Makhachkala), <i>Yakov Testeleys</i> (Russia, Moscow). The impact of Russian on Bezhta and Khwarshi	16
<i>Evgeniya Budennaya</i> (Russia, Moscow). The expansion of third-person pronouns in Ingrian	34
<i>Dmitry Gerasimov</i> (Russia, Saint Petersburg). Particle comparatives in spoken Chuvash	49
<i>Valentin Gusev</i> (Germany, Hamburg / Russia, Moscow). On the postpositive conditional-temporal conjunction <i>dak</i> in Kamas	76
<i>Elena Rudnitskaya</i> (Russia, Moscow). Lexical borrowings from Russian, and the subcategorization frame in Evenki	89
<i>Egor Kashkin</i> (Russia, Moscow). Some peculiarities of the Russian speech of Moksha speakers	110
<i>Vlada Baranova</i> (Russia, Saint Petersburg). Language contacts in Kalmykia and the emerging of a new local Russian variety	131
<i>Chiara Naccarato</i> , <i>Anastasia Panova</i> , <i>Natalia Stoynova</i> (Russia, Moscow). Non-standard word order in Daghestanian Russian: noun phrases with the genitive	146
<i>Ekaterina V. Rakhilina</i> (Russia, Moscow), <i>Aimgul K. Kazkenova</i> (Kazakhstan, Almaty). Marking of iterative in Russian speech of Kazakh speakers	168
<i>Mehmet Muslimov</i> (Russia, Saint Petersburg). On the structure of the noun phrase in Votic/Russian and Ingrian/Russian code-mixing	193
<i>Sofia A. Oskolskaya</i> . (Russia, Saint Petersburg). Code-switching in the speech of a Nanai speaker	224
<i>Natalia Stoynova</i> (Russia, Moscow). “Speak Nanai!” Code-switching in texts in an endangered language	243
<i>Vadim V. Dyachkov</i> (Russia, Moscow). Structural and sociolinguistic features of Hill Mari — Russian code switching: a pilot study	273
<i>Irina Khomchenkova</i> (Russia, Moscow). Russian numerals in Hill Mari speech	289

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник вошли статьи о контактах между русским языком и другими языками России. На территории России сосуществует более ста коренных этнических групп и распространено, наряду с государственным русским языком, еще более ста пятидесяти языков, см. подробнее, например, [Михальченко 2016]. Подавляющее большинство носителей этих языков (99,4% населения РФ по данным переписи 2010 г.) в той или иной степени владеет также и русским языком; многие из языков РФ оцениваются как находящиеся под угрозой исчезновения (102 языка входит в список исчезающих языков мира ЮНЕСКО) — для большинства (хотя и не для всех) это означает де факто полное или частичное вытеснение их русским языком. В свете приведенных данных территория России кажется благодатным полем для исследования процессов языкового контакта, в частности недавних и происходящих на глазах у лингвиста. В статьях настоящего сборника они рассматриваются в разных ракурсах. В некоторых из них обсуждается влияние русского языка на автохтонные языки России; в других, наоборот, влияние автохтонных языков на русскую речь их носителей; часть статей посвящена анализу текстов с переключением кодов между русским языком и одним из автохтонных языков России.

В сборнике отражен собственно лингвистический, а не социолингвистический аспект указанной проблематики: рефлекс языковых контактов в системе языка. Исследования контактного взаимовлияния, нашедшие отражение в сборнике, касаются, главным образом, области грамматики. Обширная и значительно более исследованная область лексических заимствований (см., например, словари заимствований в русском языке Сибири и, наоборот, заимствований из русского языка в языки Сибири А. Е. Аникина [2000; 2003]) в сборнике не затрагивается. Тема контактных явлений в грамматике — заимствования морфологических показателей, морфосинтаксического калькирования (*pattern borrowing*), контактно-обусловленной грамматикализации (*replica grammaticalization*) — изучена куда менее детально и имеет относительно недавнюю историю (ср., впрочем, [Weinreich 1953]), однако в последнее десятилетие развивается исключительно бурно. Растущий интерес к ней наблюдается, в частности, в рамках лингвистики в узком смысле, а не только в рамках сравнительно автономной смежной области социолингвистики и социологии. К этой теме сейчас активно обращаются типологи, специалисты по теории грамматикализации, полевые лингвисты. Ср., например, монографии [Heine, Kuteva 2005]; [Wohlgemuth 2008]; [Gardani 2008] и тематические сборники [Stolz et al. 2008]; [Matras, Sakel 2007]; [Vanhove 2011]; [Wiemer et. al. 2012]; [Gardani

et. al. 2015]. Отдельно стоит упомянуть сборник [Forker, Grenoble в печати], посвященный, как и наш, языковым контактам на территории бывшего СССР и также затрагивающий прежде всего область грамматики. Настоящий сборник задуман в русле процитированных работ. Большинство его авторов — типологи и специалисты по языкам России. Исследования, вошедшие в сборник, основаны, главным образом, на их собственных экспедиционных материалах и создаваемых ими корпусах и текстовых коллекциях.

Описание грамматических явлений, возникающих в автохтонных языках России под влиянием русского, интересно в более широком контексте контактных изменений в грамматике прежде всего с точки зрения специфики ситуации языкового сдвига. Известно, что в ситуации языкового сдвига, т. е. очень интенсивного контакта, при котором один из контактирующих языков (в данном случае русский) функционально доминирует над другим и постепенно или резко полностью вытесняет его, изменения в грамматической системе происходят не совсем так, как в ситуации более симметричных языковых контактов (см. [Lambert, Freed 1982]; [Dorian (ed.) 1989]; [Seliger, Vago (eds.) 1991]; [Polinsky 1995]; [Sasse 2001]; [Бахтин 2001]; [Johanson 2002]; [Schmid 2011]; [Schmid, Köpke (eds.) 2013] и мн. др.). В частности, изменения могут быть очень быстрыми; повышается вариативность между отдельными носителями и в речи одного носителя; отмечаются изменения, про которые неочевидно, объяснять ли их непосредственным влиянием доминирующего языка (копирования его грамматической системы) или скорее самим характером социолингвистической ситуации, в т. ч. разного рода системные упрощения. Материал языков России в контакте с русским языком очень удобен для изучения такого рода процессов, общая природа которых до сих пор вызывает споры и очевидно нуждается в дальнейшей эмпирической проверке. Проблематика языкового сдвига затрагивается, в частности, в статьях В. Ю. Гусева (на материале камасинского языка) и Е. В. Буденной (на материале ижорского языка).

Исследование особенностей русской речи билингвов — носителей языков России и бывшего СССР, к которым обращается в своих статьях часть авторов, вписывается в более широкий круг исследований “нестандартных разновидностей” русского языка (см. их детальную классификацию в [Mustajoki 2010]). Процессы, наблюдаемые на этом материале, отчасти схожи с процессами, характерными для речи иностранцев, систематически изучающих русский язык как второй, в речи второго поколения эмигрантов (heritage Russian, см., например, [Полинская и др. 2014]; [Рахилина, Марушкина 2015]), в детской речи и речи лиц с речевыми нарушениями. Все это варианты, обнаруживающие то или иное количество нестандартных черт, но не претендующие, тем не менее, на статус отдельного идиома, значительно и системно отклоняющегося от нормативного русского. Все они характеризуются сильной вариативностью, в том числе на уровне грамматики. Собрав под одной обложкой несколько подробных описаний русской речи билингвов из разных регионов России и бывшего СССР, мы хотели бы приблизиться к ответу на вопрос о том, образует ли она с точки зрения грамматики некоторое отдельное и однородное явление. С одной стороны, отличаются ли отмечаемые

в ней особенности от особенностей перечисленных выше образцов нестандартной русской речи? В частности, насколько принципиально она отличается от речи иностранцев, изучающих русский язык: важно ли для характера грамматической интерференции, что усвоение происходит спонтанно или полуспонтанно, касается целой этнической группы, происходит в условиях социального доминирования русского языка и т. д.? С другой стороны, насколько речь билингов — носителей языков России и бывшего СССР внутренне однородна: важно ли для характера грамматической интерференции, приобретает ли русский язык для носителей статус основного или единственного языка (как во многих регионах Сибири), или статус лингва-франка (как в Дагестане, см. [Daniel et al. 2010; Даниэль, Добрушина 2013]), или, наоборот, утрачивает ранее доминирующую роль (как в республиках бывшего СССР или, ранее, на Аляске, см. [Bergelson, Kibrik 2010]; [Golovko 2014]).

Помимо нестандартных черт, связанных собственно с контактным влиянием, русский язык, используемый носителями языков коренных народов России, как правило, обнаруживает также отклонения от литературной нормы иной природы. Это могут быть региональные и диалектные черты, социально-обусловленные черты (в т. ч. просторечие) или просто черты разговорной устной речи, ошибочно принимаемые за контактно-обусловленные. На практике не всегда подобные эффекты легко разграничить, и в их разграничении на уровне конкретных явлений состояла одна из исследовательских задач авторов сборника. Ср., например, сопоставление функций союза *дак* в речи носителя камасинского языка и в русских диалектах в статье В. Ю. Гусева или оценку частотности препозитивного генитива в речи билингов Дагестана и в устной спонтанной речи монолингов в статье К. Наккарато и др. Отдельная задача — выяснить, какие контактно-обусловленные грамматические черты остаются уделом старшего поколения билингов, “недоусвоивших” литературную норму, а какие оказываются более стабильными и закрепляются в речи следующих поколений с доминирующим русским или распространяются и на речь монолингов соответствующего региона (ср. обсуждение этого вопроса на материале русского языка в Калмыкии в статье В. В. Барановой). В статьях сборника обсуждается еще ряд вопросов, касающихся слабодифференцируемых близких явлений: вопрос о противопоставлении между недоусвоением грамматической системы языка-донора (русского) и непосредственным копированием морфосинтаксического образца, вопрос о границе между “нестандартным вариантом русского языка” и пиджином.

Последняя тема сборника — морфосинтаксические особенности текстов с переключением кодов (в первую очередь на уровне предложения, т. н. *code-mixing*). Она достаточно хорошо изучена в рамках разных теоретических подходов (см. [Poplack 1981]; [Muysken 2000]; [Myers-Scotton 1993; 2002]; [MacSwan 1999/2013]; [Bullock, Toribio (eds.) 2009] и мн. др.). Здесь материал языков России интересен прежде всего с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения уже упоминавшейся выше ситуации языкового сдвига: тексты с переключением между доминирующим языком и полузабытым родным часто обнаруживают морфосинтаксические особенности, не укладывающиеся в теоретические представления о переключении

кодов (например, именно для них характерны случаи, когда нельзя однозначно говорить о простом “вставлении” слов из одного языка в морфосинтаксическую структуру другого, см. [Myers-Scotton 2002: 51]). Одна из задач сборника — внести эмпирический вклад в эту проблематику. Ср., в частности, статью Н. М. Стойновой, специально посвященную этому типу текстов с переключением кодов (на материале горинского говора нанайского языка) и комплексные исследования В. В. Дьячкова и С. А. Оскольской. Последние две статьи построены по очень похожему образцу, при этом в одном из них описано спонтанное переключение между русским и активно используемым носителями горномарийским, в другом — переключение между русским и менее используемым нанайским, что создает удобное поле для дальнейшего сопоставления. Вторая важная особенность переключения кодов между русским и другими языками России состоит в том, что и большинство автохтонных языков России, и русский язык обладают достаточно богатой морфологией. Это заметно усложняет правила морфосинтаксической адаптации в предложениях с переключением кодов и создает целый ряд проблем для существующих теорий переключения кодов, разработанных в основном на материале переключений с морфологически более бедными языками, такими как английский и французский. Такого рода проблемы рассматриваются, в частности, в статьях И. А. Хомченковой (переключение в группе числительного между горномарийским и русским) и М. З. Муслимова (переключение в именной группе между прибалтийско-финскими языками и русским).

Настоящий сборник статей отражает результаты конференции “Языки народов России в контакте с русским языком: явления морфосинтаксической и семантической интерференции”, которая прошла в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН 30 ноября — 1 декабря 2018 г. Конференция была организована группой по изучению контактного взаимодействия русского языка с языками коренных народов России при отделе корпусной лингвистики и лингвистической поэтики ИРЯ РАН (<http://www.ruslang.ru/node/1537>) и коллективом проекта «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе» отдела типологии и ареальной лингвистики ИЯз РАН (http://iling-ran.ru/main/departments/typol_compar/circumpolar). В фокусе внимания обоих коллективов находится проблематика языковых контактов на территории России. Группа при отделе корпусной лингвистики ИРЯ РАН более узко ориентирована на контакты с русским языком, в центре ее деятельности — создание и развитие малых корпусов и текстовых коллекций, отражающих результаты языкового контакта. Интересы проекта отдела типологии и ареальной лингвистики ИЯз РАН географически ограничены циркумполярным ареалом, но затрагивают не только контакты с русским языком, но и в первую очередь контакты автохтонных языков между собой, этот проект в большей степени нацелен на социолингвистические исследования.

Проблематика, очень близкая к изучаемой обеими группами и созвучная теме сборника, активно исследуется в целом ряде научных центров. Среди них можно назвать, в частности, отдел языков народов России ИЛИ РАН (Санкт-Петербург), для которого изучение языковых контактов традиционно является одним

из центральных направлений, и две недавно образованных исследовательских лаборатории НИУ ВШЭ (Москва): лингвистическую лабораторию по корпусным технологиям, в которой был создан Русский учебный корпус (корпус русских текстов от не-носителей русского языка, <http://www.web-corpora.net/RLC>), и лабораторию языковой конвергенции. Сотрудники всех трех перечисленных научных центров вошли в число участников конференции и авторов сборника.

О статьях сборника

Как было указано выше, авторы статей сконцентрировались на трех основных группах проблем. Во-первых, это влияние русского языка на другие языки народов России. Во-вторых, это влияние языков народов России на местные разновидности русского языка. В-третьих, несколько статей посвящены переключению кодов. Все эти вопросы рассматриваются на материале языков разных семей (нахско-дагестанских, уральских, тунгусо-маньчжурских, тюркских, монгольских) и в большинстве случаев опираются на материал, собранный авторами в полевых условиях. В качестве типологического фона авторы привлекают и данные по более широкому кругу языков, доступные из литературы.

Вопросы **влияния русского языка на другие языки народов России** рассматриваются в пяти статьях.

В совместной статье **З.М. Халиловой, М.Ш. Халилова и Я.Г. Тестельца** рассматривается влияние русского языка на бежтинский и хваршинский языки (< нахско-дагестанские, цезские). Особое внимание обращено на изменения в фонологии, системе именных классов, стратегиях сочинения; обсуждаются случаи переключения кодов.

В статье **Е.В. Буденной** проанализированы закономерности референциального выбора в ижорском языке (< уральские, прибалтийско-финские). Автор рассматривает ижорские тексты различных периодов (XIX в., середина XX в., современные тексты) и выдвигает гипотезу о том, что система, представленная в более поздних текстах, претерпела контактное влияние русского языка.

В статье **Д.В. Герасимова** рассматриваются сравнительные конструкции в чувашском языке (< тюркские) — как устроенные по исконной модели, так и включающие заимствованный из русского языка союз *чем* и одновременно следующие русской морфосинтаксической модели. В типологической перспективе обсуждаются факторы, влияющие на выбор конструкции.

В.Ю. Гусев анализирует в своей работе семантические, синтаксические и просодические свойства союза *dak*, восходящего к частице *дак* в севернорусских говорах и в старожильческих говорах Сибири, в речи последних носителей камасинского языка (< уральские, самодийские). Автор показывает, что в рассмотренных камасинских текстах эта лексема может выполнять условную и временную функцию.

Работа **Е.Л. Рудницкой** посвящена употреблению предикатива *надо* в эвенкийском языке (< тунгусо-маньчжурские). Автор обсуждает вопрос о том, имеет ли

место заимствование из русского языка лексемы *надо* или случай кодового переключения. Для этого подробно рассматриваются свойства соответствующих конструкций в русском и эвенкийском языках.

Еще четыре статьи посвящены проблемам **влияния языков России на местные разновидности русского языка**. В статье **Е. В. Кашкина** обсуждаются особенности русской речи носителей мокшанского языка (< уральские, мордовские), которые могут быть обусловлены ситуацией языкового контакта. В фокус исследования попадают грамматические явления (согласование по роду, отрицательные конструкции, дифференцированное маркирование прямого дополнения и др.). Обсуждаются и некоторые модели полисемии русских лексем, которые можно рассматривать как развившиеся под мокшанским влиянием.

Статья **В. В. Барановой** посвящена русской речи двуязычных калмыков (калмыцкий < монгольские). Предпринимается попытка дифференцировать, с одной стороны, устойчивые особенности локального варианта русского языка (в том числе в речи людей, не владеющих свободно калмыцким языком) и, с другой стороны, контактно обусловленные изменения в речи носителей, слабо владеющих русским языком. Подробно рассматриваются способы выражения эвиденциальности и смежных значений, а также некоторые конструкции с редупликацией.

В совместной статье **К. Наккарато, А. Б. Пановой и Н. М. Стойновой** рассматривается порядок элементов генитивной группы в русской речи носителей языков Дагестана. Во всех этих языках, в отличие от русского, зависимое в генитивной группе препозитивно. Тенденция к препозиции генитива обнаруживается и в русской речи билингвов Дагестана. В статье обсуждается, какое влияние на порядок вершины и зависимого оказывает фактор семантического отношения между ними, а также некоторые характеристики генитивного зависимого (неоднословность, одушевленность, референциальный статус).

В соавторской работе **Е. В. Рахилиной и А. К. Казкеновой** проанализированы стратегии маркирования итератива (значения регулярного повторения ситуации) в русских письменных текстах носителей казахского языка (< тюркские). Этот материал сопоставляется с данными стандартных разновидностей казахского и русского языков. Показано также, что в текстах, написанных билингвами, вырабатываются специфические стратегии выражения итеративной семантики.

В центре внимания пяти статей сборника оказываются вопросы, связанные с **переключением кодов**. Так, **М. З. Муслимов** анализирует особенности оформления именных групп при переключении кодов с русским языком в водском и ижорском языках (< уральские, прибалтийско-финские). Рассматриваются примеры согласования по различным грамматическим категориям, а также случаи одновременного употребления русских и водских/ижорских маркеров с аналогичной семантикой.

В статьях **С. А. Оскольской** и **Н. М. Стойновой** обсуждается нанайско-русское переключение кодов (нанайский < тунгусо-маньчжурские). **С. А. Оскольская** исчисляет типы переключения кодов, встретившиеся в исследованном корпусе текстов, а также рассматривает факторы, способствующие переключению кодов (в частности основной язык текста, жанр текста, дискурсивный режим фразы).

Н. М. Стойнова анализирует некоторые особенности русской речи в текстах с интенсивным переключением кодов, а также характеристики переключения кодов в тех ситуациях, когда слушатель просит рассказчика говорить на родном языке.

Статьи **В. В. Дьячкова** и **И. А. Хомченковой** посвящены переключению кодов между горномарийским и русским языками (горномарийский < уральские, марийские). **В. В. Дьячков** характеризует общие закономерности переключения кодов в рассматриваемой контактной ситуации, основываясь на полевом корпусе горномарийских текстов. В частности, в статье показано, какие типы составляющих наиболее подвержены переключению кодов. В работе **И. А. Хомченковой** рассмотрено употребление русских числительных в горномарийской речи. Автор анализирует синтаксические и семантические факторы, которые могут влиять на выбор горномарийского либо русского варианта числительного.

Редакторы сборника выражают благодарность всем участникам конференции “Языки народов России в контакте с русским языком: явления морфосинтаксической и семантической интерференции” и отдельно приглашенным докладчикам — **Е. В. Головки** и **Н. Р. Добрушиной**. Мы благодарны также **М.-Э. А. Винклер**, **А. Б. Летучему**, **П. С. Плешак** и **О. В. Ханиной**, без которых не состоялась бы ни конференция, ни ставший ее результатом сборник. Большое спасибо администрации ИРЯ РАН и редакции журнала Труды ИРЯ РАН, и лично **М. Л. Каленчук**, **А. М. Молдовану** и **В. А. Плунгяну**, поддерживавшим нас на разных этапах работы.

Редакторы

З. М. Халилова¹, М. Ш. Халилов², Я. Г. Тестелец¹

¹ *Институт языкознания РАН (Россия, Москва)*

² *Институт литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН
(Россия, Махачкала)*

zaira.khalilova@gmail.com

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА БЕЖТИНСКИЙ И ХВАРШИНСКИЙ ЯЗЫКИ

Кавказ, бесспорно, является территорией, характеризующейся языковым разнообразием. Здесь представлены три автохтонные языковые семьи, а также другие языки. Народности, проживающие на Кавказе, находятся в постоянном языковом контакте. Цезские языки, а именно бежтинский, гунзибский, цезкий, гинухский и хваршинский, входящие в состав нахско-дагестанской языковой семьи, находились в непосредственном контакте с грузинским, аварским и русским языками. В настоящее время контактирующими с цезскими являются только аварский и русский. Заимствованная лексика из арабского, иранских и тюркских языков проникла в цезские языки через аварский.

В данной работе рассматривается влияние русского языка на два языка цезской группы: бежтинский и хваршинский. В статье описываются изменения, которые, предположительно, произошли под влиянием русского языка, являющегося языком официального и бытового общения в Республике Дагестан. Данные языковые изменения наблюдаются на разных уровнях грамматики: фонология, морфосинтаксис, лексика. Наиболее существенными изменениями на уровне фонологии являются такие процессы, как деназализация и делабиализация. В статье представлено исследование по освоению именных классов среди молодого поколения, а также анализ порядка слов на материале как текстов последнего времени, так и более ранних. Исследуются случаи переключения и смешения кодов, например, использование русских сочинительных союзов (*и*, *а*), использование русского инфинитива в аналитических конструкциях в качестве смысловой части составного глагола, а также дается грамматическая характеристика русских лексических вставок.

Ключевые слова: делабиализация, деназализация, переключения кодов, заимствования, русские союзы, бежтинский язык, хваршинский язык.

Введение

Цезские языки относятся к нахско-дагестанской языковой семье. Они делятся на две подгруппы — западную (*цезский язык, гинухский язык, хваршинский язык*) и восточную (*бежтинский язык и гунзибский язык*). Хваршинский язык имеет два диалектных кластера: собственно хваршинский и инхокваринский (а также квантладинский, сантладинский, хвайнинский диалекты). Бежтинский язык имеет три диалекта: собственно бежтинский, хашархотинский и глядальский. Для фонетической системы цезских языков характерно наличие долгих, назализованных гласных (бежт., гунзиб., хварш.), умлаутированных гласных (только в бежт. языке), латерального ряда согласных, смычных абруптивов и аффрикат, сохранение фарингализации (в западно-цезских языках), а также наличие лабиализации и палатализации в некоторых языках. В большинстве цезских языков представлено четыре именных класса (мужской, женский и два неличных класса); в гинухском языке, глядальском и хашархотинском говорах бежтинского языка — пять классов, в хваршинском — шесть классов. Для глагольной морфологии цезских языков характерно обязательное различие категории эвиденциальности в видо-временных формах глагола (т.е. обязательное грамматическое маркирование источника информации), наличие различных нефинитных глагольных форм (причастие, деепричастие/конверб, инфинитив, масдар). В восточно-цезских обязательно выражение категории числа в глаголах. Имеется морфологический каузатив. Антипассив представлен во всех цезских языках (кроме хваршинского). Цезские языки — языки *эргативного строя*. Нейтральный *порядок слов* — «субъект — объект — предикат», но в речи *порядок* может быть свободным. В синтаксисе бежтинского языка отмечено многообразие конструкций предложения, а именно широкое употребление причастных и деепричастных оборотов. Цезские языки используются, главным образом, в семейно-бытовом общении. Ни один из них не имеет официально принятой письменности, хотя с первой пол. 1990-х гг. предпринимаются попытки введения алфавита на русской графической основе для цезского и гинухского языков [Халилова 2017]. Что касается языковой компетентности, то знание родного языка варьируется в зависимости от возраста, пола и места проживания. Знание родного языка в высокогорных районах почти стопроцентное. Влияние русского языка становится заметным среди носителей языка, проживающих на равнинных территориях, в особенности в городах. Для молодежи в городах и равнинных селах языком коммуникации все чаще становится русский, в результате происходит частичная или полная утрата знания родных языков [Даниеэль & Добрушина 2013:190].

Среди наиболее важных работ по языковым контактам цезских языков следует отметить [Халилов 1991], [Халилов 2004], [Комри & Халилов 2009], [Forker 2018].

В настоящей статье дается анализ влияния русского языка на цезские языки на материале собственно бежтинского диалекта бежтинского языка и квантладинского, инхокваринского и собственно хваршинского диалектов хваршинского языка. Материалом для исследования по бежтинскому языку послужили тексты, собранные и записанные бежтинским врачом в 90-е годы, а также тексты, собранные

Халиловой З. М. с 2010 по 2018 гг. (в данном корпусе около 65 тыс. словоупотреблений). Материал по квантладинскому и инхокваринскому диалектам хваршинского языка взят из работ Халиловой [2009], а также Кибрика и Кодзасова [1990]. Данные по собственно хваршинскому диалекту были получены в ходе экспедиции в с. Хонох, Цумадинский район, при поддержке гранта РФФИ № 17-04-00581.

Статья построена следующим образом. В разделе 1 рассматриваются фонетические изменения, которые, предположительно, имели место под влиянием русского языка. В разделе 2 представлено пилотное исследование именных классов и порядка слов в сравнении с русским языком. В разделе 3 описываются явления переключения и смешения кодов на материале бежтинского языка.

І. Фонология

В квантладинской/инхокваринской фонологии ярко выражены два процесса: ослабление и утрата [i], а также процесс делабиализации. В этих диалектах представлены шесть основных гласных [a], [e], [u], [o], [i] и [i̯]. Все гласные имеют долгие корреляты. Все гласные, кроме [i], могут быть назализованными и долгими назализованными. Фонема [i̯] представлена во всех диалектах хваршинского языка, кроме собственно хваршинского. В очерке Бокарева [1959: 146] по инхокваринскому диалекту [i̯] описывается как полноценная фонема, более задняя, чем русская *ы*. В более поздних описаниях [Кибрик & Кодзасов 1990: 327], [Khalilova 2009: 7] данная фонема представлена в инхокваринском/квантладинском диалектах, однако лишь в речи старшего поколения. В инхокваринском [i̯] заменяется на [i], в квантладинском [i̯] заменяется на [u]. Ниже даются диалектные соответствия в собственно хваршинском, инхокваринском и квантладинском.

Собственно хваршинский	Инхокваринский	Квантладинский
germa	girma/girma	gurma/girma 'круглый'
es	is/ is	us / is 'брат/сестра'
kel	kil /kil	kul / kil 'железо'
q'ec	q'ic/ q'ic	q'uc / q'ic 'грязь'
k'eca	k'ica /k'ica	k'uca / k'ica 'птица'
mec	mic/ mic	muc / mic 'язык'
sel	sil /sil	sul / sil 'зуб'
t'ero	t'iro / t'iro	t'uro / t'iro 'мост'
t'eka	t'ika /t'ika	t'uka / t'ika 'козел'
esana	isana/ isana	usana / isana 'купаться'

Утрату [i̯] можно связать как с естественным изменением языка, так и с влиянием русского языка. Возможно, что процесс утраты [i̯] начался задолго до влияния русского языка. Так, можно предположить, что утрата [i̯] произошла под влиянием соседних аваро-андийских языков, в которых данная фонема отсутствует. Если процесс утраты начался примерно столетие назад, то в настоящее время данная

фонема сохранилась только в речи стариков. В условиях урбанизации и глобализации знание родного языка стремительно падает, и знание русского языка является доминирующим в речи молодого поколения. Можно предположить, что под влиянием русского языка процесс утраты фонемы [i] только усилился, даже несмотря на то, что в русском языке есть похожая фонема.

Лабиализованные согласные типичны для многих дагестанских языков (аварский, андийские языки, агульский, арчинский, табасаранский и др.). В цезских языках лабиализация представлена в западно-цезских языках (цезский, хваршинский, гинухский), но полностью отсутствует в восточно-цезских языках (бежтинский и гунзибский).

В квантладинском диалекте лабиализация характерна для заднеязычных согласных (увулярных и велярных), и реже — для переднеязычных. Также лабиализация характерна для сибилантов, которые встречаются только в андийских заимствованиях, например *š^wardaja* ‘прыгать’, *z^waryi* ‘шум, звон’. Лабиализация невозможна с билабиальными, сонорными согласными [Кибрик & Кодзасов 1990: 327]. Лабиализованные согласные встречаются со всеми гласными, кроме [u]. Лабиализация является фонематичной, хотя и ограничена в дистрибуции. В квантладинском диалекте представлены минимальные пары: *el^wa* ‘летать’ — *eta* ‘трогать’, *ɣ^we* ‘собака’ — *ɣ^e* ‘молоко’, *lek^wa* ‘ударить’ — *lek’a* ‘обнажить (тело)’. Лабиализация пропадает перед суффиксами со слоговой структурой *C(V)* и *uC*, например, *l-ak^w-a* ‘IV-видеть-INF’ и *l-ak-še* ‘IV-видеть-PRS’, *l-eq^w-a* ‘IV-стать-INF’ и *l-eq-nu* ‘IV-стать-MASD’, *l-ok^w-a* ‘IV-гореть-INF’ и *l-ok-un* ‘IV-гореть-PST.UW’.

Помимо позиционной делабиализации, для языка характерна делабиализация в речи молодого поколения. Лабиализованные согласные почти полностью отсутствуют в речи молодежи, проживающей в городах, а также в селах равнинной части республики. Лабиализованные согласные в конечной позиции (при образовании формы общего времени) сохранились только у некоторых носителей языка старшего поколения, а в речи молодого поколения конечная лабиализация полностью отсутствует. В работе Кибрика и Кодзасова [1990: 327] конечная лабиализация не упоминается, у Бокарева [1959: 174] представлен только один пример *lēq^w* при образовании общего времени. Ниже даны примеры глаголов с лабиализацией в форме инфинитива и в форме общего времени.

<i>leq^w-a</i> ‘стать-INF’	<i>lēq^w/ lēq</i>	‘стать.GNT’
<i>lak^w-a</i> ‘видеть-INF’	<i>lāk^w/ lāk</i>	‘видеть.GNT’
<i>lok^w-a</i> ‘гореть-INF’	<i>lōk^w/ lōk</i>	‘гореть.GNT’

В речи молодого поколения лабиализация теряется и происходит замена гласного на [u], например, в слове *q^wine* > *qune* ‘два’¹, в некоторых словах лабиализация пропадает без замены гласного, например, *q^wina* / *q’ina* ‘толкать’, *lak^wa* / *laka*

¹ Сходное явление встречается также в других дагестанских языках, например, в гинухском языке [Forker 2018: 35], в андийских языках [Гудава 1964: 59].

‘видеть’, *išt^wac’a* / *išt’ac’a* ‘пятьдесят’, *hał^wac’a* / *hał’ac’a* ‘семьдесят’, *hač^wac’a* / *hač’ac’a* ‘девяносто’.

Еще одним процессом утраты является утрата назализации. Назализованные гласные были свойственны працезскому языку, однако в некоторых языках они бесследно исчезли, а в других назализация сохранилась в виде вставочного *n* [Бокарев 1981: 36]. В цезских языках назализованные гласные сохранились в бежтинском, гунзибском и хваршинском, а в гинухском и цезском они отсутствуют. Назализация обычно является признаком гласных и представлена на первом слоге, например, инх. *oⁿc’o* ‘десять’, *heⁿše* ‘книга’, но она может распространяться на соседние гласные через глайды [j], например, бежт. *keⁿjaⁿ* ‘волос’ [Кибрик & Кодзасов 1990: 330]. В настоящее время в речи молодого поколения происходит деназализация во всех цезских языках.

В собственно хваршинском назализация сохраняется после ларингалов и [j], например, *aⁿχ* [*ʔaⁿχ*] ‘живот’, *hiⁿše* ‘книга’, *haⁿs* ‘шерсть’, *dⁿaⁿj* ‘барабан’, *jaⁿdu* ‘ладонь’, *cijoⁿ* ‘соль’. Назализация после шумных согласных [Шарафутдинова & Левина 1961: 93] не подтверждается носителями собственно хваршинского языка, например, *la* ‘вода’, *γade* ‘ворона’, *λ’u* ‘крыша’.

В бежтинском языке назализация после ларингала [h], [ʔ], глайда [j] сохраняется всегда, даже в речи молодого поколения, например, *huⁿca* ‘муравей’, *huⁿt* ‘вчера’, *huⁿλ* ‘бородавка’, *hiⁿ* ‘молоко’, *jaⁿko* ‘навоз’, *jaⁿq’o* ‘бульон, каша’. В остальных случаях назализация может утрачиваться, особенно в речи молодого поколения. Как отмечено в [Комри и др. 2015: 55], «говоря о назализованных или умлаутизированных гласных, следует обратить внимание на то, что отдельные слова разными носителями бежтинского языка, а иногда даже одним и тем же носителем, произносятся то с назализацией или умлаутизацией, то с оральными. Это больше всего наблюдается в речи молодого поколения». Происходит утрата назализации в речи молодого поколения и замена назализованных гласных простыми. Скорее всего, утрата назализации связана с влиянием русского языка, так как молодежь, живущая на равнине, знает родной язык намного хуже молодежи из высокогорных сел. Ниже представлены примеры слов, в которых назализация может варьироваться.

aⁿc // *ac* ‘дверь’
oⁿs // *os* ‘бык’
ïⁿqäl // *üqäl* ‘есть, кушать’
čaⁿxal // *čaxal* ‘писать’

II. Морфосинтаксис

В бежтинском языке четыре именных класса в единственном числе и два класса во множественном числе. В единственном числе к первому классу относятся имена лиц мужского пола (например, *abo* ‘отец, дедушка’, *öžö* ‘сын, мальчик’, *is* ‘брат, дядя’, *dibija* ‘мулла’, *xan* ‘хан, правитель’, *waccal* ‘кузен’), ко второму

классу относятся имена лиц женского пола (например, *ijo* ‘мать, бабушка’, *kid* ‘дочь, девочка’, *isi* ‘сестра, тетя’, *jaccal* ‘кузина’, *hurull'en* ‘фея’), к третьему классу и к четвертому классу относятся неличные одушевленные и неодушевленные имена, распределение которых по этим двум классам не может быть сформулировано в простых семантических терминах (например, *bac'o* ‘волк’, *can* ‘коза’, *beš* ‘кожа’, *bizo* ‘гора’, *inkar* ‘отказ’ третьего класса и *c'o* ‘огонь’, *häy* ‘глаз’, *k'iso* ‘игра’, *qin* ‘хутор’ четвертого класса). Во множественном числе выделяются два класса: «разумное» множественное, которое объединяет личные имена первого и второго класса во мн. числе ('human' plural), и «неразумное» множественное, которое объединяет неличные имена третьего и четвертого классов во мн. числе ('non-human' plural).

Чтобы определить, происходит ли влияние русского языка на освоение именных классов среди носителей бежтинского языка, в 2017 г. было опрошено 6 носителей бежтинского языка, 1988–1990 г.р. Участникам эксперимента было предложено распределить 170 существительных по двум именным классам, а именно по третьему и четвертому классам [для проверки использовалась конструкция типа «Я вижу X», где X — это существительное третьего и четвертого классов, и глагол ‘видеть’ с классно-числовым префиксом]. Участники эксперимента затруднились дать бежтинские эквиваленты 25 словам из 170 существительных и распределить их по соответствующим грамматическим классам. Данные 25 слов представляли разные семантические поля: орудия труда (напр., ‘кол’), домашняя утварь (напр., ‘веретено’), военная лексика (напр., ‘армия’), одежда (напр., ‘тулуп’), растения (напр., ‘лопух’) и некоторые другие. Данная выборка не является достаточно репрезентативной, чтобы говорить о влиянии русского языка на освоение грамматических именных классов бежтинского языка. Однако проведенное исследование подтверждает наличие языкового сдвига, так как исконная лексика постепенно утрачивается носителями бежтинского языка, особенно молодежью. Данный эксперимент также проводился с группой участников старшего поколения, у которых не возникало трудностей с переводом и распределением бежтинских существительных по соответствующим грамматическим классам.

Бежтинский язык, как и все дагестанские языки, относится к языкам с базовым порядком слов SOV. Русский язык относится к языкам с базовым порядком слов SVO. Чтобы проследить, происходят ли изменения в порядке слов в бежтинском языке под влиянием русского, в 2013 г. было проведено исследование порядка слов в бежтинском языке на основе рассказа по картинкам ‘Frog Story’ [Mayer 1969]. При исследовании учитывались простые финитные предложения с выраженными субъектом и объектом или только с выраженным объектом. Анализ текстов позволил установить, что доминирующим порядком слов является SOV (около 70% предложений). Анализ корпуса бежтинских текстов 90-х гг. также показал, что нейтральным порядком слов является SOV. Таким образом, можно утверждать, что в бежтинском языке достаточно устойчивый порядок слов.

III. Переключение кодов

В связи с глобализацией (появлением интернета, смартфонов), миграцией высокогорного населения на равнину, увеличением экзогамных браков, влияние русского языка на дагестанские языки только усиливается, особенно среди молодого поколения. Такое влияние становится более заметным в разговорной речи при переходе с одного языка на другой язык, т. е. происходит переключения кодов. В дагестанских языках преобладает немотивированное (естественное) переключение кодов (т. е. переключение кодов не ориентировано на конкретную ситуацию общения и не определяется ожиданиями слушающего [Головко 2001]). Все переключения являются спонтанными и окказиональными.

Переключения кодов случаются на границе предложений (внешнее переключение) и внутри предложения (внутреннее переключение, или смешение кодов) [Muysken 2000], [Matras 2009]. В данной статье, в основном, будут описаны случаи смешения кодов на материале бежтинского языка.

Следует различать слова-заимствования и случаи смешения кодов. Для бежтинского языка наиболее применим критерий частотности. Определенные явления часто или регулярно могут передаваться словом из языка-донора, и такие слова часто являются заимствованиями [Myers-Scotton 1993]². Так в бежтинском языке можно выделить заимствования типа *istakan* ‘стакан’, *istul* ‘стул’, даже при наличии в языке бежтинского эквивалента *q’ō* ‘стул’. Случаями смешения кодов будут слова, использующиеся нерегулярно, например, *звезда*, *год*, и другие. Что касается фонетической адаптации, то при смешении кодов, как и при заимствовании, слова также могут подвергаться фонетической адаптации. Заимствования и случаи смешения кодов подвергаются морфологической адаптации, т. е. ведут себя в соответствии с грамматическими правилами бежтинского языка, например, употребляются с определенными грамматическими показателями, распределяются по соответствующим именным классам. В статье помимо случаев смешения кодов, также представлены заимствования. В некоторых примерах заимствования и случаи смешения кодов трудно разграничить. Что касается статуса русских союзов, то они являются случаями смешения кодов, так как используются по синтаксическим правилам языка-донора (русского).

В бежтинском языке переключение и смешение кодов чаще всего наблюдается среди представителей молодого и среднего поколений, которые выросли в городе и имеют недостаточную языковую компетентность. В спонтанной речи часто происходит вставка русских слов. Основная масса вставок — это существительные, глаголы, наречия, числительные, междометия, частицы и союзы. Такие случаи смешения кодов связаны не только с автоматизацией речи, но и, чаще всего,

² The frequency criterion — If particular concepts are very frequently or regularly expressed by a word originating in another language, while other concepts show a lot of variability, then the first group can be considered loanwords, while the second group are switches [Myers-Scotton 1993: 191–204].

с индивидуальной некомпетентностью говорящего. Например, у многих информантов молодого поколения возникают затруднения с числительными, а именно — с различением десятков и сотен, чаще всего молодежь знает только числительные первого десятка. Следует отметить, что переключение и смешение кодов в бежтинских текстах 90-х годов встречается намного реже, и даже почти отсутствует. В текстах, собранных автором в последние годы, особенно в бытовых текстах, а реже — в исторических, переключение и смешение кодов — частое явление. В таких текстах часто присутствуют лексические вставки, а также разные союзы, междометия. Например, часто встречается русское наречие *уже* для передачи законченности действия. В сложных предложениях часто используется русский сочинительный союз *а* в начале предложения.

Наиболее частотными случаями смешения кодов является употребление существительных, прилагательных и глаголов по морфосинтаксическим моделям бежтинского языка. Например, русские существительные употребляются с показателями косвенной основы, а также с показателями грамматических и местных падежей. Так, в примерах (1), (2) и (3) русские слова *ноябрь*, *одеяло* и *калитка* стоят в форме локативных падежей.

- (1) **nojabr**-li-? j-okč-al-λona gej **otpuska** **vnačale** ,
 ноябрь-OBL-IN IV-взять-INF-QUOT быть.PRS отпуск(IV) вначале
 wahgi gij-al, **poka** gä?ä
 тогда приходит(II)-INF пока быть.PRS.NEG
 ‘Я собираюсь взять отпуск в начале ноября, тогда и приеду, а пока что нет.’ [Zhaha-Isi]
- (2) hogo mašina m-oq’o-s **prjamo** hoglola? mähäyä,
 тот машина(III) III-приходить-PRS прямо тот.OBL.IN порог.APUD
kalitka-l-γa
 калитка-OBL-APUD
 ‘Та машина остановилась прямо перед их домом, перед калиткой.’
 [PatjaAqo]
- (3) **glavnoe**, it’ina isi-ja ile m-u<wa>co-na
 главное маленький сестра-PL 1PL.ERG HPL-прятать<PL>-CVB
odejal-la-λ, lejbi-la-λ λ’ijo.
 одеяло-OBL-SUB матрас-OBL-SUB внизу
 ‘Главное, мы спрятали маленьких сестер под одеялами и матрасами.’
 [PatjaAqo]
- (4) hudi biλoyadā Ø-eⁿλ’e-š **dasvidanija**=na j-oh-na
 этот(I) дом.DIR I-идти-PRS до.свидания(IV)=AND IV-делать-CVB
 ‘Он идет домой, попрощавшись.’ [Zhara isi Frog]³

³ Примеры со ссылками в квадратных скобках взяты из корпуса бежтинских текстов. Примеры без квадратных скобок получены путем эликации.

- (5) **absledavanija**=na ахо j-aq-ijo
 обследования(IV)=AND хорошо IV-статья-PST
 ‘Обследования тоже прошли хорошо.’ [Ruqi]

Русские существительные, как в примере (6) *авария* и *муж*, распределяются по именным классам в соответствии с именным классом бежтинского эквивалента, здесь это четвертый и первый классы.

- (6) **dijela** с’aha-s, **avarija** j-aq-na,
 1SG.GEN2 подруга-GEN1 авария(IV) IV-статья-CVB
muž Ø-ujo-jo
 муж(I) I-умирать-PST
 ‘Муж моей подруги умер, попав в аварию.’ [Zhaha-Isi]

Интересно отметить, что русские прилагательные используются в форме мужского рода единственного числа, независимо от рода определяемого существительного. Использование мужского рода в качестве дефолтного рода при переключениях является также характерным для других родственных языков (например, для даргинского [Муталов и Вагизиева 2018]).

- (7) **do** **predlagat**ⁱ j-oo-s **davaj** gu<wa>l-al
 1SG.ABS предлагать II-делать-PRS давай класть<PL>-INF
každyj **jačejka-li-?** **vmesto** **kanfet**
 каждый ячейка-OBL-IN вместо конфеты
 ‘Я предложила, давай положим в каждую ячейку (это) вместо конфет.’
 [AjshaAboIsi]

- (8) **hili?is** **beta** **letnij** **kanikuly**=na
 там.IN.ABL потом летний каникулы=AND
 j-a<wa>jo-na
 NHPL-закончиться<PL>-CVB
 ‘Потом закончились летние каникулы.’ [PatjaAqo]

В спонтанной речи молодых бежтинцев присутствуют случаи не только смешения кодов, но и переключения кодов, т. е. происходит переход с одного языка на другой и обратно, как в примере (9).

- (9) **ile** **nüššä-ä** **žö-bö** **zu<wa>q’o-jo**, **ilol**
 1SG.ABS маленький-PL вещь-PL быть<PL>-PST 1SG.LAT
ħina, **net**, **vtoroj** **tretij** **klas-ba-?as** **zuq’o-jo** **ile**
 пять нет второй третий класс-OBL-IN.ABL быть-PST 1PL.ABS
 ‘Мы были совсем маленькими, нам было пять, нет, мы были во втором-третьем классе.’ [PatjaAqo]

В бежтинском языке сложные предложения с подчинительной связью передаются при помощи не союзов, а специальных глагольных форм: причастий, инфинитива, масдара, конвербов (10). Сложные предложения, выражающие последовательность действий, и в русском языке соответствующие сочинительному

предложению, передаются в бежтинском при помощи перфективного конверба с показателем *-na* (11). При сочинении именных групп в бежтинском языке используется аддитивная энклитика *-na*, которая присоединяется к каждому из конъюнктов в сочинительной группе⁴ (13).

- (10) saala ĩi-doj m-oq'o-ł hōkbāqi-la-l
 один.OBL вода-APUD HPL-приходить-POST отдых-OBL-LAT
 b-eĉe-š
 HPL-оставаться-PRS
 'Когда (они) добрались до родника, (они) остановились для отдыха.'
 [Bezhta1.067]
- (11) niye-la xōh-dōj c'o=na j-ek'en-na
 дуб-GEN2 дерево.OBL-APUD огонь(IV)=AND IV-гореть-PFV.CVB
 b-oxon-na c'o-λ'a šāg=nā
 III-висеть-PF.CVB огонь-SUP котелок(III)=AND
 b-eĉe-š hollol.
 HPL-оставаться-PRS 3PL.ABS
 'Так они сидели, разведя огонь под дубом, и повесив котелок над огнем.'
 [Bezhta1.076]
- (12) čaj=na xuλo-na bābā m-ūq-čā
 чай=AND пить-CVB хлеб(III) III-кушать-PRS
 '(Он/она) пьет чай и ест хлеб.'
- (13) hoⁿs wodolał žamal=na xirzilaw=na m-eλ'e-š
 один день.PL.INTER Джамал=and Хизри=and HPL-идти-PRS
 biλoλ'a
 охота.SUP
 'Однажды Джамал и Хизри пошли на охоту.' [rasskazA.068]

Хотя в бежтинском языке есть свои средства выражения сочинительной и подчинительной связей, в спонтанной речи все же могут использоваться русские союзы. Русские союзы в бежтинском языке имеют внутреннюю синтаксическую структуру русского языка. Чаще всего русский союз *и* используется при сочинении клауз (14), (15). Сочинение именных групп с союзом *и* в бежтинском языке встречается не так часто.

- (14) holco öždis biλo? zuq'o-na gej
 тот.OBL мальчик.GEN1 дом.IN быть-CVB быть.PRS
 kravat=na žüγ i q'ej j-aγo-na
 кровать=AND окно и внизу IV-взять-CVB

⁴ Показатель *-na* является полифункциональной частицей: она используется при сочинении ИГ, *-na* присоединяется к ИГ в составе деепричастного оборота, кроме того, *-na* имеет эмфатическую функцию.

hɨc'o=na hinis halaɫcowa=na
 одежда=AND себя.GEN1 обувь=AND
 'У этого мальчика в комнате были кровать, окно, раскиданные на полу
 вещи, и его обувь.' [Shamsi isi Frog]

- (15) šaʔat-dana j-aq-ca do hält'i-lä-? xəbä-lää-λ'ä
 час-CONC II-статья-PRS 1SG.ABS работа-OBL-IN нога-PL-SUP
 dijes.dil i b-oh-na bäbä=nä, nistaa.nišel
 1SG.REFL.LAT и III-делать-CVB хлеб(III)=AND вечером
 j-öčö-š hält'ilaʔas. Nu zaʔmatab hält'i gej
 II-идти-PRS работа.IN.ABL ну трудный работа быть.PRS
 'Я сама часами бываю на ногах на работе, и, сделав хлеб, ночью ухожу
 с работы. Ну, трудная работа.' [AjšhaAboIsi]

Следующим случаем смешения кодов является использование в бежтинском языке русского союза *a*, который является более частотным, чем союз *и*. Русское *a* выполняет функции союза и частицы. В функции союза *a* используется как противительный союз типа [X, *a* не Y]. В бежтинском языке русское *a* употребляется как усилительная частица. Чаще всего русское *a* в бежтинском языке употребляется в начале предложения.

- (16) wahliis j-uq'o-ħijo äräq' zuq'o-jo,
 потом IV-большой-APPR яма(IV) быть-PST
nu e'ddaas łana ħina **metra-ħijo**,
 ну внутри.DIR.ABL три пять метр-APPR
a ħidä hugi betta ħi zuq'o-jo
 а внизу.DIR этот потом вода быть-PRS
 'Там была большая яма, где-то три-пять метров в глубину, а внизу была вода.' [PatjaAqo]

- (17) a q'ona wodo hält'i-lä-? j-aq-ca, q'ona wodo
 а два день работа-OBL-IN II-статья-PRS два день
 dača-li-? j-aq-ca
 дача-OBL-IN II-статья-PRS
 'А два дня на работе бываю, два дня на даче.' [AjšhaAboIsi]

- (18) a hoglos abo biħos zuq'o-na
 а тот.GEN1 отец дом.GEN1 быть-PST
 'А это был их папа.' [PatjaAqo]

Одним из наиболее частотных случаев смешения кодов является использование русских дискурсивных частиц, например, *вот*, *так*, *ну*, *короче*, и др. В бежтинском предложении дискурсивные частицы занимают такое же положение, как и в русском.

- (19) **vot** illa äħä? j-uq'o oz=na
 вот 1PL.GEN2 село.IN IV-большой снег(IV)=AND

- j-aq-ca zuq'o-jo hogōlo mex-la-ʔ,
 IV-статья-IMPF.CVB быть-PST тот.OBL время-OBL-IN
 že **uže** dah gej oz
 теперь уже немного быть.PRS снег
 'Вот в то время выпадало много снега в нашем селе, а сейчас уже мало снега.' [Rama]
- (20) **koroče**, armijaliʔis Ø-oⁿq'o-s Zubair-waccal
 короче армия.IN.ABL I-приходить-PRS Зубаир-кузен
 ilos
 1PL.GEN1
 'Короче, вернулся из армии наш двоюродный брат Зубаир.' [AjshatAboIsi]

Частым является также употребление русских маркеров субъективной модальности, например: *кажется, конечно, даже* и др. В примере (21) употребляется русское вводное слово *оказывается*, которое в русском языке используется, когда для говорящего информация является неожиданной. Однако в данном примере русское *оказывается* имеет эвиденциальное значение, и передает ситуацию, в которой говорящий сам не был прямым свидетелем. Эвиденциальное употребление слова *оказывается* характерно для русской речи дагестанцев [Даниэль & Добрушина 2013: 201]

- (21) **akazyvaetsja**, abo nā-s-di maħačkalaliʔis
 оказывается отец.ERG где-ABL-QUES Махачкала.IN.ABL
 bisa b-aq'o-s **ceļyj** **jašik** bisali-s, abo.iĵo
 рыба(III) III-нести-PRS целый ящик рыба.OBL-GEN1 бабушка
 wago bisa tux-na gej hogʎo wojil,
 тот рыба кормить-CVB быть.PRS тот.OBL собака.LAT
 hogo niyadi **padavitsja** b-aq-na
 этот(III) как-то подавиться.INF III-статья-CVB
 'Оказывается, папа привез рыбу откуда-то из Махачкалы, целый ящик рыбы, и бабушка покормила этой рыбой собаку, и эта собака подавилась.' [Rama]

В примере (22) русское *даже* выражает значение категоричной уверенности. Интересно отметить, что в примере используется аварская частица *-ħa* с похожим значением.

- (22) öⁿq'önä ħina wodo **daže** ac'ona wodo-s
 четыре пять день(IV) даже десять день-GEN1
 marko-ħa ħugiʔ ħiⁿ=na j-aⁿsa-a-na
 хутор-PART там молоко(IV)=AND IV-взвешивать-ANTIP-CVB
 q'on kilolħ'a wodo nic-ca zuq'o-jo
 два килограмм.SUP день давать-IMPF.CVB быть-PST
 'Четыре, даже пять дней приходилось проводить на хуторе...' [Zhara isi Marko.008]

В русском языке слово *только* может быть наречием, союзом или частицей. В бежтинском языке *только* используется как выделительно-ограничительная частица.

- (23) eⁿdo-s organizma geĵ-λo hiχło-na, **toľko**
 внутри-ABL туша быть-QUOT оставаться-CVB только
 hołoʔos у-ауа, hołoʔos у-ауа
 тут.IN.ABL IV-брать.IMP тут.IN.ABL IV-брать.IMP
 ‘Осталась внутренняя часть, то оттуда то отсюда срывал (куски).’
 [Mariyaisi1.025]

В бежтинском языке существуют сложные составные глаголы, состоящие из вспомогательного глагола (light verb) и смысловой части, которая может быть выражена существительным или глаголом. Смысловая часть составного глагола может быть выражена аварским или русским словом. Такая модель сложных составных глаголов характерна для многих дагестанских языков. Сложные составные глаголы с русским глаголом часто имеют бежтинский эквивалент с аварским словом, который используется все реже в обиходе, например, *eder j-aqal/j-owal* ‘успокоить/ся’ vs. *uspakoitsja j-aqal/j-owal* ‘успокоить/ся’. Русские возвратные глаголы используются с непереходными вспомогательными глаголами в бежтинском *j-aqal* ‘стать, становиться’, *j-ecal* ‘оставаться’, и русские невозвратные глаголы используются с переходным вспомогательным глаголом *j-owal* ‘делать’:

pastupati j-aqal ‘поступать’
pastupati j-owal ‘способствовать поступлению’
aslabeti j-aqal ‘ослабеть’
zakazati j-owal ‘заказать’
zvaniti j-owal ‘звонить’
platiti j-owal ‘платить’

- (24) hodo=na geĵ hołoʔ, **paka** do
 эта(f)=AND быть.PRS там.IN пока 1SG.ERG
 holo **uspakoitsja** j-ečel-na geĵ
 тот(II) успокоиться II-оставаться-CVB быть.PRS
 ‘Она тоже здесь, я ее пока успокоила.’ [Ruqi]
- (25) diela öždis куртka-λo b-iχe-na j-ek’-na
 1SG.GEN2 сын.GEN1 куртка(III)-QUOT III-кидать-CVB II-говорить-CVB
žalavatsja j-aq-na
 жаловаться II-стать-CVB
 ‘Куртку моего сына выкинули, говоря, (она) жаловалась.’ [Ajsha] [GR1]
- (26) mi-jaʔ ile **paderživatʔ** j-oh-na gäʔä
 2SG.ABS-NEG 1PL.ERG поддержать II-делать-CVB быть.PRS.NEG
 ‘Мы только тебя поддерживали.’ [Ruqi]

Самоисправление является типичным для переключения кодов. Говорящий использует русские слова, которые первыми пришли на ум, а затем дублирует слова на бежтинском. Одной из типичных ситуаций при самоисправлении является работа лингвиста с информантом, которого просят излагать на родном языке. В других ситуациях самоисправления происходят редко.

В примере (27) представлены заимствования *класс, классный, руководительница* и переключение кодов *каждый, поле*, последнее заменяется на бежтинское слово.

- (27) **každyj** klas-ba-s klasnyj rukovoditel'nica=na
 каждый(m) класс-PL-GEN1 классный(m) руководитель(f)=AND
 žö=nä m-eʎ'e-š zuq'o-o **pole**-la-? majdan-li-?
 другой=AND HPL-идти-PRS быть-PST поле-OBL-IN поле-OBL-IN
 'Каждый класс со своим классным руководителем ходили на поле (т.е. на пикник).' [PatjaAqo]
- (28) **šesdesat' sed'moj god** zuq'o-jo, itnajig=na aʎna-s ʎi
 шестьдесят седьмой год быть-PST шестьдесят=AND семь-GEN1 год
 zuq'o-jo, aqo j-eʎ'e-jo zaman zuq'o-jo marko-la-?
 быть-PST жена(II) II-идти-PST.PTCP время быть-PST хутор-OBL-IN
 'Был 67 год, время, когда я вышла замуж, я была на хуторе.' [Zhara isi Marko.041]

Заключение

В настоящее время влияние русского языка на дагестанские языки особенно заметно на лексическом уровне. В статье [Comrie & Khalilov 2009: 419] дается анализ бежтинской лексики и лексических заимствований. В результате исследования выявлено, что около 31,8% лексики является заимствованной, около 7.5% являются заимствованиями из русского языка, около 18% из аварского языка, остальные из других языков. Что касается семантических полей, то почти во всех семантических полях главным донором является аварский язык. Большинство современных заимствований приходят в бежтинский язык, прежде всего, из русского языка, их доля составляет около 60.2%.

Помимо обширного пласта русских лексических заимствований, в дагестанских языках широко представлены явления переключения и смешения кодов, такие как использование русских союзов (*и, а*), использование русского инфинитива в аналитических конструкциях, использование дискурсивных частиц (*даже, уже, вот, ну*). На грамматическом уровне в дагестанских языках происходит утрата специфических особенностей, не свойственных русскому языку, например, утрата назализации и лабиализации.

Данные языковые изменения в бежтинском и хваршинском языках, происходящие под влиянием русского языка, указывают на языковой сдвиг. Похожие изменения также отмечены в близкородственном гинухском языке [Forker 2018].

Литература

Бокарев Е. А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 291 с.

Бокарев Е. А. Сравнительно-историческая фонетика восточно-кавказских языков. М.: Издательство Академии наук СССР, 1981. 140 с.

Головкин Е. В. Переключение кодов или новый код? // Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета этнологии. Вып. 1, СПб., 2001. С. 298–316.

Гудава Т. Е. Консонантизм андийских языков. Историко-сравнительный анализ. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, Ин-т языкознания, 1964. 221 с.

Даниэль М. А., Добрушина Н. Р. Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // В кн.: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). В 2-х т. Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19). М.: РГГУ, 2013. С. 186–211.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Издательство МГУ, 1990. 336 с.

Комри Б., Халилов М. Ш., Халилова З. М. Грамматика бежтинского языка: Фонетика. Морфология. Словообразование. Лейпциг-Махачкала: АЛЕФ, 2015. 656 с.

Муталов Р. О., Вагизиева Н. А. Грамматическая адаптация русских заимствований в кадарском языке (нахско-дагестанская группа языков). Презентация на конференции «Языки народов России в контакте с русским языком: явления морфосинтаксической и семантической интерференции». Москва, 2018.

Халилов М. Ш. Бежтинско-русские языковые связи // Материалы контактологического словаря «Национально-русские языковые связи». Махачкала, 1991. С. 31–41.

Халилов М. Ш. Грузинско-дагестанские языковые контакты. М.: Наука, 2004. 286 с.

Халилова З. М. Цезские языки // Большая российская энциклопедия. Том 34. Москва, 2017. С. 270–271.

Шарафутдинова Р., Левина Р. Хваршинский язык (Предварительное сообщение) // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 89–123.

Comrie B., Khalilov M. Š. Loanwords in Bezhta, a Nakh-Daghestanian language of the North Caucasus // Loanwords in the world's languages: A comparative handbook / Haspelmath, & U. Tadmor (Eds.), Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. P. 416–429.

Forker D. The impact of language contact on Hinuq: Phonology, morphology, syntax, and lexicon. // Language Typology and Universals, 71, 2018. P. 29–62.

Haspelmath M. Lexical borrowing: Concepts and issues. / Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook, / Martin Haspelmath and Uri Tadmor (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. P. 35–54.

Khalilova Z. A Grammar of Khwarshi. Utrecht: LOT, 2009. 499 p.

Khalilova Z. M. & Testelefs, Ya. G. Khwarshi. To be published in a collective volume on Nakh-Dagestanian languages, edited by Koryakov and Maisak. Berlin/New York: Mouton de Gruyter. (= Handbooks of Linguistics and Communication Science, HSK.)

Mayer M. Frog, Where are you ? New York: Dial Books. 1969. 32 p.

Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching. Oxford: Clarendon, 1993. 263 p.

Muysken P. Bilingual Speech. A Typology of Code-Mixing. Oxford: Oxford University Press, 2000. 306 p.

Список сокращений

i, ii, iii, iv — показатели именных классов; ABL — аблатив; ABS — абсолютив; APPR — аппроксиматив; APUD — апудэссив; COMIT — комитатив; CONC — кон-верб уступки, CVB — конверб; DIR — директив; IMP — императив; IMPF — имперфективный; IN — инэссив; INF — инфинитив; GNT — общее время ‘general tense’; HPL — разумное множественное ‘human plural’; LAT — латив; MSD — масдар; NEG — отрицательная форма; NHPL — неразумное множественное ‘non-human plural’; OBL — косвенная основа; ERG — эргатив; PART — частица; PL — множественное число; POST — постэссив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PST.UW — прошедшее заглазное ‘past unwitnessed’; QUOT — квотатив; SG — единственное число; SUP — суперэссив; бежт. — бежтинский язык, гунзиб. — гунзибский язык, хварш. — хваршинский язык.

Zaira Khalilova¹, Madzhid Khalilov², Yakov Testelefs¹

¹ Institute of Linguistics, RAS, (Russia, Moscow)

² G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DRC RAS (Russia, Makhachkala)

zaira.khalilova@gmail.com

THE IMPACT OF RUSSIAN ON BEZHTA AND KHWARSHI

The paper deals with the impact of Russian on Bezhta and Khwarshi (Nakh-Daghestanian languages). It presents the language changes that are presumably induced by language contact with Russian, which is an official and everyday language in the republic of Daghestan. The influence of Russian is evident on phonology, morphosyntax and lexicon. The most evident change is the gradual loss of the secondary articulation features, which are denasalization and delabialization. The paper also discuss the study on acquiring nominal classes among young Bezhta speakers, as well as the analysis of word order in relatively early and new Bezhta texts. The study on code-switching in the speech of several Bezhta speakers includes the use of Russian conjunctions, the use of Russian infinitives as lexical parts in compound verbs. The Russian insertions, namely nouns, get

inflected for number, case and are assigned to the nominal classes just like native nouns. The paper also gives an overview of the Bezhta lexicon and borrowings from Russian.

Key words: delabialization, denasalization, code-switching, borrowings, Russian conjunctions, Bezhta, Khwarshi

References

Bokarev E. A. *Tsezskie (didojskie) jazyki Dagestana [Tsezic languages of Dagestan]*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959, 291 p. (In Russ.)

Bokarev E. A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika vostochno-kavkazskikh yazykov [Comparative phonetics of East-Caucasian languages]*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1981, 140 p. (In Russ.)

Comrie B., Khalilov M. Š. Loanwords in Bezhta, a Nakh-Dagestani language of the North Caucasus. *Loanwords in the world's languages: A comparative handbook* / Haspelmath M., Tadmor U. (eds.), Berlin, De Gruyter Mouton, 2009, pp. 416–429.

Daniel M. A., Dobrushina N. R. Russkij yazyk v Dagestane: problemy yazykovoj interferencii [Russian in Dagestan: problems of language interference]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»*, 2013, no. 12 (19), Moscow: RGGU, pp. 186–211. (In Russ.)

Forker D. The impact of language contact on Hinuq: Phonology, morphology, syntax, and lexicon. *Language Typology and Universals*, 2018, no. 71, pp. 29–62.

Golovko E. V. Perekljucheniya kodov ili novyj kod? [Code-switching or a new code?] *Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. Trudy fakul'teta etnologii*, 2001, no. 1, pp. 298–316. (In Russ.)

Gudava T. E. *Konsonantizm andijskikh yazykov. Istoriko-sravnitel'nyj analiz [Consonant system of Andic languages. A comparative analysis]*. Tbilisi, Izdatel'stvo Akademiya Nauk Gruz.SSR, Institut yazykoznaniya, 1964, 221 p. (In Russ.)

Haspelmath M. Lexical borrowing: Concepts and issues. / *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook* / Haspelmath M., Tadmor U. (eds.), Berlin, De Gruyter Mouton, 2009, pp. 35–54.

Kibrik A. E., Kodzasov S. V. *Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika*. Moscow, 1990, 336 p. (In Russ.)

Khalilov M. Sh. Bezhtinsko-russkie yazykovye svyazi [Bezhta and Russian in contact]. *Materialy kontaktologicheskogo slovaryia "Natsional'no-russkie yazykovye svyazi"*. Makhachkala, 1991, pp. 31–41. (In Russ.)

Khalilov M. Sh. *Gruzinsko-dagestanskije jazykovye kontakty [Language contact between Georgian and Dagestani languages]*. Moscow, Nauka, 2004, 286 p. (In Russ.)

Khalilova Z. M. Tsezskie jazyki [Tsezic languages]. *Bol'shaja rossijskaja enciklopediya*, vol. 34, Moscow, 2017, pp. 270–271. (In Russ.)

Khalilova Z. A Grammar of Khwarshi. Utrecht, LOT, 2009, 499 p.

Khalilova Z. M., Testelets Ya. G. Khwarshi. To be published in a collective volume on Nakh-Dagestani languages, Koryakov Yu, Maisak T. (eds.), Berlin / New York, Mouton de Gruyter.

Komri B., Khalilov M. Sh., Khalilova Z. M. *Grammatika bezhtinskogo yazyka: Fonetika. Morfologiya. Slovoobrazovanie* [A grammar of Bezhta: Phonetics, Morphology, Word-formation]. Leipzig / Makhachkala, Alef, 2015, 656 p. (In Russ.)

Mayer, M. *Frog, Where are you?* New York, Dial Books, 1969, 32 p.

Mutalov R. O., Vagizieva N. A. *Grammaticheskaya adaptatsiya russkikh zaimstvovaniy v kadarskom yazyke* [Grammatical adaptation of Russian loanwords in Kadar]. A talk, presented at the conference “Yazyki narodov Rossii v kontakte s russkim yazykom: yavleniya morfosintaksicheskoy i semanticheskoy interferentsii.” Moscow, 2018. (In Russ.)

Mayer M. *Frog, Where are you ?* New York, Dial Books, 1969, 32 p.

Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching*. Oxford, Clarendon, 1993, 263 p.

Muysken P. *Bilingual Speech. A Typology of Code-Mixing*. Oxford, Oxford University Press, 2000, 306 p.

Sharafutdinova R., Levina R. *Khvarshinskij yazyk (predvaritel' noe soobshenie)* [Khwarshi (a preliminary report)]. *Voprosy izucheniya iberijsko-kavkazskix yazykov*. Moscow, Izdarel'stvo Akademii nauk SSR, 1961, pp. 89–123. (In Russ.)

Е. В. Буденная
НИУ ВШЭ, Институт языкознания РАН
(Россия, г. Москва)
jane.sdrv@gmail.com

К ВОПРОСУ О МАЛОИЗУЧЕННОМ ФАКТЕ ЭКСПАНСИИ МЕСТОИМЕНЕЙ В ИЖОРСКОМ ЯЗЫКЕ*

В статье представлено диахроническое исследование экспансии местоимений 3-го лица в сойкинском диалекте ижорского языка (уральская семья, прибалтийско-финская группа). В ходе предварительного анализа данных было обнаружено, что в современном ижорском языке во всех лицах субъектные местоимения по умолчанию употребляются. Данная модель нехарактерна для других уральских языков, где местоимения преимущественно опускаются либо во всех лицах, либо в 1-м и 2-м лицах, в противоположность 3-му лицу. Для выяснения генезиса экспансии местоимений современные ижорские тексты были сопоставлены с самым ранним памятником (сказкой XIX в.), с одной стороны, и нарративами середины XX в. (данные П. Аристе), с другой стороны. Анализ показал, что в ижорском языке XIX в. субъектные местоимения 3-го лица в претеритных клаузах преимущественно опускались, тогда как местоимения 1-го и 2-го лиц уже в основном эксплицитно выражались. Записи середины XX в. отразили схожую асимметрию 1-го/ 2-го vs. 3-го лица не только в претерите, но и в презенсе. Тем самым было установлено, что в период 2-й половины XX в. в ижорском языке происходит масштабная экспансия личных местоимений 3-го лица. Причины этого явления, по всей видимости, обусловлены влиянием русского языка в ходе интенсивно возросших контактов после 1930-х гг., и могут трактоваться как заимствование субъектной синтаксической модели.

Ключевые слова: ижорский язык, личное местоимение, 3-е лицо, субъектная референция, языковые контакты, диахрония.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00460 «Грамматика на перекрестке дискурсивных и семантических факторов (опыт когнитивного моделирования)».

Введение

Данная статья посвящена экспансии личных местоимений субъектной референции в истории ижорского языка (прибалтийско-финская группа). В работе будет рассмотрен сойкинский диалект — один из двух основных диалектов ижорского языка, сохранившихся до наших дней наряду с нижнелужским. Носители ижорского языка, малочисленная народность ижора, проживают на территории Кингисеппского района Ленинградской области, однако на сегодняшний день ижорский язык включен ЮНЕСКО в Атлас исчезающих языков мира¹ с пометой *severely endangered*, поскольку все его носители двуязычны (второй и основной язык — русский) и являются уже глубоко пожилыми людьми. На сегодняшний день (март 2019 г.), по оценке Ф.И. Рожанского и Е.Б. Маркус, число носителей ижорского языка уже не превышает 10 человек.

В этой связи особый интерес представляет ижорская субъектная референция, обнаруженная в данных последних полевых записей этого языка, записанных Ф.И. Рожанским и Е.Б. Маркус в ходе экспедиции 2011 г.² При сопоставлении этих данных с русскими нарративами было установлено, что в ижорском языке, как и в русском, на сегодняшний день представлена схожая стратегия маркирования прономинального субъекта: в большинстве случаев субъект маркируется сочетанием личного местоимения и глагольного аффикса, но периодически местоимение опускается, и референт идентифицируется только по личным аффиксам глагола:

- (1) Ижорский:
a.	<i>hā</i>	<i>kūl-i-ø</i>		
	3SG	умереть-PST-3SG		
		‘Она умерла’		
b.	<i>miä</i>	<i>mišša-n</i>	<i>šene-n</i>	<i>hüväšt</i>
	1SG	помнить.PRS-1SG	это-GEN	хорошо
		‘Я хорошо это помню’		
c.	<i>no</i>	<i>šīn</i>	<i>män-i-mmä</i>	<i>praažnigaa-kš</i>
	ну	так	ходить-PST-1PL	праздник-TRANS
		‘Ну, так мы ходили на праздник’		

Ср. схожую модель в современном русском (приблизительно от 2/3 до 3/4 клауз вхождения с местоимением в естественной диалогической речи, в зависимости от лица — в 3-м лице субъектные местоимения встречаются несколько чаще, чем в 1-м и 2-м лицах [Grenoble 2001]):

¹ <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap>

² Все современные примеры из ижорского языка, представленные в статье, взяты из этого источника; глоссирование примеров принадлежит автору статьи и сочетает несколько представленных в литературе подходов.

(2) Русский:

Я не умею!— Слушай! Ты достал. Что ты заладил "не умею, не умею!" <...> Ø_{pro} Возьмёшь микрофон. (Национальный корпус русского языка, запись в ЖЖ)

Тем не менее в типологической перспективе подобная местоименно-аффиксальная стратегия является крайне редкой. В выборке из 402 языков она представлена только в Европе (германские, северные романские и восточнославянские языки), а также в некоторых австронезийских языках и языках Папуа-Новой Гвинеи [Siewierska 2004: 268]. Самой же распространенной стратегией в языках мира является модель, при которой субъект маркируется только глагольными аффиксами, без дополнительного субъектного местоимения (61 % языков, включая тюркские, большинство романских, западно- и южнославянские [Dryer 2011]). Этот же тип субъектной референции характерен и для большинства современных уральских языков [Klump et al. 2018: 21]:

(3) Венгерский:

Megtalál-tam a megoldás-t. Egyetérte-sz?
 найти-PST.DEF.1SG DEF решение-ACC быть.согласным-PRS.2SG
 ‘Я нашел решение. Ты согласен?’ [Németh T. Enikő 2017: 117]

Для отдельных финно-угорских языков (финский, эстонский [Duvallon, Chalvin 2004], коми [Лыткин 1955: 210]) характерна смешанная стратегия маркирования референции: в 1-м и 2-м лице субъектные местоимения в неэмфатических контекстах, как правило, опускаются, а в 3-м лице, наоборот, употребляются:

(4) Финский:

a.	<i>puhu-n</i>	<i>suome-a</i>
	говорить.PRS-1SG	финский-PART
	‘Я говорю по-фински’	
b.	<i>puhu-t</i>	<i>suome-a</i>
	говорить.PRS-2SG	финский-PART
	‘Ты говоришь по-фински’	
c.	<i>Hän /*Ø_{pro} puhuu</i>	<i>suome-a</i>
	3SG говорить.PRS.3SG	финский-PART
	‘Он(а) говорит по-фински’	

Однако стратегия ижорского типа, с преобладанием субъектных местоимений в немаркированных контекстах во всех лицах, без явно выраженной асимметрии, для уральских языков крайне нехарактерна. В связи с этим можно предположить, что она является поздней инновацией. С учетом общей типологической редкости этой модели, история ее возникновения в ижорском языке представляет большой интерес.

В этой связи в данной работе будет представлено диахроническое исследование ижорской субъектной референции, осуществленное на основе сопоставления ранних данных XIX в., данных середины XX в. и современных данных. Работа будет построена следующим образом: в разделе 1 будет более подробно рассмотрена

референциальная стратегия в современном ижорском языке; в разделе 2 будет осуществлен анализ текстов XIX в.; в разделе 3 будут проанализированы тексты середины XX в. и рассмотрены некоторые вопросы, связанные с общей интерпретацией полученных результатов; в разделе 4 будут обрисованы возможные причины экспансии местоимений, прослеживаемой в ходе анализа ижорских текстов.

1. Современные данные: принципы анализа и результаты

Как видно уже из примера (1), в современном ижорском языке субъектное местоимение может как присутствовать, так и опускаться. Имеющиеся эмпирические данные позволяют предполагать, что стратегия с местоимением является более частотной, однако для более точной оценки данных был осуществлен их статистический анализ. Данными для анализа послужили 2 нарратива, записанные Ф.И. Рожанским и Е.Б. Маркус в ходе экспедиции в деревню Сойкино в 2011 г. (на данный момент еще не опубликованы). Общий корпус релевантных клауз с исследуемой субъектной референциальной стратегией, извлеченных из этих записей, составил 179 вхождений. Все извлеченные клаузы были распределены по различным группам в зависимости от лица субъекта (1-е/ 2-е vs. 3-е) и наличия/отсутствия личного субъектного местоимения. С учетом того, что именные клаузы и аналитические перфектные модели встречались крайне редко, к непосредственному статистическому анализу были привлечены только презентные и претеритные клаузы, составляющие ядро ижорской глагольной системы [Маркус, Рожанский 2012: 456].

Для дальнейшего статистического анализа все извлеченные клаузы были распределены по восьми следующим моделям:

1. Презентные клаузы с субъектом 1-го/2-го лица с соответствующим личным местоимением (далее — модели *1–2 PRS +pronoun*);
2. Презентные клаузы с субъектом 1-го/2-го лица без соответствующего личного местоимения (далее — модели *1–2 PRS -pronoun*);
3. Претеритные клаузы с субъектом 1-го/2-го лица с соответствующим личным местоимением (далее — модели *1–2 PST+pronoun*);
4. Претеритные клаузы с субъектом 1-го/2-го лица без соответствующего личного местоимения (далее — модели *1–2 PST -pronoun*);
5. Презентные клаузы с субъектом 3-го лица с соответствующим личным местоимением (далее — модели *3 PRS +pronoun*);
6. Презентные клаузы с субъектом 3-го лица без соответствующего личного местоимения (далее — модели *3 PRS -pronoun*);
7. Претеритные клаузы с субъектом 3-го лица с соответствующим личным местоимением (далее — модели *3 PST +pronoun*);
8. Претеритные клаузы с субъектом 3-го лица без соответствующего личного местоимения (далее — модели *3 PST -pronoun*).

Исходные количественные данные по всем этим моделям представлены ниже, в таблице 1.

Современный ижорский язык: соотношение различных референциальных моделей по параметру (\pm субъектное местоимение), в зависимости от лица и времени

Тип модели	Количество вхождений	%
1-2 PRS +pronoun	46	46%
1-2 PRS -pronoun	54	54%
3 PRS +pronoun	31	97%
3 PRS -pronoun	1	3%
1-2 PST +pronoun	19	70%
1-2 PST -pronoun	8	30%
3 PST +pronoun	15	75%
3 PST -pronoun	5	25%
ВСЕГО	179	100%

Попарный статистический анализ (биномиальный критерий, p -value<0.05), примененный ко всем представленным в таблице 1 группам клауз, подтвердил значимое преобладание моделей с местоимением во всех исследуемых группах, за исключением презентных клауз с субъектом 1-го/2-го лица (выделены серым), где имеющиеся данные не позволяли говорить о преобладании какой-то одной из моделей. При этом ижорские количественные данные по соотношению местоименных и безместоименных моделей обнаружили значительное сходство с данными русского языка (приблизительно от 2/3 до 3/4 клауз вхождений с местоимением в естественной диалогической речи, в зависимости от лица [Grenoble 2001]).

2. Данные XIX в.: обзор памятников и их результаты в сопоставлении с современными нарративами

Первые тексты на ижорском языке относятся ко 2-й половине XIX в. (сказки, записанные в первой ижорской грамматике [Porkka 1885]). Несмотря на то, что срок, отделяющий эти данные от современных текстов, не превышает 120 лет, по косвенным данным можно предполагать, что определенные тенденции в сторону экспансии местоимений, если таковая была, за этот период можно отследить. В частности, известно, что в сойкинском диалекте ижорского языка за последние 120 лет был засвидетельствован целый ряд системных изменений — отмирание потенциалиса и форм императива 3-го лица, отеснение на языковую периферию форм перфекта и плюсквамперфекта (подробнее см. [Николаев 2001]). Хотя данные процессы связаны в первую очередь с морфологией, в отношении синтаксиса также можно допустить, что он претерпел изменения и референциальная модель с субъектным местоимением за это время могла стать более частотной.

Основным источником данных для ижорского языка XIX в. стала сказка «Золотая птица»³ из грамматики [Porkka 1885], переведенная и глоссированная в [Маркус, Рожанский 2012]. Текст этой сказки был записан В. Порккой в деревне *Tarinai* (Андреевщина) и отражает центральные говоры сойкинского диалекта — одного из двух основных диалектов ижорского языка, сохранившихся до наших дней наряду с нижнелужским. Эта сказка является самым ранним оригинальным прозаическим текстом на ижорском языке, дошедшим до наших дней.

Общий объем релевантных вхождений, извлеченных из этой сказки, составил 92 единицы. Весь анализ осуществлялся по 8 моделям, аналогичным тем, которые выделялись при исследовании современных ижорских данных (см. раздел 1).

Результаты анализа показали, что для ижорского языка в сказках XIX в. в претеритных клаузах с субъектом 3-го лица констатируется преимущественно аффиксальная стратегия маркирования референции, тогда как в современном языке в этих моделях уже доминирует местоименно-аффиксальная модель (см. таблицу 2, значимое⁴ изменение в субъектной референции 3-го лица выделено серым). Ситуация же в 1-м и 2-м лице остается без изменений — и в XIX, и в XX вв. в обоих языках в этих формах немаркированной является модель с субъектным местоимением. Тем самым, в истории ижорского языка констатируется значимая экспансия местоимений 3-го лица в претерите (период XX в.):

Таблица 2

Соотношение различных референциальных моделей в ижорском языке XIX в. и современном ижорском языке

	1885 г., количество вхождений	%	2011 г., количество вхождений	%
1–2 PRS +pronoun	18	62 %	46	46 %
1–2 PRS -pronoun	11	38 %	54	54 %
3 PRS +pronoun	0	N/A	31	97 %
3 PRS -pronoun	2	N/A	1	3 %
1–2 PST +pronoun	8	50 %	19	70 %
1–2 PST -pronoun	8	50 %	8	30 %
3 PST +pronoun	9	20 %	15	75 %
3 PST -pronoun	36	80 %	5	25 %
Всего	92		179	

При этом, согласно полученной картине, в ижорском языке XIX в. в субъектной референциальной модели 1-го/ 2-го vs. 3-го лица также наблюдалась асимметрия, противоположная той, что присутствует в современном финском и ряде других

³ Сюжет этой сказки во многом перекликается с русской народной сказкой об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке.

⁴ Критерий χ -квадрат, p -value < 0.01

финно-угорских языков (а также отчасти противоположная той, что присутствует в современном русском). Так, местоименные клаузы с субъектом 1-го и 2-го лица встречались чаще, чем модели без соответствующего личного местоимения, однако в 3-м лице в претерите, наоборот, основной являлась безместоименная стратегия:

- (5) *mi-dä* *tõ* *tappele-tta*
 что-PART 2PL драться.PRS-2PL
 ‘Что вы деретесь?’
- (6) *kirssõ-st* *sa-i-ø* *jänikse-n*
 сундук-EL получать-PST-3SG заяц-GEN
 ‘Из сундука [он] достал зайца’
- (7) *ott-i-ø* *linnu-n* *i* *kletka-n*
 взять-PST-3SG птица-GEN и клетка-GEN
 ‘[он] взял птицу и клетку’

Тем не менее, поскольку ранние результаты были получены только на данных сказки, может возникнуть вопрос о том, правомерно ли на основании этого делать вывод о референциальной стратегии в ижорском языке XIX в. вообще, поскольку для сказок может быть характерен свой собственный синтаксис. Поскольку никаких ижорских текстов нефольклорного жанра за период XIX в. не осталось, особый интерес представляют промежуточные с хронологической точки зрения данные первой половины и середины XX в.: в случае обнаружения модели, аналогичной той, что была обнаружена в сказке XIX в., тезис о ее значимом присутствии в ижорском языке соответствующего времени будет подкреплён. С целью его проверки, а также возможного уточнения других особенностей предполагаемой экспансии местоимений и ее динамики, в разделе 3 будет представлен анализ нескольких ижорских рассказов, записанных П. Аристе в 1957 г.

3. Данные середины XX в. в контексте более ранних и современных данных

XX в. в плане языковой политики в отношении малых народов условно подразделяется на два периода: 1920-е — середина 1930-х гг., ознаменовавшиеся государственной поддержкой коренных языков в целом и ижорского в частности, и период после середины 1930-х гг., связанный с интенсивной русификацией и массовым переходом ижоры на более престижный русский язык. Несмотря на краткий период преподавания ижорского языка в школах в начале 1930-х гг., опубликованных материалов на нем в период первой половины XX в. достаточно мало, и основную массу этих текстов составляют учебные пособия [Маркус, Рожанский 2012: 450]. Самые ранние нарративные данные, полученные непосредственно от ижорских информантов, относятся к 1950-м гг. (экспедиция П. Аристе [Ariste 1960]). Для данной работы было принято решение включить в анализ выборку из этих нарративов, а именно рассказы ижорки Крестины Андреевой. Эти нарративы представляют собой тот же сойкинский диалект, что и сказка

«Золотая птица» [Porkka 1885], однако были записаны приблизительно на 70 лет позже.

В итоговый анализ вошло 19 нарративов К. Андреевой (№№ 1–9, 11, 14, 20–25, 27) в записи [Ariste 1960]), при этом песенные фрагменты, представленные в некоторых записях, не были включены в выборку в силу возможных дополнительных жанровых особенностей. Тексты отбирались по наличию в них исследуемых моделей, особое внимание отводилось клаузам с субъектом 3-го лица. Общий объем клауз, извлеченный из этих текстов, составил 124 клаузы. Все они были распределены по лицам и временам, аналогично остальным анализируемым данным, и сопоставлены с данными сказки 1885 г., с одной стороны, и современными данными 2011 г., с другой стороны:

Таблица 3

**Сопоставление различных субъектных референциальных моделей
в ижорских текстах XIX, XX и XXI вв.**

	1885 г., вхождений	%	1957 г., вхождений	%	2011 г., вхождений	%
1–2 PRS +pronoun	18	62%	6	24%	46	46%
1–2 PRS -pronoun	11	38%	19	76%	54	54%
3 PRS +pronoun	0	N/A	0	0%	31	97%
3 PRS -pronoun	2	N/A	8	100%	1	3%
1–2 PST +pronoun	8	50%	21	41%	19	70%
1–2 PST -pronoun	8	50%	30	59%	8	30%
3 PST +pronoun	9	20%	11	28%	15	75%
3 PST -pronoun	36	80%	29	72%	5	25%
Всего	92		124		179	

Анализ показал, что, как и в сказке XIX в., в нарративах К. Андреевой в претеритных клаузах с субъектом 3-го лица местоимения преимущественно опускаются. Статистически данное соотношение значимо (χ -квадрат, p -value < 0.01) отличается от современной ситуации, где местоимение уже в большинстве случаев выражается эксплицитно. При этом данные К. Андреевой отразили аналогичную ситуацию в презентных клаузах: в них, как и в претеритных, в случае редуцированного субъекта 3-го лица местоимение преимущественно опускалось (p -value < 0.05), см. график 1.

Эта особенность 3-го лица отличает ижорский язык середины XX в. и от современного ижорского языка, где местоимения уже преимущественно употребляются (см. таблицу 3 и график 1):

- (8) *siz* *paistū*
 затем печья.PRS.3SG
 ‘Затем [он] печется’ (о хлебе)

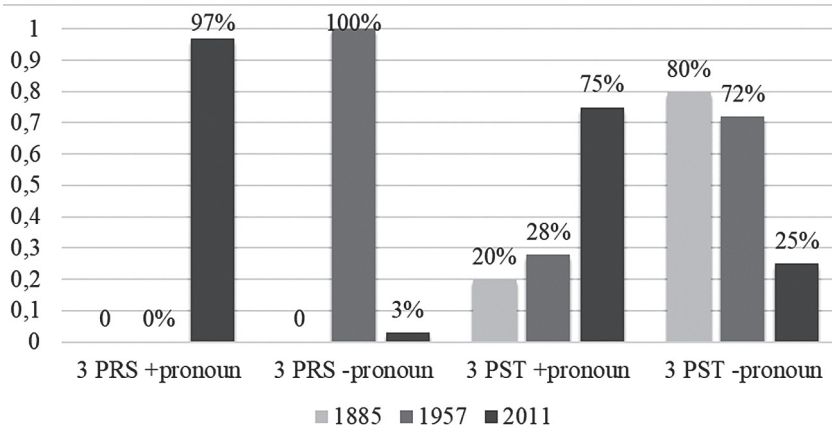

График 1. Выражение субъекта 3-го лица в текстах разных периодов

- (9) *lämmä-dä maito-a tahtō*
 теплый-PART молоко-PART хотеть.PRS.3SG
 '[Он] хочет теплого молока' [Ariste 1957]

Вполне возможно, что данная модель была свойственна и ижорскому языку XIX в., однако в силу крайне малого количества данных (всего 2 примера, см. таблицу 2) статистический вывод на их основании сделать было нельзя.

Кроме этого, в рассказах К. Андреевой выявилась другая особенность: помимо 3-го лица, в претеритных клаузах субъектные местоимения часто опускались и в 1-м/ 2-м лицах (см. таблицу 3, выделено серым). Можно предположить, что в случае К. Андреевой выбору безместоименной стратегии способствовали дополнительные дискурсивные факторы. Однако и здесь можно видеть больший процент безместоименных моделей в 3-м лице, по сравнению с 1-м и 2-м лицами.

В целом, ижорские данные середины XX в. подтверждают гипотезу об имевшейся асимметрии 1-го / 2-го vs. 3-го лица в референциальной стратегии этих языков XIX — начала XX вв. Как и в данных XIX в., в нарративах середины XX в. местоимения 1-го и 2-го лица эксплицитно выражаются чаще местоимений 3-го лица. При этом, в отличие от сказки XIX в., где соответствующих вхождений было слишком мало для установления статистической закономерности, нарративы середины XX в. отражают подобную асимметрию не только для претерита, но и для презенса.

4. Возможные причины экспансии местоимений в ижорском языке

4.1. Замечания об асимметрии субъектной референции 1-го/2-го vs. 3-го лица в языках мира и схожих диахронических процессах

Согласно текстам XIX–XX вв., в истории ижорского языка восстанавливается ранее существовавшая асимметрия 1-го/2-го vs. 3-го лица в субъектной референции: местоимения 3-го лица употребляются значительно реже соответствующих

местоимений 1-го и 2-го лиц. Однако в контексте других уральских языков эта модель является достаточно редкой. Как уже отмечалось ранее, для большинства из них по умолчанию характерна либо безместоименная аффиксальная стратегия во всех лицах, либо только в 1-м и 2-м лице, в противоположность 3-му лицу, где местоимения обычно употребляются (финский, эстонский). Можно видеть, что стратегия, представленная в ижорском языке XIX — 1-й половины XX вв., является, по сути, «обратной» по отношению к финской и эстонской. С учетом такой необычности ее наличие в других языках за пределами уральской семьи, представляет отдельный интерес.

В этой связи можно отметить, что в языках мира в целом модель с опущением местоимений 3-го лица, в противоположность 1-му и 2-му лицам, не является исключительно редкой. Так, она фигурирует в древневерхненемецких текстах IX в. (Монзейские фрагменты, переводные трактаты Исидора и Татиана) [Axel 2007: 314]. Эти тексты являются самыми ранними и вместе с тем последними памятниками древневерхненемецкого языка, где еще отражаются следы архаичной безместоименно-аффиксальной стратегии. Можно видеть, что в истории немецкого языка прослеживается такой же путь референциальной перестройки, как и в ижорском языке: ранее всего субъектные местоимения начинают доминировать в 1-м и 2-м лицах, а в 3-м лице устанавливаются позднее. Эти данные указывают на общую теоретическую возможность такого развития событий и, с учетом эмпирических данных, укрепляют тезис об аналогичном сценарии для ижорского языка.

Что же касается экспансии местоимений как таковой, т. е. изменения референциальной стратегии от аффиксального в сторону местоименно-аффиксального типа, то данный процесс также прослеживается в ряде языков, прежде всего германских и восточнославянских. Причины его традиционно связываются с системной утратой личных глагольных аффиксов, сделавшей однозначную идентификацию субъекта невозможной и повлекшей за собой распространение другого аналитического показателя — личного местоимения [Rizzi 1986; Roberts 2014]. Диахронические данные подтверждают эту гипотезу (см., в частности, [van Gelderen 2011] для английского, [Müller 2005] — для языков типа немецкого, [Meyer 2011] — для древнерусского). Однако для ижорского, языка, в отличие от германских и восточнославянских языков, никакой системной утраты глагольных аффиксов не прослеживается, см. (10):

- (10) Ижорский язык (сойкинский диалект), система личных форм финитного глагола [Markus, Rozhanskiy (in print)]:

		sg	pl
1		<i>n</i>	<i>mma/mmä</i>
2		<i>d</i>	<i>ta/ttä</i>
3	PRS	<i>b</i> <i>jaa/jää</i> <i>∅</i>	<i>vad/väd</i> <i>jaad/jääd</i> <i>d</i>
	PST	<i>∅</i>	<i>vad/väd</i> <i>d</i>

Тем самым, можно видеть, что внутриязыковой сценарий с утратой аффиксов не подходит для объяснения экспансии местоимений в ижорском языке. С учетом этих данных, представляется правомерным говорить о том, что причина перестройки субъектной референциальной модели в ижорском языке не была вызвана внутренними причинами. В связи с этим ниже будут рассмотрены внешние факторы, которые могли бы ее спровоцировать. Предварительно будет дан краткий обзор современной социолингвистической ситуации для рассматриваемых языков.

4.2. Внешние факторы

Как уже указывалось в разделе 1, на сегодняшний день все носители ижорского языка пожилые и в повседневном общении используют преимущественно русский язык; фактически можно говорить об умирании ижорского языка. Обнаруженная экспансия местоимений 3-го лица в истории ижорского языка приходится на период после 1930-х гг. XX в. Именно на это время приходится массовый переход ижоры на русский. Так, если на момент середины XIX в. ижорцы еще в массе своей были одноязычными [Николаев 2002: 76], то с началом 1930-х гг. в связи с резким поворотом государственной политики происходит их интенсивная русификация. В частности, все немногочисленные школы, где велось преподавание на ижорском языке, к середине 1930-х гг. были закрыты [Мусаев 2004: 303]. Последующая Великая Отечественная война и осуществленное в 1943 г. по инициативе «сверху»⁵ переселение ингерманландских народов в Финляндию привели к колоссальному сокращению ижоры. В результате в бывших моноэтнических ижорских деревнях стали селиться русские жители, возросло количество межнациональных браков, и в ходе этого на протяжении всей своей дальнейшей истории ижорский язык активно вытеснялся более престижным русским языком.

С точки зрения типа контактов, происходивших между русскими и ижорой после 1930-х гг., можно говорить о том, что в этом случае имел место резкий переход последних на русский язык, причем в первую очередь массово возросли контакты между взрослыми носителями. Эти параметры языковых изменений, согласно П. Традгилу [Trudgill 2011], в совокупности свидетельствуют о тенденции языкового изменения в сторону уменьшения языковой сложности. Появление дополнительных субъектных местоимений 3-го лица, по аналогии с уже распространившимися ранее местоимениями 1-го и 2-го лиц, может служить примером «упрощения» языковой системы, вызванного подобным типом контакта. Тем самым наблюдаемая референциальная перестройка в ижорском языке с достаточной вероятностью объясняется внешними факторами, а именно — влиянием соседнего русского языка.

⁵ Несмотря на то, что официально переселение считалось «добровольным», все бывшие участники соответствующих событий отмечали ученым, что на переезд им принудительно отводилось 24 часа, [Kuznetsova et al. 2015: 157–158; см. также воспоминания очевидицы Филатова 2003]. Впоследствии в ходе депортации многие погибли в эстонском концлагере Клоога, а в 1944 г., когда было разрешено вернуться на территорию СССР, селиться на прежних территориях официально запрещалось [Kuznetsova et al. 2015: 158].

Заключение

В статье был проанализирован процесс экспансии местоимений в глагольных клаузах в истории ижорского языка — одного из малых языков прибалтийско-финской группы, в данный момент находящегося под угрозой исчезновения. Было установлено, что в самом раннем ижорском тексте — сказке, записанной во второй половине XIX в. — в претеритных клаузах наблюдается асимметричная референциальная стратегия: в 1-м и 2-м лицах модель с использованием субъектного местоимения распространена намного больше, чем в 3-м лице. Данная стратегия отличается от той, что представлена в современном ижорском языке, где эксплицитно выраженные местоимения доминируют уже во всех лицах. Тем не менее факт ее присутствия именно в сказках вызывал некоторые сомнения в правомерности ее постулирования для ижорского языка XIX в. в целом. Для проверки этого тезиса данные сказок были сопоставлены с данными более поздних нарративов середины XX в., полученных в ходе бесед с информанткой. Анализ подтвердил аналогичную асимметрию в этих текстах и вместе с тем показал, что, по всей вероятности, она же наблюдалась и в презентных клаузах.

Наиболее правдоподобными причинами экспансии местоимений представляются контакты с носителями русского языка, массово возросшие в период после 1930-х гг. Данный тип заимствования синтаксической модели — распространение субъектных местоимений 3-го лица, по аналогии с местоимениями 1-го и 2-го лиц, — можно трактовать как уменьшение языковой сложности в результате контакта с другим языком, в данном случае — русским.

Принятые сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лица; ACC — аккузатив; EL — элатив; F — женский род; GEN — генитив; M — мужской род; N — средний род; PL — множественное число; PART — партитив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; TRANS — транслатив.

Литература

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянской культуры, 2008. 280 с.

Маркус Е. Б., Рожанский Ф. М. «Золотая птица» (публикация ижорской сказки, записанной в XIX веке). *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. Т. VIII, № 1. С. 448–503.

Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб.: Нестор-История, 2004. 450 с.

Николаев И. С. Основные тенденции в изменении грамматической системы ижорского языка XX века // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000*. Тарту, 2001. Ч. V. С. 449–453.

Николаев И. С. Отмирание языка: на материале сойкинского диалекта ижорского языка: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2002. 149 с.

Ariste P. Isuri keelenäiteid // Keele ja kirjanduse instituudi uurimused. 1960. Vol. V. P. 7–68.

Dryer M. S. Expression of Pronominal Subjects. // World Atlas of Language Structures. The Interactive Reference Tool. / ed. By M. Haspelmath et al. Munich: Max Planck Digital Library, 2011. Chapter 101. URL: <http://wals.info/feature/101A>

Duvallon O., Chalvin A. La réalisation zéro du pronom sujet de première et de deuxième personne du singulier en finnois et en estonien parlés // Linguistica Uralica XL. 2004. Vol. 4. P. 270–286.

Enikő Németh T. Zero subject anaphors and extralinguistically motivated subject pro-drop in Hungarian language use. // Implicitness: From Lexis to Discourse / ed. by P. Cap P., M. Dynel. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 95–118.

Grenoble L. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian. // Glossos. 2001. №1. URL: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf>

Kibrik A. A. Anaphora in Russian narrative prose: A cognitive calculative account // Studies in Anaphora / ed. by B. A. Fox. Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 266–303.

Klumpp G., Mazzitelli L. F., Rozhanskiy F. Typology of Uralic languages: current views and new perspectives. Introduction to the special issue of ESUKA — JEFUL. // ESUKA — JEFUL. 2018. №9 (11). P. 9–30.

Kuznetsova N., Markus E., Muslimov M. Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background. // Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union. (Multilingual Education 13: Comparative studies on equality and diversity). / ed. by H. Marten, M. Riessler, J. Saarikivi, R. Toivanen. Berlin: Springer, 2015. P. 127–167.

Markus E., Rozhanskiy F. Ingrian // The Oxford Guide to the Uralic Languages. / ed. by J. Laakso, M. Bakró-Nagy, E. Skribnik. Oxford: Oxford University Press (in print).

Meyer R. The History of Null Subjects in North Slavonic (A Corpus-based Diachronic Investigation). Habilitation Thesis. Regensburg: University of Regensburg, 2011. 274 p.

Müller G. Pro-drop and Impoverishment // Form, structure and grammar. / ed. by P. Brandt, E. Fuss. Tübingen: Narr, 2005. P. 93–115.

Enikő Németh T. Zero subject anaphors and extralinguistically motivated subject pro-drop in Hungarian language use. // Implicitness: From Lexis to Discourse / ed. by P. Cap P., M. Dynel. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 95–118.

Porkka V. Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanlandischen Dialekte. Helsingfors: J. C. Frenckell & Sohn, 1885. 156 S.

Siewierska A. Person. Cambridge, 2004. 327 p.

Trudgill P. Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity. Oxford: OUP, 2011. 236 p.

Zalizniak A. A. Drevnerusskiye enklitiki [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2008. 280 p.

Evgeniya Budennaya

NRU Higher School of Economics & Institute of Linguistics, RAS

(Russia, Moscow)

jane.sdrv@gmail.com

THE EXPANSION OF THIRD-PERSON PRONOUNS IN INGRIAN

This article presents a diachronic study of third-person pronouns' expansion in the Soikkola dialect of the Ingrian language (Uralic family, Finnic group). A preliminary analysis revealed that in modern Ingrian all personal subject pronouns tend to be explicitly expressed. This pattern is unusual for other Uralic languages, where pronouns are mostly omitted either in all three grammatical persons, or in first- and second person, in contrast to the third person. To clarify the genesis and to reconstruct the way of the presupposed expansion of pronouns, we compared modern Ingrian transcripts with the earliest Ingrian text (19th century tale) and with the mid-twentieth century narratives (P. Ariste's records). It was found out that in the 19th century Ingrian third-person referential pronominal subjects tended to be elided in the past tense, while first- and second person pronouns were explicitly expressed. The records of the mid-20th century reflected a similar asymmetry of the 1st / 2nd vs. 3rd person in the present tense as well. We can thus claim that Ingrian was indeed affected by a massive expansion of third-person subject pronouns during the 2nd half of the 20th century. The reasons for this phenomenon, apparently, are due to Russian influence through intensively increased contacts after the 1930s.

Key words: Ingrian, personal pronoun, third person, subject reference, language contact, diachrony.

References

Ariste P. Isuri keelenäiteid. *Keele ja kirjanduse instituudi uurimused*, 1960, no. V, pp. 7–68.

Dryer M. S. Expression of Pronominal Subjects. *World Atlas of Language Structures. The Interactive Reference Tool*, ed. by M. Haspelmath M. et al. Munich: Max Planck Digital Library, 2011. Chapter 101. URL: <http://wals.info/feature/101A>

Duvallon O., Chalvin A. La réalisation zéro du pronom sujet de première et de deuxième personne du singulier en finnois et en estonien parlés. *Linguistica Uralica*, 2004, no. XL(4), pp. 270–286.

Enikő Németh T. Zero subject anaphors and extralinguistically motivated subject pro-drop in Hungarian language use. *Implicitness: From Lexis to Discourse*, ed. by P. Cap P., M. Dynel. Amsterdam: John Benjamins, pp. 95–118.

Filatova E.N. *Detstvo, opalennoye vojnoj*. [The war-affected childhood]. Saint Petersburg: Bel'veder, 2003. 36 p. (In Russ.)

Grenoble L. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian. *Glossos*, 2001, no 1(1). Available at: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf> (accessed 23.05.2019)

Kibrik A. A. Anaphora in Russian narrative prose: A cognitive calculative account. *Studies in Anaphora*, ed. by B. A. Fox. Amsterdam: John Benjamins, 1996, pp. 266–303.

Klumpp G., Mazzitelli L. F., Rozhanskiy F. Typology of Uralic languages: current views and new perspectives. Introduction to the special issue of ESUKA — JEFUL. *ESUKA — JEFUL*, no. 9(11), 2018, pp. 9–30.

Kuznetsova N., Markus E., Muslimov M. Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background. *Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union. (Multilingual Education 13: Comparative studies on equality and diversity)*, ed. by H. Marten H., M. Riessler, J. Saarikivi, R. Toivanen R. Berlin: Springer, 2015, pp. 127–167.

Markus E., Rozhanskiy F. Ingrian. *The Oxford Guide to the Uralic Languages*, ed. by J. Laakso, M. Bakró-Nagy, E. Skribnik. Oxford: Oxford University Press (in print).

Markus E. B., Rozhanskiy F. I. «Zolotaya ptitsa» (publikatsija izhorskoj skazki, zapisannoj v XIX veke) » [“The golden bird (publication of the Ingrian tale, recorded in the 19th century”.] *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. V. VIII. Part 1, pp. 448–503.

Meyer R. *The History of Null Subjects in North Slavonic (A Corpus-based Diachronic Investigation)*. Habilitation Thesis. Regensburg: University of Regensburg, 2011. 274 p.

Müller G. Pro-drop and Impoverishment. *Form, structure and grammar*, ed. by P. Brandt, E. Fuss. Tübingen: Narr, 2005, pp. 93–115.

Musayev V. I. *Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v kontse XIX— XX veke* [The politic history of Ingria in late XIX — early XX century]. Saint-Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2004.

Nikolayev I. S. *Osnovnyje tendencii v izmenenii grammatičeskoj sistemy iżorskogo jazyka XX veka* [Main tendencies in the changes of Ingrian grammar system during the 20th century]. *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000*. Part V. Tartu, 2001, pp. 449–453. (In Russ.)

Nikolayev I. S. *Otmiraniye yazyka: na materiale sojkinskogo dialekta izhorskogo yazyka*. [The process of language death: on the material of the Soikkola dialect of the Ingrian language. Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2002. 149 p.

Porkka V. *Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanlandischen Dialekte*. Helsingfors: J. C. Frenckell & Sohn, 1885. 156 S.

Siewierska A. *Person*. Cambridge, 2004. 327 p.

Trudgill P. *Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity*. Oxford: OUP, 2011. 236 p.

Zalizniak A. A. *Drevnerusskiye enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2008. 280 p. (In Russ.)

Filatova E. N. *Detstvo, opalennoye vojnoj* [The war-affected childhood]. Saint Petersburg: Bel'veder Publ., 2003. 36 p. (In Russ.)

Д. В. Герасимов
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, г. Санкт-Петербург)
dm.gerasimov@gmail.com

СОЮЗНЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РАЗГОВОРНОМ ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена заимствованию русского сравнительного союза *чем* в чувашский язык, для которого характерны сравнительные конструкции с фиксированным оформлением стандарта. Исследование основано на данных элицитации, собранных в дер. Мал. Карачкино Ядринского р-на Чувашии в 2017–2018 гг. На фоне исконных чувашских компаративов рассматриваются союзные конструкции, копирующие структуру соответствующих русских, а также конструкции, в которых заимствованный союз встраивается в исконную структуру, не изменяя ее. Данные чувашского языка обсуждаются в более широком теоретическом и типологическом контексте. Рассматриваются структурные (дизамбигуация, легкость парсирования, избегание сложных морфосинтаксических операций) и прагматические (коррекция ожиданий говорящего) предпосылки для заимствования сравнительного союза. Обсуждается вопрос о том, какой из двух типов союзных конструкций раньше возникает в подобных контактных ситуациях.

Ключевые слова: чувашский язык, сравнительные конструкции, стандарт сравнения, языковые контакты, грамматические заимствования, заимствование модели, русский язык, тюркские языки

1. Введение¹

Основная стратегия кодирования сравнительных конструкций неравенства в чувашском языке предполагает фиксированное (т. е., не зависящее от синтаксической позиции объекта сравнения [Stassen 1985: 28–30]) оформление стандарта сравнения аблативом [Krueger 1961: 125–127, 187; Clark 1998: 439]:

¹ Выражаю глубокую признательность А. В. Савельеву и анонимному рецензенту «Трудов Института русского языка им. В. В. Виноградова» за множество ценных замечаний. Также я благодарен участникам конференции «Языки народов России в контакте с русским языком» за плодотворное обсуждение. Ответственность за любые ошибки и неточности полностью лежит на авторе.

- (1) *xër atçça² arçin atçça-ran çyl-rek*
 дочь ребенок мужчина ребенок-ABL высокий-СМРР
 ‘Девочка выше мальчика.’

Однако в разговорной речи встречаются конструкции с заимствованным из русского языка союзом *çem*, в которых объект и стандарт сравнения маркируются одинаково³:

- (2) *çəkər-a çitçë çëçë-pe kas-ma lajak-rak*
 хлеб-ОБВ острый нож-INS резать-INF хорошо-СМРР
çem təka çëçë-pe
 чем тупой нож-INS
 ‘Хлеб лучше резать острым ножом, чем тупым.’

Кроме того, нами были зафиксированы компаративы «смешанного» типа, в которых присутствуют и заимствованный союз, и фиксированное оформление стандарта, свойственное исходным конструкциям:

- (3) *atçça çyl-rek çem tərër-in-çen*
 ребенок высокий-СМРР чем другой-Р.З-ABL
 ‘Мальчик выше другого (мальчика).’

Ниже мы сделаем попытку разобраться в том, чем обусловлено появление в чувашском языке конструкций типа (2)–(3), какими структурными изменениями сопровождается заимствование русского союза и какое значение могут иметь данные факты для общей типологии контактно-обусловленных изменений в синтаксисе.

Рассматриваемые в статье данные чувашского языка были собраны в ходе экспедиций НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге под руководством М. А. Холодиловой в с. Малое Карачкино Ядринского р-на Чувашии. В этом селе бытует специфический говор верхового диалекта, сохраняющий ряд архаичных черт, который некоторые исследователи склонны выделять в отдельный диалект (см. [Ахвандерова 2016] и цит. лит.). Однако было бы излишне поспешным считать союзные конструкции диалектной спецификой. Малокарачкинский говор в настоящее

² В малокарачкинском чувашском возможны фонетически глухие негеминированные аффрикаты [Ашмарин 1898: 358] в интервокальной позиции. В рамках поверхностно-ориентированных фонематических теорий это может рассматриваться как аргумент в пользу наличия в нем противопоставления по глухости-звонкости. Однако мы, придерживаясь динамического подхода, склонны предполагать в малокарачкинском чувашском операцию дегеминации, которая действует после озвончения и находится с ним в отношении counterfeeding. Не исключено наличие каких-то иных акустических коррелятов глубинной геминации, которые еще предстоит выявить; см. также [Dobrovolsky 1996]. В малокарачкинском говоре отсутствует переход *o* в *u* и конечно-го *k* в *x*; используемая транскрипция отражает первое соответствие (ср. лит. *pulā* ‘рыба’ в (9) vs. диал. *polā* в (19)), но не второе, поскольку только последний переход мы считаем автоматическим (суффикс СМРР в (9) реализуется как [-*rax*]). Для русских заимствований, обсуждение степени освоенности которых выходит за рамки статьи, мы используем отдельную систему записи, с противопоставлением глухих и звонких).

³ С некоторыми оговорками; см. ниже в разделах 3 и 5.

в настоящей статье мы целиком сконцентрируемся на вопросах, связанных со способами выражения стандарта сравнения.

Конструкциям с аблативным оформлением стандарта и другим исконным стратегиям кодирования сравнения в чувашском языке посвящен раздел 2. В разделе 3 будут рассмотрены конструкции с заимствованным союзом и производным оформлением стандарта, в разделе 4 — различные смешанные стратегии. Обсуждение в разделе 5 призвано поместить рассмотренные данные в более широкий теоретический и типологический контекст.

2. Исконные чувашские сравнительные конструкции

2.1. Оформление стандарта аблативом

Как уже говорилось в начале статьи, в основной чувашской сравнительной конструкции стандарт оформляется аблативом независимо от синтаксической позиции объекта сравнения. Ср. пример (1) выше, где сравнению подвергается номинативный субъект, с примерами (6)–(7), в которых первый компарат выступает в позиции прямого и косвенного объекта соответственно (в обоих случаях он принимает суффикс объектного падежа):

- (6) *epë pet'ə-na itla-rak kur-at-əp vas'ə-ran*
 я Петя-ОБЛ больше-СМРР видеть-NPST⁴-1SG Вася-ABL
 ‘Я вижу Петю чаще, чем Васю.’
- (7) *xër atçça-ja arçin atçça-ran numaj-rak*
 дочь ребенок-ОБЛ мужчина ребенок-ABL много-СМРР
parne par-sa
 подарок давать-CV.SIM⁵
 ‘Девочке подарили больше подарков, чем мальчику.’

То же самое происходит при сравнении участников с ролями комитатива (8) и средства (9): в обоих случаях суффикс аблатива как бы вытесняет показатель инструменталиса на стандарте:

- (8) *epë pet'ər-pa itla-rak ěçl-et-ĕp vas'ə-ran*
 я Петя-INS больше-СМРР работать-NPST-1SG Вася-ABL
 ‘Я работаю с Петей чаще, чем с Васей.’

⁴ В малокарачкинском диалекте форма будущего времени была вытеснена общечувашской формой настоящего. Из соображений единообразия мы глоссируем последнюю как «непрошедшее», хотя некоторые из опрошенных нами носителей, чья система ближе к литературному языку, сохраняют противопоставление настоящего и будущего.

⁵ Чувашское деепричастие на *-sa*, функционально соответствующее сочинительным конвербам на *-Vp* в других тюркских языках, в малокарачкинском диалекте приобрело в результате расподчинения (insubordination) способность возглавлять независимые клаузы. Мы последовательно глоссируем эту форму как деепричастную, в том числе в финитном употреблении.

- (9) *jələ-pe pulə lajak-rak turt-at motil'-tan*
 червь-INS рыба хорошо-СМРР тянуть-NPST.3SG мотыль-ABL
 'На червя рыба клюет лучше, чем на мотыля.'

Поскольку сочетаемость аблатива ограничена именными основами, возникает закономерный вопрос о том, каким образом в чувашском языке кодируются «неканонические» стандарты — например, выраженные послеложной группой, глагольной группой или группой наречия. Вполне ожидаемо, в большинстве таких случаев группа стандарта подвергается номинализации, после чего маркер аблатива присоединяется «поверх» суффикса-номинализатора (аналогичные механизмы в башкирском рассматриваются в [Тихомиров 2017: 425–431]). Однако то же самое касается и именных стандартов с некоторыми периферийными семантическими ролями. Так, если суффикс аблатива как бы вытесняет показатели объектного падежа в (6)–(7) или инструменталиса в (8)–(9), то в (10) и (11) он присоединяется к номинализованной форме, в составе которой сохраняется маркер «исходной» роли — генитив или проприетив соответственно. В качестве субстантиватора выступает суффикс принадлежности 3-го лица, также развивший ряд непосессивных функций, в частности, широко используемый для выражения значения определенности [Ашмарин 1898: 156–157, 168–177; Андреев 1957: 102–103; Федотов 1970: 180–183; Luutonen 2011: 52–61; Логвинова 2019; Луутонен 2018].

- (10) *maşş-ən çuçç-i zin-ənn-in-teen vərəm-rak*
 Маша-GEN волос-Р.3 Зина-GEN-Р.3-ABL длинный-СМРР
 'У Маши волосы длиннее, чем у Зины.'
- (11) *man pallann-i-sem xoşş-in-tee ivan jat-l-i-sem*
 я.GEN знакомый-Р.3-PL промежуток-Р.3-LOC Иван имя-PROP-Р.3-PL
numaj-rak ziron jat-l-i-sen-teen
 много-СМРР Зенон имя-PROP-Р.3-PL-ABL

'У меня больше знакомых по имени Иван, чем по имени Зенон.'

Для каритива наряду с вышеописанной стратегией (12) некоторые носители допускают присоединение аблатива непосредственно после «внутреннего» падежа, без промежуточной номинализации (13). Это может свидетельствовать об особом месте каритивной формы в системе чувашских приименных маркеров.

- (12) *saxər-lə čaj saxər-sər-ən-teen vonə tenkë xaklə-rak*
 сахар-PROP чай сахар-CAR-Р.3-ABL десять рубль дорогой-СМРР
 'Чай с сахаром на десять рублей дороже, чем без сахара.'
- (13) *pətə sət-pe tut-lə-rak sət-sər-ten*
 каша молоко-INS вкус-PROP-СМРР молоко-CAR-ABL
 'Каша с молоком вкуснее, чем без молока.'

Локатив в таких конструкциях участвует в оформлении стандарта при сравнении не только местоположений, но и начальных/конечных пунктов движения, ср. одинаковый облик стандарта сравнения в (14а–в). Аналогичной замене на локатив в некоторых случаях подвергается также «внутренний» инструментальный

падеж (факторы, определяющие распределение конструкций типа (8)–(9) и типа (15) ниже пока неясны).

- (14а) *şupaşkar-ta man Moskva-r-in-teen jultaş-sam numaj-tarak*
 Чебоксары-LOC я.GEN Москва-LOC-Р.3-ABL друг-PL много-СМРР
 ‘В Чебоксарах у меня больше друзей, чем в Москве.’
- (14б) *şupaşkar-tan pirën pat-n^l-e*
 Чебоксары-ABL мы.GEN близость-Р.3-OBJ
moskva-r-in-teen numaj-tarak çin-sam kil-etçä
 Москва-LOC-Р.3-ABL много-СМРР человек-PL приходить-NPST.3PL
 ‘Из Чебоксар к нам приезжает больше людей, чем из Москвы.’
- (14в) *şupaşkar-a Moskva-r-in-teen numaj-tarak kaj-sa*
 Чебоксары-OBJ Москва-LOC-Р.3-ABL много-СМРР идти-CV.SIM
 ‘В Чебоксары (я) ездил больше раз, чем в Москву.’
- (15) *ku gajk-in-e ključ-pa çavär-sa lart-ma*
 этот гайка-Р.3-OBJ ключ-INS вертеть-CV.SIM сажать-INF
al-r-in-teen çätäl-rak
 рука-LOC-Р.3-ABL легко-СМРР
 ‘Эту гайку легче завинтить ключом, чем руками.’

Схожая стратегия используется при стандартах, выраженных послеложными группами: производные послелогои содержат в своем составе показатель локатива и ведут себя аналогично обычным существительным, оформленным этим падежом (16). Данных по непроезводным послелогам недостаточно, но по крайней мере в некоторых случаях оказывается возможным опущение послелога (17):

- (16) *krovat^l aj-ën-te sätel aj-ën-te-in-teen*
 кровать низ-Р.3-LOC стол низ-Р.3-LOC-Р.3-ABL
tëprentçäk-sem numaj-rak
 крошка-PL много-СМРР
 ‘Под кроватью больше крошек, чем под столом.’
- (17) *atäl orlâ kēper-sem sār-tan numaj-rak*
 Волга через мост-PL Сура-ABL легко-СМРР
 ‘Через Волгу больше мостов, чем через Суру.’

Темпоральные обстоятельства перед присоединением маркера стандарта субстантивируются посредством атрибутивизатора *-xi* [Ашмарин 1898: 155–156; Андреев 1957: 80–81; Luutonen 2011]. В отличие от родственного показателя в башкирском, также широко используемого в сравнительных конструкциях [Тихомиров 2017: 428–431], чувашский суффикс образует дериваты только от единиц с временной семантикой (ср. *ir-xi apat* (утро-ATTR.TMP обед) ‘завтрак’).

- (18) *paĵan ėner-x-in-teen aşā-rak*
 сегодня вчера-ATTR.TMP-Р.3-ABL тепло-СМРР
 ‘Сегодня теплее, чем вчера.’

- (19) *ir-pe* *polă* *çotă* *kon-x-in-teen*
 утро-INS рыба светлый день-ATTR.TMP-P.3-ABL
lajək-rak *turt-at*
 хорошо-СМРР тянуть-NPST.3SG
 ‘Утром рыба клюет лучше, чем днем’.

Если стандарт выражен глагольной группой, показатель аблатива присоединяется к номинализованному при помощи притяжательного суффикса 3-го лица причастию прошедшего времени от вершинного глагола. При этом причастное оформление не зависит от темпоральной референции глагольной группы, ср. (20)–(21):

- (20a) *boris* *maltan* *numaj* *ëçle-se* *çur-n-in-teen*
 Борис раньше много работать-CV.SIM спать-PC.PST-P.3-ABL
 ‘Раньше Борис больше работал, чем спал.’

- (20b) *boris* *xalı* *numaj* *çur-at* *ëçle-n-in-teen*
 Борис сейчас много спать-NPST.3SG работать-PC.PST-P.3-ABL
 ‘Сейчас Борис больше спит, чем работает.’

- (20c) *malalla* *çin-sam* *numaj* *kan-atççə*
 в.будущем человек-PL много отдыхать-NPST-3PL
ëçle-n-in-teen
 работать-PC.PST-P.3-ABL
 ‘В будущем люди больше будут отдыхать, чем работать.’

- (21) *çi-n-in-teen* *numaj-rak* *man* *çur-as* *kil-et*
 есть-PC.PST-P.3-ABL много-СМРР я.GEN спать-PC.FUT приходиться-NPST.3SG
 ‘Мне сильнее хочется спать, чем есть.’

Таким образом, хотя фиксированное маркирование стандарта сравнения аблативом накладывает строгие ограничения на его категориальную принадлежность, морфосинтаксис чувашского языка позволяет кодировать широкий спектр стандартов различных семантических типов. Для всех опрошенных нами носителей оформление стандарта аблативом является (насколько можно судить по данным элицитационных сессий) основной стратегией выражения сравнения. Подобные сравнительные конструкции характерны для тюркских языков, см. [Былина 2017] о мишарском татарском, [Тихомиров 2017] о башкирском, [Kornfilt 1997: 178–181; Hofstetter 2013] о турецком.

2.2. Стандарты, вводимые деепричастием от глагола сравнения

Значительно реже используется более эксплицитная стратегия, в рамках которой стандарт вводится при помощи деепричастия предшествования (данная форма также выступает в протазисе условных конструкций) от глагола *tanlaştar* ‘сравнивать’, управляющего творительным падежом:

- (22) *xër* *atçça* *arçin* *atçça-ra* *tan-la-ş-tar-san*
 дочь ребенок мужчина ребенок-INS равный-VBZ-REC-CAUS-CV.ANT

tən-lə-rak

ум-PROP-CMPR

‘Девочка умнее мальчика.’ (букв. ‘с мальчиком сравнив/если сравнить, умнее’)

(23) *xëlle-xi-pe* ***tan-la-ş-tar-san***

зимой-ATTR.TMP-INS равный-VBZ-REC-CAUS-CV.ANT

çulla

jynë-terek

paхта

çimëc-sem

летом

дешевый-CMPR

огород

плод-PL

‘Летом овощи дешевле, чем зимой.’

Аналогичная конструкция с локативной формой причастия от глагола *sağıştar* ‘сравнивать’⁶, управляющего комитативным послелогом *menän*, отмечается для башкирского в [Юлдашев (отв. ред.). 1981: 195]. Однако согласно [Тихомиров 2017: 427], носители башкирского языка, опрошенные автором в дер. Рахметово Абзелиловского р-на, никогда не прибегали к этой стратегии, а в некоторых случаях не понимали соответствующие примеры или оценивали их как неприемлемые. В просмотренных нами публицистических и новостных текстах на литературном башкирском группа вида NP *menän sağıştar-yan-da* (с сравнивать-PC.PST-LOC) выступает примерно в тех же контекстах, что и ее ближайший русский переводной эквивалент *по сравнению с* NP, т. е. скорее не используется в обычных конструкциях сравнения двух участников по градуируемому признаку.

В ряде тюркских языков представлена внешне сходная сравнительная конструкция, в которой стандарт (как правило, в дательном падеже) вводится при помощи грамматикализованной нефинитной формы от глагола ‘смотреть’ [Nugteren 2014; Былинина 2017; Тихомиров 2017; и др.]. В чувашском подобное развитие компаративного маркера из перцептивного глагола не засвидетельствовано. Большинство исследователей трактуют соответствующие формы (тат. *karaganda* и др.) как послелог, однако для чувашского *tanlaştarsan* говорить о превращении в послелог кажется преждевременным. По крайней мере для некоторых носителей в конструкциях с этой формой допустимо эксплицитное указание на шкалу сравнения (24), что может рассматриваться как свидетельство сохранения глагольных свойств.

(24) *ku* *olm-i* *tepër-i-pe* ***tës-ë-pe***

этот

яблоко-Р.3

другой-Р.3-INS

цвет-Р.3-INS

tan-la-ş-tar-san

xërlë-rek

равный-VBZ-REC-CAUS-CV.ANT красный-CMPR

‘Это яблоко цветом краснее того.’ (букв. ‘с другим по цвету сравнив/если сравнить, краснее’)

Впрочем, синтаксическая структура предложений типа (24) еще нуждается в дополнительном исследовании. Так или иначе, рассмотренная в этом подразделе

⁶ Исторически также, по-видимому, представляет собой каузативно-реципрокальный дериват. В башкирском имеется также синонимичный глагол *tiñläşter*, родственный чувашскому *tanlaştar*, однако сведениями об использовании его в сравнительных конструкциях мы не располагаем.

стратегия предполагает фиксированное оформление стандарта показателем падежа (в данном случае не аблатива, а инструменталиса), способным сочетаться только с именными элементами.

2.3. Стандарты, оформляемые деепричастием следования

При ограниченном числе параметров сравнения, связанных со шкалами предпочтительности или вероятности, глагольные стандарты могут оформляться деепричастием на *-itteen*, которое также используется в зависимых клаузах следования ('до того, как P') и замещения ('вместо того, чтобы P'):

- (25) *ixça-lla viļ-itteen interes-şën viļ'a-ma lajæk-rak*
 деньги-ATTR играть-CV.POST интерес-CSL играть-INF хорошо-CMPR
 'Лучше играть на интерес, чем на деньги.'
- (26) *jepe kamba tat-itteen pol tit-ma jurat-a-p*
 я гриб рвать-CV.POST рыба ловить-INF любить-NPST-1SG
 'Я больше люблю собирать грибы, чем ловить рыбу.'
- (27) *çur-sa kaj-ma şaməl-rak*
 спать-CV.SIM уходить-INF легко-CMPR
çur-sa təran-itteen
 спать-CV.SIM насытиться-CV.POST
 'Заснуть легче, чем выспаться.'

Показатель *-itteen* может присоединяться исключительно к глагольным основам, поэтому данная стратегия не допускает стандартов, в которых поверхностно выражен только аргумент или адьюнкт глагола (ср. два вхождения глагола *viļ'a* 'играть' в (25)).

3. Союзные сравнительные конструкции с производным оформлением стандарта

В типологии сравнительных конструкций [Stassen 1984, 1985] чувашские конструкции, рассмотренные в предшествующем разделе, попадают в широкий класс компаративов с фиксированным падежом (fixed-case comparatives), в которых способ оформления стандарта не зависит от того, какую форму принимает объект сравнения. Им противопоставляются компаративы с производным падежом (derived-case comparatives) в которых группы объекта и стандарта сравнения получают одинаковое оформление, соответствующее синтаксической позиции первого. Среди таких конструкций лучше всего изучены типичные для европейских языков союзные компаративы, в которых стандарт сравнения вводится при помощи союза типа рус. *чем*, англ. *than*, фр. *que*, венг. *mint* и т. п.

В чувашский язык, как и в некоторые другие языки народов России, союзные конструкции проникают благодаря интенсивному контактному влиянию русского языка. Ср. пример (2), воспроизводимый ниже для удобства и (28)–(29):

- (2) *çəkər-a* *çiçə* *çəçə-pe* *kas-ma* *lajək-rak*
 хлеб-ОБВ острый нож-INS резать-ABL хорошо-СМР
teem *məka* *çəçə-pe*
 чем тупой нож-INS
 ‘Хлеб лучше резать острым ножом, чем тупым.’
- (28) *esə* *gajk-a* *vintət-pe* *bistro-rak* *kəlar-a-n*
 ты гайка-ОБВ ключ-INS быстро-СМР вынимать-NPST-2SG
teem *alə-pa*
 чем рука-INS
 ‘Ты быстрее отвинтишь гайку ключом, чем руками.’
- (29) *čaj* *saxər-pa* *tut-lə-rak* *teem* *saxər-sər*
 чай сахар-INS вкус-PROP-СМР чем сахар-CAR
 ‘Чай с сахаром дороже, чем без сахара.’

Как можно видеть, влияние русского языка не ограничивается заимствованием союза. Конструкции с *teem* демонстрируют иной по сравнению с исконными компаративами морфосинтаксис: стандарт сравнения в них получает падежное оформление, соответствующее его семантической роли и не связанное с его функцией в составе сравнительной конструкции. В случае сравнения участников, выраженных именными группами, объект и стандарт сравнения имеют одинаковое оформление (что может быть затемнено в случае опущения части группы стандарта, как в (29)). Союзная стратегия позволяет также вводить «неканонические» стандарты, не подвергая их дополнительной номинализации, ср. следующие примеры с глагольными группами:

- (30) *ku* *çəçə-pe* *çi* *sər-me* *lajək-rak*
 этот нож-INS масло намазывать-INF хорошо-СМР
teem *çəkər* *kas-ma*
 чем хлеб резать-INF
 ‘Этим ножом удобнее намазывать масло, чем резать хлеб.’
- (31) *apı* *kokəl-n'-e* *itla-rak* *pəçer-se* *kil-et*
 мать пирог-Р.3-ОБВ больше-СМР печь-CV.SIM приходиться-NPST.3SG
teem *pər* *çi-se=r-il-eppər*
 чем мы есть-CV.SIM=пустить-POT-NPST.1PL
 ‘Мать напекла больше пирогов, чем мы можем съесть.’

Кроме того, порядок слов в таких конструкциях уподобляется русскому. Во всех записанных нами примерах с *teem* вводимый союзом стандарт располагается после параметрического предиката, в то время как в исконной конструкции преобладает препозиция аблативного стандарта (при том что сам метод сбора материала — перевод грамматических анкет с русского языка — как можно предположить, способствовал искусственному увеличению доли постпозиции). Таким образом, в отношении данных конструкций можно говорить о заимствовании не только материала, но и модели (pattern borrowing) [Grant 2002; Matras, Sakel 2007; Sakel 2007].

4. Союзные сравнительные конструкции с фиксированным оформлением стандарта

Использование заимствованного союза не означает обязательного перехода к конструкции с производным падежом. Иногда носители порождают переводы, в которых посредством *тем* вводятся стандарты, оформленные согласно одной из стратегий, рассмотренных в разделе 2. Ср. воспроизводимый далее пример (3), где основание для сравнения, выраженное номинализированным прилагательным, маркируется аблативом, хотя в рамках «чистой» союзной стратегии ожидался бы номинатив.

- (3) *атӑӑа ӗл-рек тем тепӗр-ин-тен*
 ребенок высокий-СМРР чем другой-Р.3-ABL
 ‘Мальчик выше другого (мальчика).’

В (32) союз *тем* вводит глагольный стандарт, оформленный как номинализированное причастие в аблативе — аналогично примерам (20)–(21) и в противоположность примеру (30), где вершина группы стандарта выступает в инфинитиве.

- (32) *алӑк-а каҫ-х-ин-е замок-па пӗтӗр-ме*
 дверь-OBJ ночь-ATTR.TMP-Р.3-OBJ замок-INS запирать-INF
лаҫӑк-рак тем ҫаклат-н-ин-тен
 хорошо-СМРР чем зацеплять-PC.PST-Р.3-ABL
 ‘На ночь дверь лучше запереть на замок, чем закрыть на щеколду.’

Также возможно сочетание союза с глагольными стандартами, оформленными деепричастием следования⁷:

- (33) *лутӑӑа кон-ӗ-пала виҫӗ рас ҫи*
 лучше день-Р.3-INS три раз есть.IMP
тем тӑватӑ рас ҫи-итӗтен
 чем четыре раз есть-CV.POST
 ‘Лучше есть три раза в день, чем четыре раза в день.’

Объединяет все эти конструкции то, что в них заимствованный союз сочетается с фиксированным оформлением (аблативным или деепричастным), которое делает его в каком-то смысле избыточным, будучи само по себе достаточным средством маркирования стандарта сравнения. Однако нельзя с уверенностью говорить о простом добавлении заимствованного элемента в синтаксическую структуру исконной конструкции: как и союзные компаративы с производным падежом, рассмотренные в предыдущем разделе, «смешанные» конструкции требуют нехарактерной для OV-языков постпозиции стандарта.

⁷ В нашем распоряжении отсутствуют примеры, в которых *тем* сочетался бы с *танлаштарсан*. Любопытно, что соотносимые образования можно встретить в современном русском языке, ср.:

(i) русский

На минувшей неделе в Челябинской области заболело 36 820 человек. Это меньше, чем по сравнению с позапрошлой неделей. [<https://mega-u.ru/node/56599>]

5. Обсуждение

Хотя чувашские союзные конструкции с *кет* на первый взгляд кажутся тривиальным случаем заимствования и синтаксического калькирования из более престижного языка, они поднимают ряд важных вопросов для проблематики контактных явлений в синтаксисе. Какими факторами мотивировано развитие таких конструкций в чувашском языке? Каково место этого процесса в типологии контактно-обусловленных изменений? Какие союзные конструкции — «чистые» или «смешанные» — возникают в языке-реципиенте раньше? Ни в коем случае не претендуя на окончательный и исчерпывающий ответ на эти вопросы, изложим далее некоторые соображения.

Сама постановка вопроса рискует вызвать возражения, связанные с дискуссионным статусом обсуждаемых конструкций. Каково положение конструкций с *кет* на шкале между заимствованием и переключением кодов? Насколько вообще правомерно в данном случае говорить о синтаксических заимствованиях или контактно-обусловленных изменениях? Возможно, перед нами просто обособленные интерференционные явления, своего рода частотные окказионализмы, которые в будущем могут так и не встроиться в языковую систему, будучи отторгнуты ею как чужеродный элемент [Campbell 1993: 94; Silva-Corvalán 1998: 242–243]? Как мы увидим ниже, явления, аналогичные тем, что мы описываем для чувашского, происходят в огромном количестве контактных ситуаций и нередко имеют значительные, диахронически стабильные последствия для языка-реципиента. Кроме того, для проблематики контактно-обусловленных изменений важны данные различных типов, относящиеся к разной глубине воздействия одного языка на другой [Matras, Sakel 2007: 858–859].

5.1. Заимствование сравнительных союзов: структурные факторы

Как отмечается в [Dixon 2008: 813], сравнительные конструкции в очень высокой степени подвержены контактному влиянию, как в том, что касается материального заимствования маркеров сравнения и стандарта, так и в том, что касается репликации синтаксических моделей. Отчасти Р. Диксон объясняет это тем, что во многих языках мира до контактов колониальной эпохи специализированные сравнительные конструкции попросту отсутствовали, так как сообщества, сохраняющие доиндустриальный уклад жизни, не слишком нуждаются в выражении идеи сравнения. На фоне имеющихся кросс-лингвистических данных [Stassen 1985, 2013; и др.], в том числе приводимых самим Р. Диксоном, этот тезис звучит слишком прямолинейно и малоубедительно. Так, во многих случаях, описанных в литературе, новые типы сравнительных конструкций возникают под контактным влиянием в языках, уже обладающих развитым инвентарем средств для выражения сравнения. Ровно такую ситуацию мы наблюдаем в разговорном чувашском.

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство описанных случаев касается как раз воздействия языков с союзными компаративами

на языки, для которых исходно характерно фиксированное оформление стандарта: падежно-адложное или при помощи глагола 'превосходить'. Так, многие языки Латинской Америки и Филиппин заимствовали испанский маркер сравнения *más* и/или союзный маркер стандарта *que*, что зачастую сопровождалось значительной перестройкой морфосинтаксиса сравнительных конструкций [Stolz, Stolz 1995, 2001] (из более недавней американистической литературы см. [Gómez-Rendón 2007: 544] о парагвайском гуарани, [Chamogean 2007: 476–478; 2012] о пурепеча). Здесь структурные факторы сложно отделить от социокультурных: союзные компаративы характерны для Европы⁸, а именно языки этого ареала в Новое Время широко распространились по земному шару, заняв доминирующее положение в огромном количестве контактных ситуаций (см. также [Matras 1998: 284–285]).

Тем не менее, представляется возможным с некоторой долей осторожности говорить о внутриязыковых, структурных предпосылках заимствований такого типа, и случай чувашского языка может служить весьма наглядной иллюстрацией.

В литературе высказывались самые разные, порой диаметрально противоположные точки зрения на то, какие свойства языковых единиц и конструкций способствуют или мешают грамматическим заимствованиям и иным подобным контактно-обусловленным изменениям. С одной стороны, долгое время господствовало представление о том, что заимствуются лишь такие явления, которые система языка-реципиента может легко «усвоить», поэтому контактно-обусловленное изменение невозможно без достаточно высокой степени сходства между соответствующими фрагментами грамматики двух языков [Campbell 1993: 91–94; Silva-Corvalán 1998]. С другой стороны, широкое распространение получила идея, согласно которой заимствуемый элемент заполняет некоторую «лауну» в грамматической системе языка-реципиента (ср. вышеупомянутые рассуждения Р. Диксона); с такой точки зрения катализатором заимствования оказывается скорее различие между языками [Campbell 1993: 96–98].

Хотя чувашский язык обладает набором исконных сравнительных конструкций, использование союзных конструкций «русского» типа предоставляет двуязычному носителю некоторые новые возможности и тем самым укладывается в логику «заполнения лаун». Прежде всего, как неоднократно отмечалось в литературе [Stassen 1985: 30; и др.], конструкции с фиксированным падежом часто оказываются неоднозначны: если оформление стандарта фиксировано и не зависит от его семантической роли, идентифицировать объект сравнения может быть затруднительно. Ср. следующий чувашский пример:

⁸ В [Stassen 2013] из выборки в 167 языков союзные сравнительные конструкции отмечаются в 22, из них 13 в Европе и 9 за ее пределами (включая креольский язык сранан). При этом, как признает сам автор, часть последних случаев может объясняться контактами с испанским или английским. Кроме того, выделение союзных конструкций в некоторых неевропейских языках основывается на старых и/или довольно фрагментарных описаниях и не подтверждается позднейшими детальными исследованиями (см. например, [Álvarez 2005] о гуахино, [Potsdam 2017] о мальгашском).

- (34) *ul-ën-tɛn itla-rak xër-ë-şën tɛrman-at*
сын-Р.3-ABL больше-СМРР дочь-Р.3-CSL беспокоиться-NPST.3SG
am-əşë
мать-Р.3
‘Мать беспокоится о дочери больше, чем о сыне.’
‘Мать беспокоится о дочери больше, чем сын.’⁹

Использование союзных конструкций с производным падежным маркированием позволяет устранить возможную неоднозначность:

- (35) *am-əşë xër-ë-şën numaj-darak pəşərxan-at*
мать-Р.3 дочь-Р.3-CSL много-СМРР беспокоиться-NPST.3SG
tɛm ul-ë-şën
чем сын-Р.3-CSL
‘Мать беспокоится о дочери больше, чем о сыне.’
*‘Мать беспокоится о дочери больше, чем сын.’

Кроме того, союзная стратегия позволяет вводить неканонические стандарты сравнения, не прибегая к сложным морфосинтаксическим операциям, таким как наложение падежей и номинализация (ср. примеры (12)–(16) и (18)–(21) выше). В частности, для объекта сравнения, референтом которого является сложная ситуация с несколькими участниками (и/или обстоятельствами), кодирование именной группой, способной принимать аблатив, может оказаться затруднительным. Для перевода подобных стимулов носители обычно прибегают к союзной стратегии. Так, после некоторых колебаний и неудачной попытки перевести русский стимул при помощи конструкции с аблативным стандартом носительница, для которой употребление *tɛm* скорее нехарактерно, породила пример (36), сопроводив его характерным комментарием «тут попроще скажу, наверное».

- (36) *jep matematikə-pa lajək-rak verën-e-p*
я математика-INS хорошо-СМРР учиться-NPST-1SG
tɛm jes literatur-pa
чем ты литература-INS
‘Я лучше успеваю по математике, чем ты по литературе.’

Таким образом, употребление союзной стратегии облегчает задачу носителя чувашского языка в случае неканонических стандартов сравнения, особенно если они имеют при себе зависимые и/или противопоставлены объектам сравнения сразу по нескольким параметрам. Однако для более простых стандартов ее использование, напротив, может быть менее экономным. Согласно (почти) общепринятому анализу [Pancheva 2006; *inter alia*], союзные компаративы с производным падежным оформлением имеют клаузуальную природу, даже если внешне имеют

⁹ Аналогичную неоднозначность демонстрирует русская сравнительная конструкция с фиксированным генитивным оформлением стандарта, ср. *Мать беспокоится о дочери больше сына*.

облик именной (или предложной) группы, как в примере (35). Производный падеж должен приписываться какой-то вершиной, и наиболее естественным кандидатом оказывается опущенное (глагольное) сказуемое, входящее в состав стандарта. Ср. в русском:

русский

(37а) *Мать_i беспокоится о дочери больше, чем она_i беспокоится о сыне.*

(37б) *Мать беспокоится о дочери_i больше, чем сын беспокоится о ней_i.*

Для сравнительных конструкций с фиксированным падежным оформлением подобный эллиптический анализ невозможен или, во всяком случае, затруднителен. Он предполагает довольно избирательное опущение повторяющегося материала, а также заставляет постулировать на входе операции эллипсиса структуры, невозможные в языке на поверхностном уровне (см. анализ башкирского материала в [Тихомиров 2017: 434–436]; аналогичные аргументы действуют и для чувашского). Стандарт в таких конструкциях представляет собой составляющую (конкретнее, именную группу); таким образом, в случае простых канонических стандартов синтаксическое устройство всей конструкции оказывается проще по сравнению с конкурирующей союзной конструкцией, где происходит эллипсис клаузуальной структуры.

Исходя из этого, соблазнительно предположить, что между двумя конструкциями — исконной аблативной и заимствованной из русского союзной — должно наблюдаться своеобразное «разделение труда» (в духе [Moravcsik 2010]): первая будет тяготеть к употреблению с именными стандартами в ядерных аргументных ролях, вторая — скорее использоваться при синтаксически более сложно устроенных стандартах (ср. схожие рассуждения в [Холодилова 2018: 793–795], где распределение стратегий оформления стандарта в мокшанском языке увязывается с положением группы объекта сравнения на иерархии доступности). Хотя такое предположение выглядит вполне логичным, оно еще ждет подтверждения на языковом материале.

Принципиально различное синтаксическое устройство исконных и заимствованных сравнительных конструкций может служить аргументом против радикальной точки зрения, высказанной в [Silva-Corvalán 1998]. В этой работе утверждается, что калькирование или заимствование синтаксических моделей как таковое вообще невозможно; любое заимствование имеет лексический или семантико-прагматический характер. Оно может повлечь за собой дальнейшие изменения в синтаксисе, но только за счет переосмысления сферы употребления уже существующей в языке конструкции, поскольку всякое изменение, чтобы закрепиться, должно пройти через фильтр языковой системы. В частности, полемизируя с [Campbell 1987: 254–255], где союзные компаративы в языке пипиль приводятся как пример контактной инновации, С. Сильва-Корвалан отмечает, что таковые присутствуют уже в текстах на классическом науатле; таким образом, речь идет не о заимствовании новой синтаксической модели из доминантного языка, а вероятно, только о заимствовании материала и, возможно,

расширении сферы употребления уже существовавшей в языке модели [Silva-Corvalán 1998: 240].

Для чувашского и других тюркских языков России подобное рассуждение выглядит крайне сомнительно. «Нелюбовь» алтайских языков к финитным зависимым клаузам общеизвестна, и для предположения о наличии союзных компаративов в доконтактную эпоху нет никаких свидетельств (ср. [Серебренников, Гаджиева 1979: 277–288]). Чувашские союзные конструкции с производным падежным оформлением могут служить ярким примером того, как вместе с заимствованием материального показателя копируется и синтаксическая структура языка-донора.

5.2. Заимствование сравнительных союзов: семантико-прагматические факторы

Возвращаясь к вопросу о мотивации заимствования союзных компаративов чувашским языком (и другими языками мира, демонстрирующими схожее развитие), отметим, что системные факторы («заполнение лакуны») могут быть не единственной предпосылкой интересующего нас процесса. Обобщая значительный объем исследований, посвященных заимствованию грамматических единиц, Я. Матрас выделяет в качестве одного из возможных путей объяснения склонности той или иной языковой категории к заимствованию семантико-прагматические характеристики самой этой категории [Matras 2007: 34]. В частности, таким образом оказывается возможным объяснить, почему союзы и дискурсивные маркеры так часто заимствуются при контакте, а также почему одни союзы заимствуются легче и раньше других при действии идентичных социокультурных и системных факторов. В первую очередь подвергаются заимствованию единицы, маркирующие несоответствие выражаемой пропозиции ожиданиям слушающего: именно в таких контекстах, в которых эпистемический авторитет говорящего подвергается наибольшему риску ([Ibid.: 34–35], см. также [Matras 1998: 290–291]), наиболее вероятно переключение на прагматически доминантный язык с целью облегчить когнитивную нагрузку, привлечь внимание слушающего и гарантированно быть понятым. Со временем повторение таких переключений приводит к заимствованию соответствующей единицы из прагматически доминантного языка.

Хотя работы Я. Матраса и соавторов фокусируются на сочинительных и обстоятельственных союзах, рассмотрения в рамках того же подхода заслуживают и союзы, вводящие клаузальные стандарты сравнения. Как мы уже упоминали в начале этого раздела, эти специфические единицы обращают на себя внимание высокой склонностью к заимствованию. Для объяснения этого обстоятельства можно было бы привлечь логику Я. Матраса, если бы удалось показать, что использование сравнительных конструкций в дискурсе часто приходится на такие места, где требуется коррекция ожиданий слушающего. Интуитивно такое предположение кажется вероятным, но нам неизвестны работы, в которых оно проверялось бы, например, на корпусном материале.

5.3. Производное и фиксированное оформление стандарта в союзных конструкциях

К союзным конструкциям с фиксированным оформлением стандарта, описанным в разделе 4, объяснительная логика «заполнения лакуны», очевидно, неприменима. В свете соображений, высказанных в 5.1, соответствующие примеры выглядят парадоксально. Они содержат и специализированное оформление стандарта, и заимствованный из русского союз, использование которого кажется избыточным. При этом они не дают говорящему того выигрыша в однозначности и морфосинтаксической простоте, который предлагают конструкции с производно оформленными стандартами.

При всей своей внешней парадоксальности, такие конструкции далеко не уникальны. Случаи, когда заимствованный элемент дублирует исконное маркирование, во множестве описаны в литературе и представляются вполне типичными для контактных ситуаций ([Silva-Corvalán 1998] и цит. лит.). Так, обобщая большое количество данных по заимствованию испанских дискурсивных маркеров в индейские языки Центральной и Южной Америки, [Brody 1995: 140] отмечает, что заимствованная единица почти всегда выступает вместе с исконным элементом, выполняющим ту же функцию. Подобные случаи засвидетельствованы и в ситуациях контактов языков народов России с русским языком, в том числе при заимствовании элементов, более тесно встроенных в синтаксическую структуру предложения. Так в примере (38) из вымского диалекта коми-зырянского языка фигурирует сочетание заимствованного (< рус. *что*) и исконного комплементаризера (см. также [Попова 2015: 79]):

- (38) коми-зырянский
me i-g dumajt yštö-muj zer-m-as...
 я NEG.PST-1 думать.CN COMP-COMP идти.о.дожде-INCH-FUT.3SG
 ‘Я не думал, что будет дождь...’ [Жилина 1998: 64; цит. по Klumpp 2016: 543]

В примере (39а) из среднеамурского диалекта нанайского языка русский союз *если* вводит условную клаузу вместе с постпозитивным исконным маркером *oseni* (грамматикализованная личная форма от глагола ‘становиться’). В примере (39б) заимствованный союз *когда* сочетается с исконным дативным оформлением вершины временной клаузы:

- (39а) нанайский
Zulim если niči-naj buj-kin ose-ni,
 Дзюлин.obl если маленький-человек умирать-PST становиться.NPST-P.3SG
niči-ku Zuli-kəm-bə ango-či
 маленький-DIM Дзюлин-DIM-OBL делать-IPFV.NPST
 ‘Если младенец умер, делают маленьких Дзюлинчиков¹⁰.’ [Оскольская, Стойнова 2013: 377]

¹⁰ Дзюлины — нанайские деревянные идолы, охранители дома.

(39b) нанайский

təj moo-ka-n'=tani n'oan' когда žaŋg'ari-do-i
 тот дерево-DIM-P.3SG=a он когда болтать.NPST-DAT-P.REFL.SG
n'oan'=tani žara-či-i-n' ŋaala-du-i
 он=a брать-RES-NPST-P.3SG рука-DAT-P.REFL.SG
 'Эту палочку, когда он судит, он держит в своих руках.' [Ibid.: 376]

Каков механизм появления подобных «смешанных» конструкций в условиях контактного влияния? На этот вопрос можно предложить два противоположных ответа.

С одной стороны, конструкции с дублированием показателей могут возникать уже после того, как язык-реципиент заимствовал соответствующий грамматический элемент вместе с содержащей его синтаксической моделью, и представлять собой своего рода «контаминацию» исходной и скопированной моделей. С этой точки зрения чувашские конструкции, описанные в разделе 4, можно возвести к частотным (и потому в конечном итоге конвенционализированным) речевым сбоям между заимствованной из русского союзной конструкцией и исходными конструкциями с фиксированным оформлением стандарта.

Другая возможность заключается в том, что конструкции, которые мы выше поспешно окрестили «смешанными», напротив, диахронически первичны и отражают более раннюю стадию процесса синтаксического заимствования. Сначала под действием прагматических факторов, описанных в [Matras 1998, 2007], инородный союз или иной подобный грамматический элемент встраивается в исходную конструкцию, не меняя ее структуры, а уже на следующем этапе происходит копирование синтаксической модели языка-донора. Для чувашского случая это означает, что сперва появились конструкции типа (3) и (32)–(33), в которых присутствие заимствованного союза сигнализирует о введении в дискурс стандарта сравнения, но не оказывает влияния на оформление последнего, а потом уже развились конструкции типа (2) и (28)–(31), копирующие синтаксическую структуру русских союзных компаративов.

Синхронные чувашские данные, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют сделать однозначный выбор в пользу одной из этих гипотез. В существующей литературе данный вопрос также, как кажется, не удостоился того внимания, которого заслуживает. Первую точку зрения эксплицитно высказывает, например, К. Шамо-ро при обсуждении компаративов в языке пурепеча: конструкцию, в которой заимствованный из испанского маркер стандарта *ke* соседствует с исконным маркером *eška*, она рассматривает как результат «пурепечизации» исходной конструкции с *ke*, попытки носителей придать ей менее испанский характер [Chamoreau 2012: 63–64]. В то же время многие авторы скорее придерживаются (иногда неявно) второй точки зрения, которая хорошо согласуется с современными представлениями о постепенном и стадийном характере контактно-обусловленных изменений в синтаксисе [Heine, Kuteva 2005; Matras, Sakel 2007: 858]. Косвенно в ее пользу свидетельствуют также данные тех языков, в которых «чистая» заимствованная конструкция не засвидетельствована наряду со «смешанной» или употребляется гораздо реже. Так, (39b)

выше — единственный пример на заимствование союза *когда* в корпусе устных на-найских текстов, записанных в 2011–2012 гг. В диалекте диу индо-португальского креольского языка стандарт сравнения может вводиться при помощи заимствованного маркера *ki/kə* и «исконного» *də*¹¹ в разных комбинациях, однако в спонтанной речи носители используют только *də* или сочетание *kə də* (именно в таком порядке) [Cardoso 2012: 89–90]. Впрочем, опираясь на подобные наблюдения, следует учитывать ограниченность доступного языкового материала.

Итак, вопрос о том, какой тип сравнительных конструкций, вводимых союзом *кет*, — с фиксированным или производным оформлением стандарта — в чувашском языке первичен, мы предпочли бы пока оставить открытым, отметив, что представленные в литературе теоретические соображения и типологические свидетельства чаще указывают на более ранний характер конструкций с дублированием функций заимствованного и исконного маркера. Не исключено, что для разных случаев языковых контактов — и даже, возможно, для разных групп двуязычных носителей в рамках одной контактной ситуации — могут быть верными разные сценарии. Так, обращает на себя внимание, что в пурепеча «избыточное» маркирование [Chamoteau 2012: 63–64] имеет место в конструкциях эллиптического характера с производным оформлением стандарта, аналога которым, по-видимому, не было в доконтактном мичоаканском [Ibid.: 60–61], в то время как в чувашском оно фиксируется в конструкциях с фиксированным оформлением стандарта, которые в прочих отношениях тождественны исконным. Разработка типологии случаев дублирующего маркирования, которая учитывала бы и структурные характеристики задействованных конструкций, и социальные переменные контактных ситуаций, остается делом будущего.

Список сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ATTR — атрибутивизатор; attr.TMP — темпоральный атрибутивизатор; CAR — каритив; CAUS — каузатив; CMPR — компаратив; CN — коннегатив; COMP — комплементаризатор; CSL — каузалис; CV.ANT — деепричастие предшествования; CV.POST — деепричастие следования; CV.SIM — деепричастие одновременности; CV.TERM — предельное деепричастие; DAT — датив; DIM — диминутив; FREQ — фреквентатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; OBJ — объектный падеж; OBL — косвенный падеж; P — посессивность; PC.FUT — причастие будущего времени; PC.PST — причастие прошедшего времени; PL — множественное число; POT — потенциалис; PROP — проприетив; PST — прошедшее время; REC — реципрок; REFL — рефлексив; RES — результатив; SG — единственное число; VBZ — вербализатор.

¹¹ Согласно автору, восходит к аблативному предлогу в гуджарати, где тот выступает в качестве фиксированного маркера стандарта сравнения. Возможность влияния со стороны португальской частицы *de* У. Кардозу никак не комментирует.

Литература

Андреев Н. А. Имя прилагательное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. I: Морфология / отв. ред. И. П. Павлов. Чебоксары : Чувашское государственное изд-во, 1957. С. 62–106.

Ахвандерова А. Д. Проблемы территориальной дифференциации современного чувашского языка // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2016. 4 (92). С. 40–45.

Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань : Типо-литография Императорского ун-та, 1898. xxxiv + 392 + xix с.

Былинина Е. Г. Сравнительные конструкции // Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / ред. С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов. М. : БукиВеди, 2017. С. 448–465.

Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар : Пролог, 1998. 440 с.

Логвинова Н. Н. Непосессивные функции показателя посессивности третьего лица в малокарачкнском говоре чувашского языка // Acta linguistica petropolitana — Труды ИЛИ РАН. 2019. XV. 2. С. 86–129.

Луутонен Й. Характер выделительного аффикса *-i* и вопрос о категории выделительности в чувашском языке // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: Сб. ст. XI международного симпозиума (Чебоксары, 21–24 мая 2018) / сост. и отв. ред. А. М. Иванова, Э. В. Фомин. Чебоксары : ЧГУ, 2018. С. 194–199.

Оскольская С. А., Стойнова Н. М. Русские союзы в современном нанайском языке // Acta linguistica petropolitana — Труды ИЛИ РАН. 2013. IX. 3. С. 362–389.

Пенгитов Н. Т. (отв. ред.). Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола : Марийское книжное изд-во, 1961. 324 с.

Попова Э. Н. Союзы и союзные средства в коми языке. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 112 с.

Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку : Маариф, 1979. 304 с.

Тихомиров Д. О. Неканонические стандарты сравнения и фразовый подход к изучению компаративов в башкирском языке // Acta linguistica petropolitana — Труды ИЛИ РАН. 2017. XIII. 1. С. 423–438.

Федотов М. Р. Формы принадлежности 1-го и 3-го лица единственного числа в тюркских и финно-угорских языках в свете урало-алтайской общности // Чувашский НИИ. Ученые записки. 1970. Вып. 49. С. 177–183.

Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / ред. И. С. Галкин. Саранск : Изд-во Саратовского ун-та, Саранский фил.: 1990. 336 с.

Холодилова М. А. Сравнительные конструкции // Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / отв. ред. С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова. М. : БукиВеди, 2018, с. 779–798.

Юлдашев А. А. (отв. ред.). Грамматика современного башкирского литературного языка. М. : Наука, 1981. 495 с.

Alhoniemi A. Grammatik der Tscheremissischen (Mari). Mit Texten und Glossar. Hamburg : Helmut Buske Verlag, 1993. 276 S.

Álvarez J. B. Comparative constructions in Guajiro/Wayuunaiki // *Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales (Marakaibo)*. 2005. 21. 47. P. 9–46.

Brody J. Lending the “unborrowable”: Spanish discourse markers in indigenous American languages // *Spanish in four continents: Studies in bilingualism and language contact* / ed. by C. Silva-Corvalán. Washington, D.C. : Georgetown University Press, 1995. P. 132–147.

Campbell L. Syntactic change in Pipil // *International Journal of American Linguistics*. 1987. 53. 3. P. 253–280.

Campbell L. On proposed universals of grammatical borrowing // *Historical Linguistics 1989: Papers from the 9th International Conference on Historical Linguistics* / ed. by H. Aertsen, R. Jeffers. Amsterdam : John Benjamins, 1993. P. 91–109.

Cardoso H. C. Luso-Asian comparatives in comparison // *Ibero-Asian creoles: Comparative perspectives* / ed. by H. C. Cardoso, A. N. Baxter, M. Pinharanda Nunes. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 2012. P. 81–123.

Chamoreau C. Grammatical borrowing in Purepecha // *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective* / ed. by Y. Matras, J. Sakel. Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2007. P. 465–480.

Chamoreau C. Contact-induced change as an innovation // *Dynamics of contact-induced language change* / ed. by C. Chamoreau, I. Léglise. Berlin; Boston : Walter de Gruyter, 2012. P. 53–76.

Clark L. Chuvash // *The Turkic languages* / ed. by L. Johanson, É. Á Csató. London; New York : Routledge, 1998. P. 434–452.

Dixon R. M. W. Comparative constructions: A cross-linguistic typology // *Studies in Language*. 2008. 32. 4. P. 787–817.

Dobrovolsky M. Chuvash gemination revisited // *Calgary Working Papers in Linguistics*. 1996. 18. P. 31–46.

Gómez-Rendón J. Grammatical borrowing in Paraguayan Guaraní // *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective* / ed. by Y. Matras, J. Sakel. Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2007. P. 523–550.

Grant A. Fabric, pattern, shift and diffusion: What change in Oregon Penutian languages can tell historical linguists // *Proceedings of the Meeting of the Hokan-Penutian Workshop, June 17–18, 2000* / ed. by L. Buszard-Welcher. Berkeley, CA : UC Berkeley, 2002. P. 33–56.

Heine B., Kuteva T. Language contact and grammatical change. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. xvii + 308 p.

Hesselbäck A. Tatar and Chuvash code copies in Mari. Uppsala : Uppsala universitet, 2005. 180 p.

Hofstetter S. Selected issues in the theory of comparison: phrasal comparison in Turkish and a cross-linguistic perspective on intensifiers, negative island effects and the distribution of measure phrases. PhD Thesis. Eberhard-Karls-Universität, Tübingen, 2013. vi + 337 p.

Klumpp G. Semantic functions of complementizers in Permic languages // *Complementizer semantics in European languages* / ed. by K. Boye, P. Kehayov. Berlin; Boston : Walter de Gruyter, 2016. P. 529–586.

Kornfilt J. Turkish. London; New York : Routledge, 1997. xxxii + 575 p.

Krueger J.L. Chuvash manual: Introduction, grammar, reader and vocabulary. Bloomington : Indiana University, 1961. xiv + 271 p.

Luutonen J. Chuvash syntactic nominalizers: On *-ki* and its counterparts in Ural-Altaic languages. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. 130 S.

Matras Y. Utterance modifiers and the universals of grammatical borrowing // *Linguistics*. 1998. 36. 2. P. 281–331.

Matras Y. On the borrowability of grammatical categories // *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective* / ed. by Y. Matras, J. Sakel. Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2007. P. 31–74.

Matras Y., Sakel J. Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence // *Studies in Language*. 2007. 31. 4. P. 829–865.

Moravcsik E.A. Conflict resolution in syntactic theory // *Studies in Language*. 2010. 34. 3. P. 636–669.

Nugteren H. Amdo Altaic directives and comparatives based on the verb ‘to see’ // *Paradigm change in the Transeurasian languages and beyond* / ed. by M. Robbeets, W. Bisang. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 2014. P. 243–256.

Pancheva R. Phrasal and clausal comparatives in Slavic // *Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL) 14: The Princeton Meeting* / ed. by J. Lavine, S. Franks, M. Tasseva-Kurkchieva, H. Filip. Ann Arbor, MI : University of Michigan Press, 2006. P. 236–257.

Potsdam E. A direct analysis of Malagasy comparatives // *Florida Linguistics Papers*. 2017. 4. 2. P. 1–24.

Sakel J. Types of loan: Matter and pattern // *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective* / ed. by Y. Matras, J. Sakel. Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2007. P. 15–29.

Silva-Corvalán C. On borrowing as a mechanism of syntactic change // *Romance linguistics: Theoretical perspectives* / ed. by A. Schwegler, B. Tranel, M. Uribe-Etxebarria. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 1998. P. 225–246.

Stassen L. The comparative compared // *Journal of Semantics*. 1984. 3. 1/2. P. 143–182.

Stassen L. Comparison and universal grammar. Oxford : Basil Blackwell, 1985. x + 373 p.

Stassen L. Comparative constructions // *The World Atlas of Language Structures Online* / ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. Leipzig : MPI EVA, 2013. (available online at: <http://wals.info/chapter/121>).

Stolz Chr., Stolz Th. Spanisch-amerindischer Sprachkontakt: Die “Hispanisierung” mesoamerikanischer Komparationsstrukturen // *Iberoamericana*. 1995. 19. 2/3 (58/59). P. 5–42.

Stolz Chr., Stolz Th. Hispanicised comparative constructions in indigenous languages of Austronesia and the Americas // *Lo propio y lo ajeno en las lenguas austronésicas y amerindias. Procesos interculturales en el contacto de lenguas indígenas con el español en el Pacífico e Hispanoamérica* / ed. por K. Zimmermann, Th. Stolz. Frankfurt a.M. : Vervuert, 2001. P. 35–56.

Корпуса

УКБЯ — Овсянникова М.А., Сай С.С., Аглонова Е.С., Сметина А.С., Сокур Е.О. Устный корпус башкирского языка дер. Рахметова и с. Баймово. СПб. : ИЛИ РАН, М. : Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. (Доступно онлайн по адресу: https://linghub.ru/oral_bashkir_corpus/, дата обращения 11.05.2019).

Dmitry Gerasimov

*Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
dm.gerasimov@gmail.com*

PARTICLE COMPARATIVES IN SPOKEN CHUVASH

The paper deals with borrowing of the Russian comparative particle into Chuvash, a language that primarily employs fixed-case locational strategy for encoding of comparison. The study is based on elicitation data collected during field trips to Maloe Karachkino, Yadrinsky District of Chuvashia, in 2017–2018. Against the background of native Chuvash comparatives, two types of contact-induced constructions are considered: those that replicate the syntactic structure of their Russian counterparts, and those that incorporate the Russian particle into unmodified native structure. The Chuvash data are discussed in a broader theoretical and typological context. I consider factors that motivate borrowing of comparative particles, both structural (disambiguation, ease of processing, avoidance of complex morphosyntactic operations) and pragmatic (correction of the addressee's expectations). Finally, I briefly discuss the question of which type of particle comparatives arises earlier in comparable contact situations.

Keywords: Chuvash, comparatives, standard of comparison, language contact, grammatical borrowing, pattern borrowing, pattern replication, Russian, Turkic

References

Alhoniemi A. *Grammatik der Tscheremissischen (Mari). Mit Texten und Glossar.* Hamburg, Helmut Buske Verlag, 1993. 276 S.

Álvarez J.B. Comparative constructions in Guajiro/Wayuunaiki. *Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales (Marakaibo)*, 2005, 21, 47, pp. 9–46.

Andreev N. A. [Adjective]. *Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka. Ch. I: Morfologiya* [Modern Ghuvash grammar materials. Part I: Morphology]. Ed. by I. P. Pavlov. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1957, pp. 62–106. (In Russ.)

Akhvanderova A. D. [Problems of territorial differentiation of modern Chuvash]. *Vestnik ChGPU im. I. Ya. Yakovleva*, 2016, 4 (92), pp. 40–45. (In Russ.)

Ashmarin N. I. *Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka* [Materials for the study of the Chuvash tongue]. Kazan, Typo- and Lithography of the Kazan Imperial University, 1898. xxxiv + 392 + xix p. (In Russ.)

Brody J. Lending the “unborrowable”: Spanish discourse markers in indigenous American languages. *Spanish in four continents: Studies in bilingualism and language contact*. Ed. by C. Silva-Corvalán. Washington, D. C. : Georgetown University Press, 1995, pp. 132–147.

Bylinina E. G. [Comparative clauses]. *Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii. Misharskii dialekt* [Elements of Tatar in a typological perspective: the Mishar dialect]. Ed. by S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaya, D. Sh. Suleimanov. Moscow, BukiVedi Publ., 2017, pp. 448–465. (In Russ.)

Campbell L. On proposed universals of grammatical borrowing. *Historical Linguistics 1989: Papers from the 9th International Conference on Historical Linguistics*. Ed. by H. Aertsen, R. Jeffers. Amsterdam, John Benjamins, 1993, pp. 91–109.

Campbell L. Syntactic change in Pipil. *International Journal of American Linguistics*, 1987, 53, no. 3, pp. 253–280.

Cardoso H. C. Luso-Asian comparatives in comparison. *Ibero-Asian creoles: Comparative perspectives*. Ed. by H. C. Cardoso, A. N. Baxter, M. Pinharanda Nunes. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2012, pp. 81–123.

Chamoreau C. Contact-induced change as an innovation. *Dynamics of contact-induced language change*. Ed. by C. Chamoreau, I. Léglise. Berlin, Boston, Walter de Gruyter, 2012, pp. 53–76.

Chamoreau C. Grammatical borrowing in Purepecha. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Ed. by Y. Matras, J. Sakel. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2007, pp. 465–480.

Clark L. Chuvash. *The Turkic languages*. Ed. by L. Johanson, É. Á. Csató. London, New York, Routledge, 1998, pp. 434–452.

Dixon R. M. W. Comparative constructions: A cross-linguistic typology. *Studies in Language*, 2008, 32, no. 4, pp. 787–817.

Dobrovolsky M. Chuvash gemination revisited. *Calgary Working Papers in Linguistics*, 1996, 18, pp. 31–46.

Fedotov M. R. [Possessive forms of the 1st and 3rd person singular in Turkic and Finno-Ugric languages in the light of the Ural-Altaic relationship]. *Chuvashskii NII. Uchenye zapiski* [Chuvash Research Institute. Proceedings]. 1970, no. 49, pp. 177–183. (In Russ.)

Fedotov M. R. *Chuvashsko-mariiskie yazykovye vzaimosvyazi* [Chuvash-Mari linguistic interrelations]. Ed. by I. S. Galkin. Saransk, Saratov University Press, Saransk branch, 1990. 336 p. (In Russ.)

Gómez-Rendón J. Grammatical borrowing in Paraguayan Guaraní. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Ed. by Y. Matras, J. Sakel. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2007, pp. 523–550.

Grant A. Fabric, pattern, shift and diffusion: What change in Oregon Penutian languages can tell historical linguists. *Proceedings of the Meeting of the Hokan-Penutian Workshop, June 17–18, 2000*. Ed. by L. Buszard-Welcher. Berkeley, CA, UC Berkeley, 2002, pp. 33–56.

Heine B., Kuteva T. *Language contact and grammatical change*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. xvii + 308 p.

Hesselbäck A. *Tatar and Chuvash code copies in Mari*. Uppsala, Uppsala universitet, 2005. 180 p.

Hofstetter S. *Selected issues in the theory of comparison: phrasal comparison in Turkish and a cross-linguistic perspective on intensifiers, negative island effects and the distribution of measure phrases*. PhD Thesis, Eberhard-Karls-Universität, Tübingen, 2013. vi + 337 p.

Kholodilova M. A. [Comparative clauses]. *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii* [Elements of Moksha in a typological perspective]. Ed. by S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova. Moscow, BukiVedi Publ., 2018, pp. 779–798. (In Russ.)

Klumpp G. Semantic functions of complementizers in Permic languages. *Complementizer semantics in European languages*. Ed. by K. Boye, P. Kehayov. Berlin, Boston, Walter de Gruyter, 2016, pp. 529–586.

Kornfilt J. *Turkish*. London, New York, Routledge, 1997. xxxii + 575 p.

Krueger J. L. *Chuvash manual: Introduction, grammar, reader and vocabulary*. Bloomington, Indiana University, 1961. xiv + 271 p.

Logvinova N. N. [Non-possessive functions of the 3sg possessive marker in Poshkart Chuvash]. *Acta linguistica petropolitana* — Trudy ILI RAN., 2019, XV, 2, pp. 86–129. (In Russ.)

Luutonen J. *Chuvash syntactic nominalizers: On -ki and its counterparts in Ural-Altaic languages*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2011. 130 S.

Luutonen J. [The character of the distinctive affix *-i* and the question of the category of distinction in the Chuvash language]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala: Sb. st. XI mezhdunarodnogo simpoziuma (Cheboksary, 21–24 maya 2018)* [Language contacts of the Volga and the Ural regions peoples: Proceedings of the XIth International Symposium (Cheboksary, May 21–24, 2018)]. Ed. by A. M. Ivanova, E. V. Fomin. Cheboksary, Chuvash State University, 2018, pp. 194–199. (In Russ.)

Matras Y. On the borrowability of grammatical categories. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Ed. by Y. Matras, J. Sakel. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2007, pp. 31–74.

Matras Y. Utterance modifiers and the universals of grammatical borrowing. *Linguistics*, 1998, 36, no. 2, pp. 281–331.

Matras Y., Sakel J. Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence. *Studies in Language*, 2007, 31, no. 4, pp. 829–865.

Moravcsik E. A. Conflict resolution in syntactic theory. *Studies in Language*, 2010, 34, no. 3, pp. 636–669.

Nugteren H. Amdo Altaic directives and comparatives based on the verb ‘to see’. *Paradigm change in the Transeurasian languages and beyond*. Ed. by M. Robbeets, W. Bisang. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2014, pp. 243–256.

Oskol'skaya S. A., Stoinova N. M. [Russian conjunctions in the modern Nanai language]. *Acta linguistica petropolitana* — Trudy ILI RAN, 2013, IX, 3, pp. 362–389. (In Russ.)

Pancheva R. Phrasal and clausal comparatives in Slavic. *Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL) 14: The Princeton Meeting*. Ed. by J. Lavine, S. Franks, M. Tasseva-Kurkchieva, H. Filip. Ann Arbor, MI, University of Michigan Press, 2006, pp. 236–257.

Popova E. N. *Soyuzy i soyuznye sredstva v komi yazyke* [Connective and connective word in the Komi language]. Syktyvkar, Institute for Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. 112 p. (In Russ.)

Potsdam E. A direct analysis of Malagasy comparatives. *Florida Linguistics Papers*, 2017, 4, no. 2, pp. 1–24.

Sakel J. Types of loan: Matter and pattern. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Ed. by Y. Matras, J. Sakel. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2007, pp. 15–29.

Serebrennikov B. A., Gadzhieva N. Z. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [Comparative grammar of Turkic languages]. Baku, Maarif Publ., 1979. 304 p. (In Russ.)

Silva-Corvalán C. On borrowing as a mechanism of syntactic change. *Romance linguistics: Theoretical perspectives*. Ed. by A. Schwegler, B. Tranel, M. Uribe-Etxebarria. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 1998, pp. 225–246.

Stassen L. *Comparison and universal grammar*. Oxford, Basil Blackwell, 1985. x + 373 p.

Stassen L. The comparative compared. *Journal of Semantics*, 1984, 3, no. 1/2, pp. 143–182.

Stassen L. Comparative constructions. *The World Atlas of Language Structures Online*. Ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. Leipzig, MPI EVA, 2013. (available online at: <http://wals.info/chapter/121>).

Stolz Chr., Stolz Th. Hispanicised comparative constructions in indigenous languages of Austronesia and the Americas. *Lo propio y lo ajeno en las lenguas austronésicas y amerindias. Procesos interculturales en el contacto de lenguas indígenas con el español en el Pacífico e Hispanoamérica*. Ed. por K. Zimmermann, Th. Stolz. Frankfurt a.M., Vervuert, 2001, pp. 35–56.

Stolz Chr., Stolz Th. Spanisch-amerindischer Sprachkontakt: Die “Hispanisierung” mesoamerikanischer Komparationsstrukturen. *Iberoamericana*. 1995, 19, no. 2/3 (58/59), pp. 5–42.

Tikhomirov D. O. [Non-canonical standards of comparison and phrasal approach to comparatives in the Bashkir language]. *Acta linguistica petropolitana* — Trudy ILI RAN, 2017, XIII, 1, pp. 423–438. (In Russ.)

Yuldashev A. A. (otv. red.). *Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka* [A grammar of modern literary Bashkir]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 495 p. (In Russ.)

Zhilina T. I. *Vymskii dialekt komi yazyka* [Vym dialect of the Komi language]. Syktyvkar, Prolog Publ., 1998. 440 p. (In Russ.)

Corpora

Ovsjannikova M., Say S., Aplonova E., Smetina A, Sokur E. Oral corpus of Bashkir spoken in Rakhmetovo and Baimovo. Saint Petersburg : Institute for Linguistic Studies; Moscow : Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE. (Available online at https://linghub.ru/oral_bashkir_corpus/, accessed on 11.05.2019).

В. Ю. Гусев

Гамбургский университет / Институт языкознания РАН
(Германия, г. Гамбург / Россия, г. Москва)
vgoussev@yandex.ru

О КАМАСИНСКОМ ПОСТПОЗИТИВНОМ УСЛОВНО-ВРЕМЕННОМ СОЮЗЕ *DAK*¹

Статья посвящена условно-временному союзу *dak* в речи последних носителей камасинского языка. В статье показывается, что *dak*, заимствованный из местного русского диалекта севернорусского типа, в эритажном камасинском языке стал единственным показателем условной связи и одним из двух временных союзов.

Ключевые слова: камасинский язык; условные союзы; эритажные языки; русские старожильческие диалекты; частица *dak*.

1. Введение

Камасинский язык — один из самодийских языков, на котором говорили до середины XX века на юге Красноярского края, к юго-востоку от Красноярска. Не считая небольших списков слов XVIII и XIX вв., основные данные о нем были собраны в 1847 г. М. А. Кастреном [Castrén 1855] и в 1912 и 1914 гг. К. Доннером; при этом только материалы Доннера включали тексты и достаточный материал для составления грамматического описания, которое было сделано и опубликовано А. Йоки [Donner-Joki 1944]. Начиная с 1920-х гг., после статьи А. Я. Тугаринова [1926], камасинский язык считался исчезнувшим.

Однако в 1963 г. члены экспедиции под руководством А. К. Матвеева встретили в селе Абалаково Красноярского края Клавдию Захаровну Плотникову (Анджигатову), которая помнила камасинский язык (см. [Матвеев 1965]). В 1963, 1964 и 1970 гг. от нее, в основном А. Кюннапом, было сделано около 14 часов

¹ Первый вариант этой статьи был представлен в качестве доклада на конференции «Языки народов России в контакте с русским языком» (Москва, Институт русского языка РАН, 30 ноября — 1 декабря 2018 г.). Мы признательны М. Б. Бергельсон, Н. Р. Добрушиной, Е. В. Кашкину, А. А. Кибрику, Н. М. Стойновой и Т. Е. Янко за ценные комментарии к докладу и за указания на важные источники.

записей — около 11,5 часов по-камасински, около 2,5 часов по-русски. Эти записи представляют собой либо рассказы о прошлых или текущих событиях, либо изложение по-камасински русских и других сказок, которые, очевидно, сначала зачитывались интервьюером по-русски². Помимо К.З. Плотниковой, в 1964 г. в Красноярске было записано около 25 минут от Александры Елисеевны Савельевой (Джибьевой). Фрагменты записей Плотниковой были опубликованы А. Кюннапом [Künnap 1976–1992], а оставшаяся (бóльшая) часть записей находилась в архивах Эстонии и Финляндии. Часть из них была обработана Г. Клумппом в 1998 г. [Klumpp 2002: 28]. В 2016–2019 в университете Гамбурга в рамках проекта INEL³ все имеющиеся камасинские аудиозаписи были еще раз переслушаны, расшифрованы и переведены.

К моменту своей встречи с экспедицией Матвеева в 1963 г. К.З. Плотникова не говорила по-камасински уже около 20 лет. Постепенно ее знания активизировались, однако основным языком для нее все равно оставался русский — что видно, например, из сравнения фрагментов, повествующих об одних и тех же событиях по-русски и по-камасински: первые неизменно длиннее и более богаты деталями, а вторые очень лаконичны. По крайней мере в отношении синтаксиса и дискурсивной организации — а также во многом лексики — камасинский язык Плотниковой практически калькирует русский («Die Sprachform dieser Texte ist indes stark korruptiert, die Syntax fast durchweg Russisch» [Klumpp 2002: 27]). Это иллюстрируют, например, следующие предложения, в которых русские элементы и грамматические кальки выделены полужирным⁴:

- (1) **I** dīgəttə dī **ved'ma**-m kuʔ-pi-ʔi, **a** bos-tən bazoʔ **davaj** amno-s'tə.
и потом этот **ведьма**-ACC убить-PRAET-3PL **а** сам-3PL опять INCH жить-INF
 'И потом они эту ведьму убили, а сами опять стали жить' (PKZ_196X_
 Alenushka2_continuation_flk.029)

² В большинстве случаев ради экономии пленки ни реплики интервьюеров, ни русская речь самой Плотниковой не записывались, что значительно усложнило расшифровку и интерпретацию записей. Однако в 1970 г. К.З. Плотникова была приглашена на проходивший в Таллине III Конгресс финно-угроведов, и там было проведено еще несколько сеансов записи общей длительностью около 3,5 часов; эти записи делались специалистами из Финляндии, у которых было «пленки сколько угодно», и там разговор записывался целиком. Благодаря этому у нас есть достаточно обильный материал по русской речи Плотниковой.

³ Руководитель проекта — Беата Вагнер-Надь; в обработке камасинского материала принимали участие Тиина Клоостер и автор настоящей статьи, см. [Gusev, Klooster 2018]. Публикация подготовлена в рамках исследовательской Программы Академий, совместно финансируемой Федеральным правительством Германии и Федеральными землями, при участии Федерального министерства образования и научных исследований и Вольного и ганзейского города Гамбурга. Программа Академий координируется Союзом Академий наук Германии. Поиск по корпусу с возможностью прослушивания находится по адресу <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/KamasCorpus/search>.

⁴ При каждом примере указывается название текста в корпусе и номер предложения. При цитировании примеров здесь и далее мы опускаем незначимые оговорки и самоисправления.

- (2) *Īmbi tānan kere?, büz'e?* —
 что ты.DAT надо мужчина
Da mǎn štoĭi i-bie-m tsar, a mǎn nūke-m tsaritsa.
 да я чтобы быть-PRAET-1SG царь а я жена-1SG царица
 ‘Что тебе нужно, старик? — Да чтобы я был царём, а моя жена царицей’
 (PKZ_196X_GreedyWife_flk.041–042).

Камасинский язык, представленный в записях А. Е. Джибьевой, еще более редуцирован.

Таким образом, имеющиеся у нас данные по камасинской грамматике распадаются на два класса (учитывая, что у Кастрена и в более ранних записях представлены только отдельные слова, без предложений и тем более без текстов). Первый — это «старые» материалы начала XX в. Кая Доннера, условно «до языкового сдвига» — хотя, по-видимому, уже в то время все камасинцы были двуязычны, и сам Доннер был невысокого мнения об их знании языка [Donner-Joki 1944: XC]. Второй — это массив записей 1960-х гг. от К. З. Плотниковой и А. Е. Джибьевой, которых следует, видимо, классифицировать как «эритажных» носителей: они много лет говорили только по-русски и камасинский язык только вспоминали. В англоязычных публикациях принято говорить, соответственно, о «pre-shift Kamas» и «post-shif Kamas» — например, [Klumpp 2015; Klooster 2015] и др.

В этой статье мы рассмотрим постпозитивный союз *dak*, который оформляет в «эритажном» камасинском языке условные, а частично и временные конструкции. В разделе 2 мы рассмотрим различные подтипы употребления этого союза; в разделе 3 будет показана его просодия; в разделе 4 мы рассмотрим его в сравнении с частицей *dak* в севернорусских диалектах.

2. Семантика *dak*

Условно-временной союз *dak* встречается в записях Плотниковой и Джибьевой многократно (49 и 7 раз на примерно 39000 и 1300 словоформ, соответственно). Этот союз ставится в конце протазиса; после *dak* (то есть перед аподозисом) может быть пауза, но перед ним паузы никогда не бывает. Ср. примеры на реальное (3)–(5) и ирреальное (6) условие:

- (3) *Tibi dak, büz'e-m to-lə-j.*
 мужчина ДАК муж-1SG быть-FUT-3SG
Ne dak, hele-m to-lə-j
 женщина ДАК друг-1SG быть-FUT-3SG
 ‘Если это мужчина, будет моим мужем. Если это женщина, будет моей подругой’ (PKZ_196X_SU0225.176–177).

- (4) *Bīt-le-l dak, kulal-lə-l. A ej bīt-le-l dak kond'o*
 пить-FUT-2SG **DAK** умереть-FUT-2SG а не пить-FUT-2SG **DAK** долго
amno-la-l.
 жить-FUT-2SG
 ‘Если будешь пить, то умрешь. А если не будешь пить, так долго будешь жить’ (PKZ_1964_SU0206.141).
- (5) *Akt'a naga dak ĩmbidə ej i-lə-l.*
 деньги нет **DAK** что-то NEG взять-FUT-2SG
 ‘Денег нет, так ничего не купишь’ (PKZ_196X_SU0210 62).
- (6) *Am-bia-m mǎn poʔto al'i ej am-bia-m?*
 есть-PRAET-1SG я коза или NEG есть-PRAET-1SG
Am-bia-m bji dak mǎn nanə-m bji urgo i-bi.
 есть-PRAET-1SG бы **DAK** я живот-1SG бы большой быть-PRAET
Naverno, ej am-bia-m.
 наверное NEG есть-PRAET-1SG
 ‘Съел я козу или не съел? Если бы съел, то мой живот был бы большой. Наверное, не съел’ (PKZ_196X_StupidWolf_flk.054–056).

С помощью *dak* оформляются все конструкции, которые в русском языке могут содержать союз *если*. Помимо приведенных выше есть и другие конструкции, которые подразумевают условную связь между двумя частями предложения (см. о семантике условия [Храковский 1998]), хотя в их русских аналогах/переводах союз *если* может быть не обязателен или даже невозможен. К таким типам конструкций относятся, например, условие, которое полагается заведомо истинным (русское *раз* наряду с *если*, пример (7) или уступительная генерализованная конструкция по [Храковский 2004: 77–79] (8):

- (7) *Da tān ša:m-nia-l! — A ša:m-nia-m dak,*
 ptcl ты лгать-PRAES-2SG а лгать-PRAES-1SG **DAK**
det-tə māna zolotoj jabloko.
 дать-IMP.2SG я.DAT золотой яблоко
 ‘Да ты врешь! — А если я вру, дай мне золотое яблоко’ (PKZ_196X_GoldenApple_flk.012–013)
- (8) *Īmbi mǎl-lə-j dak üge jakše mo-gaʔ.*
 что сказать-FUT-3SG **DAK** всегда хорошо быть-IMP.2PL
 ‘Что он ни скажет, всегда [отвечают]: «хорошо»’ (PKZ_196X_StupidMan_flk.004).

Союз *dak* является практически единственным показателем условной конструкции в «эритажном» камасинском языке. Русские *если*, *ежели*, в отличие от многих других русских грамматических элементов, почти не заимствуются — *если* встретилось всего два раза у К.З. Плотниковой, *ежели* — один раз у А.Е. Джибьевой, ср.:

- (9) *Jesli* *izembi* *uda* *ili* *uju*, *ili* *bǎʔ-pi*, *dī*
если болеть-PRAET рука или нога или резать-PRAET тот
izem-nie, *dī-gəttə* *dī-zeŋ* *kam-bi-ʔi* *dʲje-nə*.
 болеть-PRAES тот-ABL тот-PL пойти-PRAET-3PL лес-DAT
 ‘Если болела рука или нога, или [кто-то что-то] порезал [и] оно болит, тогда они шли в лес’ (PKZ_1970_F0205–01.247).
- (10) *Ježeli* *nörbə-zittə*, *bile* *il* *molam*.
ежели говорить-INF плохой человек стать-FUT-1SG
 ‘Если [буду] говорить, стану плохим человеком’ (SAE_196X_SU0232.200).

Единственный раз встречается союз *кабы*, причем в сочетании с *dak*:

- (11) *Kond’o* *kunol-bia-l*, *kabj* *ej mǎn dak*, *tǎn üge* *bj* *kunol-bia-l*.
 долго спать-PRAET-2SG **кабы** не я **ДАК** ты всегда бы спать-PRAET-2SG
 ‘Ты долго спал, если бы не я, ты вечно бы спал’ (PKZ_196X_FireBird_flk.172).

Поскольку это пример из перевода русской сказки («Иван-Царевич и серый волк»), можно предположить, что *кабы* здесь обязано своим присутствием архаизирующему стилю русского оригинала (*Кабы не я, ты вечно бы спал*).

Во временных придаточных используется союз *kamen* ‘когда’ (полный функциональный аналог русского *когда*, употребляющийся также в вопросах и, в формах *kamendə* и *kamen-nibudʲ*, как неопределенное местоимение ‘когда-то’):

- (12) *Kamen* *bazaj* *jama-ʔi* *a-lə-l*, *iʔt-lə-l*,
когда железный сапог-PL сделать-FUT-2SG разорвать-FUT-2SG
dī-gəttə *mǎna* *ku-la-l*.
 тот-ABL я.ACC найти-FUT-2SG
 ‘Когда ты железные сапоги сделаешь, их сносишь, тогда ты меня найдешь’
 (PKZ_196X_Finist_flk.049)

Однако *dak* может употребляться вместе с *kamen*, а иногда и вместо него:

- (13) *Kamen* *tǎŋ* *izəm-bi* *dak*, *dī-zeŋ* *a-bi-ʔi*,
 когда сильно болеть-PRAET **ДАК** тот-PL делать-PRAET-3PL
plastirʲ *em-bi-ʔi*.
 пластырь класть-PRAET-3PL
 ‘Если сильно болела [рана], они делали [и] накладывали пластырь из смолы’ (PKZ_1970_F0205-02.215)
- (14) *Kamen* *ka-la-l* *Kan-Okler-də* *dak*, *dīn uga:ndə* *urgo* *mǎja*.
 когда идти-FUT-2SG Кан-Оклер-DAT **ДАК** там очень большой гора
 ‘Когда идешь в Кан-Оклер [название села], там очень большая гора’
 (PKZ_1970_F0205-01.220)
- (15) *Tǎn* *taldʲen* *kajaʔ* *i-bie-l* **dak**, *edə-bie-lʲ*?
 ты вчера масло взять-PRAET-2SG **ДАК** вешать-PRAET-2SG
 ‘Ты когда вчера брала масло, ты его взвешивала?’ (PKZ_196X_SU0215.001)

В имеющихся примерах с русскими союзами *jesli* и *ježeli* (9), (10) элемент *dak* отсутствует.

Помимо условных конструкций, *dak* встречается в камасинских материалах как частица, сходная с русской *так*:

- (16) *Dak tǎn ej mǎn ne-m, a dō mǎn ne-m.*
так ты не я жена-1SG а этот я жена-1SG
 ‘Так ты не моя жена, а это моя жена’ (PKZ_196X_Finist_continuation_flk.067).
- (17) *Dak mǎn naga, a tǎn iǵe.*
так я нет а ты быть.PRAES
 [Почему ты взял деньги?] ‘Так у меня нет, а у тебя есть’ (SAE_196X_SU0232.090).
- (18) *Ne dak ne, ot dak ne dak ne.*
 женщина **так** женщина вот **так** женщина **так** женщина
 ‘Ну и баба, вот так баба так баба!’ (PKZ_196X_SU0221.91)

Такие употребления не относятся напрямую к нашей теме⁵ и далее не рассматриваются.

В материалах К. Доннера *dak* не встретился ни разу, а условные и временные клаузы оформляются общесамодийским деепричастием на *-bi*:

- (19) *Amno-ga?, es-seŋ! T’ili i-bi-n’ə, par-bi-n’ə*
 жить-IMP.2SG ребенок-PL жив **быть-COND-1SG вернуться-COND-1SG**
i-lə-m ši?n’ile?
 взять-FUT-1SG вы.ACC
 ‘Живите, дети! Если я жив буду, если я вернусь, я вас заберу’ (AA_1914_Brothers_flk.042–043).

Напротив, в записях 1960-х годов деепричастие на *-bi* полностью отсутствует.

Таким образом, как мы видим, *dak* является стандартным — и фактически единственным — средством выражения условной семантики в камасинском языке 1960-х годов.

3. Позиция и просодия *dak*

Как было сказано, *dak* ставится после условной клаузы. В одном примере после *dak* стоит еще частица *bar* (вообще очень частотная эмфатическая энклитика в речи Плотниковой), что доказывает, что *dak* входит именно в протазис, а не в аподозис:

⁵ Хотя, безусловно, в конечном счете эти употребления связаны, и в севернорусских диалектах можно говорить о едином «аргументативном» значении *dak*, см. [Post 2005].

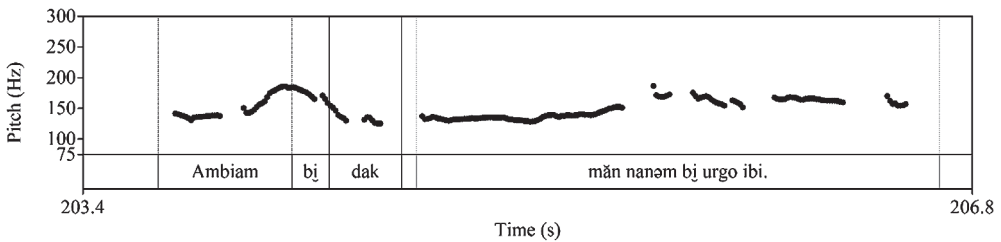
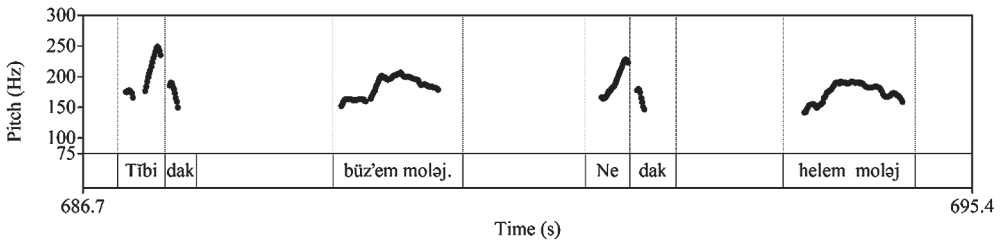
- (20) *Mu-ʔjə ugandə iʔgö d'ije-gən. Ka-la-l dak bar,*
 ветка-PL очень много лес-LOC идти-FUT-2SG **DAK** PTCL
üge üjü-zi tonəʔ-la-l.
 всегда нога-INSTR наступить-FUT-2SG
 ‘Веток очень много в лесу. Когда идешь, все время [на них] ногами наступаешь’ (PKZ_196X_SU0218.082)

Еще в одном случае протазис стоит после главной части; соответственно, *dak* оказывается в конце предложения:

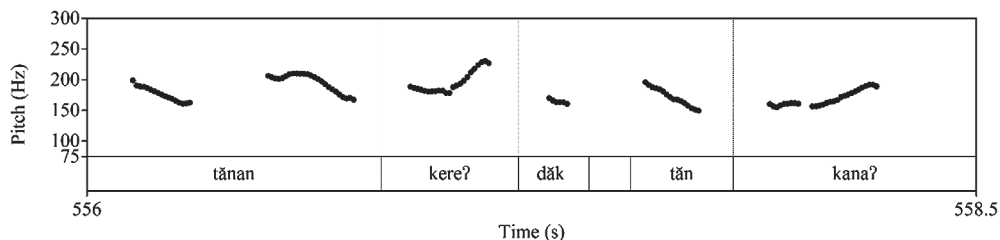
- (21) *A to dī kurohūʔ-lə-j, iʔkən ej i-lie-l dak.*
 а то тот ругаться-FUT-3SG ??? NEG взять-PRAES-2SG **DAK**
 ‘А то он будет ругаться, если ты не возьмешь [деньги]’
 (PKZ_19700821_09339_2bz.551).

Просодически *dak* является энклитикой: оно примыкает к предыдущему сегменту, т. е. к протазису, и тон на нем падает.

То, что *dak* относится к протазису, ясно видно в примерах (20) и (21), где оно оказывается перед другой энклитикой или в абсолютном конце предложения. Но даже когда условная часть стоит в начале предложения, перед *dak* никогда не бывает паузы. Этим оно отличается от условного *tak* в русском литературном языке (*Пришел — так заходи*). Зато пауза часто бывает после *dak*, ср. интонационные контуры предложений (3) и (6), а также (22):

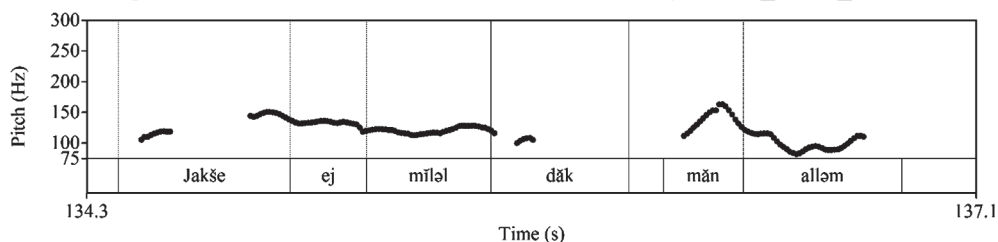

- (22) *tānan kereʔ dak tān kan-aʔ.*
 ты.DAT надо **DAK** ты идти-IMP
 ‘Тебе надо, так ты и иди’ (PKZ_196X_SU0215.122)

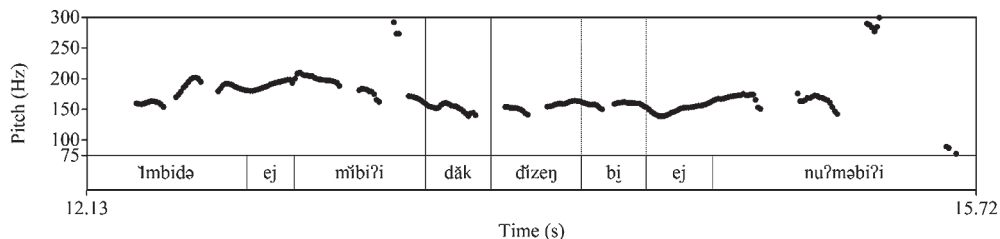
При спокойном произнесении сильного изменения тона может не быть, как в примере (23) ниже, взятом из записей А. Е. Джибьевой; однако и в этом случае небольшое падение тона на *dak* все же есть:

- (23) *Jakše, ej mīləl dāk, mǎn alləm.*
 хорошо NEG дать-FUT-2SG **DAK** я идти-FUT-1SG
 ‘Хорошо, если ты не дашь [меня побить], я пойду’. SAE_196X_SU0231.036)

Наконец, во многих случаях обе части предложения произносятся слитно, как в следующем примере. Отсутствие паузы не дает возможности однозначно провести границу между клаузами, но на графике видно, что на *dak*, как и в других случаях, понижение тона все-таки происходит:

- (24) *Ĭmbidə ej mī-bi-ʔi dāk dī-zeŋ bī ej nuʔmə-bi-ʔi.*
 что-то NEG дать-PRAET-3PL **DAK** тот-PL бы NEG бежать-PRAET-3PL
 ‘Если бы [детям] ничего не дали, они бы не прибежали’ (PKZ_196X_Children_flk.006).

4. *Dak* на фоне данных севернорусских диалектов

Происхождение *dak* достаточно очевидно. *Dak* — очень распространенная частица в северных русских диалектах, которые, как известно, дали начало и русским старожильческим говорам Сибири. Русская речь Плотниковой несет явный

отпечаток северных диалектов, включая такие особенности, как стяжение сочетаний с *j* (*знат, така, красива*), творительный падеж мн. ч., совпадающий с дательным (*ногам поточчу* [грибы]) (ср. [Касаткин 2005: 71, 129, 137]) и др. Частице *дак* посвящена обширная литература, в том числе большая диссертация [Post 2005], в которой рассматривается употребление *дак* в одном из говоров Кольского полуострова (см. там же обзор более ранних работ).

Маргье Пост, рассматривая, в частности, условные и временные конструкции вида *A дак B*, показывает, что *дак* в этих сочетаниях чаще является энклитикой [Post 2005: 371] — в отличие от русского литературного *так*, которое в таком употреблении может быть только проклитикой, то есть быть только частью аподозиса, а не протазиса. Ср. несколько примеров из этой работы⁶:

- (25) *Jésl'и на рабóту на их н'е поjэхали дак*, [краткая пауза, говорящий набирает воздух] *фс'о равно náдо ... накорм'ít'.*
 '[Даже] если не поехали на них [на оленях] на работу, все равно надо [их] накормить' [ibid.: 371].
- (26) *Она пр'ижежáла дóм-ть был дак* пр'ижежáла.
 'Она приезжала, [когда у меня] был дом, приезжала' (пунктирное подчеркивание автора, сочетание *дом-ть был дак* «образует отдельную просодическую синтагму» [ibid.: 379]).

Ср. также следующий пример:

- (27) *Ветрá какие-то получаютса / иногда со снегом // идеж дáк / глаза нельзя открыть* ([Федорова 1965], цит. по [Post 2005: 395]).

Как убедительно демонстрируется в диссертации М. Пост, севернорусское *дак* всегда имеет одно значение: оно маркирует информацию, на которой основано некое другое суждение (мы бы назвали это употребление аргументативным):

The particle *dak* appears always to signal an asymmetric relationship between two information units, independent of the context in which it is used: it connects a thought (y) with information on which this thought is based (x). One can say that x leads to y in the mind of the speaker [ibid.: 255].

Примеры употребления *дак* вне условных конструкций в изобилии представлены в цитируемой работе, а также в других, ср., например:

- (28) *У Зóји дóм-то згор'ёл дак т'инёр' она тóт, у Нád'и жыв'óт* [ibid.: 257].
- (29) *Крышу крыть надо, бежит дак* [Касаткин (ред.) 2005: 198]⁷.
- (30) *Старик-от страшнóй очернился (стал грязный), ни бани ничего нет дак* [СРНГ VII: 266].

⁶ В примерах из [Post 2005] сохраняется транскрипция и вся пунктуация, в том числе запятые до или после *дак*; переводы даются на основе английских переводов, приведенных там (если таковые имелись).

⁷ В цитируемой работе этот пример не поясняется, но мы полагаем, что его следует понимать как «Крышу надо покрыть, потому что она течет».

В свете примеров (28), (29), (30) и многочисленных других примеров такого типа возникает вопрос, как трактовать диалектные примеры (25)–(27): являются ли они бессоюзными условными или временными предложениями с аргументативным *дак* или *дак* в них приобрело значение условного/временного союза. Мы не можем ответить на этот вопрос, и возможно, что для разных примеров ответы будут разные. Так, в примере (25) уже есть условный союз *если*; про (26) вообще неясно, следует ли видеть с ним временное значение ('когда был дом'), или его правильнее переводить на стандартный русский язык как «...дом ведь был». С другой стороны, в (27) *дак* из всех приведенных примеров в наименьшей степени похоже на основание той мысли, которая идет дальше: *нельзя открыть глаза*, очевидно, не «потому что идешь», а «когда идешь»; соответственно, здесь *дак* более всего похоже на временной союз.

Но даже если *дак* само по себе в севернорусских говорах имеет иногда значение условного или временного союза, оно не является ни единственным, ни вероятно, даже основным таким союзом. В них, во всяком случае, широко представлено обычное русское *если*, а также *ежели*, *буде*, *как*, *когда* и их сочетания; см., например, [АОС XIII: 58–59 s.v. *ежели*; 147 s.v. *если*; АОС II: 159–160 s.v. *буде*]. Корпус бассейна реки Устье [Daniel et al. 2013–2018; von Wandenfels 2014] содержит 705 *если* на 864 тыс. словоформ; диалектный подкорпус Архангельской области НКРЯ содержит 273 *если* на 108 тыс. словоформ (правда, в последнем случае сюда включаются реплики интервьюеров) — то есть никак нельзя утверждать, что *дак* в этих говорах является единственным или хотя бы основным средством выражения условия⁸.

Разумеется, корпус камасинского языка 1960-х гг. намного меньше обоих упомянутых выше корпусов: собственно камасинская его часть насчитывает не более 40 тыс. словоформ. Зато мы можем точно утверждать, что других условных союзов, за исключением упомянутых выше двух *jesli* и одного *kabi*, в нем нет. При этом 45–50 раз в условных и временных конструкциях встретилось *дак* (цифры не точны, потому что в нескольких случаях можно сомневаться, имеется ли в виду именно условие).

Наконец, скажем, что в своей русской речи К. З. Плотникова употребляет *если*, иногда в диалектной форме *еслив*: оно встретилось 6 раз примерно на 11500 словоформ (один раз в сочетании с *дак*). *Дак* в условном значении в этих же текстах встретилось 12 раз:

- (31) *Если вы будете жить дак, мама говорит, я благословлю вас*
(PKZ_19700819_09343_1a.155).
- (32) *Ну, помнишь, с имя работать дак, всего наслушался (от) их*
(PKZ_19700821_09340-1bz.278).

⁸ Можно привести для сравнения данные по основному корпусу НКРЯ: 504 759 вхождений *если* на 283 млн 431 тыс. словоформ.

Заключение

Камасинский язык последних своих носителей, у которых место первого языка уже занял русский, во многих отношениях заимствовал синтаксис и дискурсивные механизмы местного русского диалекта севернорусского типа. При этом, как мы постарались показать в статье, в значении условного союза он генерализовал пост-позитивное *дак*.

Такое употребление *дак*, очевидно, присутствовало и в исходном диалекте, во всяком случае как он представлен в речи К.З. Плотниковой. Однако в ее же и А.Е. Джибьевой камасинском языке *дак* превратилось в практически единственный способ выражения условия. Разница в относительной частоте *дак* и других условных союзов в камасинской и русской речи последних носительниц камасинского языка позволяет предположить, что их камасинское *дак* — не просто окказиональное заимствование из русского языка.

Можно было бы предположить, что закрепление *дак* в качестве основного средства выражения условия обязано влиянию собственно камасинского языка: как сказано выше, в «настоящем» камасинском условии выражалось условным деепричастием, стоящим в конце придаточного предложения. Однако, учитывая, как много свойств камасинского языка после языкового сдвига исчезло бесследно, такое объяснение во всяком случае нуждается в дополнительной аргументации.

Сокращения

ABL — аблатив; ACC — аккузатив; COND — условная форма; DAT — дательный падеж; FUT — будущее время; IMP — императив; INCH — инхоатив; INF — инфитинив; INSTR — инструменталис; LOC — локатив; NEG — отрицательная частица; PL — множественное число; PRAES — настоящее время; PRAET — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Матвеев А. К. Новые данные о камасинском языке и камасинской топонимике (предварительное сообщение) // Вопросы топониматики. 1965. Вып. 2. С. 32–37.

Русская диалектология / ред. Л. Л. Касаткин. М.: Академия, 2005. 224 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. VII. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972.

Федорова К. А. К вопросу о роли частицы «дак» в конце предложения // Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького. 1965. Вып. 137: 1. С. 77–87.

Храковский В. С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 1998. С. 7–96.

Храковский В. С. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // Типология уступительных конструкций / ред. В.С. Храковский. М.: Знак, 2004. С. 9–94.

Daniel M., Dobrushina N., von Waldenfels R. The language of the Ustja river basin. A corpus of North Russian dialectal speech. 2013–2018. URL: www.parasolcorpus.org/Pushkino. (accessed 22.12.2020)

Gusev V., Klooster T. INEL Kamas Corpus. Version 0.1. Publication date 2018-12-31. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-CAE6-2>. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora // WagnerNagy, Beáta; Arkhipov, Alexandre; Ferger, Anne; Jettka, Daniel; Lehmborg, Timm (eds.). The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. 2018. (accessed 22.12.2020)

Donner K., Joki A. J. Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Bearb. und hrsg. von A. J. Joki. Helsinki, 1944.

Klooster T. Individual language change: a case study of Klavdiya Plotnikova's Kamas. MA thesis. Tartu, 2015.

Klumpp G. Resolving ambiguity of demonstrative use in Kamas // ESUKA – JEFUL. 2015, № 6–2. P. 217–242.

Künnap A. Kamassilaisia tekstejä I–V // Fenno-Ugristica. Труды по финно-угроведению 2. Tartu, 1976. P. 116–134; 3. Tartu, 1976. P. 128–136; 13. Tartu, 1986. P. 166–173; 17. Tartu, 1990. P. 218–237; 18. Tartu, 1992. P. 128–140.

von Waldenfels R., Daniel M., Dobrushina D. Why Standard Orthography? Building the Ustyia River Basin Corpus, an online corpus of a Russian dialect // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 720–728.

Valentin Gusev

University of Hamburg / Institute of Linguistics of RAS

(Germany, Hamburg / Russia, Moscow)

vgoussev@yandex.ru

ON THE POSTPOSITIVE CONDITIONAL-TEMPORAL CONJUNCTION *DAK* IN KAMAS

The paper deals with the complementizer *dak*, which marks conditional and temporal clauses in the speech of the last speakers of Kamas. It shows, that *dak*, borrowed from the local Russian dialect, in the heritage Kamas became the only marker of the conditional constructions and one of the two temporal conjunctions.

Keywords: Kamas; conditional conjunctions; heritage languages; Russian Siberian dialects; particle *dak*.

References

Russkaya dialektologiya [Russian dialectology] / ed. by L.L. Kasatkin. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2005.

Matveev A.K. Novye dannye o kamasinskom yazyke i kamasinskoj toponimike (predvaritelnoe soobshchenie) // *Voprosy toponomastiki*. Vyp. 2. Sverdlovsk, 1965. S. 32–37.

SRNG — Slovar russkikh narodnykh govorov. Vyp. VII. L., 1972.

Fedorova K.A. 1965. K voprosu o roli chastitsy «dak» v kontse predlozheniya // *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gorkogo*. Vyp. 137: 1. S. 77–87.

Khrakovskiy V.S. Teoreticheskiy analiz usloynykh konstruksiy (semantika, ischislenie, tipologiya) // V.S. Khrakovskiy (red.). *Tipologiya usloynykh konstruksiy*. SPb.: Nauka, 1998. S. 7–96.

Khrakovskiy V.S. Ustupitelnye konstruksii: semantika, sintaksis, tipologiya // V.S. Khrakovskiy (red.). *Tipologiya ustupitelnykh konstruksiy*. M.: Znak, 2004. S. 9–94.

Daniel M., Dobrushina N., von Waldenfels R. The language of the Ustja river basin. A corpus of North Russian dialectal speech. 2013–2018. Bern, Moscow. Electronic resource: www.parasolcorpus.org/Pushkino.

Gusev V., Klooster T. INEL Kamas Corpus. Version 0.1. Publication date 2018-12-31. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-CAE6-2>. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora // WagnerNagy, Beáta; Arkhipov, Alexandre; Ferger, Anne; Jettka, Daniel; Lehmborg, Timm (eds.). *The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages*. 2018.

Donner K., Joki A.J. Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Bearb. und hrsg. von A.J. Joki. Helsinki, 1944.

Klooster T. Individual language change: a case study of Klavdiya Plotnikova's Kamas (MA thesis). Tartu, 2015.

Klumpp G. Resolving ambiguity of demonstrative use in Kamas // *ESUKA – JEFUL* 2015, 6–2: 217–242.

Künnap A. Kamassilaisia tekstejä I–V // *Fenno-Ugristica*. Труды по финно-угроведению 2. Tartu, 1976. P. 116–134; 3. Tartu, 1976. P. 128–136; 13. Tartu, 1986. P. 166–173; 17. Tartu, 1990. P. 218–237; 18. Tartu, 1992. P. 128–140.

von Waldenfels R., Daniel M., Dobrushina D. Why Standard Orthography? Building the Ustya River Basin Corpus, an online corpus of a Russian dialect // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual conference “Dialogue”* (Bekasovo, June 4–8 2014). Issue 13 (20). Moscow, RSUH Publ., 2014, pp. 720–728.

Е.Л. Рудницкая
Институт востоковедения Российской академии наук
(Россия, Москва)
erudnitskaya@gmail.com

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА И МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*¹

В работе рассматривается употребление русского предикатива *надо* в эвенкийском языке, в частности, в двух корпусах на эвенкийском языке, тексты которых относятся к 1930–2014 гг. Этот предикатив принято считать лексическим заимствованием *nāda/ nādə/ nada* (по словарям и текстам, представляющим литературный язык или записанным в эвенкийском алфавите, **нāда/ нāдэ/ нада**). В устных рассказах этот предикатив звучит как *nada/ nado*. В грамматической системе эвенкийского языка значение необходимости передается специализированными причастиями, в том числе аффиксом причастия безличного долженствования (**-vkĀ/-pkĀ**, РТСР.IMPДЕВ). В корпусе наблюдается сосуществование обеих конструкций, редукция употребления причастной конструкции и ее подмена синонимичной конструкцией с предикативом. Подробно рассматривается проблема того, является ли *nāda/ nādə/ nada/ nado* заимствованием или примером конструкции с кодовым переключением. Для этого привлекаются данные, связанные с моделью управления *надо* в русском языке, и данные о том, как эта модель управления реализуется в эвенкийском языке. В частности, *надо* в русском языке управляет инфинитивным sentенциальным дополнением, которое отсутствует в эвенкийском. Подробно рассматривается вопрос о вариативности грамматической формы глагола в sentенциальном зависимом *nāda/ nādə/ nada/ nado* (*nado* + INF). Мы выдвигаем гипотезу, что в эвенкийский язык заимствуется признак нефинитности русского инфинитива — sentенциального дополнения

* Работа над статьей велась при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00520 "Динамика развития языковой ситуации в локальных группах коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока по данным лингвистических биографий", рук. О.А. Казакевич.

¹ Мы благодарим участников конференции «Языки народов России в контакте с русским языком: явления морфосинтаксической и семантической интерференции» (Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Москва, 30.11-1.12.2018) и анонимного рецензента за полезные вопросы и комментарии, а также Е.Л. Клячко за помощь в глоссировании и переводе фрагментов текстов с сайта КИЭА РАН: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/search.php>.

надо, так что допускается несколько вариантов оформления соответствующей клаузы. Поднимается важная для изучения языковых контактов проблема: каким образом реализуется модель управления предикатного слова при кодовом переключении или при лексическом заимствовании этого предикатного слова, и какое варьирование в оформлении аргумента предикатного слова допустимо при его заимствовании.

Ключевые слова: кодовое переключение, лексическое заимствование, модель управления, вариативность оформления аргументов, языковые контакты, эвенкийский язык, русский язык

1. Введение

В настоящее время широко исследуются языковые контакты, в частности, переключение кодов, лексические заимствования, морфосинтаксическая адаптация слов, калькирование, грамматические заимствования, проблема языкового сдвига. Все эти явления в большей степени изучены в морфологии, чем в синтаксисе; кодовые переключения наиболее подробно описаны на примере существительных и служебных слов. В отношении глагольных категорий, особенности заимствования рассматриваются в первую очередь на морфологическом уровне или на уровне парадигмы [Wohlgemuth 2009].

Материалом для нашего исследования служат, во-первых, устные рассказы, записанные в экспедициях 2005–2011 гг., в первую очередь в Эвенкийском муниципальном районе под руководством О. А. Казакевич. Эти рассказы (истории жизни, случаи из жизни, сказки) входят в корпус текстов на селькупском, кетском и эвенкийском языках на сайте *Малые языки*²; режим доступа: <http://minlang.srcc.msu.ru/>. Также часть примеров взята с сайта КИЭА РАН (режим доступа: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/search.php>), на котором собраны как устные рассказы из разных районов распространения эвенкийского языка, начиная с 1930-х гг. до наших дней, так и написанные на литературном языке тексты из газет начала XXI века и переводные тексты начала XXI века.

Эвенкийский язык принадлежит к северной группе тунгусских языков, которая относится к тунгусо-маньчжурским языкам (ветви алтайских языков). В работе [Василевич 1948: 10–11, 18] выделяется по фонетическим критериям три диалекта (северный, южный и восточный), которые делятся всего более чем на пятнадцать говоров. В настоящее время различия между диалектами и говорами (подробно описанные Г. М. Василевич) до некоторой степени нивелировались, однако их следы можно обнаружить (см. [Клячко, в печати]). Это связано с усилившейся миграцией и приобретением многими носителями статуса билингв, использованием ими русского языка на работе и часто также дома. Сейчас бегло говорят по-эвенкийски в основном пожилые люди, старше 60–70 лет.

Зона распространения эвенкийского языка — в России от левого берега Енисея до Сахалина (на 2010 г. ок. 4800 чел.), а также в северной части Китая (на 2010 г. ок. 9000 чел.). В России в 1928 году был создан литературный эвенкийский язык

² Эвенкийская часть корпуса создана Е. Л. Клячко при участии Н. К. Митрофановой.

на основе латинской графики и на основе непского говора, относящегося к южно-му диалекту. В 1937 году этот язык был заменен на литературный язык с русским алфавитом. Последний язык основан на Подкаменно-Тунгусском говоре (а точнее — говоре села Полигус), также относящемся к южному диалекту³. В настоящий момент этот литературный язык используется для преподавания в школе, на радио и в письменных текстах (газеты, переводы с русского языка).

Устный язык, как и раньше, состоит из отдельных локальных говоров, многие из которых отличаются от литературного языка, и в отношении лексики, и грамматики (хотя все говоры используют письменность литературного языка). Влияние русского языка на эвенкийский (кроме заимствований, зафиксированных в словарях, например, [Болдырев 2000]) и соотношение устных говоров и литературного языка изучалось довольно ограниченно. Так, грамматика [Nedjalkov 1997] основана только на полевых данных, а грамматика [Константинова 1964] — и на полевых данных, и на данных литературного языка, причем О. А. Константинова почти нигде не указывает на источник приводимого материала. В работах [Grenoble 2000; 2012a; 2012b; Рудницкая 2019] рассматриваются некоторые аспекты влияния грамматики русского языка на эвенкийский (в сопоставлении с другими языками Сибири): появление союзной связи в именных группах и сложносочиненных предложениях, замена причастных оборотов — релятивных клауз на финитные предложения с вопросительными местоимениями в роли относительных, порядок слов, структура сложноподчиненного предложения.

Фокус внимания статьи — на употреблении в литературном и в первую очередь в устном эвенкийском языке предикатива *надо* (в письменном языке *nāda/ nada/ nādā*; в эвенкийском алфавите *нāда, нада, нāдэ*). Согласно работе [Matras 2007: 45], слова со значением ‘необходимость’ заимствуются при контакте языков чаще, чем слова, выражающие другие деонтические/ эпистемические модальные значения или желание:

obligation > necessity > possibility > ability > desire [Matras 2007: 45]

Я. Матрас не рассматривает проблему того, является ли заимствование (“borrowing”), о котором он говорит, реальным лексическим заимствованием или просто употреблением слова из другого языка в системе переключения кодов. В работе [Myers-Scotton 2006: 208–232; 233–266], наоборот, подробно описаны признаки, позволяющие отграничить лексические заимствования от кодовых переключений. Согласно [Myers-Scotton 2006: 226], имена заимствуются при языковых контактах гораздо чаще, чем глаголы (глаголы в среднем составляют до 20% заимствований). Автор объясняет этот факт тем, что у глаголов всегда есть четко определенная модель управления, которая должна заимствоваться вместе с глаголом. Конкретные модели управления глагола и предикативных слов вообще — во многом специфически-языковое явление, — и поэтому морфосинтаксическая адаптация заимствованного глагола происходит труднее⁴.

³ Сведения из Википедии.

⁴ В терминах [Sakel 2007], при заимствовании предиката должно происходить не только заимствование самого предиката как лексической единицы — *matter*, — но и заимствование модели (управления предиката) — *pattern*.

2. Модальность необходимости и возможности в эвенкийском языке

Если не рассматривать заимствования из русского языка и кодовые переключения, модальности необходимости и возможности в эвенкийском выражаются показателями специализированных причастий: причастий необходимости/оптатива (*-mAc̄in/ -ŋAti*, *ptcp.deb*⁵) и безличного долженствования — (*-vkĀ/-pkĀ*, *PTCP.IMPDEV*⁶), а также причастием следования / возможности (*-d'ĀŋĀ*, *PTCP.POST*) [Колесникова 1966: 131]. Ср. примеры из корпуса Малые языки (1)-(2)⁷.

- (1) а. *turu-dū kalhoznaj škola-wa*
Тура-DATLOC⁸ колхозный школа-ACC
aŋa-məsī-r
открыть-PTCP.DEB-PL
'В Туре колхозную школу **должны** открыть'. 00:03:12.930⁹ (пос. Чиринда, Елдогир Валентина LR1)
- б. *aji-s'i-fkā buslə-wə oron-mo*
лечить-DUR-PTCP.IMPDEV больной-ACC олень-ACC
tataŋ-wə-n aji-s'i-fkā
чесотка-ACC-PS.3SG лечить-DUR-PTCP.IMPDEV
'Лечить **надо** больного оленя, чесотку лечить **надо**'. 00:04:24.603 (пос. Эконда, Хутокогир Григорий)
- в. *tari-t aha-ktə-d'ə-pkā oŋo-r-wo*
тот-INST гнать-DSPRS-IPFV-PTCP.IMPDEV олень-PL-ACC
'Поэтому **надо** гонять оленей'. 00:09:57.570 (пос. Эконда, Комбагир Анна)
- (2) а. [*hawal-d'əŋā-wu=də*] ə-wkī-l aŋi-l-da
работать-PTCP.POST-ACC=FOC NEG-PTCP.HAB-PL это-INCH-PTCP.NEG
'**Возможную работу**, это, не это (не делают)'. 00:04:09.755 (пос. Экода, Удыгир Виктор)
- б. *us'it-t'aŋa bi-hi-ndə ilməkta hi*
учиться-PTCP.POST быть-PRS-2SG молодой 2SG

⁵ Показатель *-ŋAti* глоссируется в корпусе как *PTCP.DEB*, но в грамматиках описывается как показатель причастия скорее оптативного, чем необходимости.

⁶ Символы *A, Ā* обозначают гласный и долгий гласный в аффиксах — в эвенкийском языке гласные подчиняются нетривиальной разнovidности закона гармонии гласных и имеют по три варианта ([a], [ə], [o]), в зависимости от гласного корня. Подробнее см. [Nedjalkov 1997: 314–315].

⁷ Запись примеров и слов в эвенкийском алфавите в настоящей статье опускается для экономии места; используется запись в транскрипции на основе латиницы, ср. *nāda/nada/nādə* (для примеров с сайта КИЭА РАН, записанных кириллицей) или транскрипция, разработанная для корпуса Малые языки.

⁸ DATLOC (датель-локатив) — специальная глосса, введенная в корпусе рассказов Малые языки, приспособленная сразу для трех языков, которые в нем представлены: кетского, селькупского и эвенкийского.

⁹ Мы в примерах следуем аннотации корпуса. В одной части корпуса приводится время начала произнесения каждого предложения (как в этом примере), а в другой только даются номера предложений (пример (2в)).

- ‘Учиться **сможешь**, молодой ты’. 00:03:20.240 (пос. Чиринда, Елдогир Валентина LR1)
- в. ta ə-d'iŋə [dəg-rə
 тот NEG-PTCP.POST лететь-PTCP.NEG
 is-ta ə-wa=dā]
 достичь-PTCP.NEG что-ACC=FOC
 ‘**Не может** улететь, долететь куда-нибудь’. N 101 (пос. Чиринда, Елдогир Валентина FM10)

Данные причастия употребляются в описываемом корпусе довольно мало и только в нескольких поселках (Эконда, Чиринда, а также Тутончаны (Увачан Инна) и Хантайское озеро (Еремина Любовь)). Они также встречаются, хоть и довольно редко, в текстах на сайте КИЭА РАН. С показателями *-ŋati* и *-mAcin* (PTCP.DEV) найдено всего несколько примеров. Конструкции с причастиями, по крайней мере в устном языке, сосуществуют, в том числе и у одного рассказчика, с синонимичной конструкцией с *nāda/ nādə/ nado* (см. ниже). ptcp.post часто употребляется в отрицательных конструкциях типа (2в), ср. синонимичный глагол *alba-* ‘не.мочь’ в (3)¹⁰.

- (3) hokto-wo **alba-Ø-m** [baka-d'a-mi]
 дорога-ACC **не.мочь**-NFUT-1SG найти-IPFV-CVB.COND
 ‘Дороги не могу найти’. 00:03:22.729 (пос. Полигус, Хадончина Надежда LR1)

Для выражения эпистемической возможности используется русское слово *может* (*možət*), часто в сочетании с показателем будущего времени, ср. (4). PTCP.POST в корпусе рассказов не встречается в подобном значении, хотя в работе [Константинова 1964: 143] такие примеры приводятся.

- (4) **možət** bald'i-mi-l irgī-d'ərə-Ø=mu
может вырасти-CVB.COND-PL воспитать-FUTCNT-3PL=Q
 ого-г-wo-ji d'awūs'ə-d'ə-rə-Ø əhī-kokon
 олень-PL-RFL держать-IPFV-NFUT-3PL сейчас-INTS
 ‘**Может**, выращивая, воспитают, оленей держат сейчас’. 00:06:39.779 (пос. Эконда, Хутокогир Григорий)

3. Можно ли считать *nāda/ нада/ nādə* заимствованием?

В русском языке есть предикатив *надо*, у которого три основных модели управления: [NP_{DAT}] *надо* NP_{ACC/GEN}¹¹ (5а), [NP_{DAT}] *надо* S_{SUBJUNCT} (5б), [NP_{DAT}] *надо* V_{INF}

¹⁰ Вообще «положительные» модальные глаголы, как и вспомогательные глаголы со значением начинательности (эти категории выражаются деривативными модальными и аспектуальными аффиксами), в эвенкийском отсутствуют, а есть только их «отрицательные» аналоги типа *alba-* ‘не.мочь’ + CVB.COND, *ətə-* ‘не.стать, перестать’ + CVB.COND [Константинова 1964: 210].

¹¹ Синтаксически факультативный актант (экспериенцер) заключен в квадратные скобки. В модели [NP_{DAT}] *надо* NP_{ACC/GEN} ACC употребляется ограниченно.

(5в). У синонимичного предикатива *нужно* модели управления почти идентичны: [NP_{DAT}] *нужен/нужна/нужны* NP_{NOM} (6а), [NP_{DAT}] *нужно* S_{SUBJUNCT} (6б), [NP_{DAT}] *нужно* V_{INF} (6в).

- (5) а. [(Им)] *надо* [денег/ кучу денег], чтобы осуществить этот замысел
 б. [(Мне)] *надо*, [S чтобы все это поняли]
 в. [(Мне)] *надо* [ехать на работу]
- (6) а. [(Им)] *нужна* [куча денег], чтобы осуществить этот замысел
 б. [(Мне)] *нужно*, [S чтобы все это поняли]
 в. [(Мне)] *нужно* [ехать на работу]

В Сибирском диалекте русского языка [Полный словарь 1993] предикатива *нужен/нужна/нужно* и прилагательного *нужный* нет¹², а у синонимичной русскому литературному *надо* лексемы *надо/ надоть/ надьть* [Полный словарь 1993: 173] только две модели управления — [NP_{DAT}] *надо* NP_{ACC/GEN} и [NP_{DAT}] *надо* V_{INF}: *Мне чинов не надо* (с. 62–63); *Надо машинку, тогда надежнее* (с. 172); *Дочкам испкупаться надоть* (с. 173). Эти модели указывают на то, что источник заимствования для эвенкийского *нāда/ нādэ* — Сибирский диалект русского языка, а не русский литературный язык, поскольку аналог модели [NP_{DAT}] *надо* S_{SUBJUNCT} в эвенкийском отсутствует.

Рассмотрим данные, которые нам удалось собрать из разных источников: работ по синтаксису эвенкийского языка и словари, переводных текстов и обработанных и опубликованных устных сказаний [Колесникова 1966: 131; Болдырев 2000: 380; Мыреева 2004: 390; Библия 2011; Варламова, Варламов 2003] (последние два источника также опубликованы на сайте КИЭА РАН), а также рассказов корпуса Малые языки. Во-первых, в словаре и во всех указанных источниках (не считая корпус) принято написание *нāда, нада, нādэ*, отличное от русского *надо*, — это критерий, который считается важным для трактовки слова как заимствования, а не вставки в режиме переключения кодов [Myers-Scotton 2006: 119–121]. Долгий гласный *ā* соответствует ударности русского гласного [а] в русском *надо*, а последняя гласная ([а], [э]) отражает безударность последнего гласного в *надо*. Мы тут видим адаптацию написания *нāда, нада, нādэ (нāда* [Мыреева 2004; Библия 2011] / *нада* [Варламов, Варламова 2003]¹³ / *нādэ* [Болдырев 2000: 380; Колесникова 1966: 131]) к звуковой системе эвенкийского языка.

Надо в русском — неизменяемый предикатив. *Nāda/nada* в эвенкийском почти никогда не присоединяет словоизменительные или словообразовательные аффиксы. Найдены примеры присоединения вопросительного аффикса к *nāda* — *nāda-gū*

¹² Однако (в используемом нами томе 2, И — О) в примерах других словарных статей найдено два примера на *нужен* и один пример на *нужны*, и, с другой стороны, целых одиннадцать примеров на *нужно* с инфинитивом (это модель [NP_{DAT}] *нужно* V_{INF}, идентичная модели [NP_{DAT}] *надо* V_{INF}). Получается, что согласование с номинативным подлежащим по модели [NP_{DAT}] *нужен/нужна/нужны* NP_{NOM} все-таки очень маргинально употребляется в Сибирском диалекте.

¹³ В издании рассказов [Варламова, Варламов 2003] долгота гласных не проставлена.

‘надо-Q’ в котором *nāda* — фокус общего вопроса¹⁴). В работе [Варламова, Варламов 2003] и других опубликованных сказаниях восточных эвенков найдена идиоматическая конструкция *ekun nada-la(-n)* со значением «зачем»¹⁵. Так что данных о морфологической адаптации *nāda/nada* недостаточно.

Модель управления *надо* включает как имена, так и сентенциальный аргумент, выраженный инфинитивным оборотом (*Надо [пойти за дровами]*) — см. (5в). То, заимствуется ли модель управления *надо*, важно как само по себе (как заимствование синтаксической модели), так и для того, считать ли *nāda/ nada/ nādə/ надо* заимствованием или вставкой при кодовом переключении.

Если брать примеры из лингвистических работ и словаря, переводные тексты и опубликованные сказания [Колесникова 1966: 131; Мыреева 2004; Библия 2011; Варламова, Варламов 2003], *nāda/nada/nādə* используется в эвенкийском в конструкциях, соответствующих двум падежным рамкам *надо*, представленных в Сибирском говоре: [NP_{DAT}] *надо* NP_{ACC/GEN} и [NP_{DAT}] *надо* V_{INF} (см. выше). Тут нужно оговорить несколько моментов, касающихся оформления актантов.

(1) В случае заимствования русской модели [NP_{DAT}] *надо* NP_{ACC/GEN} экспериенцер обычно выражается дативной именной группой, как и в русском, а имя-тема (тот объект, который требуется) стоит в номинативе, как в модели управления *нужно* ([NP_{DAT}] *нужно* NP_{NOM}) — ср. (7а-б) [Варламова, Варламов 2003; Библия 2011]. Можно ли тут допустить контаминацию моделей ([NP_{DAT}] *надо* NP_{ACC/GEN} и [NP_{DAT}] *нужно* NP_{NOM})? Исходя из данных по Сибирскому диалекту русского языка из работы [Полный словарь 1993], приведенных выше, — нет, поскольку в этом диалекте вообще нет *нужно/нужный*. Возможно такое объяснение: номинатив имени-темы происходит из-за частой омонимии номинатива и аккузатива в русском языке. За неимением дополнительных данных, которые могли бы разрешить этот вопрос, мы оставим его открытым и будем обозначать эвенкийскую конструкцию как [NP_{DAT}] *надо* NP_{NOM*}.

(2) В случае [NP_{DAT}] *надо* V_{INF}, в отличие от [NP_{DAT}] *надо* NP_{NOM}, дативный актант-экспериенцер в эвенкийском выражается редко (таких примеров не найдено ни в грамматиках или опубликованных текстах, ни в нашем корпусе), ср. (7а-б) и (8а-б). Экспериенцер у *надо* — синтаксически факультативный, а не обязательный актант. Факультативный актант — экспериенцер в эвенкийском может выражаться притяжательным аффиксом нефинитной глагольной формы V_{INF}, см. примеры

¹⁴ (Ребенка кормящая женщина) «нужна ли?». Текст «Онёвувчål Библия Улгүрилин» [Библия 2011] цитируется по материалам сайта КИЭА РАН, режим доступа http://corpora.ica.ras.ru/corpora/wordforms.php?wf_kind=normalised&provider=wordform_list_toc&container=wf_toc ; русский текст, с которого переводили: (Тут сразу же подошла сестра мальчика и спросила.) «не хочет ли (принцесса) найти кормилицу для него».

¹⁵ В контекстах типа (i), рассказ «Мэнгрудня-богатырь» (Мэнгрудня-богатырь, записан в 1981 г.), строка 271.

(i) **ekun** **nada-la-n** эмэ-гэ-с?
что.NOM надо-ALL-PS.3SG прийти-NFUT-2SG
‘По какой надобности [ты] пришел?’ (<http://corpora.ica.ras.ru/corpora/wordforms.php>)

(11в), (16а-б) и сноску 20 ниже. Также в придаточном V_{INF} возможно номинативное подлежащее, кореферентное экспериенцеру, ср. (7а-б) и (8а-б) [Варламова, Варламов 2003]¹⁶.

(3) В случае $[\text{NP}_{\text{DAT}}]$ *надо* V_{INF} есть расхождения в оформлении сентенциально-го актанта (в русском языке инфинитивного). При употреблении *nada* в сказаниях восточных эвенков, записанных в 1980-х гг. в работе [Варламова, Варламов 2003] (сайт КИЭА РАН) глагол этого актанта стоит в форме деепричастия цели (*-dĀ*, CVB.PURP), ср. (8а), а в словаре [Мыреева 2004] и в работе [Колесникова 1966], которые используют материал литературного языка, этот актант оформляется как деепричастие условия, ср. (8б).

(7) а. *pastuk so-ma nada min-du*
 пастух.NOM сильный/очень-INTS **надо я-DATLOC**
 ‘Мне очень нужен пастух’ Цитируется по версии КИЭА РАН: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/wordforms.php>. Текст «Мэнгрудя-мата» (Мэнгрудя-богатырь, записан в 1981 г.), строка 72.

б. *ələkəs-məmə sū Səwəkī Təgəmər-wə-n gələktə-kəllu*
 сначала-INTS 2PL бог царь-ACC-PS.3SG искать-IMPER.2PL
tālī [əkun sun-dū nāda] upkat bū-w-dəŋə-n
 тогда что.NOM 2PL-DATLOC **надо** всё дать-PASS-FUT-3SG
 ‘Прежде всего вы Царя Бога ищите, тогда всё будет дано, что вам надо’. Цитируется по версии КИЭА РАН: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/wordforms.php?wf_kind=normalised&provider=wordform_list_toc&container=wf_toc. Текст «Онёвувчål Библия Улгүрилин» [Библия 2011]); русский текст, с которого переводили: «Наипаче ищите Царствия Божия, и это всё приложится вам».

(8) а. *ələ [tar omolgi-t huru-do-n]*
 вот тот сын-PS.1PL уйти-CVB.PURP-PS.3SG
[tar sətəkə-wə ətu-nə-də-n] nada
 тот сэтэкэ-ACC привести-PRGRN-CVB.PURP-PS.3SG **надо**
 ‘Вот идти этому нашему парню (**надо**), Того сэтэкэ привести **надо**’. [сэтэкэ — чудовище]

¹⁶ В примере (8а) грамматическая функция номинативной формы *tar omolgi-t* ‘наш парень’ — это подлежащее номинализованной клаузы: букв. ‘Надо, чтобы наш парень пошел, того сэтэкэ привел’. Тем не менее, на уровне модели управления (8а) относится к модели $[\text{NP}_{\text{DAT}}]$ *надо* V_{INF} , а *tar omolgi-t* ‘наш парень’ можно интерпретировать как имя, кореферентное выраженному синтаксическим нулем экспериенцеру. В русском языке в сентенциальном аргументе *надо* в модели $[\text{NP}_{\text{DAT}}]$ *надо* S_{SUBJUNCT} , а не $[\text{NP}_{\text{DAT}}]$ *надо* V_{INF} — клаузе с ‘*чтобы*’ — есть номинативное подлежащее, а экспериенцер представлен отдельно дативной группой (*мне надо, чтобы...*). В то же время, нефинитные предложения в эвенкийском языке, как и во многих алтайских языках и в отличие от русского, свободно допускают номинативное подлежащее, и это подлежащее при кореферентности матричному имени часто выражено синтаксическим нулем. Можно объяснить появление *tar omolgi-t* ‘наш парень’ в рамках модели $[\text{NP}_{\text{DAT}}]$ *надо* V_{INF} адаптацией V_{INF} к эвенкийской грамматике.

Цитируется по версии КИЭА РАН: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/wordforms.php>. Текст «Чинанай Омолгичанын» (Сын Чинаная, записан в 1988 г.), строки 11–12)

- б. Lidihōkin, dətərē, [kamuj-mī] nāda
впритык надоело.INTJ¹⁷ собрать.в.одно.место-CVB.COND **надо**
‘Разбросано как попало, надоело, надо убрать’. [Мыреева 2004: 390]

В обоих случаях (8а-б), поскольку глагол в эвенкийском языке имеет только причастную и деепричастную форму, но не имеет формы инфинитива, сентенциальный актант *nāda/nada/nādə* оформляется показателем специализированного деепричастия (номинализованной формы глагола, которая допускает синтаксически выраженные подлежащее и дополнения). В (8а) используется деепричастие цели (-dĀ, CVB.PURP), которое оформляет сентенциальный актант таких эвенкийских глаголов с модальным компонентом ‘намерение’, как *ńəkə-* ‘собираться’, *baŋga(ra)-* ‘приготовиться’ и др. [Колесникова 1966: 125; Константинова 1964: 216], ср. (9). В (8б) используется деепричастие условия (-mī/-mī, CVB.COND), по аналогии с сентенциальным актантом отрицательных модальных глаголов *alba-/dup-* ‘не.мочь’, *atə-* ‘не.стать, перестать’ и др. [Константинова 1964: 210], ср. (3) и сноску 10.

- (9) [rəktirə-1-dĕ-ji] ńəkə-d’ə-čĕ-w
стрелять-INCH-CVB.PURP-RFL **собираться**-IPFV-PST-1SG
‘Выстрелить собирался’. 00:02:48.790 (пос. Муторай, Дмитриев Андрей LO1)

Таким образом, написание *надо* в эвенкийском языке (в письменных источниках — **нāда/ нādэ/ нада**) не идентично русскому написанию (это один из ключевых признаков заимствования в теории [Myers-Scotton 2006]). *Nāda/nada/nādə* используется и в письменных, и в устных источниках (переводных текстах и опубликованных сказках) и приводится как словарная единица в словаре. *Надо* заимствуется не само по себе, а вместе с моделью управления (хотя не всегда полной и допускающей разные варианты оформления глагола в зависимой предикации), а модель управления для предикативного слова — важная словарная информация. Также и поэтому *nāda/nada/nādə* следует считать заимствованием, а не вставкой при кодовом переключении. Для сравнения приведем примеры явных вставок, ср. вставки русского предикатива *надоело* в (10а-б), которые спорадически встречаются у нескольких рассказчиков и по-разному адаптируются ими к морфологической системе эвенкийского языка: как неизменяемое слово в (10а) и как глагольная основа в (10б). На сайте КИЭА РАН (http://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?id=37) найден пример кодового переключения с основой *nadojel* (**nadojəl-kānəm** надоел-CVB.ANT ‘когда [он] **надоел**,...’ (его убили)) — не из опубликованного

¹⁷ Слово *dətərē* переводится в словаре [Василевич 1958: 135] как ‘надоело’ и относится к разряду междометий — то есть у *dətərē* нет модели управления, *dətərē* употребляется изолированно. С этим, видимо, связано употребление русского глагольного корня *надоело/надоел*. Далее в примерах (10а-б) *надоело/надоел* (глагол, а не междометие) приводится как вставка при кодовом переключении.

текста, а из записанного Н. А. Мамонтовой в экспедиции 2011 г. рассказа Г. Н. Хутокогира «Урэн и Унгковуль», пос. Эконда, строка 42.

(10) а. ollo tug **nādjela** [ollo-wo d'ep-d'ə-mī]
рыба так **надоело** рыба-ACC съест-IPFV-CVB.COND
'Рыбу-то **надоело**, рыбу есть'. 00:03:46.030 (пос. Полигус, Хадончина Надежда LO)

б. **tut** ədū **užə** **nadojəl-də-n=tə** [in-d'ə-mi]
тут здесь **уже** **надоело**-NFUT-3SG=FOC жить-IPFV-CVB.COND
ədū **pas'olok-tū**
здесь **поселок**-DATLOC
(И все вот хочет в тайгу, потому что) 'тут здесь **уже надоело** жить, здесь, в поселке'. 00:05:28.455 (пос. Тутончаны, Увачан Инна Lav1)

4. *Nada/nado*¹⁸ в устных рассказах

В корпусе устных рассказов Малые языки представлены тексты на говорах северного и южного наречий. Тексты на говорах восточного наречия в этом корпусе единичны и не дают возможности сделать какие-либо выводы¹⁹. В рассказах на северных говорах, в тех селах, в которых на момент записи рассказов сохранилось большое число носителей эвенкийского языка (в основном пенсионеров), использовавших эвенкийский для повседневного общения или знавших много народных сказаний (Эконда, Чиринда), причастная конструкция с безличным причастием долженствования (*-vkĀ/-pkĀ*, РТСР.IMPDEB) используется довольно активно, а конструкция с простым причастием долженствования (*-mĀčĭn* РТСР.DEB) почти не используется.

Использование же аналога русского *nada/nado* колеблется в зависимости от конкретного рассказчика. Так, рассказчик Комбагир Анна (1917 г.р., Эконда), которая не знает русского языка, использует только причастные конструкции, ср. (1в). Только причастные конструкции найдены в рассказах и сказках Удыгира Виктора и Панкагира Алексея (1945 и 1957 г.р., Эконда). Елдогир Валентина (1945 г.р., Чиринда) использует и причастные конструкции (11а), и конструкции с *nada*, ср.

¹⁸ В корпусе Малые языки представлены только варианты записи *nada* (ср. примеры (7а), (8а) с *nada* из опубликованных рассказов [Варламова, Варламов 2003] в п. 3) и *nado*. То или иное написание используется в записи рассказов в соответствии с фонетическим, а не фонологическим принципом транскрипции, используемом в корпусе. В текстах корпуса написание само по себе, в отличие от письменных текстов, записанных в эвенкийском алфавите, не позволяет идентифицировать *nada/nado* ни как заимствование, ни как вставку при кодовом переключении.

¹⁹ Однако в рассказах с сайта КИЭА РАН, также опубликованных в работе [Варламова, Варламов 2003], представлена речь восточного диалекта эвенкийского языка (ср. (7а)-(8а)). На этом сайте есть также рассказы на северном и южном диалекте. Записанные устные тексты на этом сайте датируются 1930–2014 гг. Общие грамматические характеристики устной речи на всех трех диалектах различаются мало, а некоторые детали, связанные с *nada/nado*, указаны ниже.

(11б-г). В речи Валентины встречаются конструкции типа [NP_{DAT}] *nado* NP_{NOM}, ср. (11б), а также конструкции типа [NP_{DAT}] *nado* V_{INF} с сентенциальным актантом, причём этот актант в разных из рассказанных ей текстов представлен с глагольной формой деепричастия цели (-*dā*, CVB.PURP) и деепричастия условия (-*mi*/*mī*, CVB.COND), ср. (11в-г) и (8а-б) выше. Хутокогир Григорий (1932 г.р., Эконда), в отличие от односельчан, использует для выражения необходимости переключение кодов, ср. (12): это видно и по написанию *nado* (а не *nāda/nada*) в его рассказе.

Важно заметить, что конструкции типа [NP_{DAT}] *nado* NP_{NOM}, как в (11б), в корпусе рассказов почти не употребляются — (11б) это практически единственный случай такой конструкции; аналогичная конструкция найдена также в рассказе Боярина Валерия (1956 г.р., Сым, южное наречие). Конструкция типа [NP_{DAT}] *nado* NP_{NOM} прижилась в первую очередь в литературном языке: в переводном издании [Библия 2011] конструкция типа [NP_{DAT}] *nado* NP_{NOM}, ср. (7б), употребляется три раза, и не найдена конструкция типа [NP_{DAT}] *nado* V_{INF}. В устных рассказах на восточном наречии из опубликованной работы [Варламова, Варламов 2003], представленной также на сайте КИЭА РАН (см. (7а) и (8а)), используются обе модели [NP_{DAT}] *nado* NP_{NOM} и [NP_{DAT}] *nado* V_{INF}. Необходимо заметить, что на сайте КИЭА РАН среди рассказов 1930–2014 гг. конструкции с *nāda/nada* вообще не встречаются в рассказах, относящихся к периоду ранее 1960 г.

- (11) а. mōl= mō-ja mō-lā-fkā tare
 SLIP дерево-PART дерево-VBLZ.GATHER-PTCP.IMPDEB тот.ACC
 ‘Дрова готовить надо’. 00:07:21.660 (пос. Чиринда, Елдогир Валентина LR1)
- б. huwul-dū-n mō nada
 весь-DATLOC-PS.3SG дерево надо
 ‘Везде дрова надо’. 00:07:41.510 (пос. Чиринда, Елдогир Валентина LR1)
- в. [nāma-p̄c̄u-jə dundə-jə gələktə-d̄ə-t] nada
 тепло-ATR-PARTземля-PART искать-CVB.PURP-PS.1PL надо
 ‘Нам²⁰ надо искать теплую землю’ предл. 12 (пос. Чиринда, Елдогир Валентина, FM10 (Сказка о птицах))
- г. [nujan-ma-n] nada [d̄awa-mī] gu-šo
 3sg-ACC-PS.3SG надо схватить-CVB.COND сказать-PTCP.ANT
 mere-t d̄əwu-fkī o-dā-n
 мера-INST съесть-PTCP.HAB статья-CVB.PURP-PS.3SG

²⁰ Здесь значение экспериенцера ‘нам’ передается через притяжательный аффикс глагола *gələktə* ‘искать’: -t ‘ЗР(INCL)’. Мы видим, что экспериенциальный партициптант ситуации, обозначаемой *nada*, в случаях типа [NP_{DAT}] *nado* V_{INF}, хоть и регулярно не выражается именем, может быть выражен согласовательным аффиксом глагола. Ср. также примеры (16а-б) ниже. Кроме того, одна из рассказчиц использует показатель разно-субъектного условного деепричастия для того, чтобы показать, что экспериенцер не совпадает с говорящим:

- (i) **nado** [s utra zə huru-rək-tin]
nado с утра же пойти-CVB.COND.DS-PS.3PL
 ‘Надо с утра же ехать...’ [за ягодами; Еремина не едет]. 00:11:52.925 (пос. Хантайское озеро, Еремина Любовь)

- ‘Его надо поймать, — сказал [Бог], — чтобы он мерой (т. е. не слишком много) ел’. предл. 11 (пос. Чиринда, Елдогир Валентина FM2 (Сказка о волке))
- (12) *oɣop-ø-mi irgi-w-dõ-n kɔɣop-ɾa-n*
 олень-ACC-RFL воспитывать-PASS-CVB.PURP-PS.3SG корова-ACC-PS.3SG
m’iñat nado *hiɾu-l-wə m’iñat-t’əŋā-t*
менять надо бык-производитель-PL-ACC менять-FUT-1PL(INCL)
 ‘...чтобы оленя воспитывать, важенок менять надо, быков менять будем’.
 00:05:37.240 (пос. Эконда, Хутогир Григорий)

В других селах и поселках северного наречия (Кислокан, Тутончаны, Тура, Хантайское озеро) рассмотренные выше конструкции со значением необходимости — ни причастная конструкция, ни конструкция с *nada* — почти не используются. Причастная конструкция используется 2 раза (Увачан Инна, 1969 г.р., Тутончаны и Еремина Любовь, 1940 г.р., Хантайское озеро), а *nada/ nado*, как правило, употребляется для выражения значения необходимости в случаях кодовых переключений, ср. (13), сходное с (12).

- (13) *halga-r-di-wəɾ tamnada umet’ vot etu tožə piripl’asku*
 нога-PL-INST-RFL.PL тамнадо уметь вот эту тоже припляску
 ‘Ногами там надо уметь вот эту тоже припляску’. 00:07:30.350 (пос. Тутончаны, Панкагир Прасковья, 1931 г.р. (Рассказ о свадьбе))

В рассказах южного наречия (которые в корпусе численно уступают рассказам говорам северного наречия) найдены употребления *nado*, которые больше похожи на вставки в режиме кодового переключения: например, дублирование значения необходимости через фальстарт *nado*, после которого идет предложение в повелительном наклонении (глагол в финитной форме императива), ср. (14а). Аналогичные примеры есть у рассказчиков северных говором — из поселка Юкта (14б). Важно заметить, что показатель императива в эвенкийском может и во втором (14а-б), и в первом (15а-б) лице иметь значение предписания или намерения.

- (14) а. *təyəmī nado gənnə-d’ə-kəl hā-l-wa-tin sawōda-l-wə*
 завтра надо забрать-IPFV-IMPER.2SG часть-PL-ACC-PS.3PL вещь-PL-ACC
 (И это, потом, что делать, назавтра) ‘...завтра надо привезти некоторые вещи’. 00:06:15.715 (пос. Стрелка, Андреева Светлана LR6)
- б. *wot ɣun-ə-n nado ə*
 вот сказать-NFUT-3SG надо NEG.SLIP
ə-ŋnə-kəl həlinčə-rə ɔkir=dā
 NEG-НАВ-IMPER.2SG спешить-PTCP.NEG когда=FOC
 ‘Вот, — сказал он, — никогда не надо спешить’. предл. 22, 01:16-01:26 (пос. Юкта, Удыгир Василий).
- (15) а. *ə hin-kõkun-mə uɟə-dū d’əf-so bi-ktə*
 INTJ 2SG-INTS-ACC давнее.время-DATLOC съесть-PTCP.ANT быть-IMPER.1SG
 ‘О, тебя давно надо мне съесть!’ предл. 71 (пос. Чиринда, Елдогир Валентина Fsk2 (Сказка о чудовище Комое))

- б. hələ bi əgə mō-t aŋə bəjŋō
 вот 1SG этот дерево-INST это дикий.олень
 irəksə-wo-n olgī-**кта**...
 шукура-ACC-PS.3SG высушить-**IMPER.1SG**
 ‘Вот я это, палкой высушу шукуру дикого оленя...’ предл.47 (пос. Чиринда,
 Елдогир Валентина Fsk2 (Сказка о сказочном существе Кингите))

В корпусе рассказов Малые языки представлено несколько вариантов оформления синтаксического актанта *nada/nado* (ср. примеры (8а-б) из п. 3 и (11в-г) выше). В поселках сымского диалекта южного диалекта (Сым, Белый Яр) (это говоры, которые подверглись сильному влиянию русского языка), встречаются некоторые уже упомянутые варианты: с глаголом в форме деепричастия цели (-*dA*, CVB.PURP), (16а-б); с кодовым переключением, как в (12)-(13), ср. (16в) — причем у одного и того же рассказчика. Важно заметить, что в корпусе шире всего представлено оформление синтаксического аргумента показателем деепричастия цели (-*dA*, CVB.PURP) — как в (11в) и (16а-б) — и та же форма фигурирует в опубликованных рассказах [Варламова, Варламов 2003], ср. (8а) из п. 3.

Форма на -*dA*, ср. (16г), также представлена. Эта форма не упоминается в грамматиках как (дее)причастная, хотя уже давно встречается в текстах в функции предиката финитного и нефинитного предложения, в том числе в архиве Г. М. Василевич. Согласно грамматикам, -*dA* образует отглагольное существительное со значением ‘тот, кто постоянно совершает определенное действие’. Другая интерпретация или функция -*dA* — показатель неспецифицированного причастия ПТСР.SIMP [Клячко, в печати]. В п. 2.3 из [Рудницкая 2019] форма на -*dA* рассматривается как не полностью грамматикализованная «квази-причастная» словоформа, оканчивающаяся на показатель имперфектива -*də* IPFV, и по аналогии с ней другие аспектуальные показатели (например, -*malča* qa ‘быстрота действия’), могут также образовывать «квази-причастные» словоформы.

- (16) а. [olŋo-mi-**da-w**] əlko **nada**
 рыба-VBLZ.HUNT-CVB.PURP-PS.1SG еще **надо**
 ‘Мне еще надо порыбачить’. 00:01:23.308 (пос. Сым, Боярин Валерий-Боярин Георгий, реплика Боярина Валерия)
- б. [čombi-**da-š**] **nado**
 болтать-CVB.PURP-PS.2SG **надо**
 ‘Тебе надо говорить’. 00:01:55.360 (пос. Сым, Боярин Валерий-Боярин Георгий, реплика Боярина Валерия)
- в. **nado** [əkui=da **gavarit**]
надо что=FOC **говорить**
 ‘Надо что-то говорить’. 00:01:52.250 (пос. Сым, Боярин Валерий-Боярин Георгий, реплика Боярина Валерия)
- г. taduk **nado** hu= [məsto-wa **d’uŋači-l-də**]
 потом **надо** SLIP место-ACC **поменять-INCH-IPFV/ПТСР.SIMP**
 (О кочевой жизни с оленями) ‘Потом надо место менять’. 00:17:08.060 (пос. Белый Яр, Ивигин Владимир LR1)

Таким образом, в корпусе представлена в основном модель типа $[NP_{DAT}] \textit{nado} V_{INF}$ (*nada/nado* + сентенциальный актант). Русская конструкция $[NP_{DAT}] \textit{nado} V_{INF}$ заимствуется в эвенкийский довольно точно: передается значение необходимости; аналог инфинитивной клаузы (которая оформляется вариативно, но не финитным предложением) выражает то действие, которое надо сделать или ситуацию, которая должна наступить. Хотя нефинитная клауза в эвенкийском может иметь номинативное подлежащее, нельзя сказать, что в некоторых случаях, например, (8а), представлена контаминация модели $[NP_{DAT}] \textit{nado} V_{INF}$ с моделью $[NP_{DAT}] \textit{nado} S_{SUBJUNCT}$, поскольку в Сибирском говоре модель $[NP_{DAT}] \textit{nado} S_{SUBJUNCT}$ не представлена, и потому что сентенциальный актант *nado* и в этом случае нефинитный и не передает условного или оптативного значения, как и в модели $[NP_{DAT}] \textit{nado} V_{INF}$. Дативный актант — экспериенцер — в найденных примерах синтаксически не выражается, но может морфологически выражаться possessивным аффиксом деепричастной формы глагола сентенциального актанта, а также быть кореферентным номинативному подлежащему сентенциального актанта V_{INF} (см. (11в), (16а-б) и сноску 20, а также пример (8а) и сноску 16). С некоторыми оговорками можно сказать, что валентностная структура *nado* в конструкции $[NP_{DAT}] \textit{nado} V_{INF}$ заимствуется в эвенкийский, и также заимствуется синтаксический признак ‘нефинитность сентенциального актанта’. Все эти факты говорят в пользу статуса *nada/nado* в корпусе как заимствования, а не вставки при кодовом переключении²¹. То, что в рассказах встречаются употребления *nado* как вставки (см. примеры выше и их обсуждение), говорит об общей нестабильности грамматической компетенции носителей и утере или редукции употребляемых ими грамматических категорий вообще (такая редукция наблюдается даже в самых простых случаях употребления синтетических глагольных форм, глагольных времен и нефинитных форм глагола, см. работу [Рудницкая 2019]).

5. Вариативность модели управления как следствие языковых контактов

При обсуждении заимствования модели $[NP_{DAT}] \textit{nado} V_{INF}$ в эвенкийских текстах мы пришли к выводу, что сентенциальный актант в этой модели, будучи нефинитным, может оформляться несколькими способами (деепричастие цели, деепричастие условия, неспецифицированное причастие). В исследованиях по семантике принято объяснять варьирование в маркировании аргументов через разную интерпретацию смысла глагола и структуры события, обозначаемого глаголом. Ср.

²¹ В принципе можно предположить, что носители эвенкийского языка почти не употребляют дативный экспериенциальный аргумент также и потому, что считают *nado* по смыслу аналогичным показателю безличного дебитива (*-vkĀ/-pkĀ*, РТСР.IMPДЕВ). Тогда получится, что мы имеем дело не с чистым заимствованием, а с некоторым «промежуточным случаем» между заимствованием и попыткой перевода, или нахождения эвенкийского аналога для слова из неродного языка, что скорее относится к сфере переключения кодов. В работе [Prince, Pintzuk 2014] такими «промежуточными случаями» считаются кодовые переключения при вставке слов, относящимся к закрытым классам, таким как предлоги или местоимения. Высказанная гипотеза специально не проверялась и, кроме того, не очевидно, что предикативы образуют закрытый класс слов.

работу [Levin 2011a] и анализ в ней разных вариантов оформления пациенса и адресата глагола *give* ‘давать’: две модели управления *give* [**smb smth**] vs. *give* [**smth to smb**] соответствуют двум разным структурам события ‘дать’: ‘Caused possession’ (каузация обладания, адресат — прямой объект) vs. ‘Caused motion’ (каузация движения, адресат — косвенный объект, движение к будущему обладателю). В работе [Падучева 2004: 71–72] для подобных случаев используются понятия диатетического сдвига и сдвоенных ролей (*Проблема залога обсуждается у Пешковскокого*).

В работах [Levin 2009; Levin 2011b] этот и другие случаи вариативности оформления аргументов (например, *hit the door* vs. *hit at the door* — прямой объект vs. место/направление) рассматриваются на материале типологически неродственных языков, и показаны аналогичные механизмы, задействованные при вариативном оформлении актантов. Эти и подобные случаи вариативности подтверждаются материалом других языков, в том числе языков Сибири — см. работы [Сай 2018; Овсянникова 2018; Оскольская 2018].

Если рассматривать эвенкийский язык, подобные случаи также изучены: адресат глагола *gu(n)*- ‘сказать’ [Василевич 1948: 129, 150, 172] в первой половине XX века оформлялся как ACC *-wA* или ALL *-lĀ/-dulĀ* в непском и илимпийском диалектах. В данном случае оформление ACC должно трактоваться как каузация адресата узнать информацию, а ALL — как каузация движения информации в направлении адресата. В современном языке есть также вариант DATLOC (*-dū*) [Клячко, в печати], причем не только у *gu(n)*- ‘сказать’, но и у других глаголов, например, *bələ*- ‘помогать’ (ACC vs. DATLOC).

Вариативность оформления синтаксического актанта обычно ставится в зависимость от типа главного предиката (ментальный или модальный), факторов эвиденциальности (прямая и косвенная), фактивной и пропозитивной интерпретации синтаксического актанта [Сердобольская и др. 2012: 452–453; Сердобольская 2015] (уральские языки, адыгейский язык). Ср. аналогичную вариативность в эвенкийском языке в примерах (17а–б). В (17а) пропозициональный статус синтаксического актанта ‘радоваться’ соответствует нефинитному оформлению глагола (CVB.PURP), а фактивный — финитному придаточному.

- (17) а. *hutə-kō-m1* [ø1 d’əwu-**dō**-wi ø2]
 ребенок-ATTEN-PS.1SG съест-INCH-CVB.PURP-RFL
uru-čo minə2
радоваться-PTCP.ANT 1SG.ACC
 ‘Мой ребенок обрадовался, что будет есть меня’. 00:03:52.619 (пос. Ванавара, Торпушонок Марта)
- б. *tar abr= əta urun-čo-l*
 тот SLIP это **радоваться**-PTCP.ANT-PL
 [što minə baka-**ra-Ø**]
что 1SG.ACC найти-NFUT-3PL
 ‘Это самое, обрадовались, что меня нашли’. 00:06:58.772 (пос. Полигус, Хадончина Надежда LR1)

Мы в пп. 3–4 показали, что варьирование модели управления, в том числе сентенциальных актантов, может быть связано не только с семантическими факторами, а также с адаптацией или нестабильностью модели управления при заимствовании слов-предикатов с сентенциальными актантами.

Глоссы и сокращения

1 — 1-е лицо, 2 — 2-е лицо, 3 — 3-е лицо, асс — аккузатив, ALL — аллатив, ANT — (причастие) предшествования, ATR — атрибутив, ATTEN — аттенуатив, COND — условный (конверб), CVB — конверб (деепричастие), DATLOC — датив-локатив, DEB — дебитив, DS — разносубъектности (конверб), DSPRS — дисперсив, DUR — дуратив, FOC — энклитика (частица), маркирующая фокус или коммуникативное выделение, FUT — будущее (время), FUTCNT — непосредственное будущее (время), HAB — хабигуалис (аспект) или хабигуальное (причастие), IMPDEV — безличный дебитив (причастие), IMPER — императив, INCH — инхоатив, INCL — инклюзивное (множественное число), INST — инструменталис, INTJ — междометие, INTS — показатель интенсивности, IPFV — имперфектив, NEG — отрицание, NFUT — небудущее (время), NOM — номинатив, PART — партитив, PASS — пассив, PL — множественное число, POST — (причастие) следования/ возможности, PRGRN — peregrinativ²², PRS — настоящее (время), PS — посессивный (аффикс), PST — прошедшее (время), PTCP — причастие, PURP — (конверб) цели, Q — вопросительная частица, QA — быстрота действия (аспект), RFL — рефлексив, SG — единственное число, SIMN — неспецифицированное (причастие или конверб), SLIP — оговорка, VBLZ — показатель вербализации: VBLZ.GATHER при образовании глагола от имени, обозначающего предмет, который собирают (ягоды, грибы); VBLZ.HUNT при образовании от имени, обозначающего существо, которое ловят или на которое охотятся (белка, рыба).

LR1, ..., LAV, FM1, ..., FSk2 — рабочие названия рассказов и сказок в корпусе

Литература

Библия для детей. Библейские рассказы с иллюстрациями на эвенкийском языке. / сост. Б. Арапович, В. Маттелмяки / пер. Н. Я. Булатова, А. Н. Мыреева. М: Институт перевода Библии, 2011. Ветхий Завет — 133 с., Новый Завет — 113 с. [Электронный ресурс]. URL: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?id=131.

Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Т. 1. Новосибирск: СО РАН/ГЕО, 2000. 503 с.

Варламова Г. И., Варламов Г. М. Сказания восточных эвенков. Якутск, 2003. 210 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/search.php>.

²² Peregrinativ — это показатель, обозначающий движение лица к месту действия с намерением совершить это действие, например, *у́йт-нā-һнэ-рэ-һит* [учиться-PRGRN-HAB-NFUT-1PL(EXCL)] (после Нового года) ‘мы **уезжали** (в школу) **учиться**’. 00:04:11.650 (пос. Совречка, Сайготина Вера).

Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Госу-чпедгиз, 1948. 343 с.

Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1958. 802 с.

КИЭА РАН — Корпусы Института этнографии и антропологии РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php>.

Клячко Е. Л. Диалектные особенности публикуемых текстов // История страны в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков / О. А. Казакевич, Е. М. Будянская, Ю. Е. Галямина, Е. Л. Клячко. В печати.

Колесникова В. Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.: Наука, 1966. 247 с.

Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964. 272 с.

Малые языки — Малые языки Сибири: наше культурное наследие [Электронный ресурс]. URL: <http://minlang.srcs.msu.ru/>.

Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.

Овсянникова М. А. Кодирование участников при двухместных предикатах в лесном диалекте энецкого языка // Урало-алтайские исследования. 2018. №1(28). С. 50–69.

Оскольская С. А. Маркирование актантов многоместных предикатов в тувинском языке // Валентностные классы глаголов и их вариативность в разноструктурных языках / отв. ред. С. С. Сай. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2018. С. 399–421.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК, 2004. 608 с.

Полный словарь 1993 — Полный словарь Сибирского говора. Т. 2. И — О / гл. ред. И. О. Блинова. Томск: Изд. Томского унив., 1993. 302 с.

Рудницкая Е. Л. Общая характеристика морфосинтаксиса устного эвенкийского языка начала XXI века. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 252 с.

Сай С. С. Маркирование актантов многоместных предикатов в башкирском языке // Валентностные классы глаголов и их вариативность в разноструктурных языках / отв. ред. С. С. Сай. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2018. С. 557–616.

Сердобольская Н. В. Оформление именных и сентенциальных актантов в адыгейском языке: семантический сдвиг в значении падежных показателей // Труды института лингвистических исследований / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XI, ч. 2. С-Пб.: Наука, 2015. С. 535–560. [Электронный ресурс]. URL: http://iling-ran.ru/serdobolskaya/Serdobolskaya_Adyghe_compl_redkie_javlenija.pdf.

Сердобольская Н. В., Ильевская А. А., Минор С. А., Митева П. С., Файнвейц А. В., Матвеева Н. С. Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / отв. ред. А. И. Кузнецова, ред. Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина. М.: РПДР, 2012. С. 382–476. [Электронный ресурс]. URL: http://iling-ran.ru/serdobolskaya/SerdobolskayaIljevskayaMinor%20FU_compl.pdf.

Grenoble L. A. The impact of Russian on Evenki // Languages in contact / eds. D. Gilbers, J. A. Nerbonne, J. Schaeken. Amsterdam — Atlanta, GA: Rodopi, 2000. P. 104–120.

Grenoble L. A. Areal typology and semantic change // Вестник ТГПУ. 2012а. Том 116. № 1. P. 101–105.

Grenoble L. A. From clause to discourse: the structure of Evenki narrative // Recent advances in Tungusic linguistics / eds. L. J. Whaley, A. Malchukov. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012b P. 257–277.

Levin B. Verb Sensitivity and Argument Realization in Three-Participant Constructions: A Crosslinguistic Perspective / Talk at the Conference on Referential Hierarchies in Three-participant Constructions, Lancaster University, May 20–22, 2011а. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.stanford.edu/~bclevin/lanc11dat.pdf>.

Levin B. Verb Classes Within and Across Languages / Talk at the Valency Classes Conference, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, April 14–17, 2011b. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.stanford.edu/~bclevin/mpeva11vclass.pdf>.

Levin B. Verb Sensitivity in Altaic Ditransitive Sentences / Talk at the Sixth Workshop on Altaic Formal Linguistics, Nagoya University, Nagoya, Japan, September 4–6, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.stanford.edu/~bclevin/waf09dat.pdf>.

Matras Y. The borrowability of structural categories // Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective / ed. by G. Bossong, B. Comrie and Y. Matras. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 31–73.

Myers-Scotton C. Multiple voices: an introduction to bilingualism. London: Blackwell, 2006. 457 p.

Nedjalkov I. Evenki. London, New York: Routledge, 1997. 345 p.

Prince E. F., Pintzuk S. Bilingual Code-Switching and the Open/Closed Class Distinction // U. Penn working papers in Linguistics. 2014. Vol. 6. No 3. P. 237–257. [Электронный ресурс]. URL: <https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1646&context=pwpl>.

Sakel J. Types of loan: Matter and pattern // Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective / ed. by G. Bossong, B. Comrie and Y. Matras. Berlin–New-York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 15–29.

Wohlgemuth J. The typology of verbal borrowings. Berlin–New-York: Mouton de Gruyter, 2009. 459 p.

Elena Rudnitskaya
Institute of Oriental studies RAS
(Russia, Moscow)
erudnitskaya@gmail.com

LEXICAL BORROWINGS FROM RUSSIAN, AND THE SUBCATEGORIZATION FRAME IN EVENKI

This paper focuses on the use of the Russian predicative *nado* in Evenki, in particular, in two corpora of oral stories in Evenki recorded in 1930–2014. This predicative is generally considered as a lexical borrowing, written as **на́да/ на́дэ/ нада** and spelled as *nāda/ nādā* in the literary Evenki. In the oral stories, it is usually spelled as *nada/ nado*. Necessity is encoded in Evenki in specialized particles, in particular, the impersonal debitive particle with the **-vkĀ/-pkĀ** affix (ПТСР.IMPДЕБ). Both the participial construction and the construction with *nāda/ nādā* co-exist in the corpus, and whereas the use of the participial construction gets reduced, the construction with *nada/ nado* is often used instead of the original participial construction, being synonymous. The issue of whether *nāda/ nādā* or *nada/ nado* must be regarded as a real borrowing, or it is an instance of code-switching is thoroughly studied. For this purpose, we use the data of the subcategorization frame of *nado* in Russian, and the way as to how *nado*'s subcategorization frame adapts to the Evenki grammar. In particular, *nado* in Russian subcategorizes for an infinitive clause, which lacks in Evenki. We consider in detail the variation in the realization of the argument that corresponds to the Russian infinitive. We arrive at the conclusion that the non-finite feature of an infinitive clause (as of *nada/ nado*'s sentential complement) is borrowed, so that several morphological types of non-finite clauses are allowed. An important issue is touched, as to how the subcategorization frame of a predicate can be realized in case of code-switching vs. in case of the predicate's borrowing, and how/ to what extent the subcategorization frame of a predicate can vary in case of its borrowing.

Key words: code-switching, lexical borrowing, subcategorization frame, variation in argument realization, language contact, Evenki, Russian

References

Bibliya dlya detei. Bibleiskie rasskazy s illyustratsiyami na evenkiiskom yazyke [The Bible for children. Bible stories with illustrations in Evenki] / ed. by B. Arapovich, V. Mattelmyaki. Transl. by N. Ya. Bulatova, A. N. Myreeva. Moscow, The Bible Translation Institute, 2011. Old Testament — 133 p., New Testament — 113 p. Available at: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?id=131 (accessed 23.02.2019)

Boldyrev B. V. *Evenkiisko-russkii slovar'*. [The Evenki-Russian dictionary]. Vol. 1. Novosibirsk, SO RAN / GEO Publ., 2000. 503 p.

Grenoble L. A. The impact of Russian on Evenki. *Languages in contact* / ed. by D. Gilbers, J. A. Nerbonne and J. Schaeken. Amsterdam — Atlanta, GA, Rodopi, 2000, pp. 104–120.

Grenoble L. A. Areal typology and semantic change. *Vestnik TSPU* [TSPU Bulletin]. 2012a, vol. 116, no 1, pp. 101–105.

Grenoble L. A. From clause to discourse: the structure of Evenki narrative. *Recent advances in Tungusic linguistics* / ed. by L. J. Whaley, A. Malchukov. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012b, pp. 257–277.

KIEA RAN — *Korpusy Instituta etnografii i antropologii RAN* [Institute of Ethnography and Anthropology RAS Corpora]. Available at: <http://corpora.ica.ras.ru/corpora/search.php> (accessed 21.02.2019). (In Russ.)

Klyachko E. L. [Dialectal features of the texts being published]. O. A. Kazakevich, E. M. Budyanskaya, Yu. E. Galyamina, E. L. Klyachko. *Istoriya strany v rasskazakh o zhizni ketov, sel'kupov i evenkov* [Our country's history in live stories of Kets, Selkups, and Evenkis]. In print. (In Russ.)

Kolesnikova V. D. *Sintaksis evenkiiskogo yazyka* [The syntax of Evenki]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 247 p.

Konstantinova O. A. *Evenkiiskii yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 272 p.

Levin B. *Verb Sensitivity in Altaic Ditransitive Sentences* / Talk at the Sixth Workshop on Altaic Formal Linguistics, Nagoya University, Nagoya, Japan, September 4–6, 2009. Available at: <https://web.stanford.edu/~bclevin/wafl09dat.pdf> (accessed 03.02.2019).

Levin B. *Verb Sensitivity and Argument Realization in Three-Participant Constructions: A Crosslinguistic Perspective* / Talk at the Conference on Referential Hierarchies in Three-participant Constructions, Lancaster University, May 20–22, 2011a. Available at: <https://web.stanford.edu/~bclevin/lanc11dat.pdf> (accessed 03.03.2019).

Levin B. *Verb Classes Within and Across Languages* / Talk at the Valency Classes Conference, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, April 14–17, 2011b. Available at: <https://web.stanford.edu/~bclevin/mpeval1vclass.pdf> (accessed 03.03.2019).

Malye yazyki Sibiri: nashe kul'turnoe nasledie [Extinct languages of Siberia: our cultural heritage]. Available at: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/> (accessed 20.02.2019) (in Russ.)

Matras Y. The borrowability of structural categories. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective* / ed. by G. Bossong, B. Comrie, Y. Matras. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2007, pp. 31–73.

Myers-Scotton C. *Multiple voices: an introduction to bilingualism*. London, Blackwell, 2006, 457 p.

Myreeva A. N. *Evenkiisko-russkii slovar'* [The Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004. 798 p.

Nedjalkov I. *Evenki*. London, New York, Routledge, 1997. 345 p.

Ovsyannikova M. A. [Coding of participants of two-place predicates in the forest dialect of Enets]. *Uralo-altaiskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies], 2018, no. 1(28), pp. 50–69. (In Russ.)

Oskol'skaya S. A. [Argument coding of multi-place predicates in Tuva]. *Valentnostnye klassy glagolov i ikh variativnost' v raznostrukturnykh yazykakh* [Verb valency

classes and their variation structurally different languages]. Executive ed. S. S. Say. St.-Petersburg, ILS RAS, 2018, pp. 399–421.

Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow, YaSK Publ., 2004. 608 p.

Polnyi slovar' Sibirskogo govora [A full dictionary of the Siberian dialect]. Vol. 2. I — O. Executive ed. I. O. Blinova. Tomsk, Tomsk Univ Publ., 1993. 302 p.

Prince E. F, Pintzuk S. Bilingual Code-Switching and the Open/Closed Class Distinction. *U. Penn working papers in Linguistics*, 2014, vol. 6, no 3, pp. 237–257. Available at: <https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1646&context=pwpl> (accessed 01.03.2019).

Rudnitskaya E. L. *Obshchaya kharakteristika morfosintaksisa ustnogo evenkiiskogo yazyka nachala XXI veka* [Morphological and syntactic features of modern oral Evenki in the beginning of the XXI-th century]. St.-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 252 p.

Sakel J. Types of loan: Matter and pattern. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective* / ed. by G. Bossong, B. Comrie and Y. Matras. Berlin–New-York, Mouton de Gruyter, 2007, pp. 15–29.

Say S. S. [Coding of arguments of multi-place predicates in Bashkir]. *Valentnostnye klassy glagolov i ikh variativnost' v raznostrukturnykh yazykakh* [Verb valency classes and their variation structurally different languages]. Executive ed. S. S. Say. St.-Petersburg, ILS RAS, 2018, pp. 557–616. (In Russ.).

Serdobol'skaya N. V. [Coding of nominal and sentential arguments in Adyghe: A semantic shift in case markers meaning]. *Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. Executive ed. N. N. Kazanskii, vol. XI, part 2. St.-Petersburg, Nauka Publ., 2015, pp. 535–560. (In Russ.) Available at: http://iling-ran.ru/serdobolskaya/Serdobolskaya_Adyghe_compl_redkie_javlenija.pdf (accessed 15.02.2019)

Serdobol'skaya N. V., Il'evskaya A. A., Minor S. A., Miteva P. S., Fainveits A. V., Matveeva N. S. [Constuctions with sentential arguments in Finno-Ugric languages]. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. [Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches] / ed. by. A. I. Kuznetsova, N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova, S. S. Say, E. Yu. Kalinina. Moscow, RPDR Publ., 2012, pp. 382–476. (In Russ.) Available at: http://iling-ran.ru/serdobolskaya/SerdobolskayaIljevskayaMinor%20FU_compl.pdf (accessed 14.02.2019)

Varlamova G. I., Varlamov G. M. *Skazaniya vostochnykh evenkov* [Tales of Eastern Evenkis]. Yakutsk, NII PMNS Publ., 2003. 210 p. Available at: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php> (accessed 22.02.2019)

Vasilevich G. M. *Ocherki dialektov evenkiiskogo (tungusskogo) yazyka* [Essays on Evenki (Tungus) dialects]. Leningrad, Gosuchpedgiz Publ., 1948. 343 p.

Vasilevich G. M. *Evenkiisko-russkii slovar'* [The Evenki-Russian Dictionary]. Moscow, GIINS Publ., 1958. 802 p.

Wohlgemuth J. *The typology of verbal borrowings*. Berlin–New-York, Mouton de Gruyter, 2009. 459 p.

Е. В. Кашкин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, г. Москва)

egorka1988@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

В работе рассматриваются нестандартные явления в русской речи носителей центрального диалекта мокшанского языка (относящегося к финно-угорской группе уральской языковой семьи), предположительно обусловленные контактным влиянием. Материал собран в селах Лесное Цибаево и Лесное Ардашево Темниковского района Республики Мордовия в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ в 2013–2016 гг.; в работе кратко описана социалингвистическая ситуация в этих населенных пунктах. Основное внимание уделяется морфосинтаксическим явлениям (особенностям словоизменения и словообразования, приписыванию рода существительному и согласованию по роду в именной группе и в клаузе, отрицательным конструкциям, дифференцированному маркированию прямого объекта, моделям управления глаголов, кодированию локативных групп). Рассматриваются некоторые примеры возможного заимствования моделей на лексическом уровне (например, сочетаемостные особенности глаголов перемещения). Все явления анализируются в сравнении с данными по мокшанскому языку и по другим финно-угорским языкам. Результаты сопоставляются с материалом работ, посвященных особенностям русской речи носителей близкородственного эрзянского языка. Проанализированные в статье данные могут быть использованы (а затем и дополнены) при разработке корпуса русской речи носителей мокшанского языка.

Ключевые слова: мокшанский язык, нестандартные варианты русского языка, языковые контакты, морфосинтаксис, лексическая семантика, социалингвистика.

1. Введение

1.1. Предмет исследования

В статье рассматриваются нестандартные на фоне русской литературной нормы явления, встречающиеся в русской речи носителей мокшанского языка (одного

Исследование мокшанского языка поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627.

из двух мордовских языков наряду с эрзянским; они относятся финно-угорской группе уральской семьи). Так, в (1) наблюдается рассогласование подлежащего и сказуемого по роду, в (2) — нестандартная модель управления глагола *бояться*, в (3) — не соответствующий литературной норме выбор рода для лексемы *колодец*, а также отсутствие аккумулятивного кодирования прямого дополнения *вода* (источники примеров будут описаны далее).

- (1) *У Васьки собака злой.*
- (2) *Я от тебя боюсь.*
- (3) *С этой колодца таскали домой вода.*

Мы рассмотрим явления, относящиеся к уровням морфологии, синтаксиса и лексики. Исследовательский интерес могут представлять и случаи возможной фонетической интерференции (см., например, [Пуссинен 2010: 116–118]), однако рассматриваться в этой статье они не будут. Поскольку интерференция мокшанского и русского языков на текущий момент не исследована подробно, нашей первоочередной задачей будет исчисление таких явлений местной разновидности русского языка, которые могли бы иметь контактную природу. Строго доказать, что отклонение от ожидаемой модели обусловлено языковыми контактами, а не развилось независимо, достаточно сложно; кроме того, языковое изменение может мотивироваться одновременно контактным влиянием и внутриязыковыми факторами (см., например, обсуждение этих проблем в [Thomason 2001: 91–95; Shay, Frajzyngier 2008; Matras 2009: 149–153, 163–165]). В то же время, само наличие в языке какой-либо неожиданной модели, присутствующей в контактирующем с ним языке, в любом случае значимо для ареально-типологических исследований.

Заметим также, что во всех случаях речь идет о зафиксированных отклонениях от литературной нормы, при этом возможно и употребление тех же конструкций в соответствии с нормой. В данном случае нельзя говорить о возникновении новой языковой разновидности, поскольку мы наблюдаем только нестабильные отклонения от нормы в речи отдельных говорящих, однако и такие данные представляют интерес для понимания контактных моделей (см. также теоретическое обсуждение в [Matras, Sakel 2007 847–852; Рахилина 2014: 87–89, 94–95]).

1.2. Предыдущие исследования

Рассматриваемые в этой статье вопросы изучены не слишком подробно. Большой массив информации о русских говорах Мордовии доступен в [Словарь ... Республики Мордовия 2013] и в других работах диалектологов¹. Однако к этим работам возникает целый ряд вопросов об источниках данных, в частности о том, владеют ли опрошенные информанты эрзянским или мокшанским языком, какой язык является для них родным (или они с рождения билингвы), каков уровень их владения каждым из языков и объем использования разных языков в их

¹ См., например, библиографию по ссылке <http://www.ruslang.ru/doc/dialectolog/mordovia.pdf>.

повседневной жизни. По этой причине ориентироваться на такие данные при исследовании языковых контактов рискованно.

Русская речь носителей эрзянского языка, также распространенного в Мордовии и близкородственного мокшанскому, рассматривалась в [Пуссинен 2010; Щемерова 2014; Shagal 2016]. Сопоставления с этими работами будут приводиться по ходу дальнейшего изложения.

1.3. Структура работы

Дальнейшая часть статьи имеет следующую структуру. В разделе 2 дается основная социолингвистическая характеристика мокшанского языка; в связи с этими вопросами обсуждаются источники наших данных и некоторые методологические решения. В разделе 3 рассматриваются нестандартные морфосинтаксические явления в русской речи носителей мокшанского языка. Раздел 4 посвящен контактными процессам в области лексической семантики. В разделе 5 подводятся итоги и обсуждаются перспективы дальнейших исследований.

2. Мокшанский язык: социолингвистическая ситуация, данные

По данным, представленным в [Кондрашкина 2016: 291], суммарное число носителей эрзянского и мокшанского языков в России составляет 364.749, из них в Республике Мордовия — 191.164. В [Коряков, Холодилова 2018: 6] указывается, что общая численность говорящих на мордовских языках в России — около 432.000 человек, а в Республике Мордовия — около 230.000 человек. Как отмечают Ю.Б. Коряков и М.А. Холодилова, подсчет числа говорящих на эрзянском и мокшанском языках по отдельности затруднен, поскольку многие респонденты отметили в ходе переписи владение «мордовским» языком².

В нашей статье рассматриваются данные, относящиеся к центральному диалекту мокшанского языка (и, соответственно, русская речь носителей этого диалекта). Учитываются мокшанские говоры сёл Лесное Цибаево и Лесное Ардашево, находящихся в Темниковском районе Мордовии. Материал был собран в 2013–2016 гг. в экспедициях ОТиПЛ МГУ, целью которых было комплексное изучение фонетики, грамматики и лексики мокшанского языка (их руководителями в разные годы были А.И. Кузнецова и С.Ю. Толдова, основным научным итогом этих экспедиций стала коллективная монография [Элементы мокшанского языка 2018]).

Посещенные нами сёла в настоящее время входят в состав Бабеевского сельского поселения, общая численность постоянного населения которого на 1 января 2017 г. составляла 832 человека, по данным его официального сайта [Бабеевское сельское поселение]. В сёлах Лесное Цибаево и Лесное Ардашево мокшанский

² Точка зрения о существовании единого мордовского языка высказывалась и в некоторых научных публикациях, однако мы отвергаем ее вслед за большинством исследователей, см. об этой проблеме [Коряков, Холодилова 2018: 8–9].

используется как язык повседневного общения. Большинство жителей этих сёл относится при этом к старшему и среднему поколениям. Практически все информанты, с которыми велась работа, родились не позже 1960-х гг. Насколько удалось установить при общении с ними, мокшанский язык передается от родителей и бабушек и дедушек к детям, однако младшее поколение носителей постепенно переходит на русский язык (чему способствует и переезд в города). Все жители с. Лесное Цибаево и с. Лесное Ардашево, с которыми мы работали в экспедициях, являются мокшанско-русскими билингвами. Многие носители старшего поколения, по их словам, не знали русского языка до школы. Среди информантов были как более грамотные (учителя, клубные работники и т. п.), так и менее грамотные (часто имеющие 7-8 классов школьного образования, в некоторых случаях только начальное образование). Мы в первую очередь ориентируемся на речь менее грамотных информантов пожилого возраста (1930–1940-х годов рождения), поскольку в ней менее ожидаемо влияние русского литературного языка. Вопрос о том, какие явления в русской речи более системно подвергаются интерференции с мокшанским языком у людей разного уровня грамотности, а какие встречаются в первую очередь у менее грамотных носителей, требует отдельного исследования. Установить зависимость интерференции от возраста носителей на имеющемся материале невозможно, поскольку обсуждаемые явления анализировались в первую очередь в речи пожилых носителей, тогда как молодых носителей мокшанского языка в посещенных селах очень мало.

Поскольку корпуса русских текстов, порожденных носителями мокшанского языка, на данный момент не существует, источником данных стали записанные автором образцы спонтанной русской речи носителей мокшанского языка. Это, во-первых, наблюдения, сделанные при разговоре с жителями посещенных населенных пунктов; во-вторых, аудиозаписи полевой работы, переслушанные при проведении данного исследования (общий объем этих аудиозаписей составляет на текущий момент 8 часов). Из выборки данных исключались русские примеры, полученные в ходе анкетирования носителей как буквальные переводы мокшанских примеров (поскольку в таких случаях информант мог использовать неестественную для своего идиолекта русского языка конструкцию, чтобы более наглядно объяснить исследователю устройство интересующей его мокшанской конструкции). Выявленные примеры, которые можно оценить как нестандартные по сравнению с литературной нормой, сопоставлялись с данными экспедиционного проекта и другими описаниями мокшанского языка с целью установить, имеет ли место в конкретном случае параллелизм структур русского и мокшанского языков (во многих случаях мы приводим и параллели с другими финно-угорскими языками). В ряде случаев проводилась специальная проверка наличия той или иной структуры в мокшанском языке.

В силу отсутствия корпуса рассматриваемой нами территориальной разновидности русского языка мы не приводим в этой работе статистических данных, ограничиваясь только качественной оценкой того, какие нестандартные явления встретились в наших записях. Получение репрезентативной статистики составляет

одну из задач дальнейших исследований. В то же время приводимая в нашей статье предварительная оценка может быть полезна для будущей разработки корпуса, выделяя те явления, на которые следует обратить внимание при разметке текстов.

Записанные нами примеры из русской речи носителей мокшанского языка приводятся в литературной орфографии, поскольку исследование фонетических особенностей не входит в задачи нашего исследования (см. также [von Waldenfels et al. 2014] о возможных преимуществах аналогичного решения в свете задач автоматической обработки диалектных текстов).

Мокшанские примеры, при которых эксплицитно не указан источник, взяты из полевых записей автора статьи. Такие примеры подаются в фонологической транскрипции (используется система, принятая в [Элементы мокшанского языка 2018]). В примерах, заимствованных из других источников, сохраняется система записи источника.

3. Явления в области морфосинтаксиса

3.1. Чередования основ

В русском языке имеется много моделей морфологического чередования, которых нет в мокшанском языке. В некоторых случаях в русской речи носителей мокшанского языка в таких моделях происходят сбои, ср. *не брое́т* (= ‘не бреет’), *пекёт хлеб*, а также словоформы, выделенные в (4)–(6). В (5) сбой в морфологическом чередовании сопровождается меной рода существительного. О последнем процессе см. раздел 3.3.

- (4) *Зае́цы по деревне бега́ли.*
- (5) *Если се́мян какой-нибудь, може́т, упале́...*
- (6) *В Явасе живе́т у меня обо́и (= ‘обе’) доче́ри, а сын в Сара́ве.*

В некоторых случаях происходит смешение различных словоизменительных классов, ср. спряжение глагола *дыша́ть* по продуктивной модели глаголов на *-а(j)-* в (7). Подробной информации об устройстве парадигм таких глаголов в собранном на сегодня материале нет.

- (7) *Ребе́нок спит, а са́ма, это, че́рез нос ды́шает.*

Подобные отклонения от морфологической нормы литературного языка распространены в русских диалектах, см., например, [Бромлей, Булатова 1972: 127–284; Русская диалектология 1989: 103–117]. Кроме того, модели словоизменения, подобные проиллюстрированным в (4)–(7), не копируют какую бы то ни было морфологическую модель, свойственную мокшанскому языку. Поэтому нельзя говорить, что в описанных случаях происходит заимствование модели из мокшанского языка в русский. Тем не менее, интересны происходящие на фоне ситуации языкового контакта сбои в таких явлениях, которые отсутствуют в доминирующем языке (коим в данном случае является мокшанский).

3.2. Приставочные глаголы

Для мокшанского языка, как и в целом для большинства уральских языков, нехарактерно приставочное словообразование. Этот факт наглядно отражается в лексикографической практике, когда одному и тому же мокшанскому глаголу приписывается множество русских переводных эквивалентов, представляющих собой приставочные дериваты от одного и того же глагола — см., например, варианты перевода глагола *керомс*, приводимые в [Серебренников и др. (ред.) 1998: 251]: «1). отрезать, резать; 2). порезать; 3). разрезать; 4). вырезать; 5). нарезать; 6). распилить, пилить; 7). вырубить, срубить, рубить...». На фоне указанного различия в системе словообразования двух языков отмечаются сбои в употреблении приставочных глаголов в русской речи носителей мокшанского языка:

- (8) *Сын купил ружье и застрелил в окошко* (= ‘выстрелил’).
- (9) *пробьет гвоздь / бьет гвоздь* (= ‘забьет’).
- (10) *Человек злится, кулаки нажмет* (= ‘сожмет’).
- (11) *Копыто вот так ровнее, это, отрежут* (= ‘подрежут’), *чтобы ровной было, и подковы туда.*

В [Пуссинен 2010: 120; Щемерова 2014: 135–137] отдельные примеры такого типа фиксируются в русской речи носителей эрзянского языка. В данном случае, как и в выделенных в разделе 3.1 примерах сбоев в чередованиях основ, происходит не копирование местной разновидностью русского языка какой-либо модели, характерной для мокшанского языка, а нарушение реализации характерной для русского языка модели на фоне того, что такая модель отсутствует в мокшанском языке.

3.3. Категория рода и согласование

Характерной отличительной чертой уральских языков на фоне русского языка является отсутствие категории рода. Это различие проявляется и в собранных нами материалах. Мы зафиксировали примеры сбоев в согласовании, ср. *ровный поле*, а также примеры (12)–(14). В (14) рассказчиком является женщина, в первом случае (*уселась*) корректно выбирающая форму женского рода, а в остальных выделенных в этом примере случаях используя формы мужского рода и по отношению к себе, и в сочетаниях с существительным женского рода *лиса* и с соответствующими ему анафорическими выражениями (последние, заметим, выбираются в этом фрагменте в правильной форме женского рода).

- (12) *У Васьки собака злой.*
- (13) *Весь туча черный был.*
- (14) *Я иду, не уселась на машина, пешком прямо вот здесь, и как вот лиса прыгнул, это листья тоже сухие, ну я чуть не в обморок, это, упал я. И так как испугался я, она, видишь, от меня испугался, а я от нее.*

Встречаются сбои в приписывании существительным типа склонения (коррелирующего с родом), см. примеры использования существительного *сено* в (15) и существительного *платье* в (16).

(15) *На тракторе сену возить пойдешь.*

(16) *Теперь, нет, такую платье ни за что не оденут.*

Такие же явления отмечены в русской речи носителей эрзянского языка в [Пуссинен 2010: 119–120; Shagal 2016: 366–369]. Дальнейшего исследования требует вопрос о том, какие формы рода чаще «выигрывают» и «проигрывают» в ситуации подобных замен (в работе О. Пуссинен сформулированы некоторые предварительные обобщения, однако не вполне ясно, на каких статистических данных они основаны).

3.4. Отрицательные конструкции

Еще одно явление, для которого нам встретилась нестандартная модель устройства в описываемом варианте русского языка, — это конструкции с отрицанием *нет / нету*, требующие в русском литературном языке генитивного оформления субъекта (сведений об отклонениях в оформлении объектного генитива при отрицании у нас на данный момент нет). В мокшанском языке отрицательные конструкции не предполагают генитивного маркирования субъекта, см. (17), где участник, наличие которого отрицается, оформлен номинативом. Более подробно отрицательные конструкции мордовских языков описаны в [Namari, Aasmäe 2015; Козлов А. А. 2018: 381–395].

(17) *Аи ярмак-оне.*

NEG деньги-1SG.POSS.SG(NOM)

‘Нет у меня денег’. [Серебренников и др. (ред.) 1998: 50]

В русской речи носителей, с которыми мы работали, отмечены конструкции с номинативом субъекта при отрицании, сходные с мокшанской моделью:

(18) *Молоко нету?*

(19) *Не плачет, слёзы нету.*

(20) *Зелень-то нету, только листья прошлогодние, например, на земле.*

Такие конструкции не исключены и в диалектной речи, см., например, упоминание об их существовании в севернорусских говорах в [Пожарицкая 2005: 166–167]. В диалектном подкорпусе НКРЯ мы обнаружили один подобный пример, причем записанный в Волгоградской области, где не ожидается финно-угорское влияние:

(21) *Да. И шитокрыто. И неделя нету. А они, дед с бабкой, мать родила и бросила её им.* [Рассказ Миньковой о жизни. Часть 6 (Волгоградская область, 1999)]

Тем не менее, фиксация отрицательных конструкций с нестандартным маркированием участника в варианте русского языка, контактирующего с мокшанским

языком, в любом случае значима для уточнения ареала этого явления. Вопрос о соотношении внутриязыковых и контактных факторов в развитии таких конструкций нуждается в дальнейшем анализе.

В [Пуссинен 2010; Shagal 2016] влияние мордовских языков на русский в области отрицательных конструкций не рассматривалось. В то же время в [Shagal 2016: 369–370] похожие случаи конструкционной интерференции рассмотрены на примере групп с числительными и кванторными словами, где в мордовских языках, в отличие от русского, не используется генитив, что калькируется и в русской речи местного населения, ср. *два дети; дети много* [там же: 369]. В нашем материале примеров интерференции в количественных конструкциях не встретилось, однако это (как и отсутствие примеров отрицательных конструкций в работах предшественников) может быть обусловлено ограниченностью материала и не дает надежных оснований говорить о различиях в контактной ситуации в рассмотренных случаях.

3.5. Дифференцированное маркирование прямого объекта

Русский и мокшанский являются языками с дифференцированным маркированием прямого объекта (см. об этом понятии [Aissen 2003; de Swart, de Hoop 2007] и др.). Однако факторы, влияющие на кодирование прямого объекта, в этих языках не одинаковы. В современном русском языке это одушевленность, тип склонения и числовая форма (ср. общеизвестные примеры типа *Я вижу корову / коров / чашку / чашки / мужика / мужиков / чайник / чайники / ...*).

В мокшанском языке кодирование прямого дополнения определяется факторами его референциального статуса, роли в коммуникативной структуре, аспектуальных характеристик предиката, см. [Толдова 2017, 2018; Козлов 2017; Кашкин 2018]³. Например, в (22) прямое дополнение с определенным референциальным статусом кодируется показателем генитива определенного склонения (особый маркер аккузатива в мокшанском языке отсутствует), а в (23) прямое дополнение с неопределенным референциальным статусом остается немаркированным. Кодирование прямого дополнения в мокшанском коррелирует с выбором типа спряжения глагола: так, в (22) оформленное генитивом прямое дополнение сочетается с формой субъектно-объектного спряжения, тогда как в (23) неоформленное прямое дополнение используется при форме субъектного спряжения глагола.

- (22) *son n'ej-əz'ə t'ε pin'ə-t'*
 он видеть-NPST.3SG.S.3SG.O этот собака-DEF.SG.GEN
 'Он увидел эту собаку'. [Толдова 2017: 124]
- (23) *son n'ej-s' pin'ə*
 он видеть-PST.3[SG] собака
 'Он увидел собаку'. [Толдова 2017: 124]

³ Подобный анализ предложен и для ряда других финно-угорских языков, см. [Сердобольская, Толдова 2012].

Противопоставление между типами спряжения, существующее в мокшанском языке, не переносится в местную разновидность русского языка в силу серьезных различий в глагольной морфологии двух языков. Однако в том, что касается оформления прямого дополнения, в русской речи наблюдаются конструкции, не соответствующие русской литературной норме, но соответствующие мокшанской модели, ср. (24)–(27). Форма *овцы́* в (26), по-видимому, может быть проинтерпретирована и как номинатив множественного числа (поскольку в речи этого говорящего в целом встречаются сбои в ударении), и как генитив единственного числа. Обе эти формы в различных контекстах могут кодировать прямое дополнение в мокшанском языке.

(24) *С этой колодца таскали домой вода.*

(25) *Мне сом привозили.*

(26) *Раньше по деревьям даже бегали: у кого овцы́, у кого коза утоцат [о волках].*

(27) *Опять Егор придет, сейчас мне шура задерет.*

В (27) представлена идиома, кодирование прямого объекта в которой не может быть уверенно проинтерпретировано при имеющихся данных из местной разновидности русского языка и из мокшанского языка. В (24)–(26) прямые объекты имеют родовой референциальный статус в сочетании с коммуникативным статусом фокуса, что способствует отсутствию маркирования в мокшанском языке, и эта же модель в данном случае копируется в русский язык. Более детальное изучение факторов, влияющих на оформление прямого объекта в русской речи носителей мокшанского, требует дальнейшей работы на большем объеме материала. В качестве ближайшей параллели отметим также, что похожие примеры нестандартного для литературной нормы кодирования прямого объекта уже отмечались для северных русских говоров (см. [Ронько 2018] и приводимые там ссылки), и в этом случае тоже не исключается финно-угорское влияние на развитие такой диалектно ограниченной модели в русском языке [там же: 75–76, 99].

3.6. Модели управления

В [Shagal 2016: 372–375] отмечено возникновение у некоторых русских глаголов нестандартных моделей управления, которые могут быть объяснены влиянием эрзянского языка, см. разбираемые там примеры *стесняться от кого-л.* и *спросить от кого-л.* Распределение такого типа калек по различным предикатам и валентностным классам требует дальнейшего изучения, однако отдельные примеры видны уже при имеющемся объеме материала. В наших данных калькирование модели управления обнаружено у предиката *бояться*. В мокшанском языке стимул эмоции при этом предикате кодируется аблативом (28), который может маркировать и исходную точку⁴ (29). Заметим, что та же модель полисемии характерна

⁴ В исследуемых говорах мокшанского языка использование аблатива неопределенного склонения в контекстах исходной точки достаточно ограничено. Преимущественно эта семантическая

для второго актанта глагола ‘бояться’ и в других уральских языках, см., например, марийский глагол *лүдаш* ‘бояться’ [СМЯ] и коми-зырянский *повны* ‘бояться’ [Безносикова и др. 2000: 503].

- (28) *пеле-мс врьгаз-да*
 бояться-INF волк-AVL
 ‘бояться волков’. [Серебренников и др. ред. 1998: 475]
- (29) *яка-с-ть вальма-да вальма-с*
 ходить-PST.3-PL окно-AVL окно-ILL
 ‘ходили от окна к окну’. [Цыганкин 1980: 165]

В русской речи носителей мокшанского языка зафиксированы примеры типа (30)–(31), где стимул эмоции при глаголе *бояться* кодируется группой с предлогом *от*, как исходная точка.

- (30) *Я от тебя боюсь.*
 (31) *Я боюсь от собак так это.*

В [СРНГ III 1968: 146; АОС II 1982: 98] такие конструкции с глаголом *бояться* не отмечены, как нет их и в диалектном подкорпусе НКРЯ (на 127 имеющихся вхождений глагола *бояться*). Поэтому такую модель управления как минимум нельзя оценивать как распространенную в русских диалектах независимо от иноязычного влияния.

3.7. Локативные группы

В русской речи носителей мокшанского языка наблюдаются нестандартные явления, связанные с употреблением предложных групп. Не исключено, что на них может оказывать влияние система мокшанского языка. Первое из таких явлений — это опущение предлогов. Так, в (32) вместо предложной группы *за ягодами* употреблена именная группа *ягодами*, а в (33) предложная группа *к примеру* заменена на именную группу *примеру*. В (33), впрочем, нельзя исключать и фонетического упрощения кластера *к + пр*.

- (32) *Она [сестра] всё ягодами ходит.*
 (33) *Да это просто примеру.*

Примеры такого типа в целом ожидаемы и упоминались в [Пуссинен 2010: 119; Shagal 2016: 370–372], см. также [Кузнецова 2002: 137] об аналогичном явлении в русской речи носителей лугового марийского языка. Их причина состоит в богатстве падежной системы мокшанского языка (как и большинства других

роль кодируется элативом. В то же время в определенном склонении исходная точка маркируется конструкцией с послелогом *ezdä*, содержащим в себе аблативный показатель *-dä*. Подробнее этот вопрос описан в [Козлов Л. С. 2018: 175–179]. Для нашего изложения важно, что аблатив может маркировать исходную точку хотя бы в части контекстов.

финно-угорских языков, см. грамматические очерки в [Языки мира 1993]) по сравнению с падежной системой русского языка: многие из тех значений, которые в русском языке выражаются предложными конструкциями, в мокшанском языке передаются синтетическими падежными формами. Например, конструкция из (32) выражается в мокшанском языке синтетической падежной формой каузалиса (34).

- (34) *min' tu-mə vir'-i ksti-nksə.*
мы уходить-PST.1PL лес-LAT ягода-CSL
'Мы пошли в лес за ягодами'.

Второе из выявленных нами нестандартных явлений — это смешение предлогов, см. (35)–(37).

- (35) *Стучит он [дятел] на это дерево* (вм. *по этому дереву*).
(36) *Ты ходишь на красной рубашке* (вм. *в красной рубашке*).
(37) *...работал в кирпичном заводе* (вм. *на кирпичном заводе*).

Примеры такого рода могут объясняться по-разному. С одной стороны, в таких случаях нельзя исключать обычных отклонений русского просторечия от литературной нормы — см. в частности примеры (38)–(39), найденные в поисковой системе Google. Кроме того, употребление предлогов в русских диалектах может существенно отличаться от литературного языка, что необязательно связано с каким-либо контактным влиянием (см., например, [Гецова 2014; Качинская 2014]).

- (38) *За неделю до нового года с парнем познакомилась, он работает в заводе асфальтном.* [Google]
(39) *В настоящее время работает в заводе, в отделе кадров, а до этого работала продавцом в магазине косметики.* [Google]

С другой стороны, важно, что мокшанские падежные формы могут соответствовать разным типам пространственных ситуаций, которые кодируются по-разному в русском языке. Например, форма инессива может описывать нахождение на поверхности ориентира и нахождение внутри ориентира (40), см. подробнее [Козлов Л. С. 2018: 156–157]. Форма датива определенного склонения⁵ кодирует как конечную точку перемещения (41), так и точку контакта в ситуации удара (42).

- (40) *t'ε provələka-s' s't'ena-sə.*
этот провод-DEF.SG стена-IN
i. 'Этот провод на стене'.
ii. 'Этот провод в стене'. [Козлов Л. С. 2018: 157]
(41) *mon povfta-jn'ə kart'ina-t' s't'ena-t'i.*
я вешать-PST.3.0.1SG.S картина-DEF.SG.GEN стена-DEF.SG.DAT
'Я повесил картину на стену'. [Козлов Л. С. 2018: 168]

⁵ В мокшанском языке имеется сложная система соответствий между падежно-последовательными конструкциями неопределенного и определенного типов склонений, см. подробнее [Холодилова 2018: 85–92].

- (42) *šekšata-s' poka-j šuft-t'i.*
 дятел-DEF.SG стучать-NPST.3[SG] дерево-DEF.SG.DAT
 'Дятел стучит по дереву'.

Полифункциональность инессива в (40) соответствует тем сбоям в употреблении русских предлогов *в* и *на*, которые мы наблюдаем в (36)–(37). Мена предлога *по* на предлог *на* в (35) может объясняться тем, что соответствующие обоим предлогам контексты могут покрываться в мокшанском языке одним и тем же средством — дативом определенного склонения, ср. (41)–(42). Тем самым, вероятно, что и в этих случаях отклонение от литературной нормы в русской речи носителей мокшанского языка могло развиваться под влиянием мокшанской системы.

4. Лексическая семантика

Рассмотрение вопроса о влиянии мордовских языков на русский на уровне лексики в основном сводилось в работах предшественников к выявлению в русских говорах слов, заимствованных из мордовских языков, см., например, [Мызников 2009]. Вопрос о заимствовании каких-либо моделей полисемии, насколько нам известно, детально не рассматривался. В [Shagal 2016] эта проблематика не обсуждается. В [Пуссинен 2010: 121] рассмотрение лексического влияния лишь фрагментарно намечено, а к приводимым примерам возникают вопросы, имеют ли они в действительности контактную природу (ср., например, рассмотрение в этом ряду в работе О. Пуссинен замены формы именительного падежа *татарин* на форму *татар*, трактуемую автором как мордовский вариант). В [Щемерова 2014] приводятся некоторые примеры возможного калькирования и сбоев в употреблении синонимов в русской речи эрзянских детей. Далее мы приведем примеры того, как мокшанский язык может влиять на развитие нестандартных моделей полифункциональности у лексем в местной разновидности русского языка.

Наиболее частый случай возможного контактного влияния в имеющихся данных представлен глаголами перемещения (см. ряд похожих примеров в [Щемерова 2014: 139]). В мокшанском языке они часто совместимы с различными способами перемещения, см., например, глагол *suvats*, возможный в ситуациях перемещения пешком (43), на наземном транспортном средстве (44) или по воздуху (45). В уральских языках такая полифункциональность глаголов перемещения довольно распространена, см., например, в хантыйском языке глагол *мйтты*, первое значение которого сформулировано в [Соловар 2014: 176] как 'идти, уйти, улетать, ехать, плыть', или глагол *йухэтты*, у которого выделяются значения 'прийти', 'приехать', 'прилететь' [там же: 102]⁶; в марийских языках глагол *толаш*, означающий 'прийти', 'приехать', 'прилететь', 'приплыть' [СМЯ] и мн. др.

⁶ Распределение в цитируемом словаре разных значений и вариантов одного значения нерелевантно для целей нашего обсуждения.

- (43) *kud-u suva-s' mil'icion'er-s'*
 дом-LAT заходить-PST.3[SG] милиционер-DEF.SG
 'В дом зашел милиционер'.
- (44) *mašina-s' suva-s' orta-də potm-u.*
 машина-DEF.SG заходить-PST.3[SG] ворота-ABL внутрь-LAT
 'Машина заехала во двор'.
- (45) *pil'ə-zə-n suva-s' karu.*
 ухо-ILL-1SG.POSS заходить-PST.3[SG] муха
 'Мне в ухо залетела муха'.

В русской речи носителей мокшанского языка встречаются примеры, когда глагол, описывающий в литературном языке пешее перемещение, используется при ином способе перемещения. Так, в (46) речь идет о перемещении по воздуху. Предложение (47) использовано при рассказе о внуках, которые живут в городе и приехали к бабушке на каникулы (воспользовавшись автомобильным транспортом). Предложение (48) использовано по отношению к змее, перемещающейся в лесу. В этих случаях можно предполагать контактное влияние мокшанского языка.

- (46) *Зашла пчела что ли или муха в ухо.*
 (47) *При каникулах они приишли.*
 (48) *А он-то [змея] всё равно там ходит [в лесу].*

Копирование русскими лексемами мокшанских моделей полисемии отмечается и в других случаях. Так, в (49) по отношению к стаканам использовано слово *голос*, в русском литературном языке применяемое к звучанию речи человека, но не к звукам, производимым артефактами (см. [Активный словарь 2014: 637–639]). В диалектном подкорпусе НКРЯ таких употреблений этого существительного не встретилось. В [СРНГ VI 1970: 325] указывается, что лексема *голос* может относиться к звуку колокола в говорах Самарской области⁷, однако не приводится каких-либо сведений о ее более широкой сочетаемости в контекстах звучания неодушевленных предметов.

- (49) *Они [стаканы], видишь, стеклянные, и у них голос потоньше, не как чашки.*

Пример (49) имеет параллель в мокшанском языке, где существительное *vajgel'* имеет и значение 'голос' (50), и значение 'звук, шум' (51). Эта полисемия отмечена и в [Серебренников и др. (ред.) 1998: 80]. Тем самым, в данном случае можно предполагать контактное влияние мокшанской системы на русскую.

- (50) *lomat'-t' viškə vajgel'-əc, višk-stə*
 человек-DEF.SG.GEN громкий звук-3SG.POSS.SG громкий-EL
korŋa-j.
 говорить-NPST.3[SG]
 'У человека громкий голос, громко говорит'.

⁷ Примеры, где слово *голос* используется по отношению к колоколу, встречаются и в художественных текстах, ср. *мерный и звонкий голос колокола, одиноко звонившего где-то в горах* [И. А. Бунин. Тишина (1901)]

- (51) *skomn'ε-s'* *vajgel' martə s'in'd'-əv-s'*.
 скамейка-DEF.SG звук с ломать-PASS-PST.3[SG]
 'Скамейка с шумом сломалась'.

5. Заключение

В статье были рассмотрены нестандартные относительно литературной нормы явления в русской речи носителей мокшанского языка, возникновение которых может быть обусловлено контактным влиянием. В частности, обсуждались сбои в употреблении приставочных глаголов; нестандартное приписывание рода существительному и нарушение согласования по роду; нестандартное маркирование субъекта в отрицательных конструкциях; развитие нетипичной для русского литературного языка модели дифференцированного маркирования прямого объекта; нестандартные модели управления глаголов и нестандартное кодирование локативных групп; заимствование сочетаемостных моделей (и связанных с ними моделей полисемии) у некоторых лексем. Все эти явления должны учитываться при дальнейших исследованиях данной территориальной разновидности русского языка, в т. ч. при составлении системы разметки соответствующего корпуса.

Требуют дальнейшего рассмотрения и многие теоретические вопросы. Так, на текущей стадии исследования неясно, как связано развитие того или иного контактно обусловленного явления с возрастом и уровнем образования носителя. Многие из наблюдаемых нестандартных моделей в русской речи мокшанского населения, с одной стороны, имеют явные параллели в мокшанском языке, с другой стороны, встречаются в других вариантах русского языка и могли развиваться независимо. Модели взаимодействия внутриязыковых и контактных факторов в таких случаях нуждаются в последующем анализе. Представляет интерес и «двунаправленность» контактного влияния рассматриваемых языков, возникающая не только в ситуации русско-мокшанского контакта. Серьезное влияние русского языка на языки народов России общеизвестно. Одновременно сам русский язык в различных регионах тоже подвергается влиянию соседних языков: это видно и из представленных нами данных, и из исследований других контактных зон (см., например, [Стойнова, Шлуинский 2010] о русской речи лесных энцев, [Даниэль, Добрушина 2013] о русской речи жителей Дагестана и др.). Анализ того, как разные языковые явления распределяются в таких случаях между разными направлениями заимствования и какие социолингвистические ситуации стоят за этим, мог бы представлять интерес для теории и типологии языковых контактов.

Список сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABL — аблатив; CSL — каузалис; DAT — датив; DEF — определенное склонение; EL — элатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; IN — инессив;

INF — инфинитив; LAT — латив; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; O — объект; PL — множественное число; POSS — посессивность; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

Активный словарь русского языка. Т. 2 (В–Г) / отв. ред Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. 736 с.

АОС II — Архангельский областной словарь. Вып. 2. Берёза — Бяще / ред. О. Г. Гецова. М.: Издательство Московского университета, 1982. 216 с.

Бабеевское сельское поселение. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://temnikov.e-mordovia.ru/vill/view/20> (дата обращения: 16.03.2019)

Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор (Коми-русский словарь). Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2000. 815 с.

Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М.: Наука, 1972. 449 с.

Гецова О. Г. Из наблюдений над лексикой и синтаксисом архангельских говоров // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. Вып. 3. Диалектология. С. 96–106.

Даниэль М. А., Добрушина Н. Р. Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая–2 июня 2013 г.). В 2-х т. Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19). М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 186–211.

Диалектный подкорпус национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-dialect.html> (дата обращения 16.03.2019)

Качинская И. Б. Предлог *pri* в архангельских говорах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. Вып. 3. Диалектология. С. 107–119.

Кашкин Е. В. Определенное склонение // [Элементы мокшанского языка 2018]. С. 122–153.

Козлов А. А. Акциональный DOM в мокшанском языке и проблема циклов грамматикализации // Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Т. XIII, №3. С. 158–193.

Козлов А. А. Морфология глагола // [Элементы мокшанского языка 2018]. С. 342–395.

Козлов Л. С. Локативные падежи // [Элементы мокшанского языка 2018]. С. 154–182.

Кондрашкина Е. А. Мордовский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 289–293.

Коряков Ю. Б., Холодилова М. А. Общие сведения о мокшанском языке и исследуемом говоре // [Элементы мокшанского языка 2018]. С. 6–17.

Кузнецова А. И. Старый Торъял на распутье: причины изменений, происходящих в говоре // Языковые контакты Поволжья (Симпозиум в городе Турку, 16–18.8.2001) / ред. Й. Луутонен. Турку: Университет Турку, 2002. С. 127–138.

Мызников С. А. Особенности мордовско-русских языковых контактов (по материалам лексикографических источников и полевых данных) // Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы и исследования) 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 68–78.

Пожарицкая С. К. Русская диалектология: Учебник. М.: Академический проект; Парадигма, 2005. 256 с.

Пуссинен О. Особенности языковой ситуации и русского языка в Мордовии // Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approaches to non-standard Russian / ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: Helsinki University Press, 2010. P. 111–133.

Рахилина Е. В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 87–95.

Ронько Р. В. Номинативный объект в древнерусском языке и севернорусских диалектах в ареальной и типологической перспективе: дис. ... канд. филол. наук / Институт языкознания РАН. М., 2018. 137 с.

Русская диалектология / ред. Л. Л. Касаткин. М.: Просвещение, 1989. 224 с.

Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / отв. ред. А. И. Кузнецова, ред. Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 59–141.

Серебренников Б. А., Феоктистов А. П., Поляков О. Е. Мокшанско-русский словарь. М.: Русский язык, Дигора, 1998. 920 с.

Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. I, II. СПб.: Наука, 2013. xlv + 1560 с.

СМЯ — Словарь марийского языка в 10 тт. [Электронный ресурс]. URL: <http://marlamuter.com/muter/ru/> (дата обращения: 14.03.2019)

Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО «Формат», 2014. 386 с.

СРНГ III — Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Блазнишка — Бяшутка. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. 360 с.

СРНГ VI — Словарь русских народных говоров. Вып. 6. Выросток — Гон. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970. 360 с.

Стойнова Н. М., Шлуинский А. Б. Русская речь лесных энцев: зарисовки исследователей вымирающего языка // Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approaches to non-standard Russian / ed. by A. Mustajoki, E. Protassova and N. Vakhtin. Helsinki: Helsinki University Press, 2010. P. 153–165.

Толдова С. Ю. Кодирование прямого дополнения в мокшанском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Т. XIII, № 3. С. 123–157.

Толдова С. Ю. Дифференцированное кодирование прямого дополнения // [Элементы мокшанского языка 2018]. С. 574–608.

Холодилова М. А. Морфология имени // [Элементы мокшанского языка 2018]. С. 63–121.

Цыганкин Д. В. Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология. Саранск: Мордовский государственный университет, 1980. 431 с.

Щемерова Н. Особенности проявления лексико-семантической интерференции в русской речи эрзянских детей-билингвов // Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие / ред. А. Никунласси, Е. Ю. Протасова. Helsinki: University of Helsinki, 2014. P. 132–144.

Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / ред. С. Ю. Толдова (отв. ред.), М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин. М.: Буки Веди, 2018. xxiv + 1014 с.

Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. 398 с.

Aissen J. Differential object marking: iconicity vs. economy // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. P. 435–483.

de Swart P., de Hoop H. Semantic aspects of differential object marking // *Proceedings of Sinn und Bedeutung 11* / ed. by E. Puig-Waldmuller. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra, 2007. P. 568–581.

Hamari A., Aasmäe N. Negation in Erzya // *Negation in Uralic languages* / ed. by M. Miestamo, A. Tamm and B. Wagner-Nagy. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015. P. 293–323.

Matras Y. *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 384 p.

Matras Y., Sakel J. Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence // *Studies in language*. 2007. №4. P. 829–865.

Shagal K. Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers // *Mordvin languages in the field* / ed. by K. Shagal and H. Arjava. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 363–377.

Shay E., Frajzynger Z. Language-internal versus contact-induced change: the split coding of person and number: a Stefan Elders question // *Journal of language contact*. 2009. №1. P. 274–296.

Thomason S. *Language contact*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. 321 p.

von Waldenfels R., Daniel M., Dobrushina N. Why standard orthography? Building the Ustyia river basin corpus, an online corpus of a Russian dialect // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»* (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 720–728.

Egor Kashkin

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS

(Russia, Moscow)

egorka1988@gmail.com

SOME PECULIARITIES OF THE RUSSIAN SPEECH OF MOKSHA SPEAKERS

This paper deals with non-standard phenomena in the Russian speech of Moksha-Russian bilinguals which could probably be contact-induced. Moksha belongs to the Finno-Ugric branch of the Uralic family; the data were collected in the villages of Lesnoje Tsibaevo and Lesnoje Ardashevo in 2013–2016. The sociolinguistic situation in these villages is touched upon in the article. The main focus is put on the morphosyntactic phenomena (some deviations from Standard Russian in inflection and in derivation; gender assignment and agreement; expressions of negation; differential object marking; valency patterns; encoding of locative phrases). Some examples of pattern borrowing in the lexicon are considered as well (e. g. collocational properties of motion verbs). Examples from this non-standard variety of Russian are compared with Moksha and with other Finno-Ugric languages. The comparison is also drawn with some papers dealing with the Russian speech of Erzya-Russian bilinguals (Erzya being the language the most closely related to Moksha). The data discussed in this article can be used (and further elaborated on) in developing a corpus of Russian spoken by Moksha-Russian bilinguals.

Keywords: Moksha, non-standard varieties of Russian, language contact, morphosyntax, lexical semantics, sociolinguistics.

References

Aissen J. Differential object marking: iconicity vs. economy. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2003, vol. 21, pp. 435–483.

Aktivnyi slovar' russkogo yazyka [Active dictionary of Russian]. Vol. 2. / ed. by Yu. D. Apresyan. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 736 p.

Arkhangel'skii oblastnoi slovar' [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 2. / ed. by O. G. Getsova. Moscow, Moscow State University Publ., 1982. 216 p.

Babeevskoe sel'skoe poselenie [Babeevo rural district]. Official website. Available at: <http://temnikov.e-mordovia.ru/vill/view/20> (accessed 16.03.2019)

Beznosikova L. M., Aibabina E. A., Kosnyreva R. I. *Komi-roch kyvchukör (Komi-russkii slovar')* [Komi-Russian dictionary]. Syktyvkar, Komi Publishing House, 2000. 815 p.

Bromlei S. V., Bulatova L. N. *Ocherki morfologii russkikh govorov* [Sketches on the morphology of Russian local dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 449 p.

Daniel M. A., Dobrushina N. R. [A corpus of Russian as L2: the case of Dagestan]. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual conference "Dialogue" (Bekasovo, May 29 — June 2, 2013)*. Issue 12 (19). Moscow, RSUH Publ., 2013. P. 186–211. (In Russ.)

de Swart P., de Hoop H. Semantic aspects of differential object marking. *Proceedings of Sinn und Bedeutung 11*, ed. by E. Puig-Waldmüller. Barcelona, Universitat Pompeu Fabra, 2007. pp. 568–581.

Dialect subcorpus of the Russian National Corpus. Available at: <http://ruscorpora.ru/search-dialect.html> (accessed 16.03.2019)

Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii [Elements of Moksha from the typological point of view] / ed. by S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova, S. G. Tatevosov, E. V. Kashkin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, A. V. Kukhto, M. Yu. Privizentseva, I. A. Stenin. Moscow, Buki Vedi Publ., 2018. xxiv + 1014 p.

Getsova O. G. [From observations over dialectal vocabulary and syntax]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2014, vol. 3 (Dialectology), pp. 96–106. (In Russ.)

Hamari A., Aasmäe N. Negation in Erzya. *Negation in Uralic languages*, ed. by M. Miestamo, A. Tamm and B. Wagner-Nagy. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2015, pp. 293–323.

Kachinskaya I. B. [Russian preposition *npu* in Arkhangelsk Region]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2014, vol. 3 (Dialectology), pp. 107–119. (In Russ.)

Kashkin E. V. [Definite declension]. [*Elementy mokshanskogo yazyka 2018*], pp. 122–153. (In Russ.)

Kholodilova M. A. [Nominal morphology]. [*Elementy mokshanskogo yazyka 2018*], pp. 63–121. (In Russ.)

Kondrashkina E. A. [Mordvin]. *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and society. Encyclopedia]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016, pp. 289–293. (In Russ.)

Koryakov Yu. B., Kholodilova M. A. [Essential information on Moksha and on its local variety under consideration]. [*Elementy mokshanskogo yazyka 2018*], pp. 6–17. (In Russ.)

Kozlov A. A. [Actionality and DOM in Moksha: grammaticalization cycles]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, vol. XIII, no. 3, pp. 158–193. (In Russ.)

Kozlov A. A. [Verbal morphology]. [*Elementy mokshanskogo yazyka 2018*], pp. 342–395. (In Russ.)

Kozlov L. S. [Locative cases]. [*Elementy mokshanskogo yazyka 2018*], pp. 154–182. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. [Staryi Tor’yal at the crossroads: causes of the changes taking place in the local dialect]. *Yazykovye kontakty Povolzh’ya (Simposium v gorode Turku, 16–18.8.2001)* [Language contact in the Volga region (Symposium in Turku, 16–18.8.2001)], ed. by J. Luotonen. Turku, University of Turku, 2002, pp. 127–138. (In Russ.)

Matras Y. *Language contact*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 384 p.

Matras Y., Sakel J. Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence. *Studies in language*, 2007, no. 4, pp. 829–865.

Myznikov S. A. [Peculiarities of Mordvin-Russian language contact (evidence from lexicographic sources and field data)]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov. (Materialy i issledovaniya) 2009* [Lexical atlas of Russian local dialects. (Data and research papers) 2009]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 68–78. (In Russ.)

Pozharitskaya S. K. *Russkaya dialektologiya: Uchebnik* [Russian dialectology: a textbook]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Paradigma Publ., 2005. 256 p.

Pussinen O. [Peculiarities of the language situation and of Russian in Mordovia]. *Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approaches to non-standard Russian*, ed. by A. Mustajoki, E. Protassova and N. Vakhtin. Helsinki, Helsinki University Press, 2010, pp. 111–133.

Rakhilina E. V. [Grammar of mistakes: looking for constants]. *Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika* [Language. Constants. Variables. In memoriam of A. E. Kibrik]. Saint-Petersburg, Aleteiya Publ., 2014, pp. 87–95. (In Russ.)

Ron'ko R. V. *Nominativnyi ob'ekt v drevnerusskom yazyke i severnorusskikh dialektakh v areal'noi i tipologicheskoi perspektive. Dis. kand. filol. nauk* [Nominative object in Old Russian and in the Northern Russian dialects from the areal and typological perspective. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2018. 137 p.

Russkaya dialektologiya [Russian dialectology] / ed. by L. L. Kasatkin. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989. 224 p.

Schemerova N. [The peculiarities of lexical-semantic interference in the Russian speech of Erzya bilingual children]. *Instrumentarij rusistiki: oshibki i mnogoyazychie* [Instrumentarium of Russian studies: errors and bilingualism], ed. by A. Nikunlassi, E. Protassova. Helsinki, University of Helsinki, 2014, pp. 132–144. (In Russ.)

Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. [Differential object marking in the Finno-Ugric languages]. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody* [Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches], ed. by A. I. Kuznetsova, N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova, S. S. Sai, E. Yu. Kalinina. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2012, pp. 59–141. (In Russ.)

Serebrennikov B. A., Feoktistov A. P., Polyakov O. E. *Mokshansko-russkii slovar'* [Moksha-Russian dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., Digora Publ., 1998. 920 p.

Shagal K. Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers. *Mordvin languages in the field*, ed. by K. Shagal and H. Arjava. Helsinki, University of Helsinki, 2016. pp. 363–377.

Shay E., Frajzynger Z. Language-internal versus contact-induced change: the split coding of person and number: a Stefan Elders question. *Journal of language contact*, 2009, no. 1, pp. 274–296.

Slovar' mariiskogo yazyka v 10 tt. [Dictionary of Mari in 10 vol.]. Available at: <http://marlamuter.com/muter/ru/> (accessed 14.03.2019)

Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya [Dictionary of Russian local dialects spoken in the Republic of Mordovia]. Parts I, II. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2013. xlv + 1560 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian local dialects]. Vol. 3. Leningrad: Nauka Publ., Leningrad branch, 1968. 360 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian local dialects]. Vol. 6. Leningrad: Nauka Publ., Leningrad branch, 1970. 360 p.

Solovar V.N. *Khantyisko-russkii slovar' (kazymskii dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Tyumen', OOO «Format» Publ., 2014. 386 p.

Stoinova N.M., Shluinskii A.B. [Russian speech of Forest Enets people: sketches by the researchers of an endangered language] // *Instrumentarium of linguistics: socio-linguistic approaches to non-standard Russian*, ed. by A. Mustajoki, E. Protassova and N. Vakhtin. Helsinki, Helsinki University Press, 2010, pp. 153–165. (In Russ.)

Thomason S. *Language contact*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2001. 321 p.

Toldova S. Yu. [Encoding direct objects in Moksha]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, vol. XIII, no. 3, pp. 123–157. (In Russ.)

Toldova S. Yu. [Differential object marking] // [*Elementy mokshanskogo yazyka* 2018], pp. 574–608. (In Russ.)

Tsygankin D.V. *Grammatika mordovskikh yazykov. Fonetika. Grafika. Orfografiya. Morfologiya* [Grammar of the Mordvin languages. Phonetics. Graphics. Orthography. Morphology]. Saransk, Mordovian State University Publ., 1980. 431 p.

von Waldenfels R., Daniel M., Dobrushina N. Why standard orthography? Building the Ustyia river basin corpus, an online corpus of a Russian dialect. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual conference "Dialogue" (Bekasovo, June 4–8 2014)*. Issue 13 (20). Moscow, RSUH Publ., 2013, pp. 720–728.

Yazyki mira. Ural'skie yazyki [Languages of the world. Uralic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 398 p.

В. В. Баранова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» / Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, г. Санкт-Петербург)
vbaranova@hse.ru*

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В КАЛМЫКИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОГО ВАРИАНТА РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена особенностям русского языка двуязычных калмыков и основана на материалах устных текстов (корпуса калмыцких текстов, записанных автором в Республике Калмыкия в разные годы, и текстов на русском языке, в том числе параллельных текстов от одних и тех же носителей). Языковые контакты калмыцкого и русского продолжаются уже долгое время, и можно говорить о стабильном двуязычии. Контактные явления в русской речи калмыков демонстрируют континуум языковых черт: от особенностей речи тех представителей старшего поколения, у кого доминирующим является калмыцкий, до явлений, характерных для всех представителей сообщества, включая и местных русскоязычных. В статье предпринята попытка разделить черты, вызванные интерференцией (в речи слабо владеющих русским языком носителей), и те особенности, которые формируют узнаваемый локальный вариант русского языка. Анализ устных записей позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, в местном русском регулярно выражаются значения, грамматикализированные в калмыцком языке, но не в стандартном русском, а во-вторых, эти значения выражаются преимущественно с помощью средств, существующих на периферии грамматической системы стандартного русского языка, а не прямыми (материальными) заимствованиями. На примере словообразовательной модели с редупликацией и способов выражения эвиденциальной зоны в статье показано, как путем заимствования модели достраивается система русского языка для выражения грамматикализированных в калмыцком значений.

Ключевые слова: калмыцкий язык, русский язык, языковые контакты, интерференция, двуязычные говорящие, эвиденциальность, миратив, ренаратив.

Публикация подготовлена в рамках проекта "Типология механизмов взаимодействия русского языка с языками малочисленных народов России", поддержанного РФФИ, грант 17-29-09097.

1. Введение

Языковые контакты могут приводить к разным результатам, от переключения кодов до образования смешанных кодов. Поскольку существующая литература по языковым контактам необозрима (по крайней мере, в рамках небольшого текста), здесь важно указать на ограничения и упомянуть лишь несколько теоретических понятий, используемых в дальнейшем для анализа русско-калмыцких контактных явлений. Во-первых, в данной статье будет рассматриваться только грамматическая интерференция, тогда как лексические заимствования в результате русско-калмыцких контактов не привлекаются. Грамматическая интерференция (в предельном случае копирование парадигмы см. [Pakendorf 2009] о якутско-эвенских языковых контактах) предполагает длительное двуязычие на уровне сообщества, а не спорадические индивидуальные контакты или опыт изучения нового языка. Во-вторых, важное разделение касается того, заимствуются ли элементы одного языка в другой напрямую ('заимствование материала', MAT-borrowing) или заимствуется модель, а для ее выражения используются элементы языка-реципиента (PAT-borrowing) [Matras, Sakel 2007]. К числу подобных следует, по-видимому, отнести и контактно-обусловленную грамматикализацию элементов, распространяющуюся от одного идиома к другому или среди языков какого-то ареала [Robbeets, Cuyskens 2013].

Отражению в языках РФ языковых контактов с русским посвящена сравнительно обширная литература [Казакевич 2000; Grenoble 2000; Gruzdeva 2015], хотя и достаточно неоднородная с точки зрения теоретических подходов. В последнее время внимание лингвистов привлекает и обратное направление контактно-обусловленных изменений, т. е. особенности русского языка во взаимодействии с неродственными языками в многоязычных регионах, особенно на фоне распространения представления о множественности «русских» языков [Вахтин, Мустайоки, Протасова 2010; Ryazanovna-Clarke 2014]. Важно отметить, что языковые контакты обычно рассматриваются в контексте однонаправленного влияния (доминирующего) языка L1 на L2, однако при стабильном двуязычии эти процессы могут происходить во всех контактирующих идиомах, т. е. контактно-обусловленные изменения можно выделить не только в миноритарном языке, но и в доминирующем. Следует оговорить, что данная небольшая статья не рассматривает грамматические изменения в калмыцком, вызванные контактами с русским языком, хотя в дальнейшем было бы интересно понять, совпадают ли модели возникновения морфосинтаксических явлений под влиянием контактов в первом и во втором языке.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы в первом приближении разграничить особенности речи носителей с доминирующим калмыцким языком и интерференционные явления в их речи, с одной стороны, и общие для всего сообщества локальные особенности русского языка в Калмыкии, характерные и для тех, у кого это доминирующий язык. Подробнее будут рассмотрены два примера особенности русской речи калмыков: а) использование редупликации и б) выражение ренарратива и маркирование эвиденциальности.

Статья основана на данных, полученных в ходе полевой работы автора в Республике Калмыкия в 2006–2008, 2014, 2015, 2018 гг. Большинство материалов представляют собой социолингвистические интервью на русском, тексты на калмыцком с переключением кодов в разных районах (Кетченеровский, Лаганский, г. Элиста), наблюдения за устной и письменной русской речью калмыков. В экспедиции 2018 проводилась специальная запись русской речи калмыков в с. Сарпа и Тугтун Кетченеровского р-на. Из этих материалов были отобраны около 2,5 часов записи, преимущественно данные русской речи (с минимальными вкраплениями на калмыцком). Кроме того, использовались некоторые записи, сделанные Н. М. Стойновой в Ики-Бурульском районе Калмыкии в 2018 (около 1,5 часов)¹ и данные устного корпуса калмыцкого языка для сопоставления контактных явлений, а также устный подкорпус НКРЯ.

2. Языковая ситуация и история контактов

В течение длительного времени, начиная с к. XVII в., т. е. после переселения в Россию, калмыцкий язык в той или иной мере взаимодействовал с русским языком. Важно, однако, отметить, что степень этих контактов существенно менялась на протяжении этого периода. Ранние языковые контакты были достаточно спорадическими: русским языком владел лишь ограниченный круг лиц. В XVIII в. калмыки обладали частичной административной автономией и языком официально-деловых документов был калмыцкий/ойратский. Сохранившиеся письма свидетельствуют, что при канцелярии работали переводчики для взаимодействия с калмыками, владевшие калмыцким и алфавитом *Тодо бичиг* («Ясное письмо»)². Например, переписка с Убуши-ханом осуществлялась на калмыцком, и русские заимствования в ней минимальны и относятся к административной или культурно-специфической лексике, например *gübena:tor* ‘губернатор’ и под. [Гедеева 2004: 12].

Позднее знание русского языка постепенно распространялось, а после установления советской власти стало обычным явлением, особенно среди мужчин. Однако для многих калмыков местом встречи с русским языком оказалась Сибирь, куда калмыки были депортированы в 1943 г. Необходимость выстраивать коммуникацию на языке, который знаешь в очень слабой степени, а также диалектные особенности того варианта, который они там слышали, обуславливают многие черты русской речи наиболее пожилых из ныне живущих калмыков. В частности, в речи калмыков старшего поколения довольно много диалектных слов из русских говоров Сибири. Другой источник нестандартных форм в русской речи калмыков — контакты с переселенцами в Калмыкию из разных регионов, см. небольшую работу [Санджи-Гаряева 1988] об украинизмах в речи элистинцев).

¹ Я благодарю Н. М. Стойнову за возможность работать с этими данными и за ценные комментарии к черновой версии статьи.

² Тодо бичиг — вертикальное письмо, созданное для ойратов в 1648 г. просветителем Зая-Пандитой и использовавшееся среди калмыков в России вплоть до начала XX в.

(1) *Пока вот построились. Начали вот строительство, кто что мог, кто мог кухню построил, кто состоятельные эти люди они могли небольшие домики построить, **мазанки**, ну, двухкомнатные (ж, ок. 1930 г.р., Тугтун)*³.

После возвращения из Сибири (1957 г.) все калмыки владели и владеют русским. Для части калмыцких поселков Кетченеровского района Республики Калмыкия нормой является именно двуязычная коммуникация с элементами переключения и смешения кодов. Подобное положение, прежде всего, приводит к изменению синтаксических структур калмыцкого языка под влиянием русского. Кроме того, возникают специфические модели для адаптации русских заимствований, в частности, в [Баранова 2015] рассматриваются конструкции с инфинитивом русского глагола и финитными формами глагола *ke-* ‘делать’, исходно не существующие ни в русском, ни в калмыцком (сама по себе модель оформления заимствованных глаголов вспомогательным глаголом ‘делать’ типологически частая, см. [Wohlgemuth 2009]).

Систематическое изучение варианта русского языка, представленного в Калмыкии, не предпринималось ранее за исключением отдельных наблюдений в книге [Есенова 2003], однако описание ниже принципиально не стремится к полноте охвата разных черт и инвентаризации всех особенностей русского языка двуязычных калмыков. Скорее, данная статья позволяет очертить распределение этих особенностей между теми калмыками, чья компетенция в русском невелика, и всеми остальными двуязычными носителями.

3. Интерференция со стороны калмыцкого

В этом разделе рассматриваются случаи интерференции со стороны калмыцкого в речи носителей с доминирующим калмыцким, т. е. тех, кому на момент записи было естественнее и легче общаться на калмыцком. Как отмечено выше, многие калмыки старшего поколения освоили русский язык в Сибири (1943–1957 гг.), однако это группа внутренне неоднородна, поскольку условно включает и носителей, приехавших в Сибирь взрослыми или подростками, и тех, кто были детьми или родился в Сибири. Их лингвистические биографии предполагали разные стратегии и степень овладения русским языком, как и разный уровень владения калмыцким, в зависимости от жизни в семье или в детдоме, количества калмыцких семей в месте ссылки и других факторов. Ограниченный объем статьи не позволяет подробно обсудить социолингвистический контекст (см. несколько типичных историй в [Баранова 2009: 27–31]); ниже рассматриваются только особенности речи на русском, т. е. объединены говорящие, регулярно демонстрирующие интерференцию со стороны калмыцкого, хотя условия, сформировавшие подобное положение, могут не совпадать.

³ После цитаты указаны стандартные характеристики (пол, приблизительный или точный год рождения / возраст, местожительство, для записей, сделанных не в последние годы от пожилых носителей дополнительно указан год записи, а для материалов Н. М. Стойновой — автор записи).

Рассказы наиболее пожилых носителей демонстрируют значительное число черт, обусловленных неполнотой владения русским языком, см. выделенные фрагменты ниже.

- (2) *С Сибири приехали — все по-калмыцко разговаривали здесь, сейчас вот стали по-русски говорить. В общем так взять, русский язык это необходимо надо. Без русский язык куда уедешь? А национальные... язык конечно надо сохранить. Поэтому люди некоторые думают, что с русским лучше заниматься. Например, тяжело.... Если свой родной языком все начинаешь — ну, как русский язык трудно, без ошибки не может писать, сочинение, диктант не может писать... Поэтому прямо сразу на русский (ж, нач. 1920 г.р., Тугтун).*

Этот код, в целом достаточный для коммуникации, обладает многими чертами пиджинизированного варианта. У некоторых калмыков старшего поколения, освоивших русский язык уже во взрослом возрасте, он остался практически таким же и в более позднее время, особенно в тех случаях, когда после возвращения они вернулись к преимущественному использованию калмыцкого, как упоминается в примере (2). Характерной чертой этого варианта русского языка является сильная фонетическая интерференция (долгота гласного в первом слоге, особенности произношения некоторых согласных, интонация). Наиболее заметны отклонения от стандартного русского на морфологическом уровне, в частности ошибки в склонении существительных или согласовании прилагательных по роду, проявляющиеся и в речи тех, кто освоил русский в детстве.

- (3) *Мы вот с Сибири на родины едем — они прям переживали, плакали, в гости звали. Тiитэ вот долго живешь, да? (ж, 1938 г.р., Сарпа).*
- (4) *Скоро все будет, только у вас деньги не будут. Он так сказал. Все будет — но у вас деньги не будет. Деньги не будет — как ты будешь брать? Вот тогда купила такой одеяло большой двухспальный, пуховый (ж, 1938 г.р., Сарпа).*

В других случаях языковая компетенция рассказчика претерпела затем изменения. Именно эти носители отмечают, что их русский не всегда совпадает со стандартным вариантом (в отличие от тех, кто не замечает, что говорят не совсем так), см. металингвистические комментарии респондента, преувеличивающего собственные ошибки, как учительница русского языка в (5).

- (5) *У меня родной калмыцкий. Поэтому иногда в переводе на русский грубо могу сказать, «хороший скамейка». Хороший скамейка (ж, 1956 г.р., Ики-Бурул, зап. Н.М. Стойнова).*

Некоторые черты, очевидно обусловленные интерференцией, оказываются более устойчивыми, по сравнению с другими, и встречаются в речи тех, кто в целом достаточно хорошо владеет русским. Например, в русской речи воспроизводится характерный для калмыцкого порядок слов в именной группе, при котором зависимое, выраженное именем собственным, находится в препозиции.

- (6) *mana en Tugtən xotə-n-də medätä kögshən ulsə kezänä*
 1PL этот Тугтун деревня-EXT-DAT умный старуха народ раньше
bol-xla.
 становится-CV.SUCC
 ‘Раньше в нашем поселке Тугтун были умудренные старые люди’ (м., 1968, Тугтун).
- (7) *В 70 году закончила, по распределению попала сюда, в этот Тугтун поселок. И так здесь жизнь моя сложилась* (ж, 1951 г.р., Тугтун).

4. «Локальный русский»

Как отмечалось в начале, некоторые черты встречаются не только среди старшего поколения, т. е. тех, кто хуже знает русский язык, чем калмыцкий, но и в речи двуязычных носителей, свободно владеющих русским языком, и даже у тех, у кого русский язык доминирует, а владение калмыцким представляет собой континуум от полусвободного до эритажного языка, дающего возможность выразить лишь простые сообщения. Эти особенности не связаны напрямую с интерференцией калмыцкого в русский на индивидуальном уровне, но представляют собой своего рода локальный вариант русского языка или калмыцкий русский, местный русский. Нас будут интересовать именно эти явления, встречающиеся в речи калмыков разных возрастов, и ниже будут рассмотрены два случая.

4.1. Редупликация

В местном русском регулярно используются редупликации с заменой первого согласного на *м-*, этот тип редупликации иногда называется «тюркским» (см. о нем подробнее [Stolz 2008: 116–120]), однако распространен в достаточно широком ареале, в том числе, в разговорном русском и в калмыцком. В калмыцком языке редупликация регулярно используется для выражения ассоциированной множественности (‘*Х и ему подобные*’):

- (8) *ter odak ük-č od-sən mal-sal⁴*
 тот тот.самый умереть-CV.IPFV уходить-PC.PST скот
var-в-ad xaj-čkə-v tend-äsə (...)
 выходить-CAUS-CV.ANT бросать-COMPL-1SG там-ABL
 ‘... павший разный скот выбрасывали {оттуда брали и ели}’ (м., 1968, Тугтун).
- (9) *tiimə xudəl-mudəl gi-väd kel-žä-nä*
 такой ложь говорить- CV.ANT говорить-PROG-PRS
 ‘Такое вранье-мранье говорит’ (ж., 1950, Тугтун).

Этот же тип редупликации регулярно используется в калмыцком русском.

⁴ Для слов, начинающихся на *т-*, первый согласный заменяется на *с-*.

- (10) *Мы все вот это яйца, копейки-мопейки, деньги-меньги, все забираем и идем в магазин* (ж., ?, Тугтун).
- (11) *А так пустой в рот не лезет же, марков-сарков, ага. Вот этот полоть* (ж, 1938 г.р., Сарпа).
- (12) P1: *Они во всех войнах участвовали.* P2: *Париж-мариж — везде* (P2: ж, 1954 г.р., Сарпа).

Важно отметить, что речь идет о явлении, существующем в основном варианте русского языка на периферии языковой системы. Как правило, *м*-редуплицированные формы имеют сниженный характер и лексикализованы (*шашилык-машилык, культур-мультиур*). В русской речи калмыков эта форма не имеет ярко выраженного сниженного или иронического оттенка и регулярно образуется от любых корней.

4.2. Эвиденциальность и смежные значения

В оставшейся части статьи будут чуть подробнее рассмотрены особенности выражения эвиденциальных (в широком смысле) значений в русском языке калмыков. Прежде чем перейти к рассмотрению материала русской речи калмыков, следует остановиться на выражении этой категории в калмыцком и в стандартном русском.

Разные трактовки эвиденциальности предполагают, что в нее входит или не входит миративность (указание на неожиданность информации для говорящего), а также выделение более или менее дробной системы указания на источник информации (см., например, [Aikhenvald 2008]). Для монгольских языков характерна достаточно разработанная система средств выражения эвиденциальных значений. Миративность рассматривается как особая категория для монгольских языков, и для калмыцкого в частности [Скрибник, Зезинг 2012: 40]. Для халха-монгольского характерно разделение системы на указание на источник информации в настоящем времени и миративности — в прошлом [Brosig 2014: 40]. Важно, что в калмыцком есть как минимум один синтетический показатель эвиденциальных/миративных значений, аффикс *-жэ* (тракуется как эвиденциальный в [Гото 2009] и [Brosig, Skribnik 2018], миративный в [Скрибник, Зезинг 2012; Skribnik, Seesing 2016]). К числу эвиденциальных форм может быть отнесено и прошедшее время с показателем *-ла*, предполагающим прямую засвидетельствованность, по некоторым данным [Brosig, Skribnik 2018: 569; Скрибник, Зезинг 2012]. Кроме аффиксов, в эвиденциальной зоне в калмыцком языке представлено значительное число сочетаний нефинитных форм с формами глагола *bol-* ‘становится’ для инферентивных значений и конструкции с грамматикализованным глаголом речи *gi-* ‘говорить’ для репортатива [Skribnik, Seesing 2016; Baranova 2015].

В русском языке эвиденциальная зона не грамматикализована и значения выражаются лексически. Из зоны эвиденциальности выражаются инферентив, указывающий на умозаключение (дискурсивными словами *видать, видно*), и ренарратив, указывающий на пересказ информации, известной с чужих слов: *грит/говорит/говoryт, мол*; см. подробнее о русском ренарративе [Подлеская 2018; Плунгян 2008]. Форма *оказывается* в русском языке служит лексическим

маркером миратива, а не эвиденциальности (понимаемой как указание на источник информации). Примеры из устного подкорпуса НКРЯ показывают, что слово *оказывается* может использоваться и с первым лицом (как в примере (14)), т. е. для него значимо не противопоставление личной и косвенной засвидетельствованности, источник информации, а именно неожиданность для говорящего.

- (13) *[студент, Миша, муж] Уже страшно! [улыбается] Ты оказывается ревнивая!* (О поездке в Америку (2007), НКРЯ)
- (14) *Опасная полочка! Так / это мы забыли / оказывается / опа...* (Подготовка к переезду (2006), НКРЯ)

Рассмотрим некоторые свойства русского языка калмыков. Как упоминалось выше, речевой глагол *gi-* в калмыцком грамматикализовался в разных формах в показатели ренарратива, и часто он включается в русскую речь калмыков.

- (15) *Мы сегодня ходили к тете Зурган, хотели к вашей матери — нету gi-nä* (говорить-PRS). *Хотели пойти к Саналу — Надя говорит, нет, короче, gi-žä-nä* (говорить-PROG-PRS) *договоримся на утро...* (ж, 1954 г.р., Сарпа).
- (16) *Здесь, ginä, на работу устроюсь — примерно две тысячи буду зарабатывать. Вот так она рассуждает* (ж, ок. 45 лет, Тугтун, зап. в 2008 г.).
- (17) *Восемьдесят девять... gin, восемьдесят девять лет, — она умерла уже два года, я на поминки ездила* (ж, 1938 г.р., Сарпа).

Наряду с включением калмыцкой формы от глагола *gi-* ‘говорить’, которую можно трактовать как переключение кодов, в калмыцком русском регулярно используется русская форма *говорит*. В отличие от этой же формы в разговорном русском монолингвов, в калмыцком русском эта форма почти обязательна при пересказе чужой речи. В следующем фрагменте возникает дублирование: одна форма *говорит* маркирует ренарратив и источник информации (со слов матери), а второе, с более полным произнесением, указывает на прямую речь одного из персонажей истории (*деда*):

- (18) *И вот она ходила, вот которые жили рядом, в поселке жили люди, и вот она ходила то там ночевала — где уж люди ночевать приглашали, останется где-нибудь поиграет и там где-то ночевала, так жила, была. И лет 15 ей когда исполнилось, **говорит**, один уланхольский дед, **говорит, говорит**: «У меня два сына, дочери нет, давай возьми эту девочку, удочерю»* (ж, 1954 г.р., Сарпа).

Кроме того, в русской речи калмыков чаще, чем у монолингвов используются дискурсивные слова с **инферентивным** значением. В некоторых текстах, включающих разные повествовательные точки зрения и переход от пересказа к личной засвидетельствованности или к выводам, которые делает рассказчик, практически каждый фрагмент помечен лексическим маркером источника информации. В примере (19) чередуются немаркированные формы с личной засвидетельствованностью и инферентив:

- (19) *Там в доме надо было прибрать. Пока они с завода придут. Надо подмести — я подмету, посуду вымою. Там посуды, **видать**, было мало, угу, тоже, **видать**,*

бедно жили. Они бабушке сказали будут платить. Ой, надоело! Пришла она с работы, кормит его — **видать**, грудной был (ж, ок. 1930 г.р., Тугтун).

В примере (20) формы *говорит* и *видимо* указывают на ренарратив (то, что известно со слов матери) и инферентивность соответственно.

- (20) *Есть, говорит, мама, говорит такие семьи ... вот хорошо меня, **говорит**, тот этот поселковый совет, **говорит**, не отдал в детдом. А есть которые, **говорит**, ушли в детдом — те, **говорит**, вообще калмыцкий язык как бы — все, вот если одиннадцать лет она пошла бы — она вообще ни одного калмыцкого слова не знала, если б отдали ее в то время в детдом. Просто, **видимо**, этот поселковый совет решил, **видимо**, ну, если живет — **видимо**, родня, они не трогали ее почему-то. Это сорок третий год тем более, она же репрессированная — какой детдом может быть, да?* (ж, 1954 г.р., Сарпа).

Еще один маркер, регулярно используемый для выражения значений эвиденциальной зоны в русском калмыцком — форма *получается*.

- (21) *И она говорит, **получается**, что 60 километров разница, но они так дружили парни. И она говорит... это мы уже были, **получается**, что заканчивали десятый класс, и у него любовь с моей одноклассницей* (ж, 1966 г.р., Ики-Бурул, зап. Н. М. Стойнова).
- (22) *Вот **получается** у нас очень много смешанных браков в семье. Мой отец был из рода богатых, и они кочевали. Вот они, **получается**, с Астраханской области дошли до... предгорья Кавказа. (...) Когда отец уже приехал после депортации, он поселился там, на Ставрополье, вот что он помнит. Там родились, **получается**, уже два брата моих от совместного брака, а старшие они родились в Сибири* (ж, 1966 г.р., Ики-Бурул, зап. Н. М. Стойнова).

В примерах (21)–(22) употребление слова *получается* на первый взгляд похоже на обычное для стандартного русского употребление в значении умозаключения, в функции маркера вывода говорящего (*Вот получается у нас очень много смешанных браков в семье*). Однако примеры из речи того же рассказчика и регулярность, с которой используется это слово, показывают, что его значение несколько шире факультативного выделения вывода или умозаключения: оно маркирует не прямое знание говорящего (рассказчица еще не родилась, когда родились ее старшие братья, рассказывал отец (22) или знакомая (21)⁵.

Форма *оказывается* регулярно выражает миративное значение (23)–(24), как и в стандартном русском⁶. В речи калмыков при быстром произнесении часто встречается стяженный вариант, как в примере (25).

⁵ Интересно, что один и тот же говорящий использует и конструкцию *получается, что* (предполагающее клаузу с указанием на результат или цель) и вставное слово *получается*, у которого выше потенциал грамматикализации. Я благодарю Н. Стойнову, обратившую внимание на этот момент.

⁶ Ср. [Daniel, Knyazev, Dobrushina 2010] о том, что в дагестанском русском оказывается выполняет функции эвиденциального показателя.

- (23) *Кепа — Алла занималась вот этим, историю одно время вела ж. **Оказыва-ется**, за всю историю это... казачества в России женщина-атаман была одна, это была калмычка (м, 1969, Сарпа).*
- (24) *Старший откуда понимает? Ну и что, когда-то ему было год, когда-то они приезжали к себе на родину. И он, **оказывается**, прям как удивляется, **оказывается**. Ээджа, — говорит, **оказывается** (ж, ок. 65 лет, Тугтун, зап. в 2014 г.).*
- (25) *Ну, в Сибири они уже что-то приловчились, с жиром чего-то, смешивали... накрутят и давали в марлю. Я лично так питалась. У меня мама родная умерла в Сибири, и я с мачехой приехала. Мне было 9 лет, мамы не стало... ой, 9 дней, мамы не стало. У нее был туберкулез, **оказысса** (=оказывает-ся). Никто не знал. И вот меня, **оказысса**, так кормили. Кто что принесет, в марлю завернут несколько слоев — лежи. Никому дела нет (ж., 1956 г.р., Ики-Бурул, зап. Н. М. Стойнова).*

Итак, в калмыцком эвиденциальность грамматикализована, и значения из эвиденциальной зоны обязательно маркируются аффиксом или с помощью аналитических конструкций (сочетаний нефинитых форм со связками). В русском языке эвиденциальность слабо грамматикализована, возможно лексическое (факультативное) выражение этих значений. Более грамматикализованным является ренарратив (см. историческое развитие [Копотев 2014]). В русской речи калмыков для указания того факта, что говорящий не был участником описываемых событий, активно используются как русские элементы (*оказывается, видно, видно, получается*), так и формы калмыцкого глагола *gi-* ‘говорить’, передающего ренарративное значение, т. е. представлено и материальное заимствование (или переключение кодов?), и заимствование образца. Русская речь калмыков формально следует логике стандартного варианта русского языка (используются лексические показатели и примерно в тех контекстах, где ожидается). Однако регулярность их употребления, использование маркера в каждой клаузе и, в некоторых случаях, стяженное произнесение (ср. появление формы *оказысса*) показывают, что речь идет о закономерной передаче значений эвиденциальной зоны, облигаторной для носителей калмыцкого. Таким образом, можно говорить о «дистраивании» грамматической системы русского для регулярного выражения коммуникативно значимых для калмыцкого категорий.

5. Выводы и дискуссия

Контакто-обусловленные свойства в русской речи калмыков можно разделить на две группы явлений: интерференционные черты устойчивые черты местной разновидности русского языка. Первые обусловлены усвоением языка в специфических условиях (например, использование диалектизмов) или неполнотой владения русским языком (фонетические особенности, лексический запас, ошибки в склонении существительных и глагольном управлении). Эти особенности встречаются преимущественно в речи пожилых носителей. Черты второго типа

встречаются в речи представителей всех возрастных групп. В статье показано, что эти черты и образуют специфический локальный калмыцкий русский. К их числу относятся, в частности, редупликация с заменой первого согласного для выражения ассоциативной множественности и выражение косвенной засвидетельствованности.

Даже простое перечисление черт второго типа показывает, что они преимущественно относятся к числу заимствований модели (PAT-borrowing) в терминологии [Matras, Sakel 2007]. Кроме того, локальный вариант русского языка не заимствует черты, полностью отсутствующие в русском, а шире использует средства, находящиеся на периферии грамматической системы. На примере маркирования эвиденциальных значений видно, как достраивается русская грамматическая система для выражения значений, которые в калмыцком языке, в отличие от стандартного русского, оформляются грамматическими средствами.

А. Айхенвальд отмечает, что эвиденциальность — ареальная черта (в том числе кавказская, [Aikhenvald 2018: 149]) и, хотя показатели эвиденциальности могут заимствоваться напрямую ('direct diffusion'), чаще происходит развитие или реорганизация системы эвиденциальных показателей под влиянием контактирующего языка [Aikhenvald 2018: 162]. В разных локальных вариантах русского языка можно говорить о грамматикализации лексических эвиденциальных показателей (см., например, в дагестанском русском [Daniel et al. 2010]), или, по крайней мере, о развитии системы, по сравнению со стандартным русским языком. Однако для развития эвиденциальных показателей в калмыцком русском более убедительной кажется не общее развитие в рамках более широкого ареала, а сходство в «достраивании» языка с неграмматикализованной эвиденциальностью среди носителей языков, для которых это важная часть грамматики.

Отдельный вопрос связан с параллелизмом процессов в русском и калмыцком под влиянием контактов между этими языками. Как упоминалось во Введении, языковые контакты чаще всего трактуют как влияние языка L1 на L2, однако длительное двуязычие может формировать модели взаимного влияния (не столь очевидного, как смешанные языки), и дальнейшие исследования могли бы показать, совпадают ли модели возникновения морфосинтаксических явлений под влиянием контактов в русском и калмыцком.

Список сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — исходный падеж; CV.ANT — перфективное («разделительное») деепричастие; CV.IPF — имперфективное («соединительное») деепричастие; CV.SUCC — условное деепричастие; DAT — дательный падеж; EXT — неустойчивый п основы; SG — единственное число; PC.PST — причастие прошедшего времени; PROG — прогрессив; PL — множественное число; PRS — настоящее время.

Литература

Баранова В. В. Переключение кодов и заимствования как чужая речь: маркирование русских элементов в калмыцком языке // Урало-алтайские исследования. 2015. №3 (18). С. 7–17.

Вахтин Н. Б., Мустайоки А., Протасова Е. Русские языки // Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian / ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 2010. P. 5–16.

Гедеева Д. Б. Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Элиста, 2004. 196 с.

Гото К. В. Система финитных форм прошедшего времени // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 5. Ч. 2. Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская. СПб., 2009. С. 124–159.

Есенова Т. С. Русский язык в Калмыкии. Элиста: КалмГУ, 2003. 208 с.

Казакевич О. А. Смешение и переключение кодов в речи северных селькупов // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / Ред. Л. П. Крысин. М.: URSS, 2000. С. 14–21.

Коптев М. В. Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексикосемантические подходы / Ред. С. С. Сай, М. А. Овсянникова, С. А. Оскольская. С. 712–740.

Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: ‘мол’, ‘якобы’ и другие // Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband, 72.) / ed. by B. Wiemer, V. Plungian. München: Verlag Otto Sagner, 2008. S. 285–311.

Подлеская В. И. «Чужая» речь в свете корпусных данных // Вопросы языкознания, 2018. №4. С. 47–73.

Санджи-Гаряева З. С. Некоторые особенности устной речи г. Элисты // Разновидности городской устной речи / Ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 253–257.

Скрибник Е. К., Зезинг О. А. К описанию эвиденциальности и миративности в калмыцком языке // Вопросы языкознания. 2012. №4. С. 39–72.

Aikhenvald A. Yu. Semi-direct speech: Manambu and beyond // Language Sciences. 2008. Vol. 30. No. 4. P. 383–422.

Aikhenvald A. Yu. Evidentiality and language contact // ed. by A. Aikhenvald. The Oxford Handbook of Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 148–174.

Baranova V. Grammaticalization paths of the verb *gi-* ‘say’ in Kalmyk // Mongolica Pragensia. 2015. Vol. 8. No 2. P. 57–76.

Brosig B., Skribnik E. Evidentiality in Mongolic // The Oxford Handbook of Evidentiality / ed by A. Aikhenvald. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 554–579.

Daniel M., Knyazev S. V., Dobrushina N. Highlander’s Russian: Case Study in in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan // Instrumentarium of

Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian / ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 2010. P. 65–93.

Grenoble L. A. Morphosyntactic change: The impact of Russian on Evenki // *Languages in Contact* / ed. by D. Gilbers, J. Nerbonne & J. Schaeken. Amsterdam: Rodopi, 2000. P. 105–120.

Gruzdeva E. Sociolinguistic and linguistic outcomes of Nivkh-Russian language contact // *Language Empires in Comparative Perspective* / ed. by C. Stolz. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. P. 153–181.

Matras Y., Sakel J. (eds.) Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective / ed. by Y. Matras. & J. Sakel. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. 598 p.

Pakendorf B. Intensive contact and the copying of paradigms: An Èven dialect in *contact* with Sakha (Yakut) // *Journal of Language Contact*. 2009. №2. P. 85–110.

Robbeets M., Cuyckens H. Towards a typology of shared grammaticalization // *Shared Grammaticalization*. With special focus on the Transeurasian languages / ed. by M. Robbeets, H. Cuyckens. Amsterdam, John Benjamins, 2013. P. 1–20.

Ryazanova-Clarke L. (ed.) The Russian Language Outside the Nation: Speakers and Identities / ed. by L. Ryazanova-Clarke. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 285 p.

Skribnik O. & Seesing E. Evidentiality in Kalmyk // *Grammar of Knowledge: A Cross-Linguistic Typology* / ed. by A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Oxford: Oxford University Press. 2016. P. 148–170.

Stolz Th. Total reduplication vs. echo-word formation in language contact situations. // *Language Contact and Contact Languages*. / ed. by P. Siemund, N. Kintana. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 107–132.

Wohlgemuth J. A Typology of Verbal Borrowings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 459 p.

Vlada Baranova

National Research University 'Higher School of Economics' (HSE) / Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

(Russia, St. Petersburg)

vbaranova@hse.ru

LANGUAGE CONTACTS IN KALMYKIA AND THE EMERGING OF NEW LOCAL RUSSIAN VARIETY

The paper deals with contact-induced language changes in the local variety of Russian in Kalmykia. The analyzed data (spontaneous conversations in Russian and texts in Kalmyk) of Kalmyk-Russian bilinguals with a different competence in both languages. It focuses both on the interference induced by a low proficiency in Russian and on the local variety, “Kalmyk Russian”. In the speech of older speakers, a cross-linguistic transfer is obvious both in a pronunciation and in a grammar. In the speech of younger speakers,

almost bilingual or even with dominant Russian, there are, however, a number of traits that are characterized for local Russian. In particular, I analyze the reduplication and the way of expressing the category of mirativity. The paper argues that the evidential meaning becomes obligatory in local Kalmyk Russian. Their emerging in local Kalmyk Russian may be considered as contact-induced grammaticalization or “shared grammaticalization”.

Keywords: Kalmyk, Russian, language contact, language interference, bilingual speakers, evidentiality, mirative, reported speech.

References

Aikhenvald A. Yu. Semi-direct speech: Manambu and beyond. *Language Sciences*, 2008, vol. 30, no. 4, pp. 383–422.

Aikhenvald A. Evidentiality and language contact. *The Oxford Handbook of Evidentiality* / ed. by A. Aikhenvald. Oxford: Oxford University Press, 2018, pp. 148–174.

Baranova V. Pereklyuchenie kodov i zaimstvovaniya kak chuzhaya rech': markirovanie russkikh ehlementov v kalmyckom yazyke [The code-switching and borrowing]. *Uralo-altayskiye issledovaniya* [Ural-Altai Studies]. 2015, t. 3, no 18, pp. 7–17. (In Russ.)

Baranova V. Grammaticalization paths of the verb *gi-* ‘say’ in Kalmyk // *Mongolica Pragensia*. 2015, vol. 8, no 2, pp. 57–76.

Brosig B., Skribnik E. Evidentiality in Mongolic. *The Oxford Handbook of Evidentiality* / ed. by A. Aikhenvald. Oxford: Oxford University Press, 2018, pp. 554–579.

Daniel M., Knyazev S., Dobrushina N. Highlander’s Russian: Case Study in in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian* / ed. by A. Mustajoki, E. Prottassova, N. Vakhtin. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 2010, pp. 65–93.

Esenova T. S. *Russkii yazyk v Kalmykii* [Russian in Kalmykia]. Elista: KalmGu, 2003. 208 p.

Gedeeva D. B. *Pis'ma namestnika Kalmyckogo xanstva Ubaši (18 v.)* [Letters of the deputy of Kalmyk khanate Ubashi]. Elista: Džangr, 2004. 196 p.

Goto K. V. Sistema finitnykh form proshedshego vremeni [The system of finite past tense verb forms in Kalmyk]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILIRAN*. 2009. Vol. 5. Part 2. Issledovaniya po grammatike kalmytskogo yazyka [Studies in Kalmyk grammar] / ed. by S. S. Sai, V. V. Baranova, N. V. Serdobol'skaya, pp. 124–159. (In Russ.)

Grenoble L. A. Morphosyntactic change: The impact of Russian on Evenki. *Languages in Contact* / ed. by D. Gilbers, J. Nerbonne & J. Schaeken. Amsterdam: Rodopi, 2000, pp. 105–120.

Gruzdeva E. Sociolinguistic and linguistic outcomes of Nivkh-Russian language contact. *Language Empires in Comparative Perspective* / ed. by C. Stolz. Berlin: Walter de Gruyter, 2015, pp. 153–181.

Kazakevich O. A. Smeshenie i pereklyuchenie kodov v rechi severnykh sel'kupov [Code-switching and code-mixing in Selkup]. *Rechevoe obshchenie v usloviyakh yazykovoi neodnorodnosti* [Verbal communication in heterogeneous speech communities] / ed. by L. P. Krysin. M.: URSS, 2000. pp. 14–21. (In Russ.)

Kopotev M. V. Evolyutsiya russkikh markerov renarrativa: sintaksis ili leksika? [The ways to re-narrate: development of the reported speech markers in Russian]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RANij*. 2014. T. 10. No 2. Russkij yazyk: grammatika konstrukcij i leksikosemanticheskie podhody [Constructional & Lexical Semantic Approaches to Russian] / ed. by S. S. Say, M. A. Ovsjannikova, S. A. Oskolskaya, pp. 712–740. (In Russ.)

Matras Y., Sakel J. (eds.) *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective* / ed. by Y. Matras. & J. Sakel. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. 598 p.

Ryazanova-Clarke L. (ed.) *The Russian Language Outside the Nation: Speakers and Identities* / ed by L. Ryazanova-Clarke. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 285 p.

Robbeets M., Cuyckens H. Towards a typology of shared grammaticalization. *Shared Grammaticalization*. With special focus on the Transeurasian languages / ed. by M. Robbeets, H. Cuyckens. Amsterdam, John Benjamins, 2013, pp. 1–20.

Pakendorf B. Intensive contact and the copying of paradigms: An Even dialect in contact with Sakha (Yakut). *Journal of Language Contact*, 2009, no 2, pp. 85–110.

Plungian V. A. O pokazatelyakh chuzhoi rechi i nedostovernosti v russkom yazyke: 'mol', 'yakoby' i drugie [On the markers of another person's speech and unreliability in Russian: mol, yakoby, and others]. *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband, 72) / ed. by B. Wiemer, V. Plungian. München: Verlag Otto Sagner, 2008, pp. 285–311. (In Russ.)

Podlesskaya V. I. «Chuzhaya» rech' v svete korpusnykh dannykh [Reported speech through the lens of corpus data]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2018, no 4, pp. 47–73. (In Russ.)

Sandzhi-Garyaeva Z. S. Nekotorye osobennosti ustnoi rechi g. Ehlisty [On peculiarities of spoken speech in Elista]. *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi* [Urban spoken varieties] / D. N. Shmelev, E. A. Zemsкая. M.: Nauka, 1988, pp. 253–257. (In Russ.)

Skribnik E., Seesing O. K opisaniyu ehvidentsial'nosti i mirativnosti v kalmytskom yazyke. [Towards a description of evidentiality and mirativity in Kalmyk]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2012, no 4, pp. 39–72. (In Russ.)

Skribnik O. & Seesing E. Evidentiality in Kalmyk. *Grammar of Knowledge: A Cross-Linguistic Typology* / ed. by A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Oxford: Oxford University Press, 2016, pp. 148–170.

Stolz Th. Total reduplication vs. echo-word formation in language contact situations. *Language Contact and Contact Languages* / ed. by P. Siemund, N. Kintana. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008, pp. 107–132.

Vakhtin N., Mustajoki A., Protassova E. Russkije yazyki [Russian languages]. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian* / ed by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 2010, pp. 5–16. (In Russ.)

Wohlgemuth J. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 459 p.

К. Наккарато¹, А. Б. Панова¹, Н. М. Стойнова^{1,2,3}

¹НИУ ВШЭ, ²ИРЯ РАН, ³ИЯз РАН

(Россия, Москва)

ch1naccarato@gmail.com, anastasia.b.panova@gmail.com, stoynova@yandex.ru

НЕСТАНДАРТНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ В ДАГЕСТАНСКОМ РУССКОМ: ИМЕННЫЕ ГРУППЫ С ГЕНИТИВОМ

Работа посвящена контактному влиянию в области порядка слов. На корпусном материале анализируется порядок слов в генитивной группе в русской речи билингвов — носителей языков Дагестана. В их речи очень частотной оказывается позиция генитива (*Заиры брат*), не характерная для русского языка монолингвов. Это можно объяснить влиянием родных языков носителей, в которых зависимое в именной группе препозитивно. Простым калькированием модели родного языка, однако, не удастся объяснить конкретные факторы, регулирующие порядок слов в дагестанском русском. Количественный анализ корпусных данных показывает, что к препозиции более склонны генитивные группы, выражающие отношения родства и возраста, генитивы со значением терминов родства и неоднословные генитивы. Перечисленные факторы выстраиваются в следующую иерархию по силе воздействия: семантическое отношение между вершиной и зависимым > лексический класс генитивного зависимого > длина генитивного зависимого. Релевантны также такие характеристики генитивного зависимого, как положение на шкале одушевленности (лица) и референциальный статус (определенные ИГ).

Ключевые слова: русский язык, нахско-дагестанские языки, тюркские языки, языки Дагестана, порядок слов, генитив, языковые контакты, билингвизм.

0. Введение

В статье будет рассмотрен нестандартный порядок слов в именных группах с генитивным зависимым в русской речи билингвов — носителей языков Дагестана (ср. *моей сестры мужа бабушка* вместо ожидаемого *бабушка мужа моей сестры*).

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

“Дагестанский русский” как особый устойчивый вариант русского языка, обладающий определенным набором характерных особенностей, большинство из которых обусловлено тесным контактом с местными языками, был описан в работах Н. Р. Добрушиной и М. А. Даниэля [Daniel et al. 2010]; [Даниэль, Добрушина 2013]. В качестве одной из его специфических синтаксических черт авторы отмечают отчетливую склонность к левому ветвлению (препозиции зависимого) в ряде конструкций¹.

В настоящей статье мы подробно проанализируем на корпусных данных (на материале корпуса DagRus, см. Раздел 1) одну из таких конструкций, а именно генитивную. Естественно предположить, что наблюдаемое в русской речи билингвов — носителей языков Дагестана обилие употреблений генитивного зависимого в препозиции к вершине, как в примере (1), связано с тем, что такой порядок слов характерен для родных языков носителей (2).

(1) Она всю жизнь не любила тѐ = дедушки сестру. [DagRus, L1 аварский]

(2) λ'ε de-χε mahandi-l q'alam!
дать.IMP 1SG-LOC Мухаммед-GEN карандаш
'Дай мне карандаш Мухаммеда!' (аварский, андалальский диалект [Testelec 1998: 274])

При этом в их речи фиксируются и “стандартные” постпозитивные употребления генитива, как в (3):

(3) **Матерь матери** была лачка. [DagRus, L1 аварский]

В статье будет описано частотное распределение конструкций с препозитивным и постпозитивным генитивом в дагестанском русском, будут выявлены факторы, предрасполагающие к препозиции генитива, и высказаны предположения о причинах их влияния на порядок слов.

Анализ корпусных данных показывает, что препозитивный генитив действительно заметно частотнее в речи дагестанских билингвов, чем в разговорной речи монолингвов. Это позволяет принять гипотезу о его контактной природе. При этом выбор порядка слов в генитивной группе в речи билингвов не случаен. Он регулируется рядом семантических и синтаксических факторов: в частности, например, к препозиции генитива особенно склонны генитивные группы с семантикой родства. В языках Дагестана подобного распределения не засвидетельствовано: генитивные зависимые во всех этих языках почти всегда препозитивны [Testelec 1998: 274]. Таким образом, простым калькированием модели родного языка удастся объяснить лишь часть более сложной картины, наблюдаемой в дагестанском русском.

Работа имеет следующую структуру. В Разделе 1 дана краткая справка о корпусных данных, используемых в исследовании. В Разделе 2 частотность препозитивного генитива в корпусе русской речи Дагестана сопоставляется с его частотностью в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка. В Разделе 3

¹ “A pronounced shift to left branching in some constructions” [Daniel et al. 2010: 85].

описаны факторы, располагающие к препозиции генитива. В Разделе 4 кратко перечисляются общие результаты исследования, в Разделе 5 они обсуждаются в более широкой перспективе.

1. Данные корпуса DagRus

В качестве материала для анализа была взята выборка именных групп с генитивом из Корпуса русской речи в Дагестане (Corpus of Russian spoken in Dagestan, <http://www.parasolcorpus.org/dagrus/>), содержащего коллекцию социолингвистических интервью с жителями сел горного Дагестана. Интервью представляют собой беседы на русском языке с людьми, для которых родным является один из языков Дагестана, а русский язык является вторым (L2). Русский язык в Дагестане, помимо функций, обычных для государственного языка, выполняет также функцию лингва франка (см. подробнее [Даниэль, Добрушина 2013]).

На момент исследования корпус содержал тексты от носителей нескольких нахско-дагестанских языков: аварского, андийского, даргинских (мегебского, муиринского, ицаринского), лезгинских (арчинского, рутульского, табасаранского), лакского — и двух тюркских (кумыкского, азербайджанского). Кроме родного языка, для каждого носителя были известны следующие социолингвистические характеристики: год рождения, пол, родное село и уровень образования. Объем корпуса составлял примерно 186 тыс. словоформ.

В качестве первоначальной выборки были скачаны все примеры со словоформами, которые встроенный в корпус морфологический парсер (TreeTagger) аннотировал как существительные в генитиве. Всего таким образом было найдено 2 412 вхождения. Затем результаты поиска были просмотрены и отфильтрованы вручную. Для анализа были отобраны только те примеры, где генитив входил в именную группу. Кроме того, не были включены сочетания с числительными (например, *два брата*) и словами, семантически близкими к ним (например, *куча, масса*), а также сочетания с существительными в предложной функции (например, *в сторону*). В результате наша основная выборка содержала 709 примеров.

Для каждого примера из выборки уже имелась информация о родном языке говорящего и годе его рождения. Кроме этого, для всех примеров вручную была размечена позиция генитива (справа или слева от вершины), тип семантического отношения, которое в данном примере выражает генитив (принадлежность, часть-целое и т. п.). Для самого генитивного зависимого были размечены его лексический класс, одушевленность, референциальный статус и “тяжесть” (длина). Подробнее см. Раздел 3.

2. Частотность препозитивного и постпозитивного генитива

Разметка позиции генитива в примерах из выборки подтвердила наблюдения, сделанные в работах [Daniel et al. 2010]; [Даниэль, Добрушина 2013]: порядок слов в именной группе в речи носителей дагестанского русского, отличается от порядка слов в именной группе в речи монолингвов.

В русском литературном языке нейтральным порядком слов в именной группе с генитивом является строгая постпозиция генитивного зависимого к вершине, ср. (4).

- (4) Он прямо из аэропорта приехал в **дом отца**. [НКРЯ, Маша Трауб. Ласточ... ка (2012)]

Обратный порядок, то есть препозиция генитива к вершине, встречается только в устной разговорной речи, ср. (5). Как пишет Е. А. Земская [1987/2011: 151], тенденция к препозиции генитива в разговорной речи диктуется коммуникативной структурой (актуальным членением) предложения. Препозитивный генитив обычно интонационно выделен, как в (5).

- (5) [№5, жен, 72] Ира / здравствуйте! Это Тамара Николаевна / **Раисы Николаевны сестра**. [НКРЯ, Телефонный разговор (2005)]

Чтобы посмотреть на частотность препозитивного генитива в монолингвальном русском, была взята наиболее похожая на имеющиеся данные дагестанского русского выборка из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/>): тексты, помеченные в НКРЯ как устная непубличная речь, жанр “домашний разговор”. Из 1070 просмотренных примеров именных групп с генитивным зависимым существительное в генитиве находилось в препозиции всего в 18 примерах (1,7%).

В русской речи носителей языков Дагестана препозитивный генитив употребляется в сравнении с русской речью монолингвов значительно чаще. Из 709 примеров выборки из корпуса DagRus генитив находился в препозиции к вершине в 104 примерах (14,7%), причем круг контекстов, в которых чаще всего появлялся препозитивный генитив, на первый взгляд казался достаточно однороден: это были примеры с генитивами родства (ср. *дедушки сестру* из примера (1)), однако ими выборка с препозитивными генитивами не ограничивалась.

Чтобы точнее объяснить распределение препозитивных и постпозитивных генитивов, было проверено, не коррелирует ли выбор позиции генитива с другими характеристиками вершины и зависимого в именной группе.

3. Факторы, влияющие на нестандартный порядок слов в дагестанском русском

Все признаки, включенные в разметку выборки примеров (см. Раздел 1), были рассмотрены нами с точки зрения их потенциального влияния на порядок слов в генитивной группе. Частотные корреляции порядка слов с родным языком и годом рождения говорящего (3.1), семантическим отношением между генитивом и вершиной (3.2) и характеристиками самого генитивного зависимого: одушевленностью (3.3), лексическим классом (3.4), референциальным статусом (3.5) и длиной (3.6) были проверены с помощью точного двустороннего критерия Фишера. Предполагая, что обнаруженные факторы действуют с разной силой и могут быть

взаимосвязаны (3.7), мы также применили более сложные статистические методики (логистическая регрессия и ‘случайный лес’, random forest), для того чтобы оценить вклад каждого из них в общую картину (3.8).

3.1. Родной язык и год рождения говорящего

Статистически значимой корреляции между родным языком носителя и частотностью в его русской речи препозитивного / постпозитивного генитива выявлено не было.

Диаграммы 1 и 2 показывают частотное соотношение между препозитивным и постпозитивным генитивом в речи носителей нахско-дагестанских языков, вошедших в выборку, по подгруппам: аваро-андийские, даргинские, лакские, лезгинские, — а также в речи носителей тюркских языков, распространенных в Дагестане (кумыкского и азербайджанского).

Доля препозитивных генитивов колеблется между 10% и 30%, разница между разными подгруппами языков и между тюркскими vs. всеми нахско-дагестанскими языками незначима (точный двусторонний критерий Фишера, $p=0.9022$).

Статистически значимой корреляции с годом рождения говорящего также не обнаруживается, см. Диаграмму 3 (всего в выборке 41 говорящий с 1920 по 1973 г.р., на диаграмме года рождения сгруппированы по декадам).

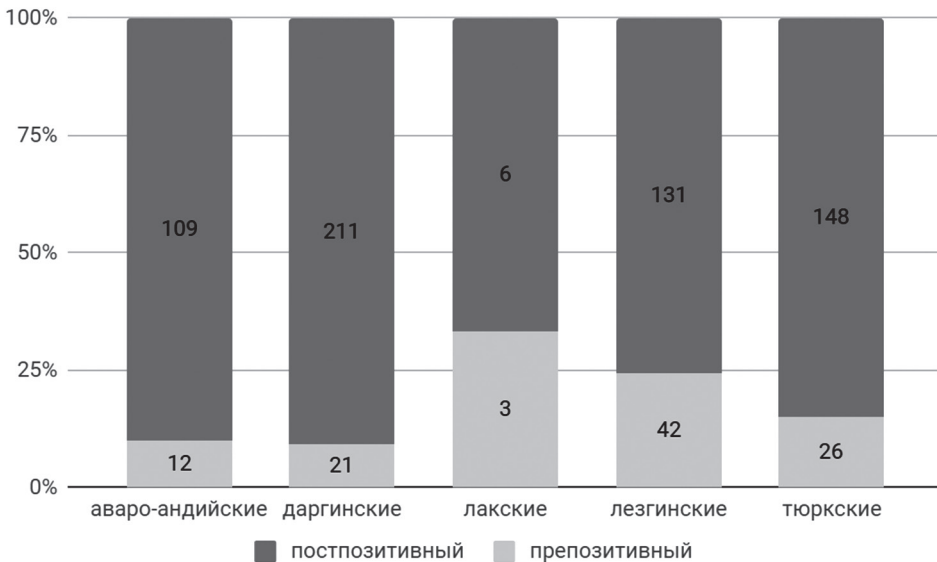

Диаграмма 1. Позиция генитива: родной язык говорящего

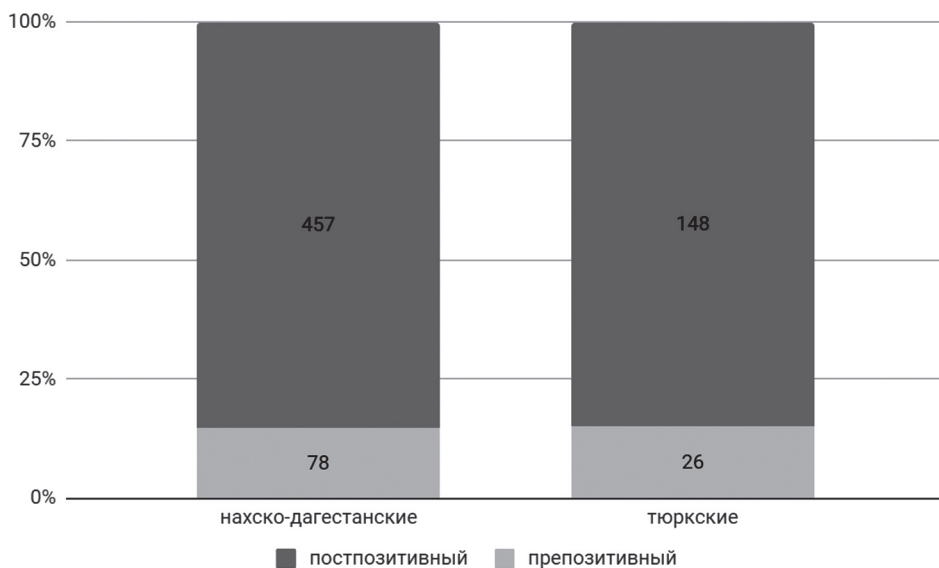

Диаграмма 2. Позиция генитива: родной язык говорящего (нахско-дагестанские vs. тюркские)

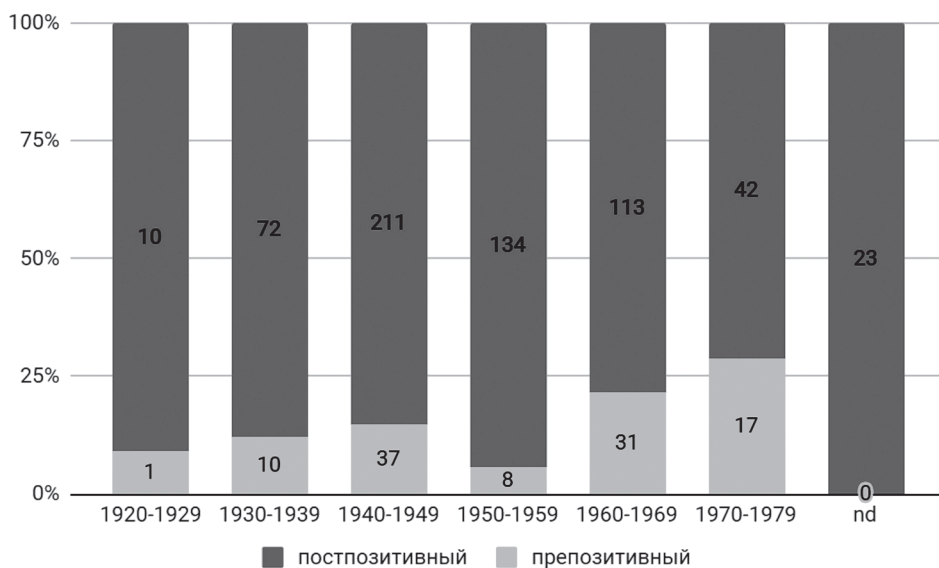

Диаграмма 3. Позиция генитива: год рождения говорящего

3.2. Семантическое отношение

Для проверки корреляции позиции генитивного зависимого с семантическим отношением, выражаемым генитивной группой, примеры выборки были детально размечены по этому признаку. Использовалась подробная эмпирически ориентированная рабочая классификация, основанная на существующих типологических классификациях генитивных отношений (см. [Кортјевскаја-Тамм 2002]) и классификациях значений, выражаемых русским генитивом (см. [Кустова, рукопись]). Всего для разметки выборки примеров мы использовали 25 семантических отношений: обладаемое-обладатель (*дом отца*), часть-целое (*крыша дома*), член-группа (*председатель колхоза*), родство (*дочь брата*), ситуация-объект ситуации (*сожжение селений*), субъект ситуации-объект ситуации (*заместитель директора*) и др.

Для большинства отношений в выборке отчетливо преобладает постпозиция генитива. Единственными исключениями оказались генитив родства (*моей бабушки племянник*) и генитив возраста (*преклонного возраста люди*). Ср.:

- (6) Один председатель был **моей бабушки племянник**. [DagRus, L1 лакский] — генитив родства в препозиции
- (7) И сейчас вот например когда вот **преклонного возраста люди** пишут например что-то они пишут на аварском. [DagRus, L1 мегебский даргинский] — генитив возраста в препозиции

Для каждого из этих отношений (и только для них) доля препозитивных генитивов значимо выше доли препозитивных генитивов в оставшейся части выборки (точный двусторонний критерий Фишера, $p < 0.0001$), см. Диаграммы 4 и 5.

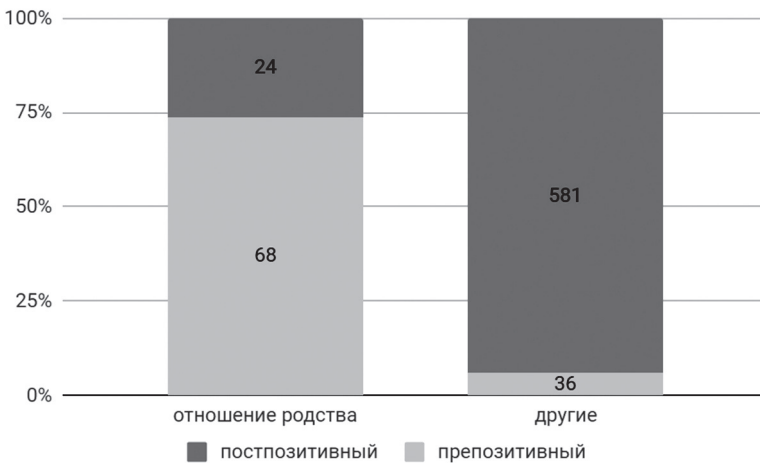

Диаграмма 4. Позиция генитива: отношение родства

3.3. Одушевленность генитивного зависимого

Мы проверили также, коррелирует ли порядок слов с позицией генитивного зависимого на шкале одушевленности: лица (*подготовка сержантов*) vs. животные (*табун лошадей*) vs. неодушевленные (*обработка шкур*), см. Диаграмму 6.

Доля препозитивного генитива снижается от лиц к неодушевленным предметам. Группа употреблений с названиями животных слишком мала, чтобы делать уверенные выводы о ней (всего 8 употреблений), но по имеющимся данным примыкает

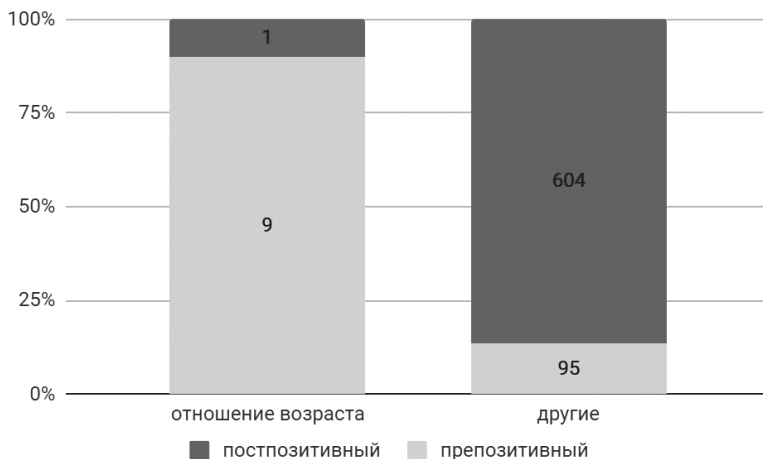

Диаграмма 5. Позиция генитива: отношение возраста

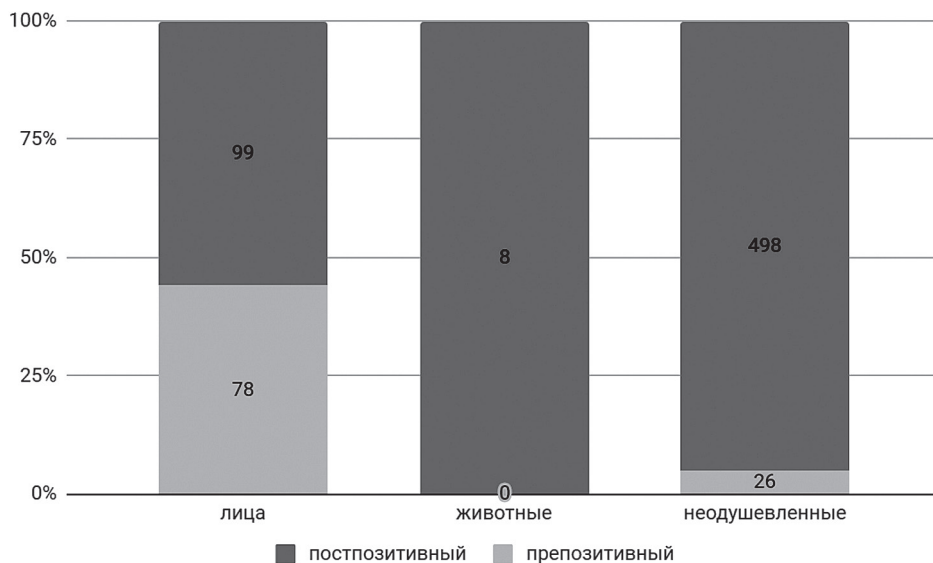

Диаграмма 6. Позиция генитива: одушевленность

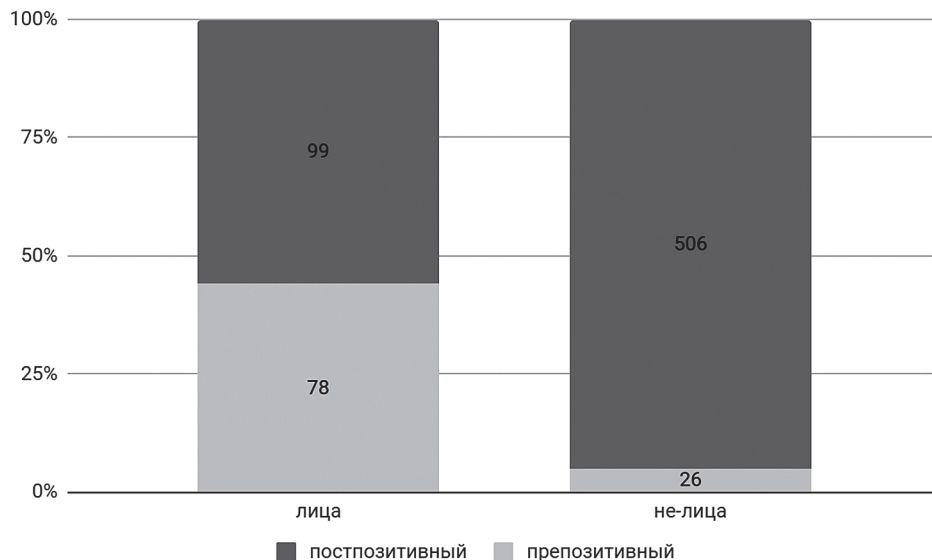

Диаграмма 7. Позиция генитива: лица vs. не-лица

к употреблению с названиями неодушевленных предметов (разница между животными и неодушевленными незначима, разница между животными и лицами значима, точный двусторонний критерий Фишера, $p=0.0217$). Таким образом, граница, видимо, проходит между лицами и не-лицами (Диаграмма 7), разница статистически значима (точный двусторонний критерий Фишера, $p<0.0001$). Ср. контрастные примеры на лицо и не-лицо из одного и того же текста:

- (8а) Брал ихнюю **первокурсников, второкурсников программу**, из них составил [DagRus, L1 азербайджанский] — лицо в препозиции
- (8б) По **программе пединститута нашего**. [DagRus, L1 азербайджанский] — не-лицо в постпозиции

3.4. Лексический класс генитивного зависимого: термины родства

Преобладание препозитивной позиции над постпозитивной фиксируется для терминов родства, ср. контрастивную пару примеров от одного носителя:

- (9а) Вот как раз-таки я **своей тёти могилу** не могу найти. [DagRus, L1 мегебский даргинский] — термин родства в препозиции
- (9б) У нас существует поверие что хоть одна вещь если куда-то попадёт из **могилы этого человека** — не миновать беды. [DagRus, L1 мегебский даргинский] — не-термин родства в постпозиции

Доля препозитивных генитивов для этого лексического класса значимо отличается от доли препозитивных генитивов во всей остальной выборке, а также внутри

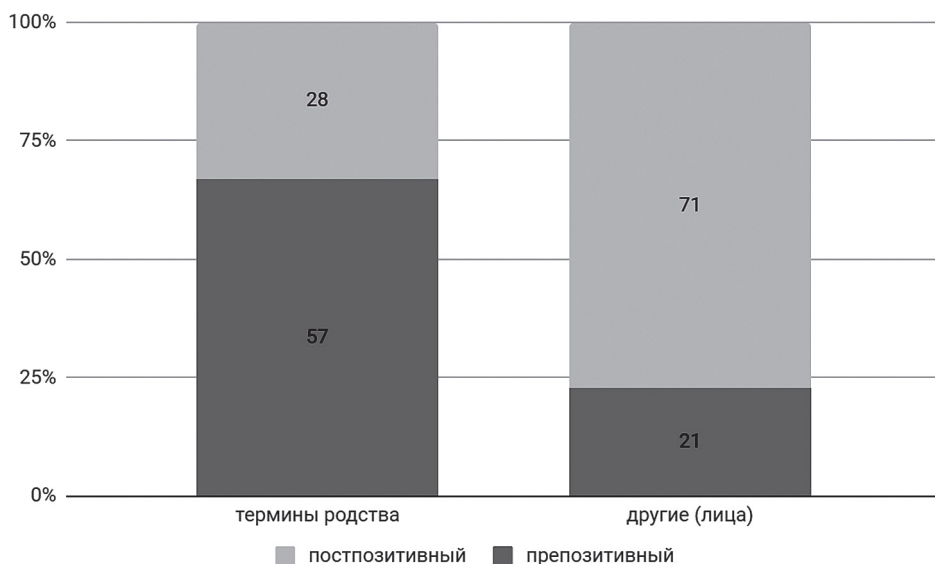

Диаграмма 8. Позиция генитива: термины родства

семантического класса лиц (для которого выше в целом отмечалась склонность к употреблению в препозиции). На Диаграмме 8 показана разница между терминами родства и всеми остальными названиями лиц в позиции генитивного зависимого, разница статистически значима (точный двусторонний критерий Фишера, $p < 0.0001$).

3.5. Референциальный статус генитивного зависимого

Отдельно была проверена зависимость между позицией генитивного зависимого и его референциальным статусом. Генитивные зависимые были разбиты на следующие группы: определенные референтные именные группы, включая названия уникальных объектов (*программа пединститута нашего, длина этого бревна, мельница Резвана*), неопределенные референтные именные группы (*по рассказам стариков, есть имена русских учителей*), нереперентные именные группы (*родина абрикосов, учительница начальных классов*). Более дробного деления внутри этих групп не проводилось (ср., например, гораздо более детальную классификацию на русском материале в [Падучева 1985/2010; 2017]). В отдельную группу были выделены имена ситуаций и признаков (*язык межнационального общения, ликвидация неграмотности*). Данные по каждой из групп приводятся на Диаграмме 9. Наибольший процент препозитивных генитивов наблюдается для определенных референтных ИГ. Для неопределенных и нереперентных ИГ употреблений в препозиции значительно меньше (точный двусторонний критерий Фишера, $p < 0.0001$), разница между нереперентными и неопределенными ИГ незначима ($p = 0.6923$). Имена ситуаций и признаков встречаются в выборке только в постпозитивной позиции.

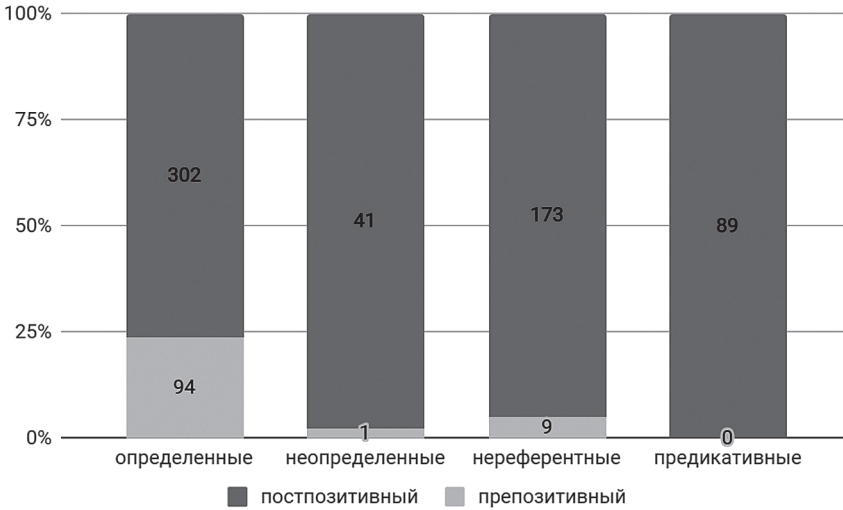

Диаграмма 9. Позиция генитива: референциальный статус

Ср. контрастные примеры (10а)–(10б) на неопределенную ИГ в постпозиции (разрывная ИГ) и определенную ИГ в препозиции. Примеры взяты из одного и того же текста, имеется в виду один и тот же референт (*мечеть*):

- (10а) **Развалина** была **мечети**, где имам стоит оттуда подземный вход был туда. [DagRus, L1 азербайджанский] — неопределенная ИГ в постпозиции
- (10б) Вот эти камни тоже **этого мечети камни**. [DagRus, L1 азербайджанский] — определенная ИГ в препозиции

3.6. Тяжесть генитивного зависимого

Помимо семантики генитивного зависимого, в качестве потенциально релевантного параметра была рассмотрена его “тяжесть” (длина). Легкими зависимыми мы считали однословные (*Карима мама*), тяжелыми — все неоднословные, включая генитив с адъективным зависимым (*моей мамы мама*), цепочку вложенных генитивов (*сестры мужа бабушка*), несколько сочиненных генитивов (*могила отца и матери*).

Как показывает Диаграмма 10, доля употреблений в препозиции к вершине значимо выше для тяжелых зависимых, чем для легких (точный двуст. критерий Фишера, $p=0.0002$). Ср. контрастные примеры:

- (11а) Короче говоря новый сеновал фундамент закладывали [**моей одноклассницы мамы**] **новый сеновал** короче говоря там... [DagRus, L1 мегебский даргинский] — тяжелое зависимое в препозиции
- (11б) Это село называется Кара — Курейш то есть **крепость** [**курейшитов**]. [DagRus, L1 азербайджанский] — легкое зависимое в постпозиции

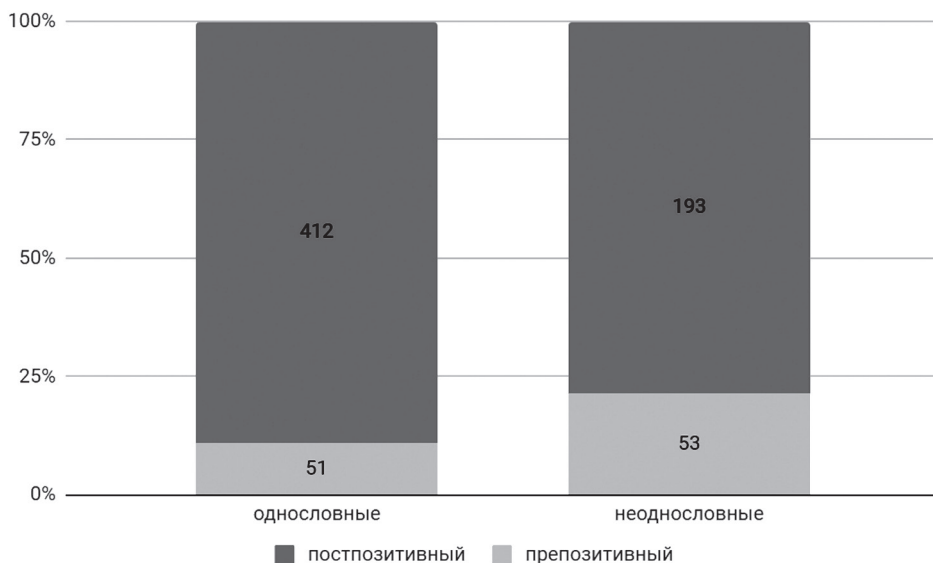

Диаграмма 10. Позиция генитива: длина

Объем рассмотренной выборки не позволяет установить, какой именно из синтаксических типов неоднословных зависимых дает этот эффект и есть ли значимая разница в их поведении.

3.7. Взаимодействие факторов

Выше было показано, что на линейную позицию генитивного зависимого влияет целый ряд факторов. Все эти факторы были рассмотрены по отдельности. Однако кажется, что, во-первых, все они действуют с разной силой, во-вторых, некоторые из них взаимосвязаны друг с другом.

Так, например, с очевидностью связаны рассмотренные выше семантические характеристики генитивного зависимого. Так, группа терминов родства целиком входит в класс лиц и чаще всего имеет один и тот же (определенный) референциальный статус. Референциальный статус и положение на шкале одушевленности скоррелированы и для других семантических групп.

Обнаруживается ясная связь между отмеченными выше как отдельные релевантные факторы семантикой генитивного отношения и семантикой самого генитивного зависимого. Так, генитивное отношение родства чаще всего имеет в позиции генитива термин родства (70,6% от всех примеров на отношении родства в нашей выборке). И наоборот, термины родства чаще всего встречаются в примерах на отношении родства (76,5% от всех терминов родства в генитивной позиции). При такой ситуации не до конца понятно, обусловлен ли наблюдаемый эффект действительно обоими факторами или на самом деле только одним из них, а кажущийся эффект второго возникает за счет частотной комбинации с первым.

Если действует один из факторов, то требуется определить, какой именно: то есть проявляются ли те же тенденции, что и для наиболее частотных комбинаций вроде *сестры муж* (отношение родства + термин родства), для групп вроде *сестры могола* (термин родства, но не отношение родства) или скорее для групп вроде *Зайры муж* (отношение родства, но не термин родства).

Семантика генитива и генитивного отношения связана и с длиной генитивного зависимого. Группы с отношением возраста всегда неоднословные (*моего возраста, пяти лет*). Генитивные зависимые с терминами родства часто неоднословные: термин родства сопровождается посессивным прилагательным или еще одним вложенным генитивом (часто *муж моей / его сестры* или *муж сестры Карима*, хотя возможно и *муж сестры* в значении ‘моей сестры’).

Более простые случаи не требуют дополнительного анализа. Так, выше (Раздел 3.4) уже было показано, что принадлежность к классу терминов родства дает эффект, не сводимый к эффекту, который обеспечивает принадлежность к классу лиц (разница между терминами родства и другими названиями лиц значима). С другой стороны, эффект, который дает принадлежность к классу лиц, обеспечивается не одними терминами родства (разница между всеми лицами, кроме терминов родства, и не-лицами также значима, точный двусторонний критерий Фишера, $p < 0.0001$).

Часть более сложных случаев будет отдельно проанализирована ниже с применением дополнительных статистических методик. Для трех факторов, располагающих к препозиции генитива: отношения родства, семантики родства и длины генитивного зависимого — мы проверим, все ли они вносят свой вклад, не сводимый к вкладу двух остальных факторов (с помощью логистической регрессии), а также установим относительный вес этого вклада, т. е. определим, какой из факторов действует сильнее, а какой слабее (с помощью методики “случайного леса”, *random forest*). В дальнейшем мы планируем провести такую же проверку для всех рассмотренных выше факторов.

3.8. Значимость и иерархия факторов

Ниже мы подробнее опишем две статистические методики, использованные для оценки значимости трех разных факторов, предположительно влияющих на порядок слов в генитивной группе, а именно логистическую регрессию и “случайный лес” (*random forest*).

Логистическая регрессия считает для каждого значения каждого фактора (“предиктора”) шансы получить одно из значений бинарного ответа (в данном случае препозитивный или постпозитивный генитив). В модель были включены три предиктора: *Relation* (со значениями *kinship vs. other*: семантическое отношение между вершиной и генитивным зависимым); *Semantics* (*kinship vs. other*: лексический класс генитивного зависимого); *Length* (со значениями *one vs. more*: длина генитивного зависимого).

В Таблице 1 показаны коэффициенты логистической регрессии. В столбце “*Estimate*” указываются показатели, полученные для каждого предиктора

(логарифм вероятности). Положительные показатели в этом столбце предполагают большую вероятность постпозитивного генитива, в то время как отрицательные показатели предполагают большую вероятность препозитивного генитива. В первой строке (“Intercept”) указывается коэффициент вероятности так называемых “reference levels” (в данном случае — семантическое отношение = не родство, семантика генитивного зависимого = не родство, тяжесть генитивного зависимого = однословные зависимые). Положительный показатель предполагает большую вероятность постпозитивного генитива в этом контексте. Отрицательные показатели в нижних строках предполагают большую вероятность препозитивного генитива в следующих контекстах: семантическое отношение = родство, семантика генитивного зависимого = родство, тяжесть генитивного зависимого = неоднословные зависимые. *P*-значения в последнем столбце показывают, что разница между значениями каждого предиктора значима и, следовательно, стоит включить все предикторы в модель. Остальные столбцы показывают стандартную ошибку (Std. Error) и Тест Вальда (Wald Z). Высокие значения стандартной ошибки могут свидетельствовать о недостаточности данных или о мультиколлинеарности [Levshina 2015: 263]. В данном случае наблюдается нормальное распределение. Тест Вальда представляет собой соотношение логарифма вероятности и стандартной ошибки и используется для получения *p*-значений [Levshina 2015: 263].

Логистическая регрессия в целом подтверждает результаты, представленные в разделах 3.1–3.6, и говорит о значимой корреляции между препозицией генитива и всеми рассмотренными факторами (семантическое отношение родства, термин родства в позиции генитивного зависимого и неоднословность генитивного зависимого).

Таблица 1

Коэффициенты логистической регрессии

	Estimate	Std. Error	Wald Z	<i>p</i> -value
Intercept	3.3312	0.2456	13.565	< 2e-16
Relation = kinship	-3.2345	0.3779	-8.560	< 2e-16
Semantics = kinship	-1.2090	0.3896	-3.103	0.001914
Length = more	-1.0462	0.2992	-3.497	0.000471

Для того, чтобы определить силу воздействия каждого из этих предикторов, была применена методика “случайного леса” (random forest). Random forest — алгоритм, который считает относительный вес (важность) каждой переменной в модели при использовании “ансамбля” деревьев решений. Точечная диаграмма на Рисунке 1 (построенная на основе 1 000 деревьев решений) показывает, что все предикторы релевантны (значение по оси *X* > 0), наиболее важным является предиктор relation (семантическое отношение), а наименее важным предиктор length (тяжесть генитивного зависимого). Получившиеся результаты представлены в виде иерархии в (12).

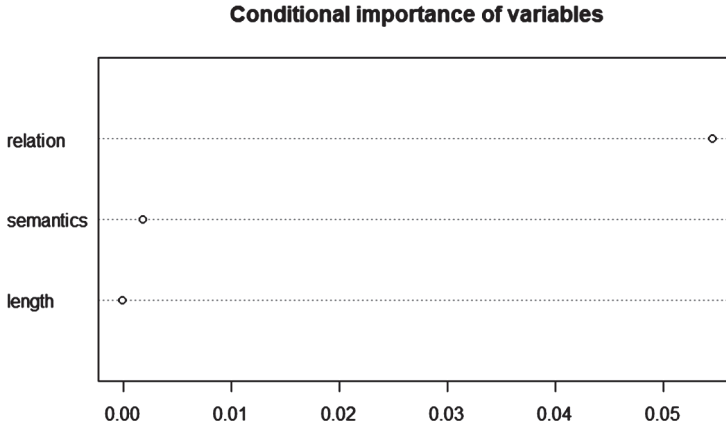

Рисунок 1. Соотносительный вклад каждого из факторов (Random forest)

- (12) семантическое отношение (отношение родства) > семантика генитивного зависимого (термин родства) > тяжесть генитивного зависимого (неоднословное)

4. Результаты

В статье на материале корпуса записей социолингвистических интервью с носителями языков Дагестана (DagRus) была проверена гипотеза о влиянии порядка слов в родном языке на русскую речь билингов.

Обнаруживается, что в дагестанском русском значимо больше препозитивных генитивов (*матери могила*), чем в русском языке монолингвов (14,7% в корпусе DagRus против 1,7% в устном подкорпусе НКРЯ).

Доля препозитивных генитивов не коррелирует с родным языком говорящего. Это ожидаемый результат: включенные в выборку языки не различаются по этому параметру, во всех генитив исключительно или преимущественно препозитивный.

Более неожиданно отсутствие корреляции с годом рождения говорящего: большего эффекта можно было бы ожидать в речи носителей старшего поколения (в среднем менее активно использующего русский язык). В дальнейшем планируется провести более детальный анализ социолингвистических параметров, включив в рассмотрение, в частности, такой фактор, как уровень образования носителей (возможно, более важный, чем год рождения).

Выявлены отчетливые корреляции порядка слов в генитивной группе с некоторыми семантическими и морфосинтаксическими параметрами.

1) Корреляция с семантикой генитивного отношения: к препозиции генитива склонны генитивные группы с **семантикой родства** (*Расула брат*) и **возраста** (*моего возраста люди*).

2) Корреляция с семантикой генитивного зависимого: положением на шкале одушевленности, референциальным статусом, принадлежностью к определенному

лексическому классу. Препозиция более характерна для генитивов, относящихся к классу лиц, чем для относящихся к классу не-лиц (*даргинцев язык*): **лица > не-лица**. Выделенная группа внутри класса лиц с особенной склонностью к препозиции — **термины родства** (*моего отца гости*). Наблюдается следующая связь с референциальным статусом генитивного зависимого: **определенные референтные ИГ > неопределенные референтные и нереферентные ИГ > имена ситуаций и признаков**. Для определенных генитивов препозиция наиболее характерна, генитивы со значением имени ситуации или признака встречаются только в постпозиции. Распределение генитивных зависимых по разным семантическим шкалам и внутри каждой из шкал кажется внутренне непротиворечивым (так, естественно, что к одному и тому же результату, а не к противоположному, располагает принадлежность к терминам родства, лицам и определенным ИГ), см. ниже.

3) Корреляция с тяжестью генитивного зависимого. Более склонны к препозиции неоднословные зависимые.

Некоторые факторы с очевидностью не независимы (одушевленность коррелирует с референциальным статусом, в генитивных группах с отношением родства чаще встречаются термины родства и т. д.). Для части из них было дополнительно проверено, вносят ли они отдельный вклад в выбор того или иного порядка слов и какие из них оказывают более сильное, а какие более слабое влияние. Были проанализированы три ключевых фактора, предположительно не независимых друг от друга: генитивное отношение (отношение родства vs. все остальные), семантика зависимого (термины родства vs. остальные) и тяжесть зависимого (неоднословные vs. остальные). Про все три доказано, что они оказывают независимое воздействие на выбор позиции генитива, и определен их относительный вес: **генитивное отношение > семантика зависимого > тяжесть зависимого**. Семантика генитивного зависимого оказывает наиболее сильное влияние, тяжесть — наиболее слабое.

5. Обсуждение результатов

Действие всех перечисленных выше факторов не удастся объяснить влиянием родного языка на русскую речь билингва. Для языков Дагестана с почти исключительной препозицией генитива все эти факторы нерелевантны, и если бы имело место простое калькирование синтаксического образца, то в дагестанском русском мы бы с равной вероятностью ожидали препозиции генитива для всех семантических и структурных типов генитивного зависимого и генитивного отношения.

Можно предположить следующие (возможно, взаимодополняющие) объяснения наблюдаемой картины. Первое объяснение — социолингвистическое. Выделенность отношения родства и терминов родства среди препозитивных генитивов можно объяснить тем, что это такие генитивные группы, которые охватывают самую частотную обиходно-бытовую лексику и наиболее характерны для жанров и тем повседневного общения. Это та лексика, которая в целом усваивается раньше и усваивается на родном языке, а не на русском. Это те темы и жанры, которые более характерны для родного языка, который оказывается языком

домашнего общения в противопоставление русскому как официальному языку. Поэтому калькирование синтаксической модели родного языка для таких генитивных групп оказывается более доступно, чем для тех, которые ассоциируются с “русскими” реалиями. Эта гипотеза отражает естественную интуицию о том, почему мы находим в выборке препозитивные генитивные группы вроде *Карима отец*, но не *труда герой* или *факультета декан*. Однако всей наблюдаемой картины она не объясняет. Для дальнейшей проверки этой гипотезы мы планируем, во-первых, более детально исследовать влияние на выбор порядка слов социолингвистических факторов, а во-вторых, попробовать учесть в подсчетах принадлежность лексики к тому или иному регистру (выделить лексическую группу “русских реалий”, а также провести подсчет без учета устойчивых сочетаний, возможно, вообще не интерпретируемых билингвами как генитивная группа: *день рождения*, *дом культуры* и под.).

Вторая гипотеза — структурно-типологическая. Подытоживая наблюдения о факторах, связанных с семантикой генитивного зависимого, можно сказать, что препозиция характерна для тех генитивов, которые находятся выше в более общей иерархии именных групп, в основе которых лежат признаки, описываемые в терминах агентивности, эмпатии, топиальности, индивидуализации и под., и которая оказывается релевантна в разных областях грамматики, прежде всего в области дифференцированного кодирования аргументов глагола (см. *empathy hierarchy* [Kuno, Kaburaki 1977; DeLancey 1981], “*hierarchy of inherent lexical content*” [Silverstein 1976], “*activity scale*” [Moravcsik 1978], “*extended animacy hierarchy*” [Croft 2003: 130], “*individuation properties*” в [Hopper, Thompson 1980] и мн.др., ср. обзоры подобных иерархий в [Filimonova 2005]; [Haude, Witzlack-Makarevich 2016]). Вполне естественно, что там, где по тем или иным причинам возникает возможность для дифференцированного маркирования зависимого в именной группе (в данном случае конкурирующие стратегии — генитив слева, как в родном языке, vs. генитив справа, как в монолингвальном русском), расщепление происходит в тех же самых универсальных точках.

Имеются независимые свидетельства того, что подобные факторы могут быть релевантны в том числе и для генитивных конструкций, ср. [Viti 2008] и [Lander 2010]. В статье [Viti 2008] о порядке слов в именных группах с генитивным зависимым в древнегреческом языке было показано, что выбор одного или другого порядка слов зависит не только от типа отношения, выражаемого генитивом, а также от позиции генитивного зависимого в иерархии, определяемой наличием следующих характеристик: одушевленность, индивидуализация и топиальность. В статье [Lander 2010] о посессивных конструкциях в андийских языках было отмечено, что выбор одной из возможных конструкций в этих языках зависит от топиальности посессора. Топиальность понимается автором как позиция существительного в ряде иерархий, включающих иерархии одушевленности, референциальности и индивидуализации.

Анализируя результаты, полученные для дагестанского русского, интересно понять, наблюдаются ли те же тенденции для других разновидностей русского

языка билингов — носителей языков с препозицией генитива и, в особенности, наблюдаются ли они для тех типов монолингвальной речи, в которых в принципе возможна препозиция генитива. Положительный ответ на этот вопрос был бы серьезным аргументом в пользу второй (структурно-типологической) гипотезы.

Насколько нам известно, детального корпусного исследования, по дизайну сопоставимого с проведенным нами на дагестанском материале, на материале других разновидностей русского языка не проводилось. Тенденция к левому ветвлению в именной группе отмечалась для русской речи билингов разных регионов: см. [Suleymanov 2016: 44–45] об ареально близком дагестанскому “бакинском русском” (русский язык носителей азербайджанского языка в Азербайджане), [Хомченкова 2018] о гнасанском русском, [Stoynova 2019: 22] о русской речи нанайцев и ульчей. В [Наккарато и др. 2019] мы показываем, что в русской речи носителей самодийских языков к препозиции зависимого в именной группе располагает, как и в дагестанском русском, семантика родства, однако в русской речи носителей тунгусских языков этот фактор не оказывается решающим.

Как показывает предварительный анализ данных Корпуса бассейна реки Устья (<http://www.parasolcorpus.org/Pushkino/login.php>) и Корпуса говора села Малинино (<http://lingconlab.ru/malinino/>), большое количество препозитивных генитивов обнаруживается в отдельных образцах диалектной речи (применительно к которым уверенно говорить о контактной природе нестандартного порядка слов никак нельзя) и среди них, как и в дагестанском русском, преобладают генитивы родства. С другой стороны, наблюдения над “стандартной” монолингвальной разговорной речью как будто бы не свидетельствуют о выделенности этой семантической группы. Так, в [Земская 1987/2011: 151] упоминается, что в устной разговорной речи возможна препозиция генитива, однако она регулируется, по мнению автора, скорее коммуникативными факторами.

Интересно было бы проверить, действительно ли отмеченные нами в речи билингов факторы нерелевантны для монолингов, на выборке устных текстов от монолингов, максимально близкой к нашей по жанру и типу текстов, а также по социальным характеристикам носителей. Дело в том, что исследованная нами выборка текстов достаточно своеобразна по жанру: это записи социолингвистических интервью, в которых оказавшиеся для нас ключевым классом генитивы родства встречаются чаще, чем в любом другом жанре. Возможно, отмеченный нами эффект оказался настолько заметным во многом в силу жанрового своеобразия выборки. Не исключено (особенно учитывая упомянутые выше предварительные наблюдения над достаточно близкими по жанру коллекциями диалектной речи), что в рамках того же жанра отмеченные нами факторы окажутся, возможно менее, но все же значимы и в речи монолингов с сопоставимым социальным статусом. Тогда картину, наблюдаемую нами в дагестанском русском, можно было бы интерпретировать как контактно-обусловленное усиление тенденций, в целом характерных для устной разговорной русской речи.

Литература

Даниэль М. А., Добрушина Н. Р. Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Выпуск 12. М.: РГГУ. 2013. С. 186–199.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1987. (4-е издание — М.: Флинта; Наука. 2011). 240 с.

Кустова Г. И. Родительный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). Рукопись.

Наккарато К., Панова А. Б., Плешиак П. С., Стойнова Н. М., Хомченкова И. А. Посессивные конструкции с препозицией генитива в русском языке // Сборник статей по материалам VIII междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи». СПб.: СПбГУ. 2019. С. 78–83.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука. 1985. (Издание 6-е, испр. — М.: Изд-во ЛКИ. 2010). 296 с.

Падучева Е. В. Референциальный статус именной группы // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2017.

Хомченкова И. А. Нганасанский русский: корпусное исследование // XIX апрельская международная научная конференция «Русский язык в многоязычном мире», Москва. НИУ ВШЭ. 12–14 апреля 2018 г. (презентация доступна по ссылке: http://web-corpora.net/tsakorpus_russian_nonst/pdf/IKh_NganRus1-talk.pdf).

Croft W. Typology and universals. 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 312 p.

Daniel M., Dobrushina N., Knyazev S. Highlander's Russian: Case Study in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan // Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia. 2010. №40. P. 65–93.

DeLancey S. An interpretation of split ergativity and related patterns // Language. 1981. №57. P. 626–657.

Dryer M. S. Order of Genitive and Noun // The World Atlas of Language Structures Online / ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 (Available online at <http://wals.info/chapter/86>).

Filimonova E. The noun phrase hierarchy and relational marking: Problems and counterevidence // Linguistic Typology. 2005. №9. P. 77–113.

Haude K., Witzlack-Makarevich A. Referential hierarchies and alignment: An overview // Linguistics. 2016. №54 (4). P. 433–441.

Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. №56. P. 251–299.

Koptjevskaja-Tamm M. Adnominal possession in the European languages: form and function // STUF — Language Typology and Universals. 2002. №55 (2). P. 141–172.

Kuno S., Kaburaki E. Empathy and Syntax // *Linguistic Inquiry*. 1977. №8 (4). P. 627–672.

Lander Yu.A. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases // *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels* / ed. by F. Floricic. Lyon: ENS éditions, 2010. P. 287–311.

Levshina N. How to do Linguistics with R. Data exploration and statistical analysis. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2015. 443 p.

Moravcsik E. On the distribution of ergative and accusative patterns // *Lingua*. 1978. №45. P. 233–279.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical categories in Australian languages* / ed. by R. M. W. Dixon. New Jersey: Humanities Press, 1976. P. 112–171.

Stoynova N. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East // *Slavica Helsingiensia*, 52. 2019. P. 9–36.

Suleymanov M. Baku Russian: Colonial heritage in a post-colonial era // *Aspects of (Post)Colonial Linguistics: Current Perspectives and New Approaches* / ed. by Schmidt-Brücken D., Schuster S., Wienberg M. Berlin/Boston: De Gruyter. 2016. P. 27–52.

Testelec Ya.G. Word order in Daghestanian languages // *Constituent Order in the Languages of Europe* / ed. by A. Siewierska. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 257–280.

Viti C. Genitive word order in Ancient Greek: A functional analysis of word order freedom in the noun phrase // *Glossa*. 2008. №84. P. 203–238.

Chiara Naccarato¹, Anastasia Panova¹, Natalia Stoynova^{1,2,3}

¹NRU HSE, ²IRL RAS, ³IL RAS

(Russia, Moscow)

chInaccarato@gmail.com, anastasia.b.panova@gmail.com, stoynova@yandex.ru

NON-STANDARD WORD ORDER IN DAGHESTANIAN RUSSIAN: NOUN PHRASES WITH THE GENITIVE

This paper is devoted to the effects of language contact in the field of word order. Based on corpus material, we analyze word order in genitive phrases in the spoken Russian variety of bilinguals from Daghestan. In this variety of Russian the preposition of the genitive in noun phrases (*Zairy brat* ‘Zaira’s brother’) is very frequent, whereas this is not typical of monolinguals’ Russian. This phenomenon can be explained as the result of contact with the speakers’ L1s, in which the genitive dependent in noun phrases is usually preposed to the head. However, the specific factors regulating word order in Daghestanian Russian cannot be explained exclusively in terms of L1 calquing. A quantitative analysis of corpus data shows that left genitives are preferred when the genitive

phrase expresses a kinship or age relation, when the genitive dependent is a kinship term and when it is multiword. These factors affect word order in noun phrases with the genitive according to the following hierarchy: semantic relation between the head and the genitive dependent > semantics of the genitive dependent > length of the genitive dependent. Other relevant factors are the position of the genitive along the animacy scale (human referents) and its referential status (definite noun phrases).

Key words: Russian language, Nakh-Daghestanian languages, Turkic languages, Daghestanian languages, word order, genitive, language contact, bilingualism.

References

Croft W. *Typology and universals*. 2nd edn. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 312 p.

Daniel M. A., Dobrushina N. R. [Russian in Daghestan: problems of language interference]. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii "Dialog". Vypusk 12*. [Computational linguistics and intellectual technologies papers from the annual International conference "Dialogue". Issue 12]. Moscow, RGGU, 2013, pp. 186–199. (In Russ.)

Daniel M., Dobrushina N., Knyazev S. Highlander's Russian: Case Study in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia*, 2010, no. 40, pp. 65–93.

DeLancey S. An interpretation of split ergativity and related patterns. *Language*, 1981, no. 57, pp. 626–57.

Dryer M. S. Order of Genitive and Noun. *The World Atlas of Language Structures Online* (ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath). Leipzig, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/86>. (accessed 13.03.2019)

Filimonova E. The noun phrase hierarchy and relational marking: Problems and counterevidence. *Linguistic Typology*, 2005, no. 9, pp. 77–113.

Haude K., Witzlack-Makarevich A. Referential hierarchies and alignment: An overview. *Linguistics*, 2016, no. 54 (4), pp. 433–441.

Hopper P.J., Thompson S.A. Transitivity in grammar and discourse. *Language*, 1980, no. 56, pp. 251–299.

Khomchenkova I. A. [Nganasan Russian: a corpus study]. *XIX aprel'skaja mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Russkij jazyk v mnogojazychnom mire»* [XIX April international conference "The Russian language in a multilingual world"]. Moscow, NRU HSE. 12–14 April 2018. Available at: http://web-corpora.net/tsakorpus_russian_nonst/pdf/IKh_NganRus1-talk.pdf (accessed 13.03.2019). (In Russ.)

Koptjevskaja-Tamm M. Adnominal possession in the European languages: form and function. *STUF — Language Typology and Universals*, 2002, no. 55 (2), pp. 141–172.

Kuno S., Kaburaki E. Empathy and Syntax. *Linguistic Inquiry*, 1977, no. 8 (4), pp. 627–672.

Kustova G.I. [Genitive case. Materials for the project of corpus description of the Russian grammar] *Roditel'nyj padezh. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Manuscript. (In Russ.)

Lander Yu.A. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases. *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels* (ed. by F. Floricic). Lyon, ENS éditions, 2010, pp. 287–311.

Levshina N. *How to do Linguistics with R. Data exploration and statistical analysis*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 2015. 443 p.

Moravcsik E. On the distribution of ergative and accusative patterns. *Lingua*, 1978, no. 45, pp. 233–279.

Naccarato C., Panova A. B., Pleshak P. S., Stojnova N. M., Khomchenkova I. A. [Possessive constructions with preposed genitives in Russian]. *Sbornik statej po materialam VIII mezhdisciplinarnogo seminaru "Analiz razgovornoj russkoj rechi"* [Collection of papers presented at the workshop "Analysis of Russian spoken discourse 2019"]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University, 2019, pp. 78–83. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju* [Statements and their correspondence in reality]. Moscow, Nauka, 1985. (6th edn. Moscow, Publishing house LKI, 2010). 296 p.

Paducheva E. V. [The referential status of the noun phrase. Materials for the project of corpus description of the Russian grammar]. *Referencial'nyj status imennoj gruppy. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Moscow, 2017.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical categories in Australian languages* (ed. by R. M. W. Dixon). New Jersey, Humanities Press, 1976, pp. 112–171.

Stojnova N. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East. *Slavica Helvingiensia*, 2019, no 52, pp. 9–36.

Suleymanov M. Baku Russian: Colonial heritage in a post-colonial era. *Aspects of (Post)Colonial Linguistics: Current Perspectives and New Approaches* (ed. by D. Schmidt-Brücken, S. Schuster, M. Wienberg). Berlin/Boston, De Gruyter, 2016, pp. 27–52.

Testelec Ya.G. Word order in Daghestanian languages. *Constituent Order in the Languages of Europe* (ed. by A. Siewierska). Berlin/New York, Mouton de Gruyter, 1998, pp. 257–280.

Viti C. Genitive word order in Ancient Greek: A functional analysis of word order freedom in the noun phrase. *Glossa*, 2008, no. 84, pp. 203–238.

Zemskaja E. A. *Russkaja razgovornaja rech': lingvisticheskij analiz i problemy obuchenija* [Russian spoken discourse: linguistic analysis and learning problems]. Moscow, Russkij Jazyk, 1987 (4th edn. Moscow, Flinta/Nauka, 2011). 240 p.

Е. В. Рахилина¹, А. К. Казкенова²

*¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук
(Россия, Москва)
rakhilina@gmail.com*

*²Евразийский технологический университет
(Казахстан, Алматы)
aimgul.kazkenova@mail.ru*

МАРКИРОВАНИЕ ИТЕРАТИВА В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА*

В статье рассматривается выражение итеративного значения (значения регулярного повторения ситуации) — в русских письменных текстах носителей казахского языка. В качестве исходных данных выступает казахский подкорпус Русского учебного корпуса, а также результаты специально проведенного опроса носителей.

В ходе исследования система, выявляемая в реальных текстах Учебного корпуса, сравнивается с доминантной казахской и русской системами, на которые сознательно или бессознательно ориентируются авторы текстов. Репрезентациями языковых стандартов для этих систем мы признаем Алматинский корпус казахского языка и Национальный корпус русского языка.

В обеих стандартных системах повтор ситуации может выражаться и глагольной формой (например, НСВ в русском или бивербальными конструкциями в казахском), и находящимся в той же конструкции обстоятельственным показателем: наречием, деепричастием, временным придаточным. Однако в каждом языке имеются свои возможности избежать такого дублирования.

В речи билингов преодолеваются ограничения, действующие в стандартных системах, и вырабатываются новые принципы оформления итеративного значения. В ряду факторов, которые влияют на образование промежуточной системы (представленной, как мы покажем, в русской речи носителей казахского языка),

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах»).

Авторы статьи выражают искреннюю признательность рецензенту и Н. М. Стойновой за замечания и полезные рекомендации.

оказывается как интерференция, так и упрощение билингвами действующих правил, в том числе в точках потенциального варьирования.

Поэтому косвенным результатом исследования можно считать прояснение сложных фрагментов самой системы русского языка и выявление точек ее нестабильности.

Ключевые слова: итератив, интерференция, казахский язык, русский язык, билингвизм, Русский учебный корпус

0. Вводные замечания

Итеративом (итеративной множественностью, многократностью) называют такой тип глагольной множественности, который связан с регулярно повторяющейся ситуацией [Dressler 1968: 62–65; Cusic 1981; Dahl 1985: 97; Храковский 1989: 41–50; Долинина 1996: 232–237; Плунгян 2003: 295; Wood 2007; Падучева 2010: 26–28; Mattioli 2017; 2018] и др. Как известно, в разных языках существуют (и сосуществуют) разнообразные средства обозначения повторяющейся ситуации: словообразовательные, лексические, грамматические [ТИК 1989; Шлуинский 2005: 2006; Cabredo Hofberg & Laca 2012]. Соответственно, в них могут использоваться разные стратегии выражения итеративного значения: в частности, оно может выражаться глагольной формой, обстоятельственным показателем (наречием, сентенциальным обстоятельством — деепричастием или деепричастным оборотом, зависимой клаузой сложного предложения) либо комплексно — сочетанием глагола и обстоятельства¹.

В нашей статье выражение итеративного значения рассматривается на примере весьма подвижной и, по своей сути, промежуточной системе, которая представлена в русских текстах, написанных носителями доминантного казахского языка. Используемый в работе «нестандартный» материал Русского учебного корпуса (а именно тексты носителей эритажного русского языка) и раньше служил ключом для описания глагольной множественности, но особого и крайне нетривиального типа — связанного с чередованием ситуаций: *то дождь, то снег; сегодня кухарка, а завтра управляет государством* и под. [Ладыгина, Рахилина 2016].

Наше исследование нацелено на выявление стратегий оформления повторяющихся ситуаций, которые используют в своей русской речи казахско-русские билингвы. Нам интересна степень зависимости этих стратегий от двух стандартных систем: первой, исходной, от которой автор текста отталкивается, — системы родного (казахского) языка и второй, к которой автор текста стремится, — системы русского языка.

Репрезентацией системы казахского языка (Системы 1) и источником казахского иллюстративного материала для нас является Алматинский корпус казахского языка [АСКЛ]. Ориентиром для стандарта русского языка (Системы 2) нам служит Национальный корпус русского языка [НКРЯ].

¹ В число специализированных глагольных показателей итеративного значения мы ниже включаем не только показатели, у которых это значение является единственным или основным, но и широкие имперфективные показатели, т. е. такие, которые в том числе могут выражать значение итератива (ср. русский НСВ или переходное настоящее (будущее) время в казахском языке).

Промежуточная система, или Система 3, проявляющая себя в русской речи казахских билингвов, изучается на основе двух типов данных.

Во-первых, это данные Русского учебного корпуса [RLC], созданного в Лаборатории по корпусным технологиям НИУ ВШЭ, см. [Выренкова, Полинская, Рахилина 2014; Рахилина 2014; Рахилина, Казкенова 2018] и др. В корпусе размещены и размечены письменные и устные тексты нестандартных говорящих на русском языке, изучающих русский язык как иностранный / неродной или владеющих им как эритажным языком. В настоящее время в корпусе представлены тексты носителей 15 доминантных языков.

Объем казахского подкорпуса составляет более 100 тыс. словоупотреблений, его размеченная часть — около 70 тыс. словоупотреблений. Состав подкорпуса постоянно пополняется новыми текстами.

Во-вторых, это результаты специально проведенного опроса носителей, которыми были дополнены корпусные данные. В нем приняли участие 60 информантов — казахско-русских билингвов.

Статья состоит из 6 разделов. В первом и втором разделах рассказывается о способах выражения итератива в казахском и русском языках. В третьем разделе оценивается степень отклонения русской речи билингвов от этих двух систем с привлечением статистики корпусных и опросных данных. В четвертом разделе дается качественная характеристика той системы, которая складывается на материале текстов билингвов. Наконец, в пятом разделе с привлечением данных RLC обсуждается вариативность системы русского языка в зоне итеративности. В Заключении подводятся основные итоги исследования.

1. Выражение итератива: Система 1 (казахский язык)

В тюркских языках, в частности в казахском, для обозначения повторяющихся ситуаций имеется целая система разноуровневых средств [Исхакова, Насилов, Рассадин 1989; Жолшаева 2016]. В предложении итератив выражается чаще всего комплексно — с помощью глагола и обстоятельства, см. например, [Johanson 1971: 243–246; Исхакова, Насилов, Рассадин 1989: 111].

К основным глагольным маркерам, выражающим повторяющееся действие в Системе 1, относятся следующие:

- глагольные суффиксы *-қыла* / *-кіле* / *-ғыла* / *-гіле* и *-ынқара* / *-інкіре*, ср. (1):

- (1) *Мен өгіз-ді соқ-қыла-ды-м.*
я бык-ACC ударить-ITER-PST-1SG
'Я (много раз) ударил быка'.

- аффиксы переходного настоящего (будущего) времени *-а-*, *-й-*, *-е⁻²-*:

² Разграничение значений настоящего / будущего времени происходит за счет контекста, причем немаловажную роль в этом разграничении играет семантика обстоятельств [Маманов 1949: 74; ҚГ 2002: 519]. При выражении значения настоящего времени эта форма лишена семантики прогрессива, ср. [КЯ].

- (2) *Мемлекет бол-ған соң кейде күшей-е-ді,*
государство быть-PTCP после иногда укрепляться-PRS-3
шарықта-й-ды, кейде әлсіре-й-ді. (Айкын 2013)
возноситься-PRS-3 иногда слабеет-PRS-3
'Поскольку есть государство, оно иногда укрепляется и возносится, иногда слабеет'.

• показатели повторяющегося прошедшего времени (часто по аналогии с формой переходного настоящего (будущего) оно тоже называется «переходным»)³. Эта глагольная форма имеет две разновидности: аффиксальную — с аффиксами *-атын/-етін* и *-йтын/-йтін*⁴ и аналитическую, в которой первый компонент оканчивается на *-ушы/-уши*, а вторым компонентом является вспомогательный глагол *еді* [Жолшаева 2016: 141–144], ср. (3)–(4):

- (3) *1985–1988 жыл-дар-ы бастауыш клас-та оқ-ып*
1985–1988 год-PL-3.POSS начальный класс-LOC учиться-CVB
жүр-ген-де біздің ауыл-да-ғы үй-ге
ходить-PTCP-LOC наш село-LOC-ADJ дом-DAT
газет-журнал-дар көп кел-етін. (Егемен Қазақстан 2013)
газета журнал-PL много приходит-PTC.HAB(3)
'Когда в 1985–1988 годах я учился в начальных классах, в наш сельский дом приходило много газет и журналов'.

- (4) *Бұрын «апа» де-уші еді, бұл жол-ы әдейі*
раньше апа говорить-PTC.HAB AUX(3) этот путь-3.POSS намеренно
жатсыра-т-ып «апай» де-п тұр.
чуждаться-CAUS-CVB апай говорить-CVB стоит
(Ұлпан Ғ. Мүсірепов1974)
'Раньше он говорил «апа», в этот раз, намеренно отдаляясь, говорит «апай»'⁵.

• аналитические бивербальные конструкции, состоящие либо из деепричастий (в том числе редуцированных форм) на *-n / -ып / -ін* и вспомогательных глаголов *тұру* ('стоять'), *жүру* ('ходить'), *отыру* ('сидеть'), *жату* ('лежать'), либо из деепричастий на *-а / -е / -й* и вспомогательного глагола *беру* ('давать') и др. Списки и описание таких конструкций — в [Маманов 1949; Оралбаева 1979: 137, 171–173; Ахметжанова 2005: 154–156; Жолшаева 2016: 146–147; Гращенков 2015: 63–64; КЯ] и др. Ср. пример (5):

³ Данная форма прошедшего времени может обозначать не только повторяющееся (привычное), но и длительное действие, совершавшееся в прошлом [КЯ].

⁴ В казахском языке формы с этими суффиксами также могут выступать в качестве причастий настоящего времени.

⁵ Ср. перевод А. Белянинова: «На этот раз он не назвал ее *ана*, как мать, как старшую сестру. Он сказал — *апай*, как можно обратиться к любой посторонней женщине» (<https://litres.ru/chitat/ru/%D0%9C/musrepov-gabit-mahmudovich/ulpan-ee-inya/24>).

- (5) *Көришлес Ресей-дің Саратов облысы-ында-ғы*
 соседний Россия-GEN Саратов область-3.POSS-LOC-ADJ
жарыс-қа бала-лар-ым-ды апар-ып
 соревнование-DAT ребенок-PL-1.POSS-ACC отводить-CVB
жүр-ді-м. (Егемен Қазақстан 2013)
 ходить-PST-1SG
 ‘Я в Саратовскую область соседней России на соревнования своих детей
 возил’.

Как мы уже говорили, наречия (такие как *эрқашан* ‘всегда’, *кейде* ‘иногда’, *жиі* ‘часто’, *анда-санда* ‘изредка’ и т. д.) тоже участвуют в выражении итератива (см. также [Исхакова, Насилов, Рассадин 1989: 111]), ср. пример (2).

Функцию сентенциальных обстоятельств в составе предложения могут выполнять деепричастия на *-а-, -й-, -е-*, выражающие незавершенность действия (6), и придаточные времени с послелогом *сайын* (‘каждый раз’) (7):

- (6) *Сәлима өксігі-і-н тоқта-т-а*
 салима всхлипывание-3.POSS-ACC остановить-CAUS-CVB
ал-ма-й, қайта-қайта жыла-й
 брать-NEG-CVB снова-снова плакать-CVB
бер-ді. (Ә. Нұршайықов 1922–2011)
 давать-PST(3)
 ‘Салима не могла остановить всхлипывания, снова и снова плакала’.
- (7) *Аяғ-ың-ды бас-қан сайын ат-тан*
 нога-2SG.POSS-ACC наступать-PTCP каждый.раз лошадь-ABL
құла-п жат-қан адам дене-лер-і
 упасть-CVB лежать-PTCP человек тело-PL-3.POSS
көр-ін-е-ді. (І. Есенберлин. Көшпенділер. 2: Жанталас1973)
 видеть-REFL-PRS-3
 ‘Каждый раз, когда ступаешь ногами, виднеются тела упавших с лошадей
 людей’.

При всей значимости обстоятельств, очевидно, что глагольным средствам выражения итератива в Системе 1 принадлежит ведущая роль. Без их участия это значение не выражается (ср. аграмматичность примеров (8) с итеративным обстоятельством, но без специального глагольного маркера), тогда как обстоятельственные маркеры являются факультативными (ср. пример (9), в котором итеративное обстоятельство отсутствует):

- (8а) **Ол дос-тар-ы-мен жиі кездес-ті.*
 он друг-PL-3.POSS-COM часто встречаться-PST(3)
 ‘Он с друзьями часто встречался’.
- (8б) **Мен күнде көрші-мен амандас-ты-м.*
 я каждый.день сосед-COM здороваться-PST-1SG
 ‘Я каждый день здоровался с соседом’.

- (8в) **Бала-лар әдетте аула-да ойна-ды.*
 ребенок-PL обычно двор-LOC играть-PST(3)
 ‘Дети обычно играли во дворе’.
- (9) *Солтүстік-те жауын-шашын жаз-да жау-а-ды, оңтүстік-те*
 север-LOC осадки лето-LOC выпадать-PRS-3 юг-LOC
жаңбыр әдетте көктем мен күз-де
 дождь обычно весна и осень-LOC
бол-а-ды. (Ә. Нұршайықов 1922–2011)
 быть-PRS-3
 ‘На севере осадки летом выпадают, на юге обычно дожди весной и осенью
 бывают’⁶.

Возможности и ограничения выражения итеративного значения в Системе 1 с помощью глагольных и обстоятельственных маркеров обобщает таблица 1:

Таблица 1

Типы итеративных обстоятельств	Дублирование: итеративное обстоятельство + глагольный показатель итератива	Однократное выражение итератива:	
		итеративное обстоятельство	глагольный показатель итератива
Наречие	+	–	+
Деепричастие	+	–	+
Придаточное времени	+	–	+

2. Выражение итератива: Система 2 (русский язык монолигвов)

В стандартном русском (Система 2) наиболее распространенной является стратегия дублирования маркеров итератива (совмещения обстоятельственного показателя и глагола НСВ в неограниченно-кратном значении), ср. (10), однако итератив может выражаться как одним только обстоятельством при глаголе СВ (11)⁷, так и одной только глагольной формой, не сопровождающейся собственно итеративным обстоятельством (12)⁸:

- (10) *Для «современных» чёрных дыр часто используют термин «коллапсирующие», или «застывшие», объекты.* [А. М. Черепашук. Поиски чёрных дыр (2004)]
- (11) *Вас редко увидишь на презентациях и светских раутах.* [«Автопилот» (2002)]

⁶ Слова *жазда* ‘летом’, *көктемде* ‘весной’, *күзде* ‘осенью’ являются наречиями времени, но в итеративном контексте приобретают значение цикличности. Аналогичные случаи для русского языка рассматриваются в разделах 2 и 5.

⁷ Возможность выражения итератива только глаголом СВ в наглядно-примерном значении без обстоятельственного сопровождения допускается, но не является предметом рассмотрения в этой статье.

⁸ Понятно, что две последние возможности в русском языке значительно сужены рядом частных ограничений, см. подробнее раздел 5.

- (12) Утром **предлагают** сытные и вкусные завтраки — омлет, круассаны, блины с джемом, сэндвичи. [«Coach» (2008)]

Исследователи отмечают особую экспрессивность использования глаголов СВ в итеративном контексте [РГ 1980: 607; Князев 1989: 140]. С их помощью создается, по выражению А. В. Бондарко, «фикция конкретности», когда повторяемость всей ситуации в целом выражается при сохранении «образной конкретности каждого отдельного действия» [Бондарко 1971: 219].

Итак, для сочетаний лексических обстоятельств и глаголов допускаются все три возможности: дублирование маркеров, выражение итератива только обстоятельством или только глаголом.

Использование сентенциальных обстоятельств следует особым правилам. Так, допускается деепричастие СВ при условии НСВ главного предиката:

- (13) Я, **пожав** плечами, **уходила** на кухню, **начинала заниматься** своими делами, потом **спохватывалась**, **шла** к нему... [«Даша» (2004)]

Как отмечает М. А. Шелякин, употребление деепричастий совершенного вида в итеративных контекстах возможно, если они выражают результативное или предельно-временное значения [Шелякин 2001: 144].

Похожая ситуация наблюдается в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени: зависимый предикат может быть выражен глаголом СВ, но главный будет обязательно НСВ⁹:

- (14) Когда вот я про этих Веревкиных **вспомню**, чудно мне **делается** (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы), пример из [Бондарко 1971: 198–199].

Возможности комбинирования глагольных и обстоятельственных показателей итератива в Системе 2, при запрете на выражение итеративного значения только сентенциальными обстоятельствами, отражает следующая таблица:

Таблица 2

Типы итеративных обстоятельств	Дублирование: итеративное обстоятельство + глагольный показатель итератива	Однократное выражение итератива:	
		итеративное обстоятельство	глагольный показатель итератива
Наречие	+	+	+
Деепричастие	+	–	+
Придаточное времени	+	–	+

⁹ По-видимому, в современном русском языке уже потеряло актуальность использование глагола СВ в качестве главного предиката сложного предложения с его одновременной «нейтрализацией» лексическими средствами, как в (15):

- (15) Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что **всегда расчихаешься**, когда войдешь. [Н. В. Гоголь. Ревизор (1836)]. Об особенностях таких употреблений см. [Акимова, Козинцева 1987: 289].

3. Система 3 (русская речь билингвов) в зеркале корпусных и опросных данных

Как видим, обе стандартные системы имеют ограничения, связанные с возможностями выражения повторяющейся ситуации только обстоятельственными средствами: для русского языка эта возможность представлена лишь использованием наречий, для казахского языка такая возможность полностью исключается.

Анализ материала казахского подкорпуса показывает, что Система 3, отражающая русскую речь казахских билингвов, преодолевает ограничения, существующие в обеих стандартных системах. В ней нет исключений — и в этом ее нестандартность: заполненными оказываются все грамматические «клетки»:

Таблица 3

Типы итеративных обстоятельств	Дублирование: итеративное обстоятельство + глагольный показатель итератива (глагол НСВ)	Однократное выражение итератива:	
		итеративное обстоятельство (глагол СВ)	глагольный показатель итератива (глагол НСВ)
Наречие	<i>Конечно же я всегда при-слушиваюсь к советам бабушки...</i>	<i>У нее доброе сердце, она всегда поддержит и даст совет.</i>	<i>Вечером она рассказывала разные сказки, древние истории и легенды.</i>
Деепричастие	<i>Смотря на ее морщинки я вижу все трудности которые она пережила.</i>	<i>[Я расскажу про мой обычный день...] Я сяду (=каждый раз сажусь) автобус слушая музыку.</i>	<i>Опоздав на урок, всегда писали объяснительную.</i>
Придаточное времени	<i>Когда мы к ним приезжаем: бабушка готовит бешбармак, дедушка играет во дворе с маленькими внуками.</i>	<i>Когда из нашей семьи кто-то выходит замуж, то бабушка возьмет на себя эти обязанности.</i>	<i>Когда у нас возникнет проблемы с учебной, я начинаю переживать...</i>

В следующем разделе статьи мы рассмотрим качественные характеристики этой системы, но сначала оценим количественно, в какой степени она отклоняется от стандартного русского, то есть Системы 2.

Для этого мы сопоставили данные RLC, фиксирующего «отклонения» от нормы, и данные Национального корпуса русского языка, играющего для нас роль «стандарта». В частности, сопоставили отобранные по интересующим нас параметрам высказывания из RLC с аналогичными по количеству высказываниями из НКРЯ (например, если в казахском корпусе RLC было найдено 29 примеров, содержащих наречие *часто*, то в НКРЯ тоже отбиралось 29 предложений с этим словом — в случайной выборке за период с 2000 по 2016 г.). Результаты сопоставления отражены в таблице 4.

Для уточнения корпусных данных был проведен опрос носителей, также ставший важным источником сведений о Системе 3.

Опрос был проведен в ноябре 2018 года в Казахском национальном педагогическом университете имени Абая (г. Алматы). Он проводился в письменной форме в два

Таблица 4

Типы итеративных обстоятельств	Дублирование: итеративное обстоятельство + глагольный показатель итератива (глагол НСВ)	Однократное выражение итератива:		Итого
		итеративное обстоятельство (глагол СВ)	глагольный показатель итератива (глагол НСВ)	
Наречия				
<i>всегда / иногда / редко / часто</i>	RLC: 350 — 92,6% НКРЯ: 363 — 96%	RLC: 28 — 7,4% НКРЯ: 15 — 4%		378 — 100%
<i>вечером / днем / ночью / утром</i>			RLC: 25 — 80,6% НКРЯ: 15 — 48,4% ¹⁰	31 — 100%
Деепричастие	RLC: 43 — 75,4% НКРЯ: 48 — 84,2%	RLC: 3 — 5,3% НКРЯ: 0	RLC: 11 — 19,3% НКРЯ: 9 — 15,8%	57 — 100%
Придаточное времени	RLC: 124 — 82,7% НКРЯ: 143 — 95,3%	RLC: 15 — 10% НКРЯ: 0	RLC: 11 — 7,3% НКРЯ: 7 — 4,7%	150 — 100%

этапа, на каждом этапе в нем участвовало по 30 студентов разных курсов (в общей сложности 60 человек). Все участники опроса являются выпускниками школ с казахским языком обучения, т. е. так же, как и для авторов корпусных текстов, доминантным языком для них с полной уверенностью можно признать казахский язык.

Суть исследования заключалась в том, чтобы проследить, как осуществляется выбор средств выражения итеративного значения. Слова и формы, предложенные информантам на выбор, были заключены в скобки.

Участники 1-ого этапа опроса выбирали формы глаголов НСВ или СВ в контекстах с наречиями *всегда / иногда / редко / часто* и в сложных предложениях (или в главной, или в зависимой клаузах), как в следующих примерах:

- *Я часто (поменяю / меняю) планы в последнюю минуту.*
- *Каждый раз, когда она приезжала в Москву, мы с ней (встретились / встретались).*
- *Когда я об этом (подумал / думал), у меня портилось настроение.*

Участники 2-ого этапа должны были выбрать либо деепричастия, либо глаголы основного действия, различающиеся по виду, и в других контекстах, имеющих в своем составе глаголы НСВ, — наречия типа *утром / по утрам*. Например:

¹⁰ Контексты для наречий 2-ой группы (*вечером / днем / ночью / утром*) отбирались с учетом общей семантики высказываний: из числа высказываний с обязательным использованием глаголов НСВ выделялись те, в которых речь шла о повторяющихся ситуациях (для этого часто требовалось расширение контекста).

Группа наречий *вечером / днем / ночью / утром* характеризуется особенно сильными колебаниями: от 48,4% в НКРЯ до 80,6% в RLC. Отчасти это расхождение объясняется тем, что в текстах билингов эти наречия в 4 случаях (из 5 для слова *днем* и 7 для слова *ночью*) использовались в составе устойчивых парных сочетаний *днем и ночью / ни днем, ни ночью*, предполагающих повтор действий или ситуаций.

- Если, (увлекаясь / увлѣкишись), он задерживался на прогулке дольше обычного, приходилось расплачиваться слабостью и одышкой.
- Обращаясь к Ане, Варя всегда внимательно (оглядела / оглядывала) ее.
- На почту за газетой ходим (по утрам / утром) — сила привычки.

Большая часть предложений для опроса была взята из НКРЯ, в некоторых случаях они подверглись незначительному упрощению. Таким образом, роль «стандарта» за НКРЯ сохранялась и в условиях эксперимента.

Данные двух этапов опроса представлены в таблицах 5 и 6:

Таблица 5

Типы итеративных обстоятельств	Дублирование: итеративное обстоятельство + глагольный показатель итератива (глагол НСВ)	Однократное выражение итератива:		Без помет	Итого
		итеративное обстоятельство (глагол СВ)	глагольный показатель итератива (глагол НСВ)		
<i>всегда / иногда / редко / часто</i>	102 — 85%	17 — 14,2%	0	1 — 0,8%	120 — 100%
Выбор глагола в главной клаузе сложного предложения	42 — 70%	17 — 28,3%	0	1 — 1,7%	60 — 100%
Выбор глагола в зависимой клаузе сложного предложения	56 — 62,2%	0	29 — 32,2%	5 — 5,6%	90 — 100%

Таблица 6

Типы итеративных обстоятельств	Дублирование: итеративное обстоятельство + глагольный показатель итератива (глагол НСВ)	Однократное выражение итератива:		Без помет	Итого
		итеративное обстоятельство (глагол СВ)	глагольный показатель итератива (глагол НСВ)		
<i>вечером / ночью / утром</i>	0	0	69 — 46%	6 — 4%	150 — 100%
<i>по утрам / по вечерам / ночами</i>	75–50%	0	0		
Выбор глагола основного действия	50–83,3%	10–16,7%	0	0	60–100%
Выбор деепричастия	21–35%	0	39–65%	0	60–100%

Для статистического анализа данных опроса использовалась логистическая регрессия со смешанными эффектами, так как этот метод позволяет учитывать возможную вариацию между испытуемыми и стимулами. Мы использовали среду программирования R [R Core Team, 2012] и пакеты lme4 [Bates, Maechler, Bolker & Walker 2015] для расчета регрессий со смешанными эффектами и пакеты multcomp [Hothorn, Bretz & Westfall 2008] для расчета множественных сравнений факторов.

Анализ данных, в частности, показывает, что глагол в несовершенном виде употребляется значимо чаще ($p < 0,05$) в придаточном предложении времени, что, по всей видимости, связано с одной из ярких особенностей Системы 3¹¹.

4. Качественная характеристика Системы 3

В этом разделе на примере сентенциальных обстоятельств мы обсудим зависимость Системы 3 от родного языка авторов-билингвов и тенденции к внутреннему упорядочиванию этой системы.

Как мы помним, специфику выражения итератива в Системе 1 определяет наличие специальных глагольных маркеров, принципиально отличающихся от глагольных средств Системы 2. Казалось бы, в таких условиях возможности для возникновения интерференции минимальны. Тем не менее влияние родного языка имеет свои проявления.

Так, заслуживает внимания препозиция придаточных времени в составе сложноподчиненных предложений. Действительно, в казахском языке такой порядок следования частей сложноподчиненного предложения является доминирующим [Сауранбаев 1958: 116]. В Системе 3 этот порядок предикативных частей (сначала придаточная часть, а затем главная) также широко распространен. В общей сложности количество зависимых предикатов в препозиции в составе сложноподчиненных предложений составляет 86,6% (130 из 150). Ср. типичный пример, нормативный с точки зрения русского языка, но отражающий указанную тенденцию:

(16) *Когда мы болеем, она поит нас как будто волшебным чаем и лечебным вареньем.*

Поскольку в казахском (Системе 1) есть специальный послелог *сайын* ('каждый раз'), маркирующий повторение ситуаций, распространенное в Системе 3 употребление *каждый раз* в придаточном в препозиции также можно связывать с влиянием родного языка:

(17) *Каждый раз когда она звонит у нее дрожит голос.*

Примеры, подобные (17), также не нарушают норм русского языка, из 150 корпусных высказываний, включенных в нашу выборку, в девяти используется *каждый раз* и в одном случае — *всякий раз* (итого 10–6,7%).

Закрепленность зависимой части сложноподчиненного предложения в препозиции обуславливает еще одну интересную и весьма регулярную особенность Системы 3. Если в Системе 2 в составе сложного предложения основным показателем повторения описываемой ситуации должен быть *главный* предикат в НСВ (см. раздел 2), то в Системе 3 функция выражения итератива принадлежит *первому* предикату — а это, как мы только что установили, по преимуществу предикат *зависимой* клаузы (ср. результаты эксперимента). В этом плане Система 3 входит

¹¹ Мы благодарим В. Д. Магомедову за помощь в статистической обработке данных.

в противоречие и с Системой 1, где итеративность, как и в русском, тоже выражается *главным* (и всегда постпозитивным) предикатом (см. раздел 1).

Корпусные данные о Системе 3 свидетельствуют, что глаголы НСВ в зависимой части сложного предложения встречаются в 91,5% случаев (119 из 130). Ср. характерный пример:

(18) *Когда **приходит** мой кузен, я обязательно **посижу** с ним...*

Предложение (18) интересно не только тем, что в начинающей его придаточной части употребляется глагол НСВ, но и тем, что в главной части вместо обязательного для Системы 2 глагола НСВ используется глагол СВ.

Получается, что предложения, подобные (18) (в таблице 4 их 10%, по RLC), вместе с теми случаями, где наблюдается дублирование НСВ в главной и зависимой клаузах, иллюстрируют обнаруженную закономерность Системы 3.

Помимо интерференции на формирование Системы 3 могут оказывать влияние и другие процессы. Действительно, наблюдения за многочисленными видовыми отклонениями в речи билингов, когда вместо ожидаемого глагола НСВ используется глагол СВ, позволяют выявить тенденции к внутреннему упорядочению и упрощению Системы 3.

С этой точки зрения выбор формы перфектива часто оказывается проще для казахского билинга и «выгоднее» для Системы 3.

Во-первых, выбор перфектива позволяет избежать морфонологических чередований, обусловленных присоединением суффиксов:

(19) *Я лично **встретила** (=встречала) таких людей много раз.*

(20) *То есть не она, а мы заставляем её **перекрасить** (=перекрашивать) волосы.*

Во-вторых, приставочные перфективы в речи билингов могут успешно замещать вторичные имперфективы, более сложные по своей морфемной структуре. При этом игнорируется то, что главная функция вторичных имперфективов состоит именно в выражении повторяемости действия [РГ 1980: 607; Петрухина 1990; Кронгауз 1997: 153] и др.:

(21) *Когда она **заболеет** (=заболеает) мы все волнуемся за ее здоровье.*

Однако, помимо формального упрощения, наблюдаемого в (21)–(23), упрощение может проявляться и на семантическом уровне. О «семантическом упрощении» можно говорить в связи с тем, что приставочные перфективы в Системе 3 в определенных условиях могут акцентировать дополнительные значения приставок (делимитативности, аттенуативности, начинательности и др.), игнорируя видовое значение, как в (22)–(23). В этих примерах приставочные предикаты связаны сочинительной связью с глаголами НСВ, уже передающими итеративный смысл, который поэтому накладывается и на перфектив. В таком случае выбор формы подчинен исключительно дополнительной семантике:

(22) *Я сажусь обедать и с мамой **поболтаю**.*

- (23) Она меня всегда баловала, **приласкала** (айналайын, құлынишағым, ботам) и умела играть вместе с нами.

Подводя итоги этого раздела, мы можем сказать, что Система 3 в выражении итератива с помощью сентенциальных обстоятельств действительно подвержена влиянию Системы 1 (казахской). Это влияние не всегда прямое — мы видели сложные случаи интерференции, как например, выделение первого предиката сложного предложения как носителя итеративности вместо главного. По нашему мнению, они объясняются общими тенденциями к упрощению и редукции правил в Системе 3, которые, как мы видели, действуют и за пределами зоны интерференции.

Впрочем, предпосылки к упрощению Системы 2 (стандартной русской) могут быть заложены и в ней самой. Некоторые такие случаи мы рассмотрим в следующем разделе.

5. Система 3 как результат вариативности Системы 2

Продолжая сравнение Системы 3 с Системой 2 (русским языком монолингвов), обратим внимание, что первая отражает и в определенной степени выявляет «точки типологической нестабильности» второй, то есть точки потенциального варьирования и изменения. В них Система 2 может реализовывать свою альтернативу, причем как в контактном взаимодействии с другим языком (ср. прямое взаимодействие русского и казахского в нашем случае), так и в процессе диахронического развития самого русского. Вариативность Системы 2 обнаруживается не в устойчивых и надежных случаях двойного маркирования итератива, а в периферийных, когда это значение выражается каким-то одним показателем — наречием или глагольной формой.

Остановимся на случаях наречного маркирования.

5.1. Всегда и часто

Главное правило, которое регулирует сочетаемость обстоятельственных показателей итеративности с глаголами СВ в русском языке, следующее: итеративные наречия *всегда*, *иногда*, *редко* могут сочетаться с формой будущего времени СВ, но не прошедшего [Милославский 1981: 179; Богданов, Евтюхин, Князев и др. 2009: 347–348]¹², как в (24)–(25):

- (24) *Что важно, ведь у живой природы нет “единых схем”, всегда найдутся / *нашлись исключения, варианты, парадоксальные и почти невозможные комбинации.* [Кирилл Ефремов. Размышления у книжной полки: Бегство от одиночества (2003)]

¹² Заметим, что сочетаемость этих наречий с глаголами НСВ тоже не свободна: по [Падучева 2010: 139], они сочетаются «с деятельностью, процессами и временными состояниями, которые обладают свойством прерывности (т. е. могут прекращаться и возобновляться)», но не с устойчивыми состояниями.

- (25) *Впрочем, яркий штрих **иногда** тоже **не повредит** / ***не повредил*** [«Домовой» (2002)]

Это ограничение плохо предсказуемо — неудивительно, что сразу в двух примерах (26)–(27), взятых из казахского подкорпуса, где диагностирована «ошибка», наблюдается нарушение именно этого правила:

- (26) *Она нас **всегда заставила*** (вместо: *заставляла*) *работать, убираться в доме, во дворе, мыть посуду и др.*
- (27) *Так же Бабушка Чокана Валиханова — Айганым тоже **всегда направила*** (вместо: *направляла*) *на правильный путь Чокана.*

Можно ожидать, что и в самом русском такое распределение будет где-то нарушаться. И действительно, семантически к группе итеративных примыкает наречие *часто*, так что ожидалось бы, что оно целиком подпадет под общее правило., ср. пример (28) с глаголом в СВ в будущем времени, где *часто* еще и выступает как синоним *всегда*:

- (28) *Не **всегда, не часто встретишь** / ***встретил** такое лицо.* [М. А. Булгаков. Полотенце с петухом (1926)]

Между тем сам выбор СВ / НСВ для обстоятельств со значением итеративности, и в их числе *часто*, бесспорно, является точкой потенциальной вариативности системы — так что наряду с (28) встречаются и примеры типа (29), с СВ и прошедшим временем:

- (29) *Старик смотрел долго и внимательно, будто не доверяя глазам, потом остановился на полувдохе и **часто заморгал**.* [А. Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы (2013)]

В принципе, появление таких примеров объяснимо: *часто* имеет свойства, которые отличают его от остальной группы наречий-итеративов. В отличие от них, оно способно иметь и широкую, и узкую сферы действия [Богуславский 1996; Филипенко 1998], то есть умножать не только ситуацию в целом (широкая сфера), но и отдельные фрагменты внутри нее (узкая). Так, в (29) речь идет не о том, что часто случалось, чтобы старик начинал моргать (широкая сфера действия *часто*), а о том, что когда он заморгал, движений век в единицу времени было больше, чем можно было ожидать, то есть что внутри единичной ситуации ‘заморгать’ все происходило быстро и без перерывов.

Таким образом, в силу смены сферы действия, глагольное значение множественности ситуации здесь фактически исчезает. Та же коллизия в контексте *часто* возникает и с другими мультипликативными предикатами, которые сами по себе обозначают начало последовательности единичных действий, ср.: *часто закивал, замахал, застучал* и проч.

Однако другое предложение с наречием *часто* — (30), реальный пример из RLC, — хотя и разрешает только одну сферу действия и никак не нарушает

общего правила допустимости СВ в непрошедшем времени глагола, но все равно оказывается грамматически некорректным:

(30) *Мы с семьей вечером часто погуляем по горам.*

Формально высказывание (30) непротиворечиво: ограниченный во времени промежуток, заполненный семейным гулянием, может воспроизводиться регулярно. Однако фактически, с точки зрения русской грамматики, выразить такой смысл оказывается невозможно, причем, видимо, уже по прагматическим причинам: два таких «сильных», «рематических» смысла, как делимитативность и итеративность, не могут сочетаться в одном предложении.

Как видим, сложность и слабая предсказуемость правил выбора нужной формы указывает на нестабильность системы в данной точке и является очевидным источником неустрашимого конфликта между Системами 2 и 3.

Заметим, что и в истории русского языка стратегия кодирования итератива в этой точке менялась, будучи связана с эволюцией категории глагольного вида [Маслов 1984: 102–110]. Ср. примеры (31)–(33):

(31) *и се бо и азъ грѣшныи много и часто Бѣ прогнѣваю и часто согрѣшаю по всѣ дни* [Суздальская летопись].

(32) *Безумнии бо всегда врагы своя немощны наричют; аз же всегда и прежде врага боюся.* [Стефанит и Ихнилат (1300–1500)].

(33) *Почитай же книги часто, да имаши неразумныя научати.* [ростовский и ярославский епископ Феодосий Бывальцев. Формулярный извод поучения пресвитеру и обращения [ростовского и ярославского] архиепископа [Феодосия Бывальцева к ежегодно созываемому в неделю православия собору епархиальных священников] (1454)]

Похожая картина до сих пор сохраняется в нескольких современных славянских языках: «... такое употребление СВ широко распространено и стилистически нейтрально в чешском, словацком, лужицком и словенском языках» [Князев 1989: 141], см. также [Исаченко 2003: 453; Бондарко 1971: 216–217].

5.2. Утром как ‘по утрам’

Обратная ситуация, когда глагол НСВ как маркер итератива сочетается с наречием однократной временной локализации — *вечером / днем / ночью / утром* — тоже заслуживает внимания. Эти наречия могут выступать и в качестве однократных, и в качестве циклических¹³, со значением «обстоятельств, свидетельствующих о привычках субъекта» [Долинина 1996: 233]¹⁴.

¹³ К сожалению, такая многозначность наречий не фиксируется в толковых словарях (ср., например, [МАС]).

¹⁴ В то же время в русском языке есть целый ряд собственно циклических наречий и наречных конструкций со своими особенностями, ср.: *ежедневно, по утрам, ночами*.

Интересно проследить, как происходит совмещение семантики наречий и глаголов НСВ. В итеративном контексте наречия типа *утром* могут быть своего рода диагностиками, выявляя степень, в которой те или иные глаголы НСВ склонны обозначать повторяющееся действие без контекстуальной поддержки.

Надо сказать, что дублирование маркеров отнюдь не случайно является главной стратегией выражения итератива. В русском языке НСВ выражает не только неограниченно-кратное, но и ряд других частных значений, так что обстоятельство-показатель вовсе не всегда является избыточным: он однозначно указывает на повторение ситуации¹⁵.

Глаголы НСВ (и их разные формы) способны выражать повторяемость действия без поддержки обстоятельства — но в разной степени. Почему-то (34) выглядит более приемлемым в итеративном контексте, чем (35):

(34) *Вечером она рассказывала разные сказки, древние истории и легенды.*

(35) *И ночью она мыла пол в фабрике.*

Причины такого «неравенства» комплексны.

Очевидно, например, что формы настоящего времени глаголов гораздо ближе к «полюсу многократности», чем глаголы прошедшего времени, ср. (36) и (37):

(36) *Ночью мышей добывает, днём в дупле отдыхает.* [Г. Алимов. Кроссворд Мурзилки (1999)]

(37) *Мать утром кормила отца, отвечала на кое-какие вопросы, смотрела на него спокойно и страшиовато.* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)]

В свою очередь, среди форм прошедшего времени к выражению итератива тяготеют формы производных имперфективов (см. раздел 4), но не формы производных глаголов НСВ:

(38) *За день я успевал проглатывать страниц по триста-четырееста, многие книги мы конспектировали и вечером устраивали их обсуждения.* [Михаил Петров. Поэт забвения // «Сибирские огни», 2012]

(39) *Утром пели петухи.* [Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 1–20 (2011)]

Наконец, для форм прошедшего времени производных глаголов НСВ с точки зрения их способности выражения итеративного значения значимым оказывается противопоставление по предельности — неопредельности. Неопредельные глаголы

¹⁵ Ср. следующие замечания: «...оно (неограниченно-кратное значение) значительно менее специфично для НСВ, чем процессное значение, так как в определенных условиях и СВ может выражать неограниченную повторяемость (или способность выполнить действие)» [Маслов 1984: 75]; «Хотя форма НСВ безусловно необходима для выражения в предложении итеративного значения, обычно она недостаточна, и поэтому одновременно с нею используются и другие показатели итеративности, роль которых нельзя недооценивать» [Храковский 1987: 146].

естественно интерпретируются как обозначения повторяющихся действий (40), в отличие от предельных (43):

- (40) *Утром мы работали, занимались науками до обеда.* [О.С. Минор. Это было давно... (1933)]
 (41) *Утром писала письмо, пока было еще тихо.* [Л.К. Чуковская. Полгода в «Новом мире». О Константине Симонове (1946–1947)]

Иерархия глагольных средств выражения итератива (от средств, способных выражать повторение ситуации без контекстуальной поддержки, — к средствам, требующим такой поддержки) и примеры из RLC, расположенные в порядке убывания их способности выражать итеративность, представлены на рисунке 1:

Таким образом, выбор наречия подчинен возможностям глаголов НСВ и их форм самостоятельно выражать итератив: если глагол однозначно указывает на многократность, то он может сочетаться с обстоятельством времени (типа *утром*), в противном случае итеративное значение усиливается обстоятельством цикличности типа *по утрам*.

Получается, что билингву, как и любому говорящему на русском языке, недостаточно просто знать, что глагол НСВ способен служить средством выражения итератива, но важно учитывать «ступенчатый» характер правила, регулирующего использование глагола НСВ без сопутствующего наречия цикличности. Если вернуться к примерам (34)–(35), то можно заметить, что в примере (34), содержащем производный имперфектив, вполне корректно обозначена повторяющаяся ситуация. Напротив, в примере (35) предельный непроизводный глагол НСВ *мыть* требует усиленной обстоятельственной поддержки с помощью всегда циклического *по ночам*, чтобы однозначно описывать повтор ситуации.

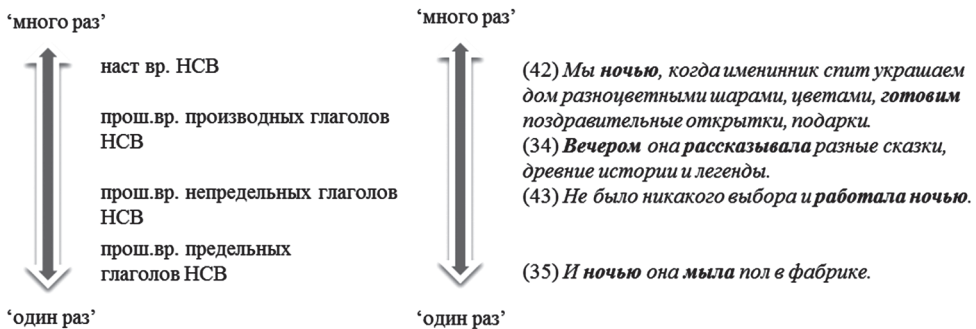

Рисунок 1

6. Заключение

На примере итеративного значения в текстах казахско-русских билингов мы показали, насколько сложно устроена система их русского языка, условно обозначенная как Система 3.

Мы проследили в ней эффекты, обусловленные влиянием родного языка билингов — казахского. Это влияние сказывается, в частности, на порядке следования клауз сложных предложений: именно в соответствии с правилами родного языка билингов, например, сохраняют препозицию зависимой клаузы.

Вместе с тем, мы видели, что своеобразие Системы 3 не исчерпывается влиянием казахского. Как и всякая языковая система, она стремится к простоте. Так, оказавшись в препозиции, зависимая клауза с временным значением концентрирует в себе семантику повторяемости: билингов стремятся маркировать именно ее глаголами НСВ, в то время как в русском языке основным носителем итеративного значения является предикат главной части.

Тенденция к упорядоченности и упрощению затрагивает и другие уровни Системы 3. Предпочтение глаголам СВ вместо семантически итеративных НСВ объясняется морфонологической и морфемной «простотой» перфективов или специальным акцентом на добавочных значениях, свойственным глагольным приставкам — это приводит к игнорированию необходимой для итеративов в стандартном русском видовой семантики русских глаголов.

Без упрощений освоить стандартную систему практически невозможно: во многих случаях (и это, как мы показали, в полной мере относится к итеративности) правила предполагают такое сложное распределение маркеров, что отклонения от них и вариативность возникает внутри самого русского. Это особенно хорошо видно на примере наречий с итеративным компонентом значения — *часто, иногда, всегда*, а также *утром, вечером, ночью*. Нарушая эти правила и преодолевая ограничения, билингов невольно «диагностируют» границы стабильности в данной грамматической зоне русского языка.

Синхронно нестабильные зоны должны быть особенно подвержены историческим изменениям. В целом они регулируются теми же естественными стратегиями упорядочивания и упрощения, что и Система 3. Поэтому, как мы видели, в каких-то своих проявлениях Система 3, может сближаться с более ранними стадиями развития (ср. сочетания наречий с глаголами СВ). С этой точки зрения речь билингов приобретает значимость не только как результат контактов и интерференции конкретных языков, но и как ключ к общим закономерностям, регулирующим изменчивость естественного языка в целом.

Список литературы

Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. Аспектуально-таксисные ситуации, нелокализованные во времени (кратный таксис) // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 288–294.

Ахметжанова З. К. Функционально-семантические поля русского и казахского языков // Сопоставительное языкознание: казахский и русский языки. Алматы: КазУМО и МЯ, 2005. С. 121–188.

Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации). М.: Наука, 1979. 275 с.

Богданов С. И., Евтюхин В. Б., Князев Ю. П. и др. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений РФ. С-Пб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 2009. 634 с.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.

Выренкова А. С., Полинская М. С., Рахилина Е. В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. №3. С. 3–19.

Долинина И. Б. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности») // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1996. С. 219–245.

Жолшаева М. Аспектуальдылық функционалды-семантикалық өрісі // Жұмсалымды грамматика / ред. С. Құлманов. Алматы: Мемлекеттік тілді дамыту институты, 2016. Б. 109–161.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. I-II. Изд. 2. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.

Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Рассадин В. И. Выражение множественности ситуаций в тюркских языках // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 110–122.

ҚГ. Қазақ грамматикасы. Фонетика, сөзжасам, морфология, синтаксис / ред. Е. Жанпейісов. Астана: Астана полиграфия, 2002. 784 б.

Князев Ю. П. Выражение повторяемости действия в русском и других славянских языках // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 132–144.

Кронгауз М. А. Глагольная приставка, или координата времени // Логический анализ языка. Язык и время / ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 152–157.

Ладыгина А., Рахилина Е. В. Русские конструкции со значением чередования ситуаций // Язык: поиски, факты, гипотезы: сб. ст. к 100-летию со дня рождения академика Н. Ю. Шведовой. М.: ООО «ЛЕКСРУС», 2016. С. 320–336.

Маманов И. Е. Вспомогательные глаголы в казахском языке. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1949. 98 с.

МАС. Словарь русского языка: в 4-х т. / под. ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988.

Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 264 с.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 254 с.

Оралбаева Н. Қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттарының құрылысы мен мағынасы. Алматы: Ғылым, 1979. 195 б.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.

Петрухина Е. В. К вопросу о конкуренции первичных и вторичных имперфективов в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 1990. № 4. С. 82–87.

Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. Изд. 2, испр. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 384 с.

Рахилина Е. В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / гл. ред. В. А. Плунгян. СПб.: Алетей, 2014. С. 87–95.

Рахилина Е. В., Казкенова А. К. Заметки о русском числе // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 3. С. 605–627.

РГ. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Наука, 1980. 792 с.

Сауранбаев Н. Т. Основные способы связи составных частей в сложноподчиненном предложении // Вопросы грамматики тюркских языков: Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках, состоявшегося 24–27 сент. 1956 г. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. С. 109–128.

ТИК. Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. 312 с.

Филипенко М. В. Об адвербиалах с плавающей и фиксированной сферой действия (к вопросу об актантах и не-актантах предиката) // Семиотика и информатика. 36. М.: Языки русской культуры: Русские словари, 1998. С. 120–140.

Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 124–152.

Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.

Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.

Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения: дис. ... канд. филол. наук. МГУ. М., 2005. 372 с.

Шлуинский А. Б. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 46–75.

Bates D., Maechler M., Bolker B., Walker S. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // Journal of Statistical Software, 2015, 67(1). P. 1–48.

Cabredo Hofherr P., Laca B. (eds.). Verbal Plurality and Distributivity. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. 225 p.

Cusic D. Verbal plurality and aspect: Doctoral dissertation, University of Standford, Standford, CA, 1981.

Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. Oxford: Basil Blackwell, 1985. 213 p.

Dressler W. Studien zur verbalen Pluralität. Wien: Hermann Böhlau, 1968. 253 s.

Hothorn T., Bretz F., Westfall P. (2008). Simultaneous Inference in Genera Parametric Models // Biometrical Journal, 2008, 50(3). P. 346–363.

Johanson L. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Studia Turcica Upsaliensia 1. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1971. 334 s.

Mattiola S. Typology of pluractional constructions in the languages of the world: Doctoral dissertation, Università degli Studi di Bergamo/Università degli Studi di Pavia, Bergamo — Pavia, 2017.

Mattiola S. Pluractional conceptual space: three case studies and their typological relevance // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2018, 14(2). P. 517–553.

Wood E. The semantic typology of pluractionality: Doctoral dissertation, University of California, Berkeley, CA, 2007.

Электронные ресурсы

КЯ — Казахский язык. Просто о сложном [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kaz-tili.kz/index.htm>

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

ACKL — Almaty Corpus of Kazakh language [Электронный ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/KazakhCorpus>

Microsoft Word — `fasl26_completely_revised.docx`

R Development Core Team. 2013. R: A Language and Environment for Statistical Computing. Vienna, Austria. [Electronic resource]. URL: <http://www.R-project.org>.

RLC — Русский учебный корпус [Электронный ресурс]. URL: <http://www.web-corpora.net/RLC>

Условные обозначения

НСВ — несовершенный вид, СВ — совершенный вид, 1 — 1-ое лицо, 2 — 2-е лицо, 3 — 3-е лицо, ABL — исходный падеж, ADJ — имя прилагательное, ACC — винительный падеж, AUX — вспомогательный глагол, CAUS — понудительный залог, COM — совместный падеж, CVB — деепричастие, DAT — датель-но-направительный падеж, GEN — родительный падеж, LOC — местный падеж, ITER — итератив, NEG — отрицание, PL — множественное число, POSS — притяжательность, PRS — настоящее (в нашем случае — настоящее переходное) время, PST — прошедшее время, PST.HAB — повторяющееся (переходное) прошедшее время, PTCP — причастие, REFL — возвратный залог, SG — единственное число.

Ekaterina V. Rakhilina¹ & Aimgul K. Kazkenova²

¹*National Research University Higher School of Economics;*

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000, Russia;

Volkhonka str., 18/2, Moscow, 119019, Russia

rakhilina@gmail.com

Eurasian Technological University

109B, Tole bi str., Almaty, 050012, Kazakhstan

aimgul.kazkenova@mail.ru

MARKING OF ITERATIVE IN RUSSIAN SPEECH OF KAZAKH SPEAKERS

The paper is focused on how Russian written texts of Kazakh speakers deal with iterative meanings (those describing regularly repeated events). The results are based on Kazakh sub-corpus of Russian Learner Corpus (RLC) and on a series of interviews with bilingual speakers.

The system of iterative constructions found in the RLC texts is compared with the standard Kazakh and Russian systems which may serve as a base for the authors of these texts. The standard systems are considered to be represented in Almaty Corpus of Kazakh Language [<http://web-corpora.net/KazakhCorpus>] and Russian National Corpus [<http://ruscorpora.ru>], respectively.

Both Kazakh and Russian express repeated events with the help of a special verbal marking (like imperfective aspect in Russian, or biverbal construction in Kazakh) supplemented by an adverbial as part of the same construction (adverb, converb or temporal clause). Each language chooses its own way to avoid double marking of this kind.

Bilinguals tend to overcome the restrictions imposed by standard systems and systematically create new principles of iterative marking. Interference and simplification of standard rules are factors which form an “intermediate” system used by Kazakh bilinguals within the loci of possible variation.

Our findings indirectly contribute also to revealing some problematic fragments of the system of iterative expressions in Russian, where variation and instability are most conspicuous.

Keywords: iterative, interference, Kazakh, Russian, bilingualism, Russian Learner Corpus.

References

Akhmetzhanova Z.K. Funktsional'no-semanticheskie polya russkogo i kazakhskogo yazykov [Functional-semantic fields of Russian and Kazakh languages]. *Sopostavitel'noe yazykoznanie: kazakhskii i russkii yazyki* [Comparative Linguistics: Kazakh and Russian]. Almaty: Univ. of International Relations and World Languages Publ., 2005, pp. 121–188. (In Russ.)

Akimova T.G., Kozintseva N.A. Aspektual'no-taksisnye situatsii, nelokalizovannyye vo vremeni (kratnyi taksis) [Aspect-taxis situations not localized in time (multiple taxis)]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of functional grammar. Introduction. Aspect. Temporary localization. Taxis]. Leningrad: Nauka Publ., 1987, pp. 288–294. (In Russ.)

Baskakov N.A. *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya tyurkskikh yazykov (struktura slova i mekhanizm agglyutinatsii)* [Historical and typological morphology of Turkic languages (word structure and agglutination mechanism)]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 275 p.

Bates D., Maechler M., Bolker B., Walker S. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // *Journal of Statistical Software*, 2015, 67(1), pp. 1–48.

Bogdanov S.I., Evtukhin V.B., Knyazev Yu. P. et al. *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka* [The morphology of the modern Russian language]. St. Petersburg: St. Petersburg St. Univ. Publ., 2009. 634 p.

Boguslavskii I.M. *Sfera deistviya leksicheskikh edinit* [The scope of lexical units] Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. 464 s.

Bondarko A.V. *Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)* [Aspect and tense of the Russian verb (meaning and usage)]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1971. 239 p.

Cabredo Hofherr P., Laca B. (eds.). *Verbal Plurality and Distributivity*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. 225 p.

Cusic D. Verbal plurality and aspect: Doctoral dissertation, University of Standford, Standford, CA, 1981.

Dahl Ö. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Basil Blackwell, 1985. 213 p.

Dolinina I.B. Kolichestvennost' v sfere predikatov (kategoriya «glagol'noi mnozhestvennosti») [Quantitativity in the field of predicates (the category of “verbal plurality”)]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [Theory of functional grammar. Qualitativity. Quantitativity]. Leningrad: Nauka Publ., 1996, pp. 219–245. (In Russ.)

Dressler W. *Studien zur verbalen Pluralität*. Wien: Hermann Böhlau, 1968. 253 s.

Evgen'eva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1985–1988.

Filipenko M.V. Ob adverbialakh s plavayushchei i fiksirovannoi sferoi deistviya (k voprosu ob aktantakh i ne-aktantakh predikata) [On Adverbials with floating and fixed scope (on the issue of actants and non-actants of the predicate)]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics]. 36. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury: Russkie slovari Publ., 1998, pp. 120–140. (In Russ.)

Hothorn T., Bretz F., Westfall P. Simultaneous Inference in Genera Parametric Models // *Biometrical Journal*, 2008, 50(3), pp. 346–363.

Isachenko A.V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya*. [The grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak. Morphology] I-II. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 880 p.

Iskhakova Kh. F., Nasilov D.M., Rassadin V.I. Vyrazhenie mnozhestvennosti situatsii v tyurkskikh yazykakh [The expression of the multiplicity of the situation in the Turkic languages]. *Tipologiya iterativnykh konstruksii* [Typology of iterative constructions]. Leningrad: Nauka Publ., 1989, pp. 110–122. (In Russ.)

Johanson L. *Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems*. Studia Turcica Upsaliensia 1. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1971. 334 s.

Khrakovskii V.S. (ed.) *Tipologiya iterativnykh konstruksii* [Typology of iterative constructions]. Leningrad: Nauka Publ., 1989. 312 p.

Khrakovskii V. S. Semanticheskie tipy mnozhestva situatsii i ikh estestvennaya klasifikatsiya [Semantic types of the plurality of situations and their natural classification]. *Tipologiya iterativnykh konstruksii* [Typology of iterative constructions]. Leningrad: Nauka Publ., 1989, pp. 5–53.

Khrakovskii V. S. Kratnost' [Multiplicity]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of functional grammar. Introduction. Aspect. Temporary localization. Taxis]. Leningrad: Nauka Publ., 1987, pp. 5–53. (In Russ.)

Knyazev Yu. P. Vyrazhenie povtoryaemosti deistviya v russkom i drugikh slavyanskikh yazykakh [The expression of the repetitive actions in Russian and other Slavic languages]. *Tipologiya iterativnykh konstruksii* [Typology of iterative constructions]. Leningrad: Nauka Publ., 1989, pp. 132–144. (In Russ.)

Krongauz M. A. Glagol'naya pristavka, ili koordinata vremeni [Verbal prefix, or time coordinate]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical analysis of the language. Language and time]. Moscow: Indrik Publ., 1997, pp. 152–157. (In Russ.)

Ladygina A., Rakhilina E. V. Russkie konstruksii so znacheniem cheredovaniya situatsii [Russian constructions with the meaning of the alternation of the situation]. *Yazyk: poiski, fakty, gipotezy* [Language: searches, facts, hypotheses]. Moscow: OOO "LEKSRUS" Publ., 2016, pp. 320–336. (In Russ.)

Mamanov I. E. *Vspomogatel'nye glagoly v kazakhskom yazyke* [Auxiliary verbs in Kazakh]. Almaty: AN KazSSR Publ., 1949. 98 p.

Maslov Yu. S. *Ocherki po aspektologii* [Essays on Aspectology]. Leningrad: Leningrad St. Univ. Publ., 1984. 264 p.

Mattiola S. Typology of pluractional constructions in the languages of the world: Doctoral dissertation, Università degli Studi di Bergamo/Università degli Studi di Pavia, Bergamo — Pavia, 2017.

Mattiola S. Pluractional conceptual space: three case studies and their typological relevance // *Acta Linguistica Petropolitana*, 2018, 14(2), pp. 517–553.

Miloslavskii I. G. *Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo yazyka* [Morphological categories of the modern Russian language]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1981. 254 p.

Oralbaeva N. *Qazaq tilindegi etistiktin analitikalyq formantтарынын құрылысы мен magynasy* [Composition and meaning of analytical verbal formants in Kazakh]. Almaty: Gylym Publ., 1979. 195 p.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa*. [Semantic research: Semantics of time and aspect in Russian; The semantics of narrative.]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2010. 480 p.

Petrukhina E. V. K voprosu o konkurentsii pervichnykh i vtovichnykh imperfektivov v sovremennom russkom yazyke [On the issue of competition of primary and secondary imperfective verbs in the modern Russian language]. *Russkii yazyk za rubezhom*. 1990. №4, pp. 82–87. (In Russ.)

Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to the problematics]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2003. 384 p.

Rakhilina E. V. Grammatika oshibok: v poiskakh konstant [Grammar of errors: in the search for constants]. Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika [Language. Constants. Variables. In memory of Alexander E. Kibrik]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2014, pp. 87–95. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Kazkenova A. K. Zametki o russkom chisle [Notes on Russian Number]. *Vestnik RUDN. Ser. Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics]. 2018. T.22. №3, pp. 605–627. (In Russ.)

Sauranbaev N. T. Osnovnye sposoby svyazi sostavnykh chastei v slozhnopodchinenom predlozhenii [The main ways of connecting components in complex sentences]. *Voprosy grammatiki tyurkskikh yazykov* [Grammar questions of Turkic languages]. Almaty: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 1958, pp. 109–128. (In Russ.)

Shelyakin M. A. *Funktional'naya grammatika russkogo yazyka* [Functional grammar of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk Publ., 2001. 288 p.

Shluinskii A. B. Tipologiya predikatnoi mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektual'nye znacheniya. Dis... kand. filol. nauk [Typology of predicate plurality: quantitative aspectual meanings. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 372 p.

Shluinskii A. B. K tipologii predikatnoi mnozhestvennosti: organizatsiya semanticheskoi zony [On the typology of predicate plurality: organization of the semantic zone]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2006. №1, pp. 46–75. (In Russ.)

Shvedova, N. Yu. (ed.) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow: Nauka, 1980. 792 p.

Vyrenkova A. S., Polinskaya M. S., Rakhilina E. V. Grammatika oshibok i grammatika konstruksii: «eritazhnyi» («unasledovannyi») russkii yazyk [Grammar of errors and Construction Grammar: The case of «heritage Russian»]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2014. №3, pp. 3–19. (In Russ.)

Wood E. The semantic typology of pluractionality: Doctoral dissertation, University of California, Berkeley, CA, 2007.

Zhanpeiisov E. (ed.) *Qazaq grammatikasy. Fonetika, sozhasam, morfologiya, sintaksis* (Kazakh grammar. Phonetics, word formation, morphology, syntax). Astana: Astana poligrafya. Publ., 2002. 784 p.

Zholshaeva M. Aspektualdylyq funktsionaldy-semantikalyq orisi [Functional-semantic field of aspectuality]. *Zhumsalymdy grammatika* [Functional grammar]. Almaty: Memlekettik tildi damyту instituty Publ., 2016, pp. 109–161. (In Kazakh)

Electronic resources

Almaty Corpus of Kazakh Language [Electronic resource]. URL: <http://web-corpora.net/KazakhCorpus>

Kazakh language [Electronic resource]. URL: <http://www.kaz-tili.kz/index.htm>

Microsoft Word — fasl26_completely_revised.docx

R Development Core Team. 2013. R: A Language and Environment for Statistical Computing. Vienna, Austria. [Electronic resource]. URL: <http://www.R-project.org>.

Russian Learner Corpus [Electronic resource]. URL: <http://www.web-corpora.net/RLC>

Russian National Corpus [Electronic resource]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

М. З. Муслимов
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
mehmet@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ИМЕННЫХ ГРУПП В СМЕШЕНИИ КОДОВ ВОДСКИЙ/РУССКИЙ И ИЖОРСКИЙ/РУССКИЙ¹

Статья посвящена некоторым синтаксическим эффектам, связанным с оформлением именных групп в смешении кодов водский/русский и ижорский/русский. Одним из таких эффектов является согласование определения и вершины именной группы даже в том случае, когда переключение происходит внутри именной группы. Такого рода согласование может происходить не только по числу, что известно и для других пар языков, но также и по роду и даже по падежу. Согласование по падежу при переключении внутри именной группы является типологически редким явлением, помимо пар двух близкородственных языков такое согласование было отмечено только для пары немецкий /латынь. Другим эффектом является «двойная морфология», примерами которой являются плеонастическое употребление показателей множественного числа из обоих языков и одновременное употребление русского предлога и ижорского или водского падежного аффикса при одной и той же именной группе. Помимо старых заимствований из русского языка, в речи современных носителей водского и ижорского языков могут встречаться одиночные русские существительные, которые не подвергаются никакой фонологической адаптации и могут выступать как в морфологически адаптированной, так и морфологически неадаптированной форме. Перечисленные эффекты лучше всего описываются с помощью введенного П. Майскеном понятия «конгруэнтная лексикализация», под которым П. Майскен подразумевает образование единой гибридной грамматической системы из систем двух контактирующих языков. В статье также дается краткий обзор наличия/отсутствия согласования внутри именной группы для некоторых других пар языков.

Ключевые слова: переключение кодов, смешение кодов, согласование, «двойная морфология», конгруэнтная лексикализация, ижорский язык, водский язык, русский язык.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 17-29-09097 офи_м «Типология механизмов взаимодействия русского языка с языками малочисленных народов России» (рук. Е. В. Головки).

1. Введение

В настоящее время все носители прибалтийско-финских языков (далее ПФЯ) Ингерманландии (водского, ижорского, ингерманландских диалектов финского) являются билингвами, причем русский язык доминирует во всех доменах. Подавляющее большинство носителей этих языков — пожилые люди 1920–1930-х годов рождения, которые изредка используют свои родные языки при общении между собой и иногда при обращении к своим детям, если те понимают язык своих родителей. В их речи встречаются вкрапления из русского языка, а также из других ПФЯ, распространенных в той или иной деревне. Мы собирали образцы речи на водском языке, нижнелужском диалекте ижорского языка и на различных финских диалектах Ингерманландии начиная с 2001 года по настоящее время. Данная статья посвящена смешению кодов для пар водский/русский и нижнелужский ижорский/русский (Кингисеппский район Ленинградской области). В статье также используются примеры из смешанного водско-ижорского говора дер. Куровицы, который ранее традиционно считали особым диалектом водского языка [Адлер 1966: 118]. В данной статье мы рассматриваем его как особый идиом, который можно отнести к классу смешанных языков [Markus, Rozhanskiy 2012], [Муслимов в печати].

Полное описание смешения кодов в парах водский/русский, нижнелужский ижорский/русский и куровицкий/русский не входит в цели данной статьи, мы ограничимся только анализом тех случаев, когда переключение происходит внутри именной группы (далее ИГ).

Статья построена следующим образом. Во втором разделе обсуждаются использованные материалы и методика отбора примеров смешения кодов. В третьем разделе обсуждаются критерии разграничения случаев смешения кодов и заимствований. Четвертый раздел целиком посвящен описанию и анализу случаев переключения с одного языка на другой внутри ИГ для пар водский/русский, нижнелужский ижорский/русский и куровицкий/русский. В пятом разделе рассматриваются некоторые другие эффекты, характерные для оформления ИГ в парах ПФЯ Ингерманландии/русский. Шестой раздел посвящен обзору случаев переключения с одного языка на другой для других пар языков. Этот обзор ни в коей мере не претендует на полный охват таких случаев, а является всего лишь исходной точкой для дальнейшего изучения данной проблемы.

В статье используется упрощенная транскрипция, аналогичная использованной в словаре водского языка [Grünberg 2013]. Все примеры, относящиеся к парам водский/русский, ижорский/русский, куровицкий/русский приведены в данной транскрипции, причем русские вставки даны в русской орфографии². В примерах из других пар языков сохраняется написание оригинала. Интересующие нас ИГ выделены полужирным шрифтом, вставки из включенного языка (*embedded language*) подчеркнуты.

² Примеры для пары водский/русский, взятые из работ Х. Хейнсоо, приводятся нами также в транскрипции [Grünberg 2013], которая используется и для русских вставок в примерах Х. Хейнсоо.

2. Материал и метод

Материалом для данного исследования послужили сделанные нами аудиозаписи спонтанной речи носителей водского языка, нижнелужского диалекта ижорского языка и куровицкого идиома с 2001 по 2018 годы. Следует иметь в виду, что уже с самого начала изучения переключения кодов исследователями использовались две принципиально различные методики сбора материала.

Первый подход предполагал фиксацию спонтанной речи информантов с ее последующим анализом. При наличии достаточно большого корпуса примеров переключения кодов в руках исследователя оказывался материал, позволяющий делать оценки вероятности того или иного типа переключения. Второй, «элициционный», подход был связан с тем, что оставался открытым вопрос о возможности переключения в редко встречающихся контекстах, что заставляло некоторых исследователей прибегать к элицитации. Весьма характерным представляется следующее высказывание одного из сторонников «элициционного» подхода Дж. МакСвана: «While naturalistic data may be useful for obtaining initial findings in a natural setting, it does not tell us what *cannot* occur»³ [MacSwan 1997: 128]. Данный подход предполагал предъявление информантам специально сконструированных примеров переключения кодов и оценку информантами приемлемости такого переключения. Это позволяло провести проверку в таких контекстах, которые не были зафиксированы в спонтанной речи. Эта методика применялась еще в ранних работах, посвященных испанско-английскому переключению кодов [Timm 1975, Pfaff 1979], однако ее корректность уже тогда подвергалась сомнению многими исследователями.

В нашем исследовании элицитация не использовалась, поскольку в ходе проверки корректности такой методики некоторые примеры переключения, зафиксированные в спонтанной речи, были оценены информантами как некорректные.

3. Критерии разграничения случаев смешения/переключения кодов и заимствований

Длительные и интенсивные контакты между несколькими близкородственными ПФЯ и русским языком привели к тому, что отделить случаи интерференции от переключения кодов и переключения кодов от заимствований очень трудно. Предлагались разные критерии для разграничения заимствований и переключения кодов. Одни исследователи [Porlack 1980] предлагали считать одиночные слова заимствованиями, если имеет место фонологическая, морфологическая и синтаксическая адаптация заимствуемого слова. Для тех же случаев, когда фонологически неадаптированное слово подвергалось, тем не менее, морфологической адаптации,

³ «Хотя данные, полученные «естественным» методом, могут быть полезны для получения начальных сведений (о переключении кодов) в естественных условиях, они ничего не говорят нам о том, чего *не может* произойти.»

Ш. Поплак ввела понятие «окказионального заимствования» (*nonce borrowing*) [Poplack, Sankoff, Miller 1988: 50] и не рассматривала такие вставки как переключение кодов. Следует отметить, что те случаи, когда имела место только фонологическая или синтаксическая адаптация, Ш. Поплак интерпретирует как переключение кодов.

Предлагались и другие критерии для выделения заимствований. Одним из таких критериев могла бы служить речь монолингвов [Sridhar & Sridhar 1980], и те элементы, которые встретились бы не только у билингвов, но и монолингвов, следовало бы считать заимствованиями. В нашем случае этот критерий неприменим, поскольку все наши информанты являются как минимум билингвами. Кроме того, для некоторых информантов, проживающих в деревнях, где были распространены два местных ПФЯ (например, в дер. Ванакюля, Куровицы), характерны уникальные идиолекты, и поэтому информация о речи *других информантов* ничего не дает для выделения заимствований в идиолекте *данного информанта*.

К. Пфафф [Pfaff 1979: 297] предлагает следующую процедуру для выделения заимствований:

Если встретилось слово языка L2 в окружении слов языка L1, то необходимо проверить:

- 1) существует ли эквивалент в языке L1 для слова языка L2;
- 2) если существует, то употребляется ли носителями языка;
- 3) известен ли данный эквивалент данному носителю языка L1;
- 4) относит ли сам носитель данное слово к языку L1.

Следует отметить, что проверка третьего и четвертого условий опирается на интуицию носителя языка и может быть осуществлена посредством опроса по специальной анкете. Кроме того, о переключении могут свидетельствовать специальные маркеры: хезитация в момент переключения, разного рода металингвистические замечания говорящего, повтор-перевод [Pfaff 1979: 297].

Многие другие исследователи, например К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton 1993: 163], С. Ромейн [Romaine 1989] считали, что между заимствованиями и переключением кодов нет четкой границы, и мы имеем дело с континуумом, крайними точками которого являются полностью интегрированные заимствования и вставка целых словосочетаний, например морфологически неадаптированных ИГ. Т. Лауттамус [Lauttamus 1992] в своем исследовании финско-английского переключения в США выделял 4 разных типа вставок по степени интеграции: переключение кодов, смешение кодов, окказиональные заимствования и полностью интегрированные заимствования.

Для пар водский/русский, ижорский/русский и куровицкий/русский использование в качестве критерия морфологической адаптации вызывает значительные трудности. Как правило, русские одиночные существительные могут встречаться у одного и того же информанта и в морфологически адаптированном, и в морфологически неадаптированном виде, как это имеет место в следующих примерах:

- (1) куровицкий/русский
kazva-vad грузд-и, *ne* *glavno-d* *griba-d⁴, < >*
 расти-3PL груздь-PL.NOM тот.PL.NOM главный-PL.NOM гриб-PL.NOM
siz olla грузд-и-д *уз грибо-и-сс*.
 потом быть.3PL груздь-PL.NOM-PL.NOM из гриб-PL-EL
 ‘Растут грузди, те главные грибы, потом есть грузди из грибов.’
- (2) ижорский/русский
соседк-а *siz* *tul-i-ø* *и ключ-и*
 соседка-F.SG.NOM потом прийти-IMPF-3SG и ключ-PL.NOM
olla быть.3PL
sel у соседк-а-лла
 там у соседка-F.SG.NOM-AD
 ‘Соседка потом пришла и ключи были там у соседки.’

Ударение в таких русских существительных-вставках даже в случае их морфологической адаптации не передвигается на первый слог⁵, как это характерно для старых заимствований из русского языка в ПФЯ, например *fáteri* <квартíра, *gásnittsa* <гостíнец [Grünberg 2013: 216, 222]. Следует также отметить, что во втором примере для русского существительного *соседка* существует и ижорский эквивалент *naapur(i)*

Еще одна проблема, возникающая при подходе Ш. Поплак — это случаи так называемой двойной морфологии, когда дублируются те или иные показатели:

- (3) водский/русский
в Финлянди-я-з *õl-i-mt*
 в Финляндия-F.SG.NOM-IN быть-IMPF-1PL
 ‘Мы были в Финляндии’

Если интерпретировать *Финляндия* как *nonce borrowing*, и отвергнуть предположение о том, что перед показателем инессива происходит переключение, то тогда остается неясным статус русского предлога *в*, поскольку водская именная группа в инессиве не может сочетаться с предлогами.

Еще одна проблема возникает в случае применения критерия Ш. Поплак к водским, ижорским и финским топонимам и их соответствиям в русском языке. Хотя ПФ топонимы всегда встречаются с ПФ падежными аффиксами, их русские соответствия иногда могут встречаться с ПФ аффиксами:

- (4) ижорский/русский
месяц el-i-mtä *siel Федоровка-с*
 месяц жить-IMPF-1PL там Федоровка-IN
 ‘Месяц мы жили там, в Федоровке’

⁴ Лексема *griba* в настоящее время известна всем носителям ПФЯ нижней Луги, в то время как распространены в других частях Ингерманландии варианты *tatti*, *sien(i)*, *obahka* либо вообще неизвестны в нижнелужском ареале, либо известны только некоторым информантам.

⁵ Главное ударение в ПФЯ падает на первый слог, второстепенное может падать на нечетные слоги.

При этом существует и известный всем носителям ПФЯ топоним *Föödermaa*, который может выступать во внешнеместных падежах (адессиве, аллативе и аблативе)⁶, например *Föödermaal* ‘в Федоровке’:

- (5) ижорский
Föödermaa-I, zoja mis ellä
Федоровка-AD Зоя где жить.3SG
‘В Федоровке, Зоя где живет.’

Если интерпретировать данный случай как заимствование, то тогда в местных ПФЯ все топонимы потенциально могут иметь по два, а в некоторых случаях и три варианта. С учетом всего вышеупомянутого, мы не считаем морфологическую адаптацию критерием для разграничения переключения кодов и заимствований. Мы придерживаемся процедуры, предложенной К. Пфафф, хотя провести четкую границу между этими двумя явлениями не представляется возможным.

4. Согласование

Одной из важных особенностей смешения кодов в парах водский/русский и ижорский/русский является согласование между вершиной именной группы и зависимыми в том случае, когда переключение с одного языка на другой происходит внутри именной группы. Можно выделить три типа такого согласования — по числу, по роду и по падежу.

4.1. Согласование по числу

Такого рода согласование в наших материалах встречалось в тех случаях, когда именная группа была в номинативе множественного числа. Контролером согласования может быть как прибалтийско-финская, так и русская вершина, однако обычно встречается сочетание прибалтийско-финское существительное+русское прилагательное:

- (6) ижорский/русский
hüö miltse-d olla inimäise-d mokomaise-d жесток-ие.
3PL какой-PL быть.3PL человек-PL.NOM такой-PL.NOM жестокий-PL.NOM
‘Они какие-то люди такие жестокие.’

⁶ В большинстве ПФЯ существуют две серии пространственных падежей, одна выражает движение или нахождение внутри ориентира (внутреннеместные падежи), другая — нахождение или движение на поверхности или рядом с ориентиром (внешнеместные падежи). Топонимы обычно выступают в пространственных падежах одной серии, например, в финском литературном языке названия стран выступают во внутреннеместных падежах: *Ukrainassa* ‘на Украине’, *Suomessa* ‘в Финляндии’ (ср. однако *Venäjällä* ‘в России’). Каждая серия состоит из 3 падежей, «эссива», «латива» и «элатива».

- (7) водский/русский
riä-b ðllõ poigõ-d крепк-ие.
 должно-3SG быть.INF мальчик-PL.NOM крепкий-PL.NOM
 ‘Должно быть, ребята крепкие.’
- (8) ижорский/русский
siel ol-i-vat ne купц-ы.
 там быть-IMPF-3PL тот.PL.NOM купец-PL.NOM
 ‘Там были те купцы.’

Следует отметить, что согласованное определение в водском языке обычно находится в препозиции к вершине ИГ, однако в ряде случаев может быть и постпозиции и даже выноситься за пределы ИГ, оказываясь в конце клаузы. Эти передвижения согласованного определения никак не влияют на его согласование по числу и падежу с вершиной ИГ [Сабо 1967]. Если прилагательное или существительное является частью именного сказуемого, то оно также согласуется с подлежащим по числу [Маркус, Рожанский 2011: 225].

4.2. Согласование по роду

В отличие от категории числа, которая не отличается принципиально в прибалтийско-финских языках и в русском, категория рода отсутствует во всех прибалтийско-финских языках. Тем не менее, если прилагательное или местоимение — русское, а существительное — прибалтийско-финское, то прилагательное получает такой род, как если бы оно согласовывалось с соответствующим русским эквивалентом прибалтийско-финского существительного, несмотря на то, что категория рода в ПФЯ отсутствует:

- (9) водский/русский
karpolo on marjõ осенн-яя
 клюква быть.3SG ягода(F_{рус}) осенний-F.SG.NOM
 ‘Клюква — ягода осенняя.’

В этом примере прилагательное *осенняя* получает окончание женского рода, тем самым его род определяется родом русского соответствия водскому существительному *marjõ*. Как уже было отмечено выше, в водском языке обычно прилагательное находится в препозиции, однако, в отличие от финского, оно может встречаться также и в постпозиции к вершине именной группы.

- (10) ижорский/русский
suur tammi, вот так-ой толст-ый tammi
 большой дуб, вот такой-M.SG.NOM толстый-M.SG.NOM дуб(M_{рус})
 ‘Большой дуб, вот такой толстый дуб.’
- (11) водский/русский
mi-ll ðl-i-ø маленьк-ий pikkarain lahsi
 1SG-AD был-IMPF-3SG маленький-M.SG.NOM маленький ребенок(M_{рус})
 ‘У меня был маленький, маленький ребенок.’

В этих примерах мужской род русских прилагательных определяется родом существительных *ребенок* и *дуб*, отсутствующих на поверхностном уровне. В примере (9) обращает на себя внимание то обстоятельство, что водское существительное *marjõ* оканчивается на редуцированное *õ*, акустически довольно близкое к русскому конечному безударному *а*. Это позволяет предположить, что на выбор рода может также влиять и финаль формы номинатива водского существительного, и выбор женского рода был обусловлен интерпретацией финали основы водского существительного *marjõ* как флексии женского рода. Однако, судя по имеющимся у нас немногочисленным примерам, это не так: существительное *päivä* 'день' вызывает согласование по мужскому роду, несмотря на «женскую» финаль *ä*, а существительное *süümin* 'пища' (см. ниже пример (24)) согласуется по женскому роду, несмотря на «мужскую» финаль на непалатализованный согласный.

Следует отметить, что подобный контроль рода прибалтийско-финскими существительными возможен также и для вставных русских глаголов в прошедшем времени. Это, однако, характерно не для всех информантов, и в речи некоторых информантов формы мужского и женского рода глаголов выступают в качестве свободных вариантов:

- (12) ижорский/водский
оста-л-а-сь одн-а, *после teehe-st miä* *очень*
 остаться-PRT-F.SG-REFL один-F.SG *после* муж-EL 1SG *очень*
плака-л-о
 плакать-PRT-M.SG
 'Осталась одна, после мужа я очень плакала.'

4.3. Согласование по падежу

Самым интересным случаем является согласование по падежу, поскольку падежные системы русского языка и прибалтийско-финских языков существенно отличаются друг от друга. В отличие от русского языка, в большинстве ПФЯ существуют две серии пространственных падежей, каждая из которых состоит из трех падежей. Из этих 6 падежей только для аллатива, выражающего движение к ориентиру или на поверхность ориентира, существует русский падеж с похожим спектром функций — датив. Русскому инструменталису в ПФЯ может соответствовать несколько падежей и падежно-послеложных конструкций. Особо сложные соответствия существуют между способами кодирования прямого объекта в русском и прибалтийско-финских языках, в русском языке он может выступать в аккумулятиве или генитиве, в ПФЯ — в партитиве, аккумулятиве или номинативе. Следует отметить, что сам прибалтийско-финский аккумулятив выделяется не всеми исследователями и не во всех языках. Это обусловлено тем, что в единственном числе аккумулятив почти всегда совпадает с генитивом, а во множественном числе — с номинативом, единственными исключениями являются личные местоимения и местоимение *ken/kuka* 'кто', которые могут по диалектам иметь особую форму, не совпадающую ни с генитивом, ни

с номинативом. Таким образом, существуют два подхода к выделению аккузатива в качестве отдельного падежа. Первый подход, который условно можно назвать морфологическим, представлен в описаниях эстонского языка, в которых аккузатив не выделяется, а его функции оказываются распределены между номинативом и генитивом [Erelt et al. 1995: 52–53]. Второй подход, «синтаксический», представлен в некоторых описаниях финского языка, см. например [Karlson 1999: 100–101]. Для этого подхода характерно выделение аккузатива как особого падежа, хотя и совпадающего почти во всех случаях либо с номинативом, либо с генитивом. Для удобства описания мы в данной статье придерживаемся синтаксического подхода, который позволяет описать зафиксированные нами модели согласования более компактно.

Несмотря на существующие различия, в ряде случаев такое согласование происходит, причем набор падежей, для которых оказывается возможным согласование, зависит от того, к какому языку относится вершина именной группы. Рассмотрим сначала те случаи, когда вершина именной группы принадлежит русскому языку.

1) русский аккузатив+ПФ партитив

В наших материалах встретились только такие случаи, когда русский аккузатив вставного существительного контролирует партитив прибалтийско-финского местоимения:

- (13) водский/русский [Heinsoo, Kuusk 2002: 109]
elä paraiko si-tä poliitikk-u pajata-ø
 NEG.2SG сейчас этот-PART политика-F.SG. ACC говорить-IMPR.2SG
 ‘Не говори сейчас про эту политику.’ (букв. ‘не говори сейчас эту политику’)

В этом примере ИГ, состоящая из водского детерминатива и русского существительного получает падеж от глагола *pajattaa* ‘говорить’, но не от его русского эквивалента. В этом же тексте эта же ИГ встречается и в адаптированном виде:

- (14) водский/русский [Heinsoo, Kuusk 2002: 109]
tooš si-tä poliitikka-a anna-n
 тоже этот-PART политика-PART дать-1SG
 ‘Тоже говорю об этой политике.’ (букв. ‘тоже даю эту политику’)

Таким образом, можно говорить о том, что выбор водского или русского падежного показателя существительного не зависит от степени адаптированности русского существительного, а сами варианты, адаптированный и неадаптированный, находятся в отношении свободного варьирования.

- (15) ижорский/русский
pittä lämmitä si-tä russk-ую печк-у
 надо.3SG топить-INF этот-PART русская-F.SG.ACC печка-F.SG.ACC
 ‘Надо топить эту русскую печку.’

В этом примере русское существительное контролирует согласование как русского же прилагательного, так и ижорского местоимения, что только подчеркивает эквивалентность в данном контексте ижорского партитива и русского аккузатива.

2) русский генитив+ ПФ партитив

И в этом случае прибалтийско-финский партитив местоимения контролируется русским генитивом, но не наоборот:

(16) ижорский/русский

millis-t *вер-ы* *tiiö oo-tt?*
какой-PART вера-F.SG.GEN 2PL быть-2PL
'Какой Вы веры?'

(17) водский/русский

mi-tä *nä-i-mte* *гор-я*
какой-PART видеть-IMPF-1PL горе-F.SG.GEN
'Какого мы повидали горя'

3) согласование по падежу: русский аккузатив+ ПФ аккузатив

Этот случай похож на рассмотренные выше случаи согласования:

(18) водский/русский

tä-lle ihs poika teč-i-ø *sene-ø* *перевод-ø*
3SG-AD один сын делать-IMPF-3SG тот-ACC⁷ перевод-M.SG.ACC
'У него один сын сделал тот перевод.'

В данном случае мы можем говорить об оформлении русского существительного именно русским, а не водским, нулевым показателем аккузатива на том основании, что почти все водские падежные показатели присоединяются к гласной основе, и ауслаут на согласную в водском аккузативе и генитиве невозможен.

Поскольку во всех рассмотренных выше примерах русское существительное сопровождалось прибалтийско-финским местоимением (см. (13) — (18)), то возникает предположение, что такого рода употребление местоимений является стратегией адаптации русских существительных в прибалтийско-финскую речь. Такая стратегия, отмечалась для пары финский/английский:

(19) финский/английский [Kovács 2001: 142]

opettaja piirust-i-ø *linnu-n* *sii-he* *blackboard*
учитель рисовать-IMPF-3SG птица-ACC тот-ILL доска
'Учитель нарисовал птицу на этой доске.'

Особенный интерес в данном случае представляет тот факт, что падежный показатель получает только местоимение, но не существительное. Можно было бы предположить, что местоимение, оформленное падежными показателями, необходимо для приписывания падежа вставному английскому существительному, однако встречаются и такие случаи, когда финское местоимение остается в номинативе, хотя вся именная группа должна была быть в аккузативе или партитиве:

⁷ Номинатив этого местоимения имеет вид *se*.

- (20) финский/английский ([Lehtinen 1966: 225], цитируется по [Muysken 2000: 94])
minä tee-n semmone long sentence
 1SG делать-1SG такой.NOM длинный предложение
 ‘Я сделаю такое длинное предложение.’
- (21) финский/английский ([Lehtinen 1966: 225], цитируется по [Muysken 2000: 94])
ne tek-i se hospital
 3PL делать-IMPF тот.NOM госпиталь
 ‘Они сделали тот госпиталь.’

Для пар водский/русский и ижорский/русский адаптация вставного русского существительного с помощью прибалтийско-финского местоимения не является необходимой, одиночные русские существительные могут быть вставлены в водскую или ижорскую клаузу как в морфологически неадаптированной, так и в морфологически адаптированной форме:

- (22) водский/русский
miä anta-izi-n si-ll kabачok-ø
 1SG дать-COND-1SG 2SG-ALL кабачок-M.SG.ACC
 ‘Я дала бы тебе кабачок.’

В современных западноводских говорах аккузатив единственного числа (совпадающий по форме с генитивом единственного числа) не имеет особого показателя, отличаясь от номинатива только выбором гласной основы и/или выбором подходящей ступени чередования согласных [Маркус, Рожанский 2011: 85]. Поэтому критерием морфологической адаптации в данном случае может быть только употребление гласной основы, таким образом, в рассматриваемом примере *кабачок* не является морфологически адаптированным. Рассмотрим далее пример (23).

- (23) водский/русский
annõ-tta-iz mi-llõ отрав-у
 дать-IPS-COND 1SG-ALL отрав-Ф.SG.ACC
 ‘Дали бы мне отраву.’

В этом примере была употреблена форма имперсонала *annõ-tta-iz*, и в полностью водском предложении ожидался бы номинатив [Маркус, Рожанский 2011: 236]. Тем не менее, вставленная русская ИГ маркируется аккузативом, то есть тем падежом, который ожидался бы в полностью русском предложении.

4) согласование по падежу: русский инструменталис+ПФ комитатив

В отличие от уже рассмотренных случаев согласования, в данном случае к прибалтийско-финскому языку относится не определение, а вершина именной группы, оформленная показателем комитатива⁸, и она контролирует согласование русского прилагательного. Отсутствие обратных случаев, возможно, связано с тем, что

⁸ Нижнелужский комитатив используется для выражения роли инструмента, что представляет собой ареальную черту. В сойкинском диалекте ижорского языка, в отличие от рассматриваемого в данной статье нижнелужского, инструмент выражается адессивом, а комитатив отсутствует.

в водском и нижнелужском ижорском комитативный показатель получает только вершина ИГ, а согласованное определение в этом случае принимает форму, совпадающую с генитивом (ср. например, водский (говор дер. Лужицы): SG.NOM *pičče jalkō* ‘длинная нога’, SG.GEN *pičä jalga*, SG.COM *pičä jalgaka*, ижорский (говор дер. Ванакюля): SG.NOM *oma maja* ‘свой дом’, SG.GEN *oman majan*, SG.COM *oman majaka*).

- (24) куровицкий/русский
обжирались *kai ne* жирн-ой süümise-kü
 обжираться все тот.PL.NOM жирный-F.SG.INS пища-COM
 ‘Обжирались все они жирной пищей.’

Заслуживает внимания, что в примере (24) происходит не только согласование по падежу, но и контроль согласования по роду русским соответствием *пища* куро-вицкому существительному *süümin*. Рассмотрим, наконец, пример (25).

- (25) водский/русский
siz vōte-tti mine-ka-нибудь остр-ым *puteli-st*⁹
 потом брать-IMPF.3PL что-COM-INDF острый-M.SG.INS бутылка-EL
poiza
 прочь
 ‘Потом брали чем-нибудь острым из бутылки.’

В примере (25) помимо вставного русского прилагательного встречается еще употребление ижорского показателя элатива *-st*, таким образом, здесь смешиваются элементы трех языков. Ижорское влияние на нижнелужские водские говоры было обусловлено целым рядом причин, в частности, в дер. Краколье существовало два «конца», ижорский и водский, а в дер. Пески и Лужицы было взято много «сойкинских (т. е. ижорских) невест». П. Аристе отмечает, что в нижнелужских водских деревнях в 60-х годах XX века функционировали три языка — водский, ижорский и русский, и водский язык испытывал сильное влияние со стороны ижорского языка [Ariste 1969]. При этом все вожане могли говорить по-ижорски, однако ижор, умевших говорить по-водски, было очень мало, и доминирующим языком в этих деревнях стал ижорский [Хейнсоо 1995: 176].

5) согласование по падежу: русский генитив с предлогом с+ижорский элатив

В наших полевых материалах один раз встретился более сложный случай согласования:

- (26) ижорский/русский
ne ol-ti из Сланц-ев и с их *kai*
 тот.PL.NOM быть-IMPF.3PL из Сланцы-PL.GEN и с 3PL.GEN все
тоis-i-st ne-i-st район-ое
 другой-PL-EL тот-PL-EL район-PL.GEN
 ‘Они были из Сланцев и с других этих их районов.’

⁹ Аффикс *-st* — ижорский показатель элатива.

В данном случае соответствием русскому генитиву с предлогом *c* является ижорский элатив, причем ижорские местоимения вклиниваются между предлогом и русским существительным. Этот пример можно интерпретировать и как пример «двойной морфологии», поскольку на выбор падежа определений влияет не только падеж существительного (если бы это было так, следовало бы ожидать ижорского партитива), но и наличие предлога, иными словами, выбор падежа определяется всей конструкцией в целом. В следующей таблице представлены встретившиеся в наших материалах типы согласования:

Табл. 1

русское определение	ПФ вершина ИГ	ПФ определение	русская вершина ИГ
		партитив	аккузатив
		партитив	генитив
		аккузатив	аккузатив
		элатив	c+генитив
инструменталь	комитатив		
номинатив	номинатив	номинатив	номинатив

4.4. Отсутствие согласования

В некоторых случаях определение, выраженное русским прилагательным, не получает никакого падежного показателя и не имеет адаптированной формы. Такие случаи довольно редки, в наших материалах мы смогли найти только несколько таких примеров:

- (27) ижорский/русский
ne kaik православный praznika-d ain
 тот.PL.NOM весь православный праздник-PL.ACC всегда
отмеча-л-а бабушк-а
 отмечать-PRT-F.SG бабушка-F.SG
 ‘Те все православные праздники всегда отмечала бабушка.’

Возможно, что в данном случае отсутствие показателя множественного числа может быть объяснено окказиональным отпадением конечного *-e*, в таком случае данный пример будет являться иллюстрацией согласования по числу между словами разных языков, см. примеры (6) — (8).

- (28) водский/русский [Heinsoo, Kuusk 2002: 107]
nüt soomalaise-t saatta-vat gumanitarnõi se
 теперь финн-PL.NOM посылать-3PL гуманитарный этот.SG.NOM
romošš'
 помощь
 ‘Теперь финны посылают гуманитарную эту помощь.’

В этом примере дополнение выражено номинативом, о чем свидетельствует падеж указательного местоимения, хотя в данном контексте ожидался бы партитив или аккузатив. Обращает на себя внимание и отсутствие согласования по роду между русским существительным и прилагательным. Аналогичные примеры известны и для некоторых других пар языков, см. ниже.

В нижнелужском ижорском существуют и заимствованные из русского языка прилагательные на *-o*: *prestólno*, *beréménno*, *koríčnevo*, *kórenno* и некоторые другие. Эти прилагательные не имеют каких-либо морфосинтаксических особенностей и согласуются с вершиной именной группы таким же образом, как и прибалтийско-финские прилагательные. Ударение в таких прилагательных может оставаться на том же слоге, что и в русском языке, однако возможно и передвижение на первый слог:

- (29) ижорский
kórenno-d *rahva-d* *oblasti-s* *lue-ta*
 коренной-PL.NOM народ-PL.NOM область-IN считать-IPS.PRS
prósto-i-ksi *ihmis-i-ksi*
 простой-PL-TR человек-PL-TR
 ‘Коренные народы в области считают простыми людьми.’

5. Общая характеристика смешения кодов в парах ПФЯ Ингерманландии/русский

Эффекты, проанализированные в разделах 3 и 4, хорошо описываются в рамках предложенной П. Майскеном классификации разных типов смешения и переключения кодов. П. Майскен выделяет три разных стратегии смешения кодов — альтернатию, инсерцию и конгруэнтную лексикализацию [Muysken 2000]. Основанием для разграничения этих трех типов является степень участия грамматик двух языков в порождении смешанного предложения. Для альтернатию характерным является то, что фрагменты из двух языков равноправны, и непосредственная составляющая, включающая оба фрагмента, не может быть охарактеризована как принадлежащая одному из этих языков; чаще всего это может быть либо целая клауза, либо обстоятельство. Инсерция характеризуется асимметрией между языками: составляющие из одного языка оказываются как бы включены в большие составляющие из другого языка, и, таким образом, смешанные составляющие в модели К. Майерс-Скоттон (EL+ML islands) [Myers-Scottton 1993] соответствуют случаям инсерции в модели П. Майскена. Наконец, для конгруэнтной лексикализации характерно объединение двух грамматик в одну, причем получившаяся структура заполняется элементами из двух языков достаточно случайно. Нетрудно заметить, что последняя возможность может реализоваться не только в результате конвергенции, но и в том случае, когда мы имеем дело с близкородственными языками. Наличие большого количества межъязыковых омофонов (диаморфов в терминологии П. Майскена), которые служат как бы мостиками, облегчает плавный переход

от одного кода к другому, в связи с чем не всегда удается точно определить место переключения, что отличает конгруэнтную лексикализацию от альтернатиции. Этому способствует и бóльшая степень структурной эквивалентности между языками, благодаря чему практически все ограничения на переключение кодов исчезают.

Именно третий выделенный П. Майскеном тип, конгруэнтная лексикализация, характерен для пар водский/русский, куровицкий/русский и ижорский/русский. Рассмотрим некоторые эффекты, которые легко объясняются в рамках модели П. Майскена.

1) Русские существительные-вставки могут выступать как в морфологически адаптированной, так и морфологически неадаптированной форме, при этом фонологическая адаптация отсутствует. Наличие/отсутствие в ПФЯ лексемы с близким значением не оказывает никакого влияния на свойства таких вставок, ср. примеры (1), (2). Приведем еще два подобных примера:

- (30) ижорский/русский
siz tännöö Fedorovk-u, Кейкин-о, suur
потом идти.3SG Федоровка-F.SG.ACC Кейкино-N.SG.ACC большой
kruga on, vot sene-n tiije-n варианта-н, так-им
круг быть.3SG вот тот-ACC знать-1SG вариант-ACC такой-M.SG.INS
вариант-ом saa-b tännä.
вариант-M.SG.INS мочь-3SG идти.INF
'Потом проходит Федоровку, Кейкино, большой круг, вот этот вариант
знаю, таким вариантом можно проехать.'
- (31) куровицкий/русский
marjo-i-s teh-ti варенье-е, ko süksü-n
ягода-PL-EL делать-IPS.IMPF варенье-N.SG.NOM если осень-ES
korja-ta, siz talve-n siitä варенье-st teh-ti
собирать-IPS.PRS то зима-ES тот-EL варенье-EL делать-IPS.IMPF
kiissel'ä
кисель.PART
'Из ягод делали варенье, если осенью собирают, то потом зимой из этого
варенья делали кисель.'

Как можно интерпретировать все эти примеры? Если предположить, что образуется единая гибридная грамматическая система из ПФ и русской систем, то тогда вопрос о том, можно ли считать заимствованием примеры типа *варианта-н* и *варенье-st*, отпадает сам собой. Такого рода единицы принадлежат единой гибридной системе и могут сочетаться как с ПФ словоизменительными показателями, так и с русскими. При этом в этой гибридной системе сохраняется запрет на сочетание ПФ основ с русскими словоизменительными показателями, что находит некую аналогию с смешанными островами К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton 1993].

2) Двойная морфология. В некоторых случаях именная группа может одновременно быть оформлена и ПФ падежом, и близким по значению русским предлогом.

- (32) водский/русский
eestiläize-d siel с это // с Viro-ss приезда-л-и
 эстонец-PL.NOM там с этот с Эстония-EL приезжать-PRT-PL
к ней.
 к 3SG.F.DAT
 ‘Эстонцы там из Эстонии приезжали к ней.’
- (33) водский/русский
a tämä jo on süntü-nnü в Англи-и-се
 а 3SG уже быть.3SG родиться-PTCP.PRT в Англия-LOC-ILL
 ‘А он уже родился в Англии.’

Данный пример особенно интересен тем, что вставное существительное (для которого отсутствует соответствующий водский эквивалент) получает тройное оформление. Так как это существительное сохраняет и русскую падежную флексию, то в данном случае не может быть и речи о заимствовании, несмотря на отсутствие водского эквивалента. Интерес представляет и тот факт, что соответствием для ПФ иллатива в данном контексте является русская конструкция *в*+локатив, несмотря на то, что в большинстве контекстов иллативу соответствует конструкция *в*+аккузатив, а инессиву — конструкция *в*+локатив. Следует отметить, что в текстах без переключения при глаголе *süntüä* может встречаться как иллатив, так и инессив, причем топонимы обычно встречаются в инессиве.

Еще два подобных примера были рассмотрены в разделе 3, см. пример (1) из *gribo-i-ss*, пример (3) в *Финляндия-z*. Интересен и следующий пример с однородными членами, принадлежащими к разным языкам:

- (34) водский/русский
kazõ-ttõ с творог-а и канамуна-ссõ теh-ti
 кассе-PART с творог-GEN и куриное.яйцо-EL делали-IPS.IMPF
 ‘Кассе¹⁰ из творога и яиц делали.’

Подобного рода примеры также можно интерпретировать как возникновение гибридной структуры, в которой есть слоты для предлога (предлоги есть как в русском, так и в ПФЯ), русской падежной флексии, ПФ падежного аффикса и для послелога (послелоги есть только в ПФЯ). При этом вне зависимости от того, к какому языку принадлежит сама ИГ, и предложный, и падежный слоты могут быть одновременно заполнены. Следует отметить, что во всех вышеупомянутых примерах не существует ни ПФ предлога, ни ПФ послелога с подходящей семантикой, и единственными кандидатами на выражение этой семантики оказываются русские предлоги и ПФ пространственные падежные аффиксы.

3) Вариативность падежа прямого дополнения.

В некоторых контекстах падеж прямого дополнения в русском и ПФЯ различается, примерами таких контекстов являются конструкция *надо+V_{rr}+DO* или *V_{ips}+DO*. В ПФЯ прямое дополнение в этой конструкции может выступать

¹⁰ Кассе – особое кушанье.

в номинативе или партитиве, в русском языке — в аккузативе. В примере (35) существительное *свекла* выступает в номинативе, иными словами, ему приписывается такой же падеж, какой имел бы его водский эквивалент в водской же конструкции:

- (35) водский/русский
piäb isutta muna-d, овощ-и, свекл-а,
надо сажать картофель-PL.NOM овощ-PL.NOM свекла-SG.F.NOM
borkkana-d
морковь-PL.NOM
'Надо сажать картофель, овощи, свеклу, морковь.'

С другой стороны, в приведенном выше и повторяемом здесь примере (23) прямому дополнению приписывается аккузатив, то есть именно тот падеж, который оно имело бы в соответствующей русской конструкции:

- (23) водский/русский
annõ-tta-iz mi-llõ отрав-у
дать-IPS-COND 1SG-ALL отрав-Ф.SG.ACC
'Дали бы мне отраву.'

Таким образом, хотя в обоих примерах речь идет о падеже русского вставного существительного, сам этот падеж (номинатив или аккузатив) может приписываться как по правилам водского (35), так и по правилам русского (23) синтаксиса.

Описанные в разделе 4 эффекты согласования прилагательных и местоимений с вершиной ИГ также могут быть интерпретированы в рамках подхода П. Майскена. Так как и в русском языке, и в ПФЯ существует согласование с вершиной ИГ, то оно остается и в гибридной грамматике. Категория рода в гибридной грамматике наследуется из русского языка, категория числа устроена одинаково в русском и ПФЯ, что же касается категории падежа, то происходит отождествление некоторых падежей в определенных контекстах, что и дает возможность для согласования.

6. Ситуация в других парах

В этом разделе мы рассмотрим ситуацию с согласованием внутри именной группы для некоторых других пар языков. Поскольку конкретная грамматическая категория может отсутствовать в одном из языков, то согласование по данной грамматической категории может иметь место только в том случае, когда определение принадлежит к тому языку, в котором рассматриваемая категория есть. Кроме того, важным параметром является и сама возможность согласования в каждом из языков рассматриваемой пары. В том случае, когда в обоих контактирующих языках согласование прилагательных отсутствует, оно будет отсутствовать и в том случае, когда вершина именной группы и определение принадлежат к разным языкам. В результате получается 6 возможных комбинаций параметров, представленных в табл. 2 и 3. В табл. 2 представлены те пары языков, по которым в нашем распоряжении имеется

информация с указанием источников. Следует отметить, что интересующее нас переключение внутри именной группы встречается в речи довольно редко, и в том случае, когда корпус речи с переключением кодов невелик, оно может вообще не встретиться ни разу. В табл. 3 включены те пары, по которым в нашем распоряжении нет данных, однако для данных пар можно предполагать, что в достаточно обширном корпусе смешанной речи найдутся интересующие нас случаи переключения внутри ИГ. Для каждой комбинации приведены примеры некоторых возможных пар языков с указанием грамматической категории. Первым в паре указан язык вершины. Те пары в табл. 2, в которых зафиксировано согласование при переключении кодов по указанной грамматической категории, подчеркнуты

Табл. 2

Пары языков, рассматриваемые в данной главе

определение принадлежит языку	вершина именной группы принадлежит языку	вершина принадлежит языку, в котором есть данная грамматическая категория	вершина принадлежит языку, в котором нет данной грамматической категории
с согласованием	с согласованием	<u>прибалтийско-финский+русский</u> и <u>русский+прибалтийско-финский</u> по числу и падежу (полевые материалы), <u>французский+арабский</u> [Bentahila, Davies 1983], <u>бейтинский+русский</u> [Халилова и др. 2020], <u>кадарский+русский</u> [Муталов 2018] по числу и роду, <u>латынь+немецкий</u> по числу, роду и падежу [Auer 1998]	<u>прибалтийско-финский+русский</u> по роду (полевые материалы)
с согласованием	без согласования	<u>английский+испанский</u> [Pfaff 1979], <u>английский+суахили</u> [Myers-Scotton 1993] по числу, <u>марийский+русский</u> [Хомченкова 2020], <u>казахский</u> (и некоторые другие тюркские) +русский [Auer, Muhamedova 2005], <u>нанайский+русский</u> , <u>ульчский+русский</u> [Стойнова 2019] по падежу	<u>марийский+русский</u> [Хомченкова 2019], <u>казахский</u> (и некоторые другие тюркские)+русский [Auer, Muhamedova 2005], <u>нанайский+русский</u> , <u>ульчский+русский</u> [Стойнова 2020], <u>наутль+испанский</u> [MacSwan 1997], <u>английский+испанский</u> [Poplack 1980, Mouy 1992] по роду, <u>английский+суахили</u> по роду/именному классу [Myers-Scotton 1993]
без согласования	с согласованием	<u>испанский+английский</u> [Pfaff 1979], <u>суахили+английский</u> [Myers-Scotton 1993] по числу, <u>испанский+наутль</u> по роду [MacSwan 1997] <u>русский+нанайский</u> [Стойнова 2019] по числу и падежу	нет данных

Возможные пары языков, перспективные для дальнейших исследований

определение принадлежит языку	вершина именной группы принадлежит языку	вершина принадлежит языку, в котором есть данная грамматическая категория	вершина принадлежит языку, в котором нет данной грамматической категории
с согласованием	с согласованием	два аваро-андо-цезских языка, русский+нахско-дагестанский язык ¹¹ и нахско-дагестанский язык+русский, балтийский язык+славянский язык ¹² и славянский язык+балтийский язык по числу, роду и падежу.	эвенкийский+русский по роду, болгарский+русский или украинский по падежу
с согласованием	без согласования	кечуа+испанский по числу, венгерский+немецкий по числу и падежу	кечуа+испанский и венгерский+немецкий по роду
без согласования	с согласованием	испанский+кечуа по числу, русский+марийский, немецкий+венгерский по числу и падежу	болгарский+турецкий, испанский+кечуа по падежу

По-видимому, для некоторых грамматических категорий не все из 6 комбинаций параметров реально засвидетельствованы, в частности, если в данном языке прилагательные не согласуются с вершиной по роду, то тогда эта категория, по-видимому, вообще не будет влиять на структуру именной группы и две нижние клетки таблицы для категории рода останутся незаполненными. Далее мы приведем примеры для некоторых пар, приведенных в данной таблице .

6.1. Грамматическая категория и согласование определения по данной категории есть в обоих контактирующих языках

Примеры для пар водский/русский и ижорский/русский были рассмотрены в предыдущем разделе. Для пары арабский (Магриб)/французский характерно согласование как по числу, так и по роду, причем в тех случаях, когда арабское существительное и его французский эквивалент относятся к разным родам, то прилагательное получает такой род, как если бы оно согласовывалось с существительным из того же языка, ср. пример (8).

- (36) арабский (Магриб)/французский [Bentahila, Davies 1983: 327]
un français mkawda
 IND.M французский.M_{ФРАНЦ} (F_{АРАБ}) ужасный.F_{АРАБ}
 ‘ужасный французский язык’

Аналогичный эффект наблюдается и для согласования по числу:

¹¹ Имеется в виду такой дагестанский язык, в котором есть именные классы, что исключает, в частности, лезгинский язык.

¹² Возможными парами могли бы быть, например, литовский/польский или белорусский, латышский/русский, русский/литовский.

- (37) арабский (Магриб)/французский [Bentahila, Davies 1983: 327]

les moustache(s) l xaburi
 DEF.PL ус-PL_{ФРАНЦ} (SG_{АРАБ}) DEF желтый.SG_{АРАБ}
 ‘желтые усы’

Согласование по падежу встречается очень редко, если не рассматривать пары двух близкородственных языков, то нам известен единственный пример подобного согласования за пределами Ингерманландии — это пара немецкий/латинский, представленная в опубликованных застольных беседах Лютера [Auer 1998]:

- (38) немецкий/латынь [Auer 1998: 20]

mit den ecclesi-is haben sich <> geschlagen
 с DEF.PL.DAT церковь-PL.DAT/ABL
 ‘С церквями они сражались.’

Следует отметить, что несмотря на то, что падежные системы в двух контактирующих неблизкородственных языках довольно сильно отличаются, в некоторых случаях оказывается возможным отождествить некоторые падежи, принадлежащие двум языкам, как, например русский инструменталис и водский комитатив или немецкий и латинский датив.

Рассмотрим теперь случаи, когда согласование отсутствует. К таким случаям относятся пары бежтинский/русский и кадарский/русский.

В паре бежтинский/русский русские прилагательные при переключении всегда остаются в форме единственного числа мужского рода:

- (39) бежтинский/русский [Халилова и др. 2020: 24]

do predlagat j-oo-s davaj gu<wa>l-al
 1SG.ABS предлагать 2-делать-PRS пусть положить<PL>-INF
každyj jačejka-li-? vmesto kanfet.
 каждый ячейка-OBL-IN вместо конфета
 ‘Я предложила, давай положим в каждую ячейку (это) вместо конфет.’

В паре кадарский/русский заимствованные прилагательные также всегда выступают в форме единственного числа мужского рода:

- (40) кадарский/русский [Муталов 2018: 16]

культурний рурси
 культурный девушка
 ‘культурная девушка’
культурний адам-т
 культурный человек-PL
 ‘культурные люди’

Следует отметить, что согласование прилагательных с вершиной ИГ в дагестанских языках значительно отличается от согласования в ПФЯ и в русском языке, и в бежтинском языке к согласующимся по классу/роду относится только меньшая часть прилагательных, которые образуют закрытый список [Бокарев, Мадиева

1967: 460], в то время как большая часть прилагательных не согласуется по классу/роду, что сближает пары вида дагестанский язык/русский с парами тюркский язык/русский.

6.2. Согласование определения с вершиной есть в обоих языках, однако в языке, к которому принадлежит вершина именной группы, рассматриваемая категория отсутствует

В разделе 4 были рассмотрены пары водский+русский и ижорский+русский, для которых характерно согласование по роду, см. примеры (8) — (10). Другими возможными парами также могли бы быть пары эвенкийский+русский для категории рода, а также болгарский+русский или украинский для категории падежа, однако у нас нет данных по этим парам.

6.3. Грамматическая категория есть в обоих языках, однако согласование определения с вершиной есть только в языке, к которому принадлежит определение

Эта ситуация характерна для пар испанский/английский и суахили/английский, если вершиной является английское существительное. В обеих парах согласование по числу возможно:

- (41) суахили/английский [Myers-Scotton 1993: 91]
ni-ka-wa-on-a ***worker-s*** *wa-nene* *sana*
1SG-CNS-2CL-видеть-INDC рабочий-PL 2CL-толстый очень
'и я видел очень толстых рабочих'

В данном примере суахилийское прилагательное получает префикс 2 класса, который является плюральным соответствием 1 класса, включающего в себя одушевленные существительные [Громова, Охотина 1995: 106, 114]. Кроме того, вставное английское существительное контролирует и глагольное объектное согласование, что выражается объектным согласовательным префиксом 2 класса непосредственно перед корнем [Громова, Охотина 1995: 236].

Аналогичные примеры можно найти и для пары испанский/английский:

- (42) испанский/английский [Pfaff 1979: 305]
un-o-s ***tradition-s***
IND-M-PL традиция-PL (F_{исп})
'традиции'

С другой стороны, для пары казахский/русский согласование невозможно, вставленное русское прилагательное принимает дефолтную форму номинатива мужского рода, что напоминает пары дагестанский/русский:

- (43) казахский/русский [Auer, Muhamedova 2005: 43]

частн-ый *bir närse-ler-ge*
частный-М.SG.NOM один вещь-PL-DAT
‘некоторым частным вещам’

В следующем примере русская вставка представляет собой целую ИГ, однако даже в этом случае согласование отсутствует:

(44) казахский/русский [Auer, Muhamedova 2005: 46]
выси-ий *школ-дї* *bitir-di*
высший-М.SG.NOM школа-ACC закончить-PRT
‘Закончил высшую школу.’

П. Ауэр и Р. Мухамедова отмечают, что подобное отсутствие согласования характерно и для других пар тюркский язык/русский, в частности для пар узбекский/русский, уйгурский/русский, киргизский/русский и гагаузский/русский [Auer, Muhamedova 2005: 47]. Пара марийский/русский не отличается в этом отношении от пар тюркский язык/русский:

(45) марийский/русский [Хомченкова 2020: 293]
перв-ый *sm'enä-m=ät* *nänge-ä*
первый-М.SG.NOM смена-ACC=ADD уводить-NPST.3SG
‘и первую смену ведет.’

Примеры (43)–(45) иллюстрируют отсутствие согласования по падежу, категории, которая есть в обоих контактирующих языках. Эти же примеры будут использованы в следующем параграфе для иллюстрации отсутствия согласования по роду.

В отличие от пар казахский/русский и марийский/русский, для пар нанайский/русский и ульчский/русский возможно и согласование русского прилагательного по падежу, что напоминает ситуацию в парах водский/русский и ижорский/русский:

(46) ульчский/русский [Стойнова 2019]
сорок четверт-ом *añan-du*
сорок четвертый-М.SG.LOC год-DAT
‘в сорок четвертом году’

С другой стороны, и употребление дефолтной формы прилагательного также возможно:

(47) ульчский/русский [Стойнова 2019]
стояч-ий *χorqo-sal-ba*
стоячий-М.SG.NOM комод-PL-ACC
‘стоячие комоды’

6.4. Грамматическая категория есть только в языке, к которому принадлежит определение, и в нем существует согласование по данной категории, в языке, к которому принадлежит вершина именной группы, нет ни рассматриваемой грамматической категории, ни согласования

Эта ситуация характерна для тех же пар, что и в предыдущем параграфе, однако в качестве грамматической категории нужно рассмотреть не число, а род. В парах испанский/английский и суахили/английский согласование возможно, причем, как и для пары водский/русский в качестве контролера согласования выступает испанский или суахилийский эквивалент английского существительного.

- (48) суахили/английский [Myers-Scotton 1993: 77–80]
leo si-ku-come на *book-s z-angu*
 сегодня 1SG.NEG-PRT.NEG-придти с книга-PL 10CL-мой
 ‘сегодня я не пришел со своими книгами’

В данном случае притяжательное местоимение получает показатель 10 класса. Как и в примере (41), с английским существительным множественного числа согласуется местоимение, оформленное показателем одного из плюралных классов. 10 класс является плюралным соответствием 9 и отчасти 5 классов, которые включают в себя разные семантические подгруппы в основном неодушевленных существительных [Громова, Охотина 1995: 146, 149]. В рассмотренном выше примере (41) одушевленное английское существительное контролирует согласование суахилийского прилагательного по 2 классу, относящемуся к плюралным классам:

- (49) суахили/английский [Myers-Scotton 1993: 91]
worker-s wa-nene
 рабочий-PL 2CL-толстый
 ‘толстые рабочие’

Аналогичные эффекты можно наблюдать и в паре испанский/английский:

- (50) испанский/английский [Poplack 1980: 227]
un-a buen-a excuse
 IND-F хороший-F извинение (F_{исп})
 ‘хорошее извинение’

В данном примере испанское прилагательное получает такой род, какой оно получило бы в случае появления в данном предложении испанского *excusa*. Аналогичным образом в следующем примере согласование контролирует отсутствующее испанское существительное *gobierno*.

- (51) испанский/английский [Moyer 1992: 421, цитируется по Muysken 2000: 147]
el government ha dich-o que...
 IND.M правительство (М) AUX.3SG сказать.PTCP-M что
 ‘Правительство сказало, что...’ ...

Следует отметить, что для данной пары такой выбор рода испанского прилагательного встречается не во всех случаях, возможен и выбор рода на основании фонетических особенностей английского существительного [Pfaff 1979].

Приведенные в предыдущем параграфе примеры (43) — (45) для пар казахский/русский и марийский/русский являются иллюстрацией отсутствия согласования по роду, в отличие от пар испанский/английский и суахили/английский. Пары нанайский/русский и ульчский/русский по отношению к категории рода отличаются от пар казахский/русский и марийский/русский, допуская возможность согласования по этой категории:

- (52) нанайский/русский [Стойнова 2019]
кажд-ую *һаһһ*
 каждый-F.SG.ACC весна(F_{рус.})
 ‘каждую весну’

Дж. МакСван отмечает, что для пары для пары ацтекский/испанский переключение вида испанское прилагательное/ацтекское существительное затруднено, в отличие от обратного сочетания [MacSwan 1997: 153]. Можно было бы предположить, что свою роль здесь играет то обстоятельство, что в парах испанский/английский и суахили/английский категория рода/класса есть в матричном языке, в то время как в парах ацтекский/испанский, а также казахский/русский и марийский/русский ситуация обратная.

6.5. Грамматическая категория есть в обоих языках, однако согласование определения с вершиной есть только в языке, к которому принадлежит вершина именной группы

Данная ситуация характерна для тех же пар и грамматических категорий, что и в параграфе 6.3, однако с противоположным распределением по языкам вершины именной группы и определения. В том случае, когда происходит вставка прилагательного из языка, не имеющего данной категории, оно обычно не подвергается никаким изменениям:

- (53) суахили/английский [Myers-Scotton 1993: 85]
ta-mbo *m-engi* *new*
 6CL-вещь 6CL-многий новый
 ‘многие новые вещи’

Аналогичная ситуация существует и в паре испанский/английский [Pfaff 1979].

Для пар нанайский/русский и ульчский/русский сочетание нанайского или ульчского прилагательного или детерминатива с русским существительным возможно только тогда, когда вся именная группа стоит в номинативе единственного числа или же русское существительное оформлено нанайским/ульчским показателем [Стойнова 2019].

6.6. Резюме

Обзор некоторых из пар, представленных в табл. 2, показал, что для наличия согласования важную роль играют свойства прилагательного, свойства же вершины ИГ, по-видимому, не влияют на это. В парах, рассмотренных в параграфе 6.5 (нижняя строка табл. 2) прилагательное относилось к языку, в котором согласование прилагательных отсутствовало, и хотя вершина ИГ относилась к языку с согласованием, это не влияло на отсутствие согласования при переключении внутри ИГ. Если же прилагательное относилось к языку с согласованием (верхняя и средняя строки табл. 2, пп. 6.1 — 6.4), то тогда при переключении внутри ИГ возможно как наличие, так и отсутствие согласования. Кроме того, сравнивая такие пары как испанский/английский и казахский/русский, можно предположить, что важную роль играет также и то, какой язык можно считать матричным в смысле К. Майерс-Скоттон, и если в матричном языке согласования в ИГ нет, то его не будет и в смешанной ИГ, даже если морфосинтаксические свойства прилагательного или местоимения допускают согласование. Отсутствие согласования в парах вида дагестанский язык/русский вероятно связано со спецификой согласования прилагательных в дагестанских языках, сближающей их с языками без согласования. Все эти наблюдения, однако, являются предварительными и нуждаются в проверке на других парах языков. Некоторые из таких пар приведены в табл. 3

7. Заключение

В данной статье были рассмотрены некоторые интересные эффекты, связанные с переключением кодов внутри ИГ для пар ПФЯ Ингерманландии/русский. Эти эффекты довольно хорошо описываются в рамках модели П. Майскена. Интерес представляет и рассмотрение этих эффектов с типологической точки зрения, однако к настоящему времени далеко не по всем интересным для данной темы парам языков имеются описания переключения и смешения кодов, а в некоторых парах само переключение внутри ИГ может быть не зафиксировано в имеющемся в распоряжении исследователей корпусе. Автор данной статьи надеется, что в будущем с появлением новых описаний смешения кодов можно будет точнее сформулировать условия, при которых возможно согласование между определением и вершиной именной группы, если они принадлежат разным языкам.

Сокращения

1, 2, 3	1, 2, 3 лицо	ALL	аллатив
ABL	аблатив	AUX	вспомогательный глагол
ABS	абсолютный падеж	CL	именной класс
ACC	аккузатив	CNS	консекутив
AD	адессив	COM	комитатив
ADD	аддитивная частица	COND	кондиционал

CONV	деепричастие, конверб	IPS	имперсонал
DAT	датель	LOC	локатив
DEF	определенный артикль	M	мужской род
EL	элатив	NEG	отрицательный глагол
ES	эссив	NOM	номинатив
F	женский род	OBL	косвенная основа
GEN	генитив	PART	партитив
ILL	иллатив	PL	множественное число
IMPF	имперфект	PRS	настоящее время
IMPR	императив	PRT	прошедшее время
IN	инессив	PTCP	причастие
IND	неопределенный артикль	REFL	рефлексив
INDC	индикатив	SG	множественное число
INDF	неопределенное местоимение	TR	транслатив
INF	инфинитив	Vtr	переходный глагол
INS	инструменталь	Vips	глагол в форме имперсонала

Литература

Адлер Э. Водский язык // Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 118–137.

Бокарев Е. А., Мадиева Г. И. Бежтинский язык // Языки народов СССР. Т. 4: Иберийско-кавказские языки. М.: Наука, 1967. С. 455–471.

Громова Н. В., Охотина Н. В. Теоретическая грамматика языка суахили. М.: Наследие, 1995. 320 с.

Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. Т. 2. СПб.: Нестор-История, 2011. 382 с.

Муслимов М. З. Об идиоме дер. Куровицы (Kukkõsi/Kukkuzi). // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований (в печати).

Муталов Р. О. Грамматическая адаптация русских заимствований в кадарском языке (нахско-дагестанская группа языков). Презентация доклада на конференции «Языки народов России в контакте с русским языком: явления морфосинтаксической и семантической интерференции». ИРЯ РАН, 30 ноября — 1 декабря 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://drive.google.com/file/d/1yYZvAYGVjHE7NnNaSiUw95Oy9iVLow35/view>

Сабо Л. Порядок слов в определительных конструкциях с согласованным определением в водском языке // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л.: Наука, 1967. С. 44–49.

Стойнова Н. М. Конструкционный подход к переключению кодов: сочетания ADJ + N с переключением между русским и южнотунгусскими языками // Доклад на VI конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», г. Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 03–05 октября 2019 г.

Халилова З. М., Халилов М. Ш., Тестелец Я. Г. Влияние русского языка на бежтинский и хваршинский языки // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 4. 2020. С. 16–33

Хейнсоо Х. Водь и ее этно-культурное состояние // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. / сост. М. Йокиппи. Ювяскюля : Алена, 1995. С. 169–182.

Хомченкова И. А. Русские числительные в горномарийской речи // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 4. 2020. С. 289–302

Ariste P. Über die Dreisprachigkeit unter einigen finnisch-ugrischen Völkern // Советское финно-угроведение. 1969. №4. С. 245–254.

Auer P. From the code-switching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech // International Journal of Bilingualism. 1999. Vol. 3. №4. P. 309–332. Версия 1998 г. https://www.researchgate.net/publication/249840228_From_codeswitching_via_language_mixing_to_fused_lectsToward_a_dynamic_typology_of_bilingual_speech

Auer P., Muhamedova R. ‘Embedded language’ and ‘matrix language’ in insertional language mixing: Some problematic cases // Italian Journal of Linguistics. 2005. Vol 17. №1. P. 35–54.

Bentahila A., Davies E. D. The syntax of Arabic-French code-switching // Lingua. 1983. Vol. 59. P. 301–330.

Erelt M. (peatoim.) Eesti keele grammatika I. Morfoloogia ja sõnamoodustus. Tallinn : Eesti keele instituut, 1995. 660 lk.

Grünberg S. (toim.). Vadja keele sõnaraamat, 2 trükk. Tallinn : Eesti Keele Sihtasutus, 2013. 1612 lk.

Heinsoo H., Kuusk M. Jõgõperä vadjalaste keelekasutus 20. sajandi lõpus // Fenno-Ugristica, 24: Keelekontaktidest keelevahetuseni / toim. P.Klesment. Tartu : Tartu ülikool, 2002. Lk. 95–118.

Karlsson F. Finnish: An Essential Grammar. London, New York : Routledge, 1999. 268 p..

Kovács M. Code-switching and case marking in Australian Finnish and Australian Hungarian // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. 7 — 13.8.2000. Pars V / red. T. Seilenthal. Tartu : Eesti Fennougristide Komitee, 2001. P. 139–144.

Lauttamus T. Lainaaminen ja koodinvaihto: havainnot amerikkansuomalaisista kielistä // Virittäjä. 1992. №1 S. 3–15.

Lehtinen M. K. T. An analysis of a Finnish-English bilingual corpus. Doctoral dissertation. Indiana University. Bloomington, 1966. 542 p.

Markus E., Rozhanskiy F. Votic or Ingrian: new evidence on the Kukkuzi variety // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2012. Bd 35. S. 77–95.

MacSwan J. A Minimalist approach to intra-sentential code-switching: Spanish-Nahuatl Bilingualism in Central Mexico. Doctoral dissertation. University of California. Los Angeles, 1997. 349 p.

Moyer M. Analysis of code-switching in Gibraltar. Doctoral dissertation. Universitat Autònoma de Barcelona. Barcelona, 1992. 516 p.

Muysken P. Bilingual speech. A Typology of Code-Mixing. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 322 p.

Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical Structure in Codeswitching. Oxford : Clarendon Press, 1993. 277 p.

Pfaff C. Constraints on language-mixing: Intrasentential code-switching and borrowing in Spanish/English // *Language*. 1979. Vol. 55. P. 291–318.

Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPAÑOL // *Linguistics*. 1980. Vol. 18. P. 581–618.

Poplack S., Sankoff D., Miller C. The social correlates and linguistic processes of lexical borrowing and assimilation // *Linguistics*. 1988. Vol. 26. P. 47–104.

Romaine S. Bilingualism. Oxford : Basil Blackwell, 1989. 337 p.

Sridhar S. H., Sridhar K. K. The syntax and psycholinguistics of bilingual code mixing // *Canadian Journal of Psychology*. 1980. Vol. 34. №4. P. 400–406.

Timm L. A. Spanish-English Code-Switching: El Porqué and How-Not-To // *Romance Philology*. 1975. №28. P. 473–482.

Mehmet Muslimov

Institute for Linguistic Studies, RAS

(Russia, Saint Petersburg)

mehmet@yandex.ru

ON THE STRUCTURE OF THE NOUN PHRASE IN VOTIC/ RUSSIAN AND INGRIAN/RUSSIAN CODE-MIXING

The article is devoted to some syntactic effects affecting the structure of the noun phrase in code-mixing in Votic/Russian and Ingrian/Russian language pairs. One of these effects is agreement between the head of a noun phrase and its modifiers even when switching occurs within the noun phrase. This agreement can occur not only in number what was known for other pairs of languages, but also in gender and in case. Case agreement when code-switching within the noun phrase occurs is typologically rare, besides the pairs of two closely related languages, such agreement was known only for the German / Latin pair. Another effect is “double morphology“, for example pleonastic use of plural markers from both languages or simultaneous use of the Russian preposition and the Ingrian or Votic case affix with the same noun phrase. In addition to old Russian loanwords present day Ingrian and Votic native speakers can use in their speech single Russian nouns which do not undergo any phonological adaptation and can be found both in morphologically adapted and morphologically unadapted form. These effects are best explained using the notion of “congruent lexicalisation” introduced by P. Muysken, by which he implies the formation of a single hybrid grammatical system from the systems of two contacting languages. The article also provides a brief overview of the presence / absence of agreement within the noun phrase for some other pairs of languages.

Keywords: code-switching, code-mixing, agreement, «double morphology», congruent lexicalisation, Ingrian, Votic, Russian.

References

Adler E. [Votic language] *Yazyki narodov SSSR. Vol. 3: Finno-ugorskije i samodiiskije yazyki* [Languages of peoples of the USSR. Vol. 3: Finno-Ugric and Samoyedic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 118–137 (In Russ.)

Ariste P. Über die Dreisprachigkeit unter einigen finnisch-ugrischen Völkern. *Sovetskoje finno-ugrovedenie* [Soviet Fenno-Ugristics], 1969, no. 4, pp. 245–254. (In German)

Auer P. From the code-switching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech. *International Journal of Bilingualism*, 1999, vol. 3, no. 4, pp. 309–332. Available at: https://www.researchgate.net/publication/249840228_From_codeswitching_via_language_mixing_to_fused_lectsToward_a_dynamic_typology_of_bilingual_speech (version of 1998, accessed 02.06.2019)

Auer P., Muhamedova R. ‘Embedded language’ and ‘matrix language’ in insertional language mixing: Some problematic cases. *Italian Journal of Linguistics*, 2005, vol. 17, no. 1, pp. 35–54.

Bentahila A., Davies E.D. The syntax of Arabic-French code-switching. *Lingua*, 1983, vol. 59, pp. 301–330.

Bokarev E. A., Madieva G.I. [Bezhta language] *Yazyki narodov SSSR. Vol. 4: Iberisko-kavkazskie yazyki* [Languages of peoples of the USSR. Vol. 4: Ibero-Caucasian languages]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 455–471 (In Russ.)

Erelt M. (peatoim.) *Eesti keele grammatika I. Morfoloogia ja sõnamoodustus*. Tallinn, Eesti keele instituut, 1995, 660 lk.

Gromova N. V., Okhotina N. V. *Teoreticheskaya grammatika yazyka suahili* [Swahili theoretical grammar]. Moscow, Nasledie Publ., 1995. 320 p. (In Russ.)

Grünberg S. (toim.). *Vadja keele sõnaraamat*, 2 trükk. Tallinn, Eesti Keele Sihtasutus, 2013, 1612 lk.

Heinsoo H. [Votic people and its ethnocultural state] *Pribaltiisko-finskie narody. Istoriya i sud'by rodstvennyh narodov* [Baltic Finnish peoples. History and fate of related peoples]. Jyväskylä, Ateena Publ., 1995, pp. 169–182. (In Russ.)

Heinsoo H., Kuusk M. Jõgõperä vadjalaste keelekasutus 20. sajandi lõpus. *Fenno-Ugristica*, 24: *Keelekontaktidest keelevahetuseni*, toim. P. Klesment. Tartu, Tartu ülikool, 2002, lk. 95–118.

Karlsson F. *Finnish: An Essential Grammar*. London, New York, Routledge, 1999. 268 p.

Khalilova Z. M., Khalilov M. Sh., Testelet Ya. G. [The impact of Russian on Bezhta and Khwarshi]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian language Institute*, 2020, vol. 4, pp. 16–303 (In Russ.)

Khomchenkova I. A. [Russian numerals in Hill Mari speech]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian language Institute*, 2020, vol. 4, pp. 289–302 (In Russ.)

Kovács M. Code-switching and case marking in Australian Finnish and Australian Hungarian. *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. 7 — 13.8.2000. Pars V.* / ed. T. Seilenthal. Tartu, Eesti Fennougristide Komitee, 2001, pp. 139–144.

Lauttamus T. Lainaaminen ja koodinvaihto: havaintoja amerikansuomalaisten kielistä. *Virittäjä*, 1992, no. 1, S. 3–15.

Lehtinen M. K. T. *An analysis of a Finnish-English bilingual corpus*. Doctoral dissertation. Indiana University, Bloomington, 1966. 542 p.

Markus E. B., Rozhanskii F. I. *Sovremennyyi vodskii yazyk. Teksty i grammaticheskii ocherk*. [Modern Votic language. Texts and grammar sketch] Vol. 2. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2011. 382 p. (In Russ.)

Markus E., Rozhanskiy F. Votic or Ingrian: new evidence on the Kukkuzi variety. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, 2012, Bd 35, S. 77–95.

MacSwan J. *A Minimalist approach to intra-sentential code-switching: Spanish-Nahuatl Bilingualism in Central Mexico*. Doctoral dissertation. University of California. Los Angeles, 1997. 349 p.

Moyer M. *Analysis of code-switching in Gibraltar*. Doctoral dissertation. Universitat Autònoma de Barcelona. Barcelona, 1992. 516 p.

Muslimov M. Z. [On the Kukkösi/Kukkuzi Idiom] *Acta linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* (in print). (In Russ.)

Mutalov R. O. *Grammaticheskaya adaptatsiya russkikh zaimstvovaniy v kadorskom yazyke (nahsko-dagestanskaya grupa yazykov)* [Grammatical adaptation of Russian loanwords in Kadar]. Talk at the conference «Indigenous languages in contact with Russian: morphosyntactic and semantic interference» (Moscow, RLI RAS, 30 November — 1 December 2018) Available at: <https://drive.google.com/file/d/1yYZvAYGVjHE7NnNaSiUw95Oy9iVLow35/view> (accessed 02.06.2019)

Muysken P. *Bilingual speech. A Typology of Code-Mixing*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 322 p.

Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical Structure in Codeswitching*. Oxford, Clarendon Press, 1993. 277 p.

Pfaff C. Constraints on language-mixing: Intrasentential code-switching and borrowing in Spanish/English. *Language*, 1979, vol. 55, pp. 291–318.

Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPAÑOL. *Linguistics*, 1980, vol. 18, pp. 581–618.

Poplack S., Sankoff D., Miller C. The social correlates and linguistic processes of lexical borrowing and assimilation, *Linguistics*, 1988, vol. 26, pp. 47–104.

Romaine S. *Bilingualism*. Oxford, Basil Blackwell, 1989. 337 p.

Sridhar S. H., Sridhar K. K. The syntax and psycholinguistics of bilingual code mixing. *Canadian Journal of Psychology*, 1980, vol. 34, no. 4, pp. 400–406.

Stoynova N. M. *Konstrukcionnyj podhod k pereključeniju kodov: sočetanija ADJ+N s pereključeniem meždu russkim i južno-tungusskimi jazykami* [A constructional approach to code-switching: ADJ+N noun phrases with code-switching between Russian and Southern Tungusic languages]. Talk at the VI conference “The Russian language:

constructional and lexico-semantic approaches” (Saint-Petersburg, Institute for Linguistic Studies, RAS, 03–05 October, 2019). (In Russ.)

Szabó L. [Word order in Votic language in the attributive constructions with agreement between head and modifier] *Pribaltiisko-finskoe yazykoznanie. Voprosy fonetiki, grammatiki i leksikologii* [Baltic-Finnic Linguistics: Questions of Phonetics, Grammar, and Lexicology]. Leningrad, Nauka Publ., 1967. pp. 44–49. (In Russ.)

Timm L. A. Spanish-English Code-Switching: El Porqué and How-Not-To. *Romance Philology*, 1975, no. 28, pp. 473–482.

С. А. Оскольская
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, г. Санкт-Петербург)
sonypolik@mail.ru

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В РЕЧИ НОСИТЕЛЯ НАНАЙСКОГО ЯЗЫКА¹

В статье представлено исследование переключения кодов и смежных явлений в русской и нанайской речи одной нанайки. Исследование включает в себя описание случаев переключения кодов и других явлений, связанных с взаимодействием двух языков, их классификацию и анализ возможных факторов, вызывающих эти явления. В качестве материала используется небольшой корпус устных текстов на русском и нанайском языках. В исследованной речи встречаются следующие типы переключения кодов: вставка цепочки из знаменательных слов, вставка служебных слов, вставка знаменательных слов рядом с аналогичным словом на основном языке, вставка знаменательных слов без употребления слова на основном языке, окказиональные заимствования. В результате исследования было выяснено, что на появление переключения кодов влияет совокупность факторов, таких, как основной язык текста (в нанайских текстах чаще, чем в русских), жанровые особенности текста (в автобиографических рассказах чаще, чем в сказках), дискурсивный режим фразы (в сказках преобладает в не-нарративных режимах). При этом чаще всего в текст инкорпорируются отдельные служебные слова. Также были рассмотрены другие факторы, которые, как выяснилось, практически не влияют на переключение кодов. К ним относятся временной интервал от начала текста и тип лексемы — наличие прямого соответствия на основном языке текста.

Ключевые слова: нанайский язык, русский язык, переключение кодов, интерференция, заимствования, инсерция, дискурсивные режимы.

1. Введение

Нанайский язык (один из тунгусо-маньчжурских языков, распространенных в Хабаровском крае) находится под угрозой исчезновения. На данный момент осталось

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 17-29-09097 офи_м «Типология механизмов взаимодействия русского языка с языками малочисленных народов России» (рук. Е. В. Головки).

около 200 носителей, т. е. тех, кто способен свободно породить высказывания на нанайском языке [Калинина, Оскольская 2016: 295]. Все носители старше 50 лет и также свободно владеют русским языком. Во всех сферах жизни преобладает русский язык, нанайский язык иногда используется людьми старшего поколения в неформальном общении с родственниками или друзьями, во время охоты или рыбалки.

Из-за преобладания русского языка в повседневной жизни в речи носителей нанайского языка наблюдается частое переключение и смешение кодов. Владение обоими языками сказывается на устной речи, причем влияние происходит «в обе стороны» — в речи на нанайском языке часто встречаются вкрапления того или иного рода на русском языке и наоборот, в речи на русском языке можно наблюдать вкрапления на нанайском языке. Цель исследования заключается в том, чтобы описать эти явления, классифицировать их и попытаться выявить факторы, влияющие на их появление.

2. Данные

Исследование основано на материале устных текстов, записанных от одного билингва. Такое сужение материала обусловлено прежде всего тем, что в данной ситуации двуязычия, распространенной среди нанайцев, можно ожидать большое разнообразие типов взаимодействия языков, которое во многом зависит от индивидуальной лингвистической биографии каждого билингва. Так, некоторые нанайцы всю жизнь прожили в национальных селах и работали в колхозе, другие несколько лет жили в большом городе, закончили вуз, а вернувшись в село, например, работали учителями, ведя уроки на русском языке. Кроме того, носители относятся к разным поколениям. Освоение русского языка происходило у каждого по-своему: некоторые его знают с детства как второй родной язык наравне с нанайским, а другие до школы с русским языком не сталкивались и говорили только на нанайском. Естественно допустить, что все подобные факты биографии очень сильно отражаются на речи билингвов, на частотности и типах переключения/смешения кодов и на факторах, вызывающих эти случаи лингвистической интерференции. Поэтому, скорее всего, данные, полученные от разных билингвов, очень сильно различались бы между собой. В связи с этим было принято решение провести исследование на материале текстов, записанных только от одного человека, чтобы получить более систематичные результаты без учета личной биографии носителя.

Все тексты, послужившие материалом данного исследования, записаны от нанайки (далее — Н.), жительницы с. Даерга Нанайского района Хабаровского края, родилась в селе Дада в 1930 г., умерла в с. Даерга в 2017 г.. Н. всю жизнь прожила в Нанайском районе, закончила 3 класса школы и примерно в 14 лет стала работать в колхозе. Когда вышла замуж, переехала в с. Курун, после закрытия колхоза переехала с семьей в Даергу. Была неграмотной: могла расписаться в документах, но читать и писать ни по-русски, ни по-нанайски не умела. До школы она говорила только по-нанайски, русский язык окончательно освоила во время работы. С мужем и с детьми, пока они были маленькими, Н. разговаривала по-нанайски. В последние годы с детьми и внуками говорила по-русски.

Н. свободно владела нанайским и русским языками, однако ее идиолект (как русский, так и, в меньшей степени, нанайский) был подвержен сильному влиянию со стороны второго языка и обладал регулярными особенностями, не свойственными стандартному, литературному варианту. Так, в ее русской речи наблюдается регулярное рассогласование по роду, что можно объяснить отсутствием категории рода в нанайском языке:

(1) *Мама старая, папа тоже старая, папа тоже рыбачила.*

Кроме того, в ее речи, как русской, так и нанайской, регулярно происходит переключение между этими двумя языками. Эти явления и будут подробно описаны в данной статье.

Корпус, на базе которого проводилось исследование, включает в себя 15 устных текстов, записанных в 2011–2015 гг. автором и Н.М. Стойновой. Среди них 10 текстов с основным нанайским языком и 5 текстов с основным русским языком. Общая продолжительность нанайских текстов составляет 31 мин, продолжительность русских текстов — 44 мин. Все тексты были записаны примерно в одинаковых условиях: во время интервью-беседы двух исследователей с Н. у нее дома. В ходе таких бесед были записаны как рассказы о жизни и диалоги, так и сказки. При этом исследователи в ходе беседы говорили почти только на русском. С одной стороны, эта ситуация не является самой естественной ситуацией использования нанайского или русского языка для Н. Очевидно, то, что ее собеседниками были не-нанайцы, приехавшие из Петербурга и Москвы и почти не владеющие нанайским языком, должно было повлиять на взаимодействие языков. Таким образом, материал исследования далек от идеального, т. е. от текстов, порождаемых в более естественной для Н. обстановке. Этот материал был выбран за неимением более подходящего. С другой стороны, то, что все тексты были записаны примерно в одинаковых условиях, позволяет исключить из рассмотрения фактор (или набор факторов), связанный с условиями записи. Так, например, нельзя утверждать, что в одном из текстов чаще происходит переключение кодов, потому что у Н. в это время было больше русскоговорящих собеседников: поскольку все тексты были записаны при одинаковом составе собеседников, большая частотность случаев взаимодействия языков должна объясняться другими факторами.

В Таблице 1 кратко представлена информация о текстах, содержащихся в корпусе.

Под фразой понимается условная единица, примерно соответствующая клаузе, обычно содержащая предикат и ограниченная паузами. Все тексты распределены по следующим жанрам. К «автобиографиям» относятся тексты, в которых Н. описывает либо свою собственную жизнь, либо жизнь нанайцев во времена ее детства. «Рассказ о чайках» в целом представляет собой описание того, как живут чайки: ловят рыбу в Амуре, оставляют яйца в песке, птенцы растут среди песка и т. д. В этом тексте упоминается, что мама Н. иногда собирала чайчьи яйца и варила их. Это упоминание позволяет отнести текст к автобиографическим. Помимо автобиографических описаний, среди текстов есть диалоги с исследователями на русском языке, большая часть которых представляет собой светские беседы (Н.

Таблица 1

название	объем (в фразах)	длительность	жанр
Русские тексты			
О детстве	63	4 мин	автобиография
О войне	63	4 мин	автобиография
О нанайском доме	22	2 мин	диалог
Разговор 1	8	1 мин	диалог
Разговор 2	316	33 мин	диалог
Нанайские тексты			
Автобиография	40	3 мин	автобиография
Рассказ о детстве	23	2 мин	автобиография
Рассказ о шаманах	39	2 мин	автобиография
Рассказ о родственниках	77	3 мин	автобиография
Рассказ о чайках	35	2 мин	повествование / автобиография
Сказка — рассказ о жизни нанайцев	52	4 мин	сказка, автобиография
Сказка про белку	46	2 мин	сказка
Сказка о лисе	72	3 мин	сказка
Сказка о мэргэне ²	149	6 мин	сказка
Сказка про старуху и мышь	125	5 мин	сказка

расспрашивает исследователей об их семьях, родственниках, квартирах, сама рассказывает об общих знакомых нанайцах). Помимо этого, часть текстов рассказаны в жанре сказки. Особый интерес представляет текст «Сказка — рассказ о жизни нанайцев». Он начинается как сказка — «Жили-были мэргэн и пудин³». Примерно на 33 фразе текст плавно превращается в рассказ о том, как раньше жили нанайцы, т. е. сказка становится автобиографией. К этому моменту Н. рассказывает о том, как мэргэн и пудин делали запасы на зиму (заготовили полный кувшин масла, лепешки из черемухи), после чего Н. начинает рассказывать о том, как нанайцы заготавливали черемуховые лепешки на зиму, чтобы брать их с собой на охоту. Текст заканчивается, как другие описания прежней жизни, а не как сказка: «Вот так старые люди ходили (на охоту), вот так они ходили (на рыбалку)».

Все аудиозаписи были расшифрованы автором и Н. М. Стойновой. Нанайские тексты расшифрованы вместе с носителями нанайского языка. Кроме того, они были глоссированы и переведены на русский.

3. Типы русско-нанайского переключения кодов в речи Н.

В описанном корпусе текстов были выбраны все примеры, связанные с взаимодействием языков. Поскольку в литературе, посвященной языковым контактам, наблюдается большая терминологическая путаница, в этой статье,

² Мэргэн — добрый молодец, герой нанайских сказок.

³ Пудин — молодая девушка, героиня нанайских сказок.

имеющей исключительно дескриптивные задачи, использование различных терминов минимизировано. Рассматриваемые в статье явления я отношу к переключению кодов, см. [Вайнрайх 1972: 28], где к переключению кодов относятся случаи, когда два языка употребляются попеременно. Пример явления переключения кодов из корпуса текстов приведен в (2), основной язык текста — нанайский.

- (2) Текст «Сказка — рассказ о жизни нанайцев»
aldam-ba teas simuksə, toksan, xaji dutu-səl...
кувшин-АСС полный жир токса что лепешка-PL
это черемуха, которую готовят летом
{сделали всякого}, полный кувшин масла, токса [рыбное блюдо], черемуховые лепешки... *это черемуха, которую готовят летом*

Как будет показано ниже, провести границу между переключением кодов и заимствованием бывает непросто, поэтому в рассмотрение попали также некоторые окказиональные случаи лексических заимствований.

Случаи переключения кодов, зафиксированные в корпусе текстов Н., в основном представляют собой разные виды вставок, многие из которых соответствуют инсерции по П. Майскену [2000: 3]: инсерция — процесс, заключающийся в «включении материала (лексических единиц или целых составляющих) одного языка в структуру другого языка». Все случаи вставок, встреченные в текстах, по вставляемому материалу и окружающему контексту можно разделить на следующие типы:

1) Вставка двух и более знаменательных слов на языке А при основном языке В (пример 2).

2) Вставка служебного слова на языке А при основном языке В (пример 3).

- (3) Текст «О войне»
И у них есть такой... который этот... хай делается, ну,
что

В предложении (3) в русском тексте Н. вставила нанайское слово *xaj*, которое в нанайском языке используется как вопросительное слово ‘что?’ или как маркер гезитации, ср. рус. *как его?*.

3) Вставка знаменательного слова на языке А при основном языке В, при этом отсутствует повтор контекста с аналогичным словом на языке В (пример 4).

- (4) Текст «Сказка о лисе»
takto baro-n' teas таскает, teas o-či
амбар к-3SG полный полный статья-PST
{к амбару всё таскает, (амбар) полный стал}

4) «Параллельное» употребление знаменательного слова на языке А при основном языке В, аналогичное слово на языке В употребляется в таком же контексте в ближайших клаузах (пример 5).

- (5) Текст «Сказка — рассказ о жизни нанайцев»
təj enda-ko=da ... xaj-ri=da utuŋgi=də
 тот собака-POSS=PART делать. так-PRS=PART оморочка=PART
маскают olbe-ači bi-či-či=goa
 носить-IPFV.PRS быть-PST-3PL=PART
 ‘некоторые собак на оморочках таскали, с собой возили’

Одним из возможных переводов нанайского глагола *olbe-* на русский является глагол *таскать*. В примере (4) Н. вставляет русский глагол *таскает* в нанайское предложение, он встраивается в синтаксическую структуру так же, как встроился бы полноценный нанайский глагол. В примере (5) Н. также вставляет в нанайский текст тот же русский глагол. Однако, в отличие от случая (4), за русским глаголом сразу следует его нанайский эквивалент *olbeači*. Поскольку нельзя утверждать, что в предложении (5) русский глагол полностью встроен в синтаксическую структуру, такие случаи были выделены в самостоятельную группу.

Такие случаи можно интерпретировать как «неудавшееся» переключение кодов: говорящий переключается на другой язык, но, заметив это, восстанавливает текст на первом языке, дублируя соответствующую информацию.

5) Окказиональные заимствования, т. е. употребление слов языка А при основном языке В, адаптированных грамматически и фонетически под структуру языка В (пример 6). Окказиональными они считаются потому, что Н. знает и употребляет их эквиваленты на языке В.

- (6) Текст «Сказка про белку»
təj belka-səl... xaj xulu-kə-səl
 тот белка-PL что белка-DIM-PL
 ‘эти белки... как это... белочки’

В предложении (6) в нанайском тексте Н. вставляет слово *belkasəl* — русское слово *белка*, адаптированное под нанайскую грамматику — с нанайским показателем мн. ч. *-səl*. Это слово считается окказиональным заимствованием, поскольку Н. знает нанайское слово *xulu* ‘белка’ и употребляет его в том же тексте.

За рамками исследования остаются полноценные лексические заимствования (ср. слово *školadu* в примере 7), а также регулярные грамматические особенности языка А, возникшие под влиянием языка В, как, например, частое нарушение согласования по роду в русской речи Н., см. пример (1).

- (7) Текст «О детстве»
Mi nuči-du-i... xaj... škola-du tačeo-či
 1SG маленький-DAT-REFL.SG что школа-DAT учить-IPFV.PRS
bi-čim-bi.
 быть-PST-1SG
 ‘В детстве я... это... училась в школе.’

Выделенные типы переключения кодов можно представить в виде своего рода иерархии от наименьшего слияния к наибольшему, см. Таблицу 2.

Переключение кодов				Полноценные заимствования; изменение грамматических структур
Вставка двух и более знаменательных слов	«Параллельное» употребление знаменательного слова на двух языках	Вставка знаменательного или служебного слова	Окказиональные заимствования	

Последний столбец выделен серым, поскольку эти явления в статье не рассматриваются. Надо отметить, что полноценные заимствования У. Вайнрайх относит к явлениям лексической интерференции [1972: 42], однако многие другие исследователи считают заимствования отдельным явлением и ставят вопрос о том, как провести границу между заимствованием и интерференцией, см., например, [Pfaff 1979: 295–298].

В представленной классификации наблюдается небольшое нарушение: отсутствует тип «параллельное употребление служебного слова», который можно было бы ожидать по аналогии с типом «вставка служебного слова». Отсутствие этого типа связано с тем, что служебные слова (прежде всего маркеры хезитации, союзы и частицы) очень часто повторяются сами по себе, на одном и том же языке (см. повтор *xaj* в примере 8). Поэтому если параллельное употребление знаменательного слова еще можно интерпретировать как речевой сбой и осознанное возвращение к основному языку текста, то параллельное употребление служебных слов на разных языках интерпретировать таким образом гораздо сложнее. Например, в примере (5) Н. сначала вставляет слово на русском, т. е. не на основном языке — *таскают*, — а потом будто вспоминает соответствующее слово на основном языке повествования, т. е. на нанайском, и произносит *olbeaci*. А в примере (3) маркеры хезитации *этом* и *xaj* употребляются иначе: сначала Н. произносит *этом* на основном языке, а потом вставляет соответствующее нанайское слово — *xaj*. Такое предложение нельзя рассматривать как «параллельное», в отличие от предыдущего случая, поскольку здесь исключен механизм, при котором Н., произнося слово *xaj*, поправляет себя, «переведя» слово *этом* на основной язык — основным языком в этом тексте является русский, а не нанайский. Таким образом, случаи типа (3) можно рассматривать как простую вставку в общий поток речи без специального повтора.

(8) Текст «Рассказ о родственниках»

N'oan' naj žō-wa-n' xaj xaj magazim-ba
 3SG человек дом-ACC-3SG что что магазин-ACC
atu-ri=də xamača-ri=də bi-či-n'=go
 охранять-PRS=PART как.делать-PRS=PART быть-PST-3SG=PART
təj amem-bi.
 тот отец-1SG
 'Он чужой дом... как его... магазин сторожил и прочее, мой отец.'

Провести границу между вставкой знаменательного или, тем более, служебного слова и окказиональным заимствованием тоже не всегда легко. Окказиональное

заимствование определяется наличием морфологических показателей языка В на слове языка А (как *belkə-səl* в примере 6). Однако имена часто употребляются в такой синтаксической позиции, что никакие морфологические показатели не требуются, а адаптированные к нанайскому русские глаголы бывает сложно отличить от русской формы прошедшего времени, ср. форму *taksali*, в которой *-li* можно интерпретировать как нанайский глагольный суффикс, присоединяемый к заимствованным глаголам, с показателем настоящего времени, а можно интерпретировать как полноценную русскую форму прошедшего времени множественного числа (подробнее об адаптации заимствованных глаголов в нанайском см. [Oskolskaya, Stoynova 2013]). При анализе данных в каждом случае принималось отдельное решение по поводу того, к какому типу относится пример, в зависимости от контекста.

Граница между первым типом переключения кодов (цепочка из двух и более знаменательных слов) и остальными типами (вставки отдельных слов) также не всегда очевидна. При классификации примеров из текстов Н. к переключению кодов были отнесены те случаи, когда в речь на основном языке А вставлялась цепочка знаменательных слов (например, словосочетание из двух знаменательных слов или целая клауза) на языке В, см. пример (2). Случаи, когда в тексте употреблялись цепочки из одного знаменательного и одного или нескольких служебных слов, были отнесены к вставке одного знаменательного слова, см. пример (9):

- (9) Текст «Сказка — рассказ о жизни нанайцев»
əmuti əpə=mət как лепешка. Totara=tani
 словно лепешка=COMP тогда=PART
 ‘как лепешка... как лепешка. А еще...’

В предложении (9) сочетание слов *как лепешка* ведет себя скорее как единое слово прежде всего потому, что у слова *как* отсутствует собственное ударение. В этом плане функционально оно может быть приравнено к нанайскому *əpə=mət* или даже к какой-нибудь форме с падежным показателем, а не с клистикой. Все подобные случаи классифицировались как вставка одного знаменательного слова.

В Таблице 3 приведена информация о количестве случаев каждого типа интерференции и переключения кодов для каждого текста.

Абсолютные числа, приведенные в Таблице 3, сами по себе не очень информативны, поскольку все тексты — разного объема. Для удобства анализа данных была введена условная единица измерения «количество употреблений на 100 фраз» (далее iph — item per hundred). Например, в русском тексте «О детстве» всего 3 случая переключения кодов. В этом тексте 63 фразы (см. Таблицу 1). Тогда всего в тексте 4,76 iph, или 4,76 словоупотреблений на 100 фраз ($3/63 \cdot 100 = 4,76$ iph). Данные iph приведены в Таблице 3 в скобках.

Таблица 3

тексты	I. Вставка нескольких знам. слов (iph)	II. «Параллельное» употр. (iph)	III-1. Вставка служ. слова (iph)	III-2. Вставка знам. сл. (iph)	IV. Окказ. заимств. (iph)
О детстве	1 (1,59)	0	2 (3,17)	0	0
О войне	0	0	1 (1,59)	0	0
О нанайском доме	0	0	1 (4,5)	0	1 (4,5)
Разговор 1	1 (12,5)	0	1 (12,5)	1 (12,5)	0
Разговор 2	1 (0,32)	1 (0,32)	1 (0,32)	1 (0,32)	2 (0,63)
Автобиография	3 (7,5)	1 (2,5)	2 (5)	2 (5)	3 (7,5)
Рассказ о детстве	0	0	0	2 (8,7)	1 (4,35)
Рассказ о шаманах	4 (10,26)	1 (2,56)	9 (23,08)	5 (12,82)	0
Рассказ о родственниках	0	3 (3,9)	4 (5,19)	4 (5,19)	0
Рассказ о чайках	0	0	3 (8,57)	2 (5,71)	0
Сказка — рассказ о жизни нанайцев	2 (3,85)	2 (3,85)	1 (1,92)	3 (5,77)	1 (1,92)
Сказка про белку	0	0	0	0	3 (6,52)
Сказка о лисе	0	1 (1,39)	3 (4,17)	3 (4,17)	5 (6,94)
Сказка о мэргэне	0	1 (0,67)	4 (2,68)	1 (0,67)	2 (1,34)
Сказка про старуху и мышь	0	1 (0,8)	2 (1,6)	1 (0,8)	0
СУММА	12	11	34	25	18

4. Факторы, вызывающие переключение кодов

В этом разделе будут проанализированы данные, представленные в разделе 3, и их взаимосвязь с разными параметрами текстов.

4.1. Основной язык текста

Можно ожидать, что переключение кодов может происходить по-разному в зависимости от основного языка текста. В Таблице 4 представлены количественные данные, суммированные по всем русским и по всем нанайским текстам.

Таблица 4

язык	количество	iph	Объем текстов (фразы)
Русский	15	3,18	472
Нанайский	85	12,92	658

Нетрудно заметить, что в нанайских текстах переключение кодов в речи Н. происходит чаще, чем в русских. Этот факт может быть обусловлен тем, что все тексты записаны в ходе беседы с русскоговорящими исследователями, но однозначно утверждать это на имеющемся материале нельзя: для этого необходимы записи

беседы Н. с носителями нанайского языка. Тем не менее, кажется корректным дальнейшие параметры рассматривать на материале русских и нанайских текстов по отдельности.

4.2. Тип переключения кодов

В этом подразделе представлены количественные данные, распределенные по типу переключения кодов, в русских и нанайских текстах (Таблица 5).

Таблица 5

тип	русские тексты		нанайские тексты	
	кол-во	iph	кол-во	iph
I. Вставка нескольких знаменат. слов	3	0,64	9	1,37
II. «Параллельное» употребление	1	0,21	9	1,37
III-1. Вставка служебного слова	6	1,27	30	4,56
III-2. Вставка знаменат. слова	2	0,42	22	3,34
IV. Окаzionaliальные заимствования	3	0,64	16	2,43

В целом, количество случаев переключения кодов не сильно различается в зависимости от типа. Наиболее существенно выделяется относительно большое количество вставок служебных слов как в русских, так и в нанайских текстах. Это можно объяснить, во-первых, тем, что число служебных слов само по себе превышает число знаменательных в устных текстах. А во-вторых, это может быть связано с тем, что разного рода служебные слова, выполняющие дискурсивную функцию (включая маркеры хезитации, междометия и пр.), гораздо легче заимствуются, чем многие другие пласты лексики (см. [Matras 2011: 216–217]). В русских текстах в большинстве случаев вставляется маркер хезитации *xaj*, в одном случае на нанайском было употреблено дискурсивное слово, связывающее новое предложение с предыдущим текстом, *totap'*=*tani* 'а потом'. В нанайских текстах в этой категории также преобладают маркеры хезитации: *ну* (10 раз), *это* (2 раза). Довольно часто употребляются союзы: *а* (6 раз), *и* (2 раза). 4 раза переключение происходит на частице *только*.

4.3. Жанр текста

В корпусе представлены тексты следующих жанров: автобиография (~ повествование), сказка, диалог. Поскольку в русских текстах количество случаев переключения кодов ничтожно мало (всего 15), то анализировать их взаимосвязь с жанром оказывается бессмысленным: слишком малые числа для каждого жанра не позволяют делать хоть какие-нибудь выводы.

Если анализировать только нанайские тексты, то по жанровым особенностям их можно разбить на две группы: автобиография и сказка. Рассказ о чайках относится к автобиографии, потому что в целом режим повествования, в котором

описывается, как живут чайки, не сильно отличается от автобиографических повествований, в которых описывается, как раньше жили нанайцы. Текст «Сказка — рассказ о жизни нанайцев» был разбит на две части: сказку (первые 26 фраз) и автобиографию (остальные 26 фраз).

В Таблице 6 представлены количественные данные по типам переключения кодов и жанрам текстов.

Таблица 6

тип	~ сказки (4,5 текста, 418 фраз)		~ автобиографические рассказы (5,5 текстов, 240 фраз)	
	кол-во	iph	кол-во	iph
I. Вставка нескольких знаменат. слов	0	0	8	3,33
II. «Параллельное» употребление	3	0,72	6	2,5
III-1. Вставка служ. слова	10	2,39	20	8,33
III-2. Вставка знам. слова	5	1,2	17	7,08
IV. Окказиональные заимствования	12	2,87	4	1,67
СУММА	30	7,18	56	22,92

Из Таблицы 6 видно, что разные типы переключения кодов связаны с жанром текста. Прежде всего, необходимо отметить, что в сказках в целом переключение кодов встречается гораздо реже, чем в автобиографических текстах. Это можно объяснить тем, что в сказках, как и в других фольклорных текстах, часто используются устоявшиеся выражения и формулировки, в отличие от повествований о жизни, в которых говорящий во многом конструирует рассказ «на ходу». Хотя сказки Н. являются отчасти импровизацией, вероятно, многие формулировки соответствуют предложениям из разных нанайских сказок. Очевидно, что при употреблении уже готовых формулировок вероятность переключения кодов сильно понижается.

Распределение по типам переключения кодов тоже различается в разных жанрах. Объединяет их высокая доля вставок служебных слов, что очень часто встречается, видимо, во всех типах текстов (см. раздел 4.2). В сказках наиболее часто по сравнению с другими типами употребляются окказиональные заимствования и не зафиксировано ни одного случая переключения кодов с цепочкой знаменательных слов. А в автобиографических рассказах, наоборот, окказиональные заимствования оказываются наиболее редким типом, чаще всего встречается вставка знаменательного слова. Такие данные соответствуют — хотя и не строго — иерархии типов переключения кодов, представленной в Таблице 2. Видимо, в сказках говорящий «стремится» максимально сохранять основной язык повествования, поэтому даже при вкраплении слов другого языка они грамматически адаптируются под правила основного языка, а переключение с одного языка на другой минимизировано. В обычном же повествовании слова гораздо меньше адаптируются под грамматические правила основного языка, и переключение кодов также оказывается более допустимым.

4.4. Дискурсивный режим

Можно предположить, что на переключение кодов влияет также дискурсивный режим, от которого часто зависят и некоторые грамматические особенности в рамках одного языка. Все случаи переключения кодов были распределены в соответствии с дискурсивным режимом. Классификация видов дискурсивного режима основана на статье [Плунгян 2008] с добавлением дополнительных видов и включает в себя начало (интродуктивный⁴), нарративный (секвентный, или консекутивный), описание (фондовый), комментарий (объяснительный), реплика, концовка. Начало представляет собой «изложение обстоятельств, предшествовавших началу истории, и [введение] в рассмотрение основных участников истории» [там же: 20], см. пример (10):

- (10) Текст «Сказка о белках»
tuj bi təj nəj=təni duəntə-du balʒi əm
 так быть.PRS тот человек=PART лес-DAT жить.PRS один
belkə ʒuə belkə-səl balʒi-č=go
 белка два белка-PL жить.PRS-3PL=PART
 ‘Человек в лесу живет, одна белка... две белки в лесу живут.’

Нарративный режим включает «обозначение каждого из сменяющих друг друга эпизодов основной линии повествования» [там же: 20–21]:

- (11) Текст «Сказка — рассказ о жизни нанайцев»
ənə-miə tuj ənə-miə əm exon-dola
 идти-CVB.SIM.SG так идти-CVB.SIM.SG один село-LOC
ese-xa-ni təj mərgən=təni
 добираться-PST-3SG тот мэргэн=PART
 ‘Шел, так шел, и до одного села дошел, тот мэргэн.’

Описание включает в себя собственно «описание обстоятельств, сопутствующих событиям основной линии повествования» [там же: 21]:

- (12) Текст «Рассказ о шаманах»
saman samanim, a my=də buə=təni tutu-məri
 шаман шаманит а мы=PART мы=PART бегать-CVB.SIM.PL
 ‘Шаман шаманит, а мы, а мы бегали’ {слушать шаманов ходили.}

Комментарий представляет собой отступление говорящего от основного повествования с целью пояснить или высказать свое мнение по поводу происходящего:

- (13) Текст «Рассказ о шаманах»
 {Шаман шаманил, вот всё это делал.} *Я сама не верую, нуу.*

⁴ В скобках даны соответствующие названия типов дискурса из [Плунгян 2008].

К реплике относятся слова персонажей, которые часто предстают как часть диалога, поэтому их стоит рассматривать как отдельный вид дискурсивного режима, см. пример (14):

- (14) Текст «Сказка о лисе»
Mi sun-ži balže-am-bia
 1SG 2PL-INS жить-ASSERT.PRS-1SG
 {Тогда лисичка говорит:} ‘Я буду с вами жить.’

Наконец, концовка противопоставлена началу и включает в себя заключение повествования, фразы, указывающие на окончание истории, см. пример (15):

- (15) Текст «Сказка о лисе»
 {Потом старик ту лисичку побил и выгнал.} *Hu вот так.*

Сказки и автобиографические повествования различаются по структуре дискурса. В сказках (по крайней мере в сказках из корпуса Н.) предполагается некоторый сюжет, т. е. основная линия изложения проходит в нарративном режиме. Автобиографические повествования не предполагают никакого сюжета, основной режим их изложения — описание. Поэтому можно ожидать, что если вид дискурсивного режима никак не влияет на переключение кодов, то случаи переключения кодов чаще оказываются в нарративном режиме в сказках и в описании в автобиографических рассказах.

В Таблице 7 представлено количественное распределение случаев переключения кодов по видам дискурсивного режима в сказках и автобиографических рассказах.

Таблица 7

Вид дискурсивного режима	~ сказки (4,5 текста, 418 фраз)		~ автобиографические рассказы (5,5 текстов, 240 фраз)	
	кол-во	iph	кол-во	iph
1. Описание	7	1,67	39	16,25
2. Нарративный	12	2,87	7	2,92
3. Комментарий	2	0,48	7	2,92
4. Начало	1	0,24	1	0,42
5. Концовка	2	0,48	1	0,42
6. Реплика	6	1,44	0	0

Как и ожидалось, переключение кодов в автобиографических рассказах преобладает в описательном режиме, а в сказках, пусть и с меньшим отрывом, в нарративном, что связано с дискурсивными особенностями этих двух жанров. Таким же образом можно объяснить отсутствие случаев переключения кодов в репликах в автобиографических рассказах: передача чужой речи в целом гораздо чаще встречается в текстах с сюжетом, нежели в описательных рассказах. Делать какие-либо выводы о переключении кодов в начале и завершении текстов с такими малыми числами нельзя, но можно обратить внимание на то, что сказки завершаются

переключением кодов в 2 случаях из 4, в то время как в автобиографических рассказах только в одном случае из 6. Это особенно примечательно в свете того, что переключение кодов в целом в автобиографических рассказах происходит гораздо чаще, чем в сказках. Если такое распределение в концовке подтвердится на большем корпусе текстов, то можно будет предположить, что оно связано с тем, что фольклорные тексты (пусть даже импровизированные) являются более застывшими цельными элементами речи, а переключение на другой язык может таким образом маркировать завершение сказки и переход к диалоговому режиму, особенно в ситуации, когда собеседники говорят не на основном языке сказки, т. е. не на нанайском. Поскольку автобиографические рассказы в большей степени конструируются в процессе порождения и меньше следуют установленным шаблонам, переход от описательного режима к диалоговому гораздо менее отчетлив, и вероятность появления переключения кодов ниже, чем в случае завершения сказок.

Обращает на себя внимание тот факт, что в сказках переключение кодов часто происходит в неосновном, т. е. не-нарративном режиме: отрыв числа таких случаев в нарративном режиме (2,87) от ближайшего по числу описательного режима (1,67) гораздо меньше, чем в автобиографических рассказах отрыв описательного режима (16,25) от комментария или нарратива (2,92). Это наблюдение можно обобщить следующим образом: в сказках переключение кодов больше свойственно тем случаям, когда говорящий как бы отвлекается от основной линии повествования на комментарии, описания, передачу чужой речи, введение или заключение.

4.5. Временной интервал

Как уже было сказано в разделе 2, анализируемые нанайские тексты Н. были записаны немного в неестественных условиях — при общении с русскоговорящими исследователями. Можно предположить, что эти обстоятельства влияли на момент, когда происходило переключение кодов. Здесь можно допустить две противоположных стратегии. С одной стороны, поскольку тексты были спровоцированы просьбой исследователей говорить по-нанайски, можно допустить, что Н. в первой части рассказов говорила только по-нанайски, а первое переключение на русский происходило спустя некоторое время, когда просьба говорить на нанайском переставала быть активированной, «забывалась». В соответствии с этой гипотезой можно ожидать, что первое переключение кодов в текстах происходит на относительно большом интервале от начала. С другой стороны, поскольку просьба исходила от русскоговорящих исследователей, можно допустить, что Н., наоборот, в первых же фразах допускала переключение из-за привычки говорить с этими собеседниками по-русски, а далее во время рассказа могла в большей степени переключиться на нанайский, «забыв» о русских собеседниках. В соответствии с этой гипотезой ожидается, что первое переключение кодов происходит в первых же фразах и на относительно небольшом интервале от начала текста. В Таблице 8 для каждого текста указано время и номер фразы, когда происходит первое переключение кодов.

Текст	время	фраза
Сказка про старуху и мышь	1:28	39
Сказка про белку	0:04	1
Сказка о мэргэне	0:10	3
Рассказ о чайках	1:14	24
Сказка о лисе	0:24	10
Рассказ о родственниках	1:09	29
Рассказ о шаманах	0:03	2
Автобиография	0:30	8
Сказка — рассказ о жизни нанайцев	0:21	6
Рассказ о детстве	0:36	9

Данные в Таблице 8 не позволяют делать какие-либо выводы о связи временного интервала и переключения кодов. Если на речь Н. и влияют русскоязычные собеседники, то по крайней мере нельзя утверждать, что она придерживается одной из двух описанных стратегий: в корпусе есть как тексты, в которых происходит переключение в самых первых фразах (что соответствует второй гипотезе), так и тексты, в которых переключение первый раз имеет место спустя значительное время (что соответствует первой гипотезе); кроме того, есть также случаи, когда переключение кодов происходит относительно скоро после начала, но не в самых первых фразах (см. Сказку-рассказ, Рассказ о детстве или Сказку о лисе), что не соответствует ни одной из выдвинутых гипотез.

4.6. Тип лексемы

Наконец, фактором, который, как кажется, должен обязательно влиять на вероятность переключения кодов, является тип лексемы, при употреблении которой это явление и происходит. В корпусе нанайских текстов все знаменательные лексемы на русском, а также лексемы, на которых произошло переключение на цепочку знаменательных слов, были разделены на две группы: на те, у которых есть прямые соответствия в нанайском, и на те, у которых таких соответствий нет. К первым, например, относятся слова *рыба* — нан. *sogdata*, *белка* — нан. *xulu* и др. В некоторых случаях употребление таких слов связано с желанием Н. сделать текст более понятным для собеседников. Например, описывая черемуховые лепешки, она сначала по-нанайски говорит *эмуту эрэ=мэт*, после чего сразу переводит свой комментарий на русский: *как лепешка*. В другом случае употребление таких слов, видимо, вызвано описанием события, связанного с русской (советской) культурой, а именно с первомайской демонстрацией. Именно в этой части текста возникают русские слова *флажок*, *мяч*, *игра*, *шагали*, хотя у них есть нанайские соответствия. Для большинства остальных случаев употребления русских слов, имеющих нанайские соответствия, сложно дать хоть сколько-нибудь строгое объяснение.

Ко второй группе относятся глаголы и выражения *рыбачить*, *охотиться*, *ходить на охоту* и нек. др. Хотя эти занятия типичны для нанайской культуры,

специальных глаголов и конструкций, аналогичных русским, в нанайском языке нет. Эти понятия по-нанайски выражаются либо общей конструкцией, аналогичной рус. *ловить зверей, рыбу*, либо специальными глаголами, выражающими в том числе объект ловли, например, *boato-* ‘охотиться на соболя’. Можно допустить, что употребление перечисленных русских слов вызвано тем, что Н. в этот момент мысленно формулировала предложения на русском и выдавала их перевод на нанайский, а данные русские слова и выражения требуют дополнительных усилий при переводе, поэтому в спонтанной устной речи оказывается проще инкорпорировать русские слова, чем найти подходящую нанайскую конструкцию. Однако, конечно, проверить, насколько верна эта гипотеза и действительно ли Н. в это время «думала» на русском или все же на нанайском, нереально. Ко второй группе также были отнесены русские слова, у которых ни в каком виде нет аналогов в нанайском языке и которые при этом в конкретном случае имели либо русское морфологическое оформление, т. е. их нельзя назвать полноценными заимствованиями, либо такое оформление, которое не позволяет однозначно отнести слово к нанайским или к русским (например, при отсутствии каких-либо показателей). К таким словам относятся, например, *килограмм*.

В Таблице 9 приведены количественные данные по двум группам лексем (приведено общее число употреблений таких лексем) и их распределение по жанрам.

Таблица 9

	сказки		рассказы	
	кол-во	iph	кол-во	iph
Есть соответствия	19	4,55	18	7,5
Нет соответствий	5	1,2	13	5,42

Данные в Таблице 9 показывают, что русские слова и выражения, имеющие прямые нанайские соответствия, в целом употребляются чаще независимо от жанровых особенностей текста. Таким образом, фактор типа лексем, видимо, не является решающим при переключении кодов.

5. Заключение

Проведенное исследование переключения кодов в речи Н. позволяет прийти к следующим выводам. На появление переключения кодов влияет совокупность факторов, таких, как основной язык текста (в нанайских текстах чаще, чем в русских), жанровые особенности текста (в автобиографических рассказах чаще, чем в сказках), дискурсивный режим фразы (в сказках преобладает в не-нарративных режимах). При этом чаще всего в текст инкорпорируются отдельные служебные слова. Другие потенциальные факторы играют совсем небольшую роль либо вообще не влияют на переключение кодов. К ним относятся временной интервал от начала текста и тип лексем — наличие прямого соответствия на основном языке текста.

Данное исследование оставляет открытыми ряд вопросов. Во-первых, было бы интересно узнать, насколько полученные выводы можно экстраполировать на речь других нанайцев. Во-вторых, вероятно влияние множества других факторов, оставшихся за рамками исследования. Наконец, расширение материала корпуса текстов Н. может скорректировать результаты исследования.

Литература

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // В.Ю. Розенцвейг (сост.). Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 25–60.

Калинина Е.Ю., Оскольская С.А. Нанайский язык // В.Ю. Михальченко (гл. ред.). Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 293–296.

Плунгян В.А. Предисловие: Дискурс и грамматика // В.А. Плунгян (отв. ред.), В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева. Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 7–34.

Pfaff W. Constraints on Language Mixing: Intrasentential Code-Switching and Borrowing in Spanish/English // *Language* 55, 2. 1979. P. 291–318.

Matras Y. Universals of structural borrowing // P. Siemund (ed.). Linguistic universals and language variation. Berlin : De Gruyter Mouton, 2011. P. 200–229.

Muysken P. Bilingual speech. A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Oskolskaya S., Stoynova N. The *la*-form: Russian verbs in Nanai speech // *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics* / A. Karjus (ed.). Areal linguistics, grammar and contacts. Tartu: University of Tartu, 2013. P. 99–116.

Список сокращений

ACC — аккузатив; ASSERT — утвердительное наклонение; COMP — сравнение; CVB — деепричастие; DAT — датив; DIM — диминутив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; PART — частица; PL — множественное число; POSS — possessивный показатель; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Sofia A. Oskolskaya

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Saint Petersburg)

sonypolik@mail.ru

CODE-SWITCHING IN THE SPEECH OF A NANAI SPEAKER

The paper deals with the code-switching in Russian and Nanai speech of a Nanai person. The research comprises the description of cases of code-switching, their classification and analysis of the parameters which potentially cause these phenomena. The study is based on a small collection of oral texts in Russian and in Nanai. The analyzed speech contains the following types of code-switching: insertion of two and more lexical words, insertion of discourse words, insertion of lexical words next to the corresponding word in the primary language of a text, insertion of lexical words without corresponding words in the primary language of a text, nonce borrowings. The frequency of code-switching in the investigated speech correlates with such parameters as the primary language of a text (it occurs more often in Nanai texts than in Russian texts), the genre of a text (it occurs more often in autobiographic tales than in fairy tales), a discursive mode of a sentence (in fairy tales, it prefers non-narrative mode). Besides, discourse words insert into a speech much more often than other elements. We also analyzed some other parameters which turned out to be not so important for code-switching. They include a time distance from the beginning of a text and a lexeme type — the existence of a corresponding lexeme in the primary language of a text.

Keywords: Nanai, Russian, code-switching, interference, borrowings, insertion, discursive modes.

References

Kalinina E. Yu., Oskol'skaya S. A. [The Nanai language]. *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and society. Encyclopedia]. Moscow, 2016, pp. 293–296. (In Russ.)

Plungyan V. A. [Introduction: Discourse and grammar]. *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Studies in the Theory of Grammar. Vol. 4. Grammatical Categories in Discourse], ed. by V. A. Plungyan, V. Yu. Gusev, A. Yu. Urmachieva. Moscow, 2008, pp. 7–34. (In Russ.)

Pfaff W. Constraints on Language Mixing: Intrasentential Code-Switching and Borrowing in Spanish/English. *Language* 55, 2, 1979, pp. 291–318.

Matras Y. Universals of structural borrowing. *Linguistic universals and language variation*, ed. by P. Siemund. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011, pp. 200–229.

Muysken P. *Bilingual speech. A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Oskolskaya S., Stoynova N. The *la*-form: Russian verbs in Nanai speech. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, ed. by A. Karjus. *Areal linguistics, grammar and contacts*. Tartu: University of Tartu, 2013, pp. 99–116.

Weinreich U. [Monolingualism and multilingualism]. *Novoe v lingvistike. Vyp. 6. Yazykovye kontakty* [New in linguistics. Vol. 6. Language contacts]. Moscow, 1972, pp. 25–60. (In Russ.)

Н. М. Стойнова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
stoynova@yandex.ru

«ПО-НАНАЙСКИ ГОВОРИ!» ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В ТЕКСТАХ НА ВЫМИРАЮЩЕМ ЯЗЫКЕ*

В статье рассматриваются структурные особенности переключения кодов в ситуации рассказа на полузабытом «родном языке». Исследование проведено на материале небольшой выборки текстов с интенсивным переключением кодов между русским и нанайским, записанных от одного носителя горинского говора нанайского языка. Подробно рассмотрены два аспекта этих текстов. Во-первых, проанализированы контексты каузации переключения кодов (когда слушатель просит рассказчика говорить на родном языке): происходит ли в этих случаях переключение кодов, насколько долговременное, каковы его структурные типы и насколько они отличаются от представленных при спонтанном переключении. Во-вторых, обсуждаются особенности русской речи в текстах с интенсивным переключением кодов: в каком объеме и в каких аспектах в ней проявляется межъязыковой прайминг, обусловленный активацией еще одного языка в сознании носителя. Показано также, что применительно к отдельным фрагментам русской речи, представленной в выборке, можно говорить о переключении кодов или регистров: с более стандартного варианта русского языка на более пиджинизированный.

Ключевые слова: русский язык, тунгусо-маньчжурские языки, нанайский язык, переключение кодов, смешение кодов, пиджины, языковой сдвиг

1. Введение

В статье будет проанализирован небольшой массив текстов, записанных от одного носителя горинского говора нанайского языка. Этот говор находится в достаточно неблагоприятной социолингвистической ситуации, а сам носитель — в относительной изоляции от основного языкового сообщества. Анализируемые тексты — результат (в целом неудачной) попытки записать от этого носителя

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-312-00155 мол_а.

спонтанные нарративы на нанайском языке. Записи содержат короткие фрагменты на русском языке, короткие фрагменты на нанайском и огромное количество предложений со смешением кодов (переключением кодов внутри предложения)¹.

Одно из направлений в исследовании переключения кодов рассматривает его как особую дискурсивную стратегию, расширяющую репертуар языковых средств, доступных носителю-билингву в отличие от монолингва (см., например, сборник [Auer (Ed.) 1999] и особенно вводную статью [Auer 1999]). При такой установке в фокус внимания лингвистов попадает прежде всего речь билингвов, свободно использующих оба языка.

Другое направление сосредоточено на ситуациях, в которых переключение кодов происходит скорее «от недостатка», чем «от избытка», и, видимо, регулируется несколько иными механизмами. Оно рассматривает переключение между доминирующим и подчиненным языком наряду с интерференцией в более общем контексте языкового сдвига (см., например, [Johanson 2002]; [Backus 2005]; на материале, ареально и генетически близком к рассматриваемому в статье, [Grenoble 2010]).

Данное исследование примыкает к работам второго типа. В статье рассматривается переключение и смешение кодов между доминирующим русским и вымирающим горинским нанайским, возникающее в неестественной для носителя ситуации, когда его просят говорить на нанайском языке, которым он и в целом пользуется редко, перед носителями доминирующего русского языка (лингвистами).

При анализе такого рода ситуаций особенно остро встает вопрос об осознанном / неосознанном переключении кодов (ср. *motivated / performance switches* по [de Bot 2010]). Исходным намерением рассказчика в рассматриваемых текстах было намерение говорить по-нанайски (в ответ на прямую просьбу лингвистов). Результатом, однако, стали тексты не на нанайском языке, а на смеси нанайского с русским (с преобладанием русского). Видимо, в общем случае можно считать, что рассказчик, время от времени вспоминая о задаче говорить по-нанайски или получая напоминание от слушателей, делает осознанную попытку переключиться на нанайский, а потом, уже неосознанно, снова переходит на более привычный русский. В статье будет более подробно показано, как происходят такие переключения и как это отражается на их формальных свойствах.

Я сосредоточусь на двух аспектах рассматриваемых текстов. Во-первых, я анализирую речевое поведение носителя в случаях «каузации переключения кодов» (прямые просьбы говорить по-нанайски и попытки воздействовать на рассказчика опосредованно): частоту и объем фрагментов на нанайском и русском языках, структурные особенности предложений с переключением кодов и под. (раздел 3). Во-вторых, я более кратко укажу на некоторые характерные черты фрагментов на русском языке, встречающихся в анализируемой выборке текстов (раздел 4). Предваряют анализ социолингвистические сведения о горинском

¹ Ниже термин «переключение кодов» используется в общем смысле: комбинация любой длины фрагментов на разных языках в рамках одного текста. Термином «смешение кодов» (*code-mixing*) называется переключение кодов внутри предложения.

говоре нанайского языка, биография носителя, описание коллекции текстов и обстоятельств их записи (раздел 2). Результаты исследования обобщаются в завершающем разделе 5.

2. Данные исследования

Рассматриваемые записи получены от носителя горинского говора нанайского языка. Горинский говор — один из наименее сохранных. Его носители проживают главным образом в с. Кондон Солнечного района Хабаровского края. Всего, по нашим оценкам, осталось около 20 компетентных носителей. Все они в совершенстве владеют русским языком. В повседневном быту говор практически не используется.

Носительница, от которой записаны тексты (далее я буду называть ее VSG), родилась в 1932 г. в стойбище Сорголь (на территории современного села Кондон). Около трех лет училась в школе. По-русски до школы не говорила. Жила в Кондоне, потом, выйдя замуж, короткое время на Амуре, потом вернулась и до настоящего времени живет в русском поселке Харпичан, ок. 10 км от Кондона, где и были сделаны записи. В последние годы VSG говорит в быту в основном на русском языке. Ее дети, живущие в том же поселке, понимают нанайский, но не используют, муж-нанаец (носитель другого говора) умер примерно за десять лет до нашей первой записи.

Тексты от VSG мы записывали совместно с С. А. Оскольской трижды — за три коротких похода в Харпичан: в 2011, 2012 и 2015 гг. Задачи и формат записей были одинаковы: VSG по просьбе лингвистов рассказывала о прошлом и описывала случаи из жизни на нанайском языке (время от времени переходя на русский). При первых двух записях присутствовали двое лингвистов, при последней — двое лингвистов и дочь VSG (которая как минимум понимает обращенную к ней бытовую речь на нанайском языке, но сама активно язык не использует). Общий объем записей в трех сессиях сопоставим — около 2–3 часов. При этом готовность информанта порождать тексты на нанайском языке заметно различалась. Диаграмма 1

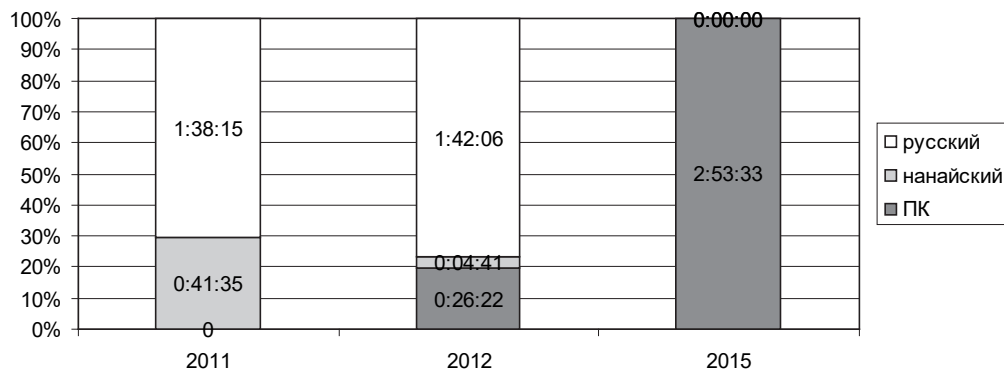

Диаграмма 1. Записи VSG 2011–2015 гг.: распределение по языкам

показывает, как в записях уменьшается доля нанайских текстов и растет доля «смешанных» (с интенсивным переключением кодов). Среди текстов 2011 г. таких нет вообще (а значительную часть записей на русском языке составляют «параллельные версии» нанайских текстов). Выборка 2015 г., напротив, состоит исключительно из таких текстов.

Можно констатировать, что у информанта (возможно, в силу возраста, возможно, отчасти по причинам, связанным с конкретной ситуацией записи) снижается способность к произвольному выбору и контролю языка коммуникации. В статье будут проанализированы ключевые для такой ситуации контексты, а именно контексты, когда со стороны собеседника поступает запрос на переключение кодов (просьба говорить по-нанайски).

В качестве материала исследования выбраны записи 2015 года, наиболее интересные с этой точки зрения. Это около трех часов рассказов с постоянным переключением кодов и фрагментами на нанайском языке не более минуты. Запись была не сплошной: это 35 коротких аудиофайлов, содержащих каждый в той или иной степени связный и цельный нарратив.

Количественному анализу будет подвергнута только часть данных (которая полностью расшифрована и снабжена специальной ручной разметкой переключения кодов в программе ELAN), а именно 15 текстов общим объемом около 1 часа (01:02:21, 1343 клаузы). Качественные утверждения делаются относительно всего массива текстов.

3. Реакции на каузацию переключения кодов

3.1. Классификация данных

Ниже будут рассмотрены контексты «реакции на каузацию переключения кодов», т. е. такие контексты, в которых слушатель вынуждает рассказчика перейти с русского на нанайский. Рассказчиком я буду, соответственно, называть того, кто порождает нарратив (в данном случае VSG), слушателем (слушателями) — того (тех), к кому нарратив обращен и кто вставляет в текст лишь отдельные редкие реплики (в данном случае это два лингвиста и дочь VSG).

Одним контекстом реакции на каузацию переключения кодов я условно буду считать последовательность из следующих четырех фрагментов: предтекст (реплика рассказчика) > стимул (реплика слушателя, содержащая каузацию переключения кодов) > реакция (следующая за стимулом реплика рассказчика)² > посттекст (следующее за реакцией предложение). Например:

(1) vsg_151013_ns_71_MjasoPrivezli_rus_nan
предтекст: Оставила го=
стимул: По-нанайски рассказывай!

² «Реакцией» я буду условно называть любое предложение, следующее за стимулом, даже если рассказчик очевидным образом не реагирует на просьбу слушателя о переключении кодов.

реакция: {Ой}\ {ča-du bi uliksə gələ-ndə-u-su}\!
*** это-DAT быть.PRS мясо искать-MPURP-IMP-2PL
'{Ой}RUS, {мясо, которое в этом, пойдите поищите}NAN!'
посттекст: {Эр-u-su}\!
есть-IMP-2PL
'{Поешьте!}NAN'

Стимулом я буду считать реплику слушателя целиком, т. е. в качестве одного стимула будут учитываться реплики любой длины (обычно, впрочем, они очень короткие). В качестве предтекста, реакции и посттекста я буду рассматривать по одному предложению (элементарной дискурсивной единице)³. Основным предметом анализа будет предложение-реакция. Предтекст и посттекст будут проанализированы менее подробно. В качестве контрастивных данных привлекаются данные по тем фрагментам текста, которые не содержат каузации переключения кодов.

Всего в выборке 108 контекстов каузации переключения кодов (на 1343 клаузы). Ниже я опишу использованную при их анализе классификацию: отдельно для стимулов (3.1.1), отдельно для реакций (3.1.2).

3.1.1. Классификация стимулов

В записях, как было сказано выше, участвовало три слушателя: дочь VSG и два лингвиста (LINGV1 и LINGV2). Я разделяю стимулы каузации переключения кодов на три типа, и каждый из них в данном случае использовался преимущественно одним из слушающих.

Тип 1. Прямые стимулы

Прямая просьба говорить по-нанайски. В данном случае сами такие реплики все были на русском языке. Этот тип стимулов использовала, в основном, дочь VSG. Например:

(2) vsg_151013_ns_86_RanjshеVKondone_rus_nan
предтекст: Ой как де= Кондоне девчата...
стимул: По-нанайски не забывай!
реакция: Ой.. {Kondon-do эка-сәл} выступать начнет/
*** Кондон-DAT женщина-PL *** ***
'{Ой}RUS, {в Кондоне женщины}NAN {выступить начнут}RUS'.

Тип 2. Косвенные стимулы

Стимулы на нанайском языке, включающие вопросы, переспросы, повторы на нанайском языке русских реплик рассказчика. Такие реплики прямой

³ Под предложением ниже понимается единица устного текста, как правило, содержащая предикат (клауза) или не содержащая его, но обладающая просодической автономностью (единая интонационно и отделенная паузами от соседних).

каузации переключения кодов не содержат, но, как и в первом случае, их цель (осознаваемая слушателем) — заставить рассказчика перейти на нанайский язык. Этот тип реплик использовал в основном один из лингвистов (LINGV1). Например:

(3) vsg_151013_ns_74_BogatyjStarikUmer_rus_nan
 предтекст: Это первый\ умер
 стимул: Bud-ki-ni/?
 умирать-PST-3SG
 ‘{Умер?}NAN’
 реакция: {Баа= Богатый старик\} {bud-ki-ni}
 *** *** *** умирать-PST-3SG
 ‘{Богатый старик}RUS {умер}NAN’.

Тип 3. Поддерживающие стимулы

Еще один тип реплик, которые можно рассматривать в контексте каузации переключения кодов, — это вставляемые слушателем маркеры обратной связи (*Ага*, *Угу* и под.). Такие реплики (и практически только они) исходили от второго лингвиста (LINGV2), непосредственно записывавшего тексты.

(4) vsg_151013_ns_80_KondonskijKlub_rus_nan
 vsg: {Вместе} ... {gəsə urə-xə-pu\
 *** ... вместе расти-PST-1PL
 ‘{Вместе}RUS ... {вместе выросли}NAN’.
 lingv2: Угу\

Маркеры обратной связи могут иметь достаточно широкий круг дискурсивных функций (см. об основных функциях маркеров обратной связи [Gardner 1998]; [O’Keeffe, Adolphs 2008]; [Knight 2011: 78–105]; о русских маркерах обратной связи — [Зудина 2008]). В рассматриваемой выборке текстов, однако, просматривается очевидная тенденция к их использованию именно в тех случаях, когда рассказчик переходит с русского языка на нанайский (см. ниже, раздел 3.8). Таким образом слушающий передает рассказчику информацию вроде: ‘продолжайте говорить на этом языке, я все понимаю’. Я, однако, оставляю за пределами данного исследования вопрос о том, реагирует ли сам рассказчик на такие поддерживающие переключение кодов маркеры обратной связи. Ниже с этой точки зрения рассматриваются только прямые и косвенные стимулы.

3.1.2. Классификация реакций

Предложения, следующие за каузацией переключения кодов, классифицировались по следующим признакам: 1) отсутствие / наличие и характер реакции, 2) соотношение с предтекстом, 3) характер посттекста, 4) наличие маркеров hesitation и особых маркеров переключения кодов. Для предложений со смешением кодов

также рассматривались: 5) структурный и 6) линейный тип смешения кодов. Ниже приводятся комментарии и примеры на каждый признак.

1) Наличие и характер ответа на стимул

Встретились следующие случаи:

а) Отсутствие реакции

Рассказчик, игнорируя (возможно, не замечая) просьбу о переключении кодов, продолжает рассказ по-русски. Ср.:

(5) vsg_151013_ns_69_PoJagody_rus_nan

предтекст: Деда\ стреляла

стимул: Старайся им надо по-нанайски!

реакция: А люди/ говорит: Оооо\

б) Предложение-реакция на русском языке

Как и в предыдущем случае, предложение, следующее за стимулом, строится на русском языке. Однако понятно, что стимул был замечен рассказчиком, а течение рассказа прервано. Этот тип я отличаю от предыдущего по наличию пауз хезитации, речевых сбоев и тому подобных маркеров в начале предложения (см. ниже).

(6) vsg_151013_ns_74_BogatyjStarikUmer_rus_nan

предтекст: Там на речке есть\ яма — рыба\ кипит

стимул: А по-нанайски\ расскажите! По-нанайски\ расскажите!

реакция: Ай ... эээ дедушка\ сачком эээ эээ де=

в) Эксплицитный отказ от переключения кодов

Имеются в виду реакции типа следующей (7):

(7) vsg_151013_ns_76_RasskazhiteProPanjo_rus

предтекст: Панёшка⁴\

стимул: По-нанайски про пая расскажи!

реакция: Чо я все равно не соображу\ Эти панёшка\ Тяжело\ рассказывать

г) Переключение кодов

Реакцией на стимул является (как минимум одно) предложение по-нанайски:

(8) vsg_151013_ns_74_BogatyjStarikUmer_rus_nan

предтекст: Давай этого ... нашу дедушку\ выгонять

стимул: По-нанайски!

реакция: {Puŋa-lo-xa-ni\ ča-doki\}

гнать-INCH-PST-3SG это-ABL

{Начал прогонять оттуда} NAN'.

д) Смешение кодов

Реакцией на стимул является предложение с фрагментами нанайского и русского языка (смешением кодов):

⁴ Панё — ритуальный предмет (фигурка или полотно), пристанище души умершего.

(9) vsg_151013_ns_86_RanjsheVKondone_rus_nan
предтекст: Он подарила поварешка\ Ooo\
стимул: По-нанайски\ расскажи!
реакция: {Поварешка} {bū-xə-ni}\
*** давать-PST-3SG
'{Поварешку}RUS {подарила}NAN'.

Отметим, что и в последних двух случаях, строго говоря, нельзя априори уверенно утверждать, что использование нанайского языка возникает именно в ответ на стимул, а не по независимым причинам. Это требует отдельного доказательства (см. обсуждение ниже). Здесь мы пока ограничиваемся простой чисто эмпирической классификацией.

2) Соотношение с предтекстом

Второе основание для классификации реакций на переключение кодов — семантическое соотношение реакции с предтекстом (последней репликой рассказчика, за которой следует реплика-стимул со стороны слушателя). По этому признаку я выделяю три типа реакций.

а) Повтор

Предтекст полностью повторяется (как правило, это повтор русского предложения по-нанайски или со смешением кодов).

(10) vsg_151013_ns_80_KondonskijKlub_rus_nan
Уже третий день уже я его пью\
(стимул)
Эээ ela ini {уже} omi-j-i\
эээ три день *** пить-PRS-1SG
'Три дня {уже}RUS пью'.

б) Модификация

Реакция не в точности копирует предтекст, но может считаться его модификацией с незначительными изменениями и добавлениями.

(11) vsg_151013_ns_77_Shaman_rus_nan
А тут ... поехали/
(стимул)
Эпə-xə-či Maŋgo-či\
идти-PST-3PL Амур-LAT
'{Поехали на Амур}NAN'.

в) Новая информация

В этот тип попадают случаи, когда рассказчик после реплики слушателя просто продолжает повествование «с того же места» (хотя, возможно, и на другом языке), ср.:

(12) vsg_151013_ns_72_NazvaliDegde_rus_nan
Мамка пойдет сетку\ вытянет, рыбачит\
(стимул)

И {mimbіә ča-du n'оan-du-n' dərəžі-wəп-žі-n'}
 *** я.ACC это-DAT он-DAT-3SG оставаться-CAUS-PRS-3SG
 'И {меня (ребенка) там с ней (соседкой) оставляет}NAN'.

По семантическому соотношению с предтекстом можно косвенно судить о том, возникает ли переключение кодов в ответ на стимул или по независимым причинам: в случае повтора или модификации вероятность этого выше.

3) Язык посттекста

Помимо языка предложения-реакции анализировался язык, использованный в следующем за ним предложении: а) нанайский, б) русский, в) смешение кодов. Это делалось для того, чтобы оценить, насколько стабильна реакция на каузацию переключения кодов и следует ли она непосредственно за стимулом или может быть отложенной.

4) Маркеры переключения кодов, хезитация, самокоррекция

Также отдельно отмечались формальные явления, про которые можно предполагать, что они отражают процесс рефлексии говорящего о переключении кодов и привлекают к переключению внимание слушающего (ср. противопоставление “smooth vs. flagged switches” и обсуждение этого круга явлений в работах Ш. Поплак, см., в частности, [Poplack 1988]). Это, во-первых, эксплицитное указание на переключение (или на то, что рассказчик заметил, что говорит не на том языке, на котором планировал): в основном, междометия типа *Ой!*:

(13) vsg_151013_ns_86_RanjsheVKondone_rus_nan

предтекст: Кто смотрели/ то воровали\ Везде...

стимул: По-нанайски\ говори

реакция: {Ой\ эээ ой\} {pu^l-mәгi gәlә-či-xә-či}
 *** *** * ходить-CVB.SIM.PLискать-IPFV-PST-3PL
 '{Ой, эээ, ой}RUS, {они ходили искали}NAN'.

Во-вторых, это явления, свидетельствующие о хезитации: паузы, речевые сбои, повторы и самокоррекция, лексические маркеры хезитации вроде *вот, это* и под. См. примеры:

(14) vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan

предтекст: А кровь\ добавил нутряной\

стимул: По-нанайски\ скажи!

реакция: Эээ {нутряной} ... {sәksә-ni}\
 *** * * * * * кровь-3SG
 '{Нутряную}RUS {кровь}NAN'.

(15) vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan

предтекст: А там печонка\ ...почка\

стимул: По-нанайски скажи/ им! Название\!

реакция: {Эээ хәj ... meawa-ni}\
 эээ HESIT сердце-3SG
 '{Эээ это ... сердце}NAN'.

(16) vsg_151013_ns_69_PoJagody_rus_nan

предтекст: Уже... голодный\...

стимул: По-нанайски!

реакция: {Naj= naj-sal} идет <НРЗБ>

человек человек-PL *** **

‘Чел= люди идут’.

Я отмечала только те из этих явлений, которые были локализованы либо в начале предложения (после стимула), либо на стыке разноязыковых фрагментов. Такие явления учитывались и в предложениях, где собственно переключения при этом не происходило (см. пример (6)).

5) Структурный тип смешения кодов

Для реакций, в которых было представлено смешение кодов (переключение кодов внутри предложения), также отмечался его структурный тип по [Muysken 2000]. П. Мейскен выделяет три типа смешения кодов: инсерцию (insertion), альтернацию (alternation) и конгруэнтную лексикализацию (congruent lexicalization). При инсерции лексический материал одного из языков вставляется в морфосинтаксическую рамку другого языка. Например, глагол берется из одного языка, а его аргументы из другого. В рассматриваемой выборке встретились и примеры, которые можно интерпретировать как вставку нанайского материала в русскую структуру (17), и, наоборот, вставки русского материала в нанайскую структуру (18).

(17) vsg_151013_ns_80_KondonskijKlub_rus_nan

Эээ {utkə-ni} открываю/

*** дверь-3SG ***

‘Эээ {дверь}NAN открываю...’

(18) vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan

Mi\ əm {нарта} гаžo-j

я один *** тащить-PRS.1SG

‘Я одну {нарту}RUS тащу...’

При альтернации такой асимметрии между вовлеченными в процесс языками не наблюдается: фрагменты на первом одном языке (оформленные по его правилам) «чередуются» с фрагментами на другом (оформленными по правилам этого языка). Например, к альтернациям относится использование в предложении фрагментов из другого языка, слабо интегрированных в его структуру: междометий, дискурсивных слов, адвербиалов, как в (19) и (20). Как альтернация интерпретируются и случаи типа (21), при которых ни один из фрагментов не образует синтаксическую составляющую.

(19) vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan

Ай {Žogžo masini\ un-ži}

*** Дёгдё сильный.человек говорить-PRS

‘{Ай}RUS {Дёгдё сильная, — говорит}NAN’.

3.2. Язык предложения-реакции

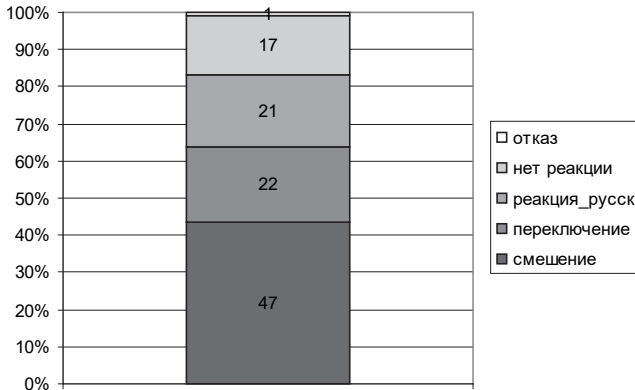

Диаграмма 2. Типы ответов на стимул

Диаграмма 2 показывает распределение ответов на каузацию переключе- ния кодов (в соответствии с классификацией, опи- санной выше). Чаще всего (44%) в ответ на каузацию переключения кодов следу- ет предложение со смеше- нием кодов. Предложений полностью на нанайском языке всего 20%, примерно столько же — предложений на русском, про которые

очевидно, тем не менее, что стимул был воспринят рассказчиком. Предложений, в которых присутствует нанайский язык (нанайских и со смешением кодов в сум- ме), — больше половины, но не подавляющее большинство (64%).

Диаграмма 3 показывает, что количество предложений со смешением кодов и предложений на нанайском языке среди реакций на каузацию переключения ко- дов больше, чем остальных предложений выборки, а на русском — меньше (разли- чие везде статистически значимо, точный двусторонний критерий Фишера⁵). При этом интересно, что для предложений на нанайском языке различие меньше, чем для предложений со смешением кодов.

Таким образом, из представленных данных следует, что а) реакция в виде пе- реклЮчения кодов действительно имеет место в ответ на стимул, однако далеко не всегда и б) основной тип реакции — предложения, содержащие и русские, и на- найские фрагменты (смешение кодов), а не полный переход на нанайский язык.

3.3. Маркеры переключения кодов, хезитация, самокоррекция

В выборке не так много случаев маркированного (flagged) переключения кодов, когда за стимулом следует эксплицитная рефлексия (*ой! сейчас по-нанайски скажу*) или процессы, свидетельствующие о ней (паузы хезитации, самокоррекция и др.). Среди всех типов реакций встретилось всего 8 случаев эксплицитного маркирова- ния переключения кодов (7% от всех предложений выборки). Сопровождающие

⁵ Значимо больше предложений со смешением кодов: $p < 0.0001$, значимо больше предложе- ний на нанайском языке: $p = 0.0014$, значимо меньше предложений на русском языке: $p < 0.0001$. В число «предложений на русском языке» попали в том числе и интерпретированные выше как предложения без реакции на стимул (про которые есть твердые основания предполагать, что рассказчик просто его не заметил). Без них различие оказывается, соответственно, еще больше.

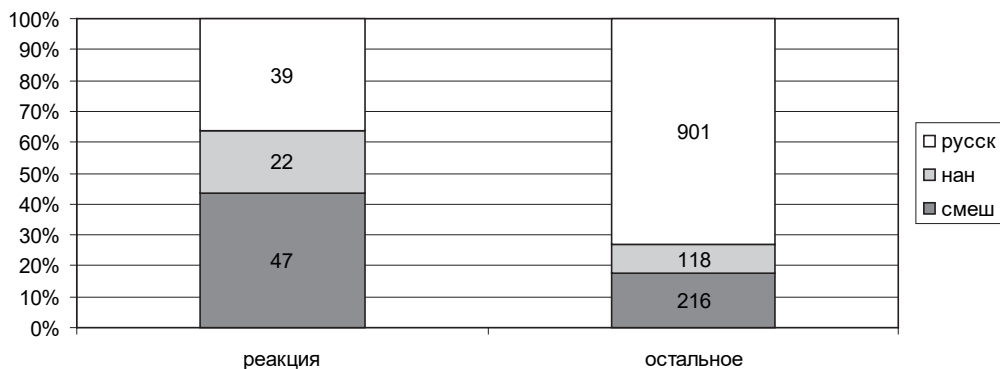

Диаграмма 3. Язык предложений-реакций vs. остальных предложений выборки

процессы зафиксированы в 39 предложениях (36%). Чтобы проверить, действительно ли они отражают процесс рефлексии о переключении кодов, необходимы более детальные сведения о частоте тех же явлений (пауз, самокоррекции) в речи VSG в других контекстах.

3.4. Структурный тип смешения кодов

Рассмотрим подробнее самый частотный тип реакции на каузацию переключения кодов — предложения со смешением кодов. На Диаграмме 4 показана относительная частота разных структурных типов таких предложений по классификации П. Мейскена.

Среди реакций со смешением кодов альтернация и инсерция представлены примерно в равном объеме (55% случаев альтернации). Интересно, что инсерция разных типов (та, при которой нанайский материал вставляется в русскую морфосинтаксическую рамку, и та, при которой русский материал вставляется в нанайскую) встречается примерно в равном количестве. При этом, как показывает та

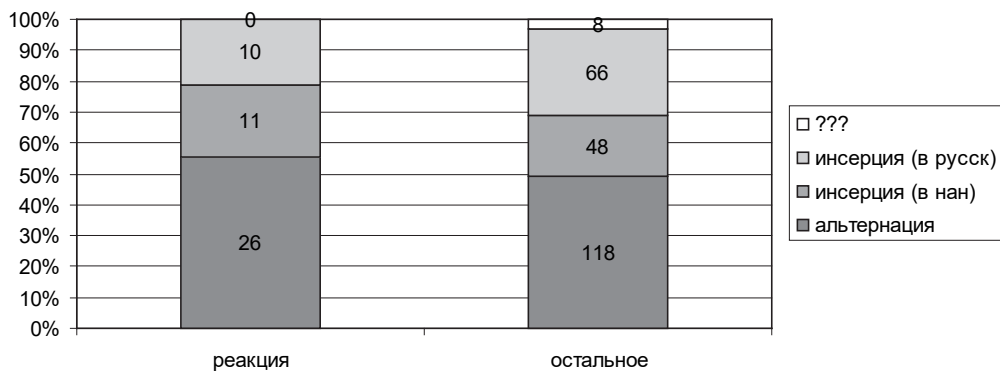

Диаграмма 4. Структурный тип смешения кодов: реакции на каузацию переключения кодов vs. остальные предложения выборки

же диаграмма, нельзя сказать, что такое распределение по структурным типам характерно именно для предложений-реакций и как-либо связано с самой ситуацией каузации переключения кодов. Распределение в остальных предложениях выборки показывает правый столбец диаграммы: статистически значимой разницы ни для одного из структурных типов не выявлено (точный двусторонний критерий Фишера). Таким образом, это скорее свойство данного типа текстов в целом.

В соответствии с типологическими предсказаниями П. Мейскена [Muysken 2000: 247–249], в ситуации, когда один из языков оказывается строго доминирующим, ожидается движение от стратегии альтернации к стратегии инсерции. В нашем случае действительно наблюдается асимметрия между языками: доминирующий язык — русский. Однако П. Мейскен прежде всего имеет в виду спонтанное переключение кодов, т. е. его предсказание о преобладании инсерции в нашем случае касалось бы спонтанной русской речи с редкими нанайскими вкраплениями, а не текстов на нанайском языке, порождаемых по заданию лингвиста. Интересно, что в них, судя по нашим данным, преобладания инсерции над альтернативой не наблюдается.

Другое предсказание П. Мейскена касается морфосинтаксической структуры контактирующих языков: если хотя бы один из них — язык со сложной агглютинативной морфологией (в данном случае это можно сказать о нанайском), это способствует стабильности и жизнеспособности инсерции в ситуации смешения кодов. Таким образом, действие этого фактора тоже должно было бы привести к преобладанию инсерции, причем ожидалось бы преобладание вставок русского материала в нанайскую структуру (структуру языка с развитой агглютинативной морфологией). В действительности не наблюдается ни того, ни другого. Среди вставок русского материала в нанайский, такие, при которых в смешение кодов вовлекается именно морфология (русская основа оформляется нанайскими словоизменяемыми аффиксами), наоборот, достаточно редки.

3.5. Линейный тип смешения кодов

Реакции на каузацию переключения кодов не отличаются от остальных предложений выборки со смешением кодов по структурному типу, однако различие наблюдается с точки зрения линейного порядка нанайского vs. русского фрагментов предложения, см. Диаграмму 5.

В реакциях со смешением кодов больше предложений, начинающихся на русском языке (62%). Однако доля предложений, начинающихся по-нанайски, среди них значимо выше, чем в остальных предложениях со смешением кодов (точный двусторонний критерий Фишера, $p=0.0008$). Можно интерпретировать эти данные так, что среди непосредственных реакций на каузацию переключения кодов больше, чем в среднем по выборке, случаев, когда рассказчик принял решение говорить по-нанайски, но не следует ему даже в пределах предложения⁶.

⁶ Про остальные предложения выборки можно теоретически предполагать, что, начиная предложение с нанайского, говорящий, наоборот, не договорив, принимает и реализует сознательное

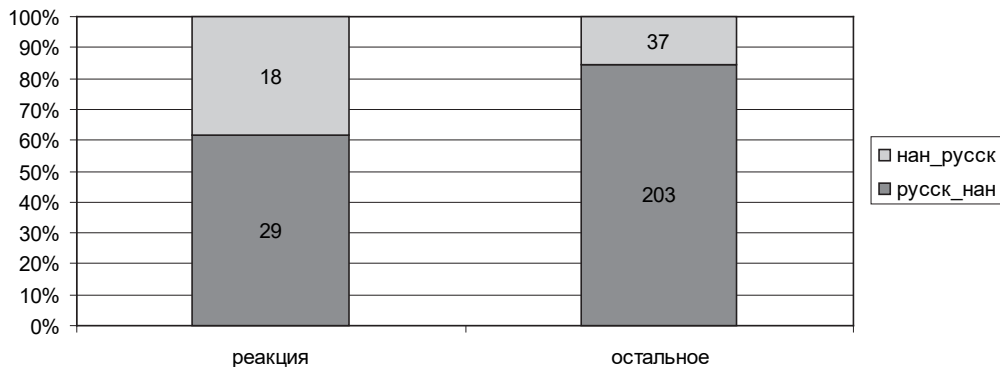

Диаграмма 5. Линейный тип смешения кодов: реакции на каузацию переключения кодов vs. остальные предложения выборки

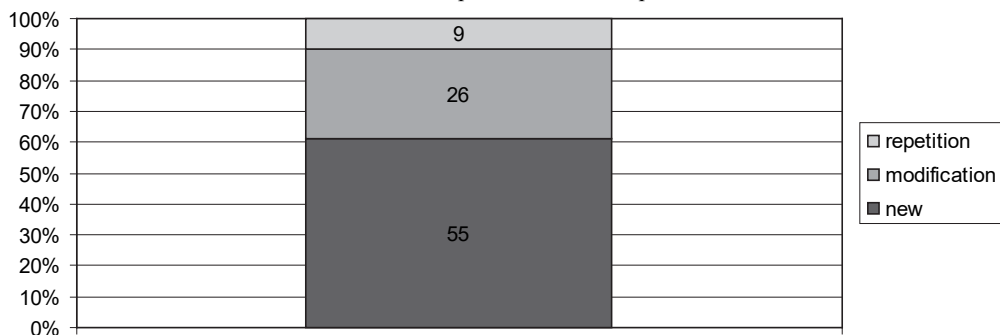

Диаграмма 6. Типы реакций по соотношению с предтекстом

3.6. Реакция и предтекст

Диаграмма 6 иллюстрирует распределение реакций по соотношению с предтекстом (тем предложением, которое предшествовало просьбе слушателя говорить по-нанайски). Те предложения по-русски, которые были классифицированы как «отсутствие реакции» (см. 3.1.1 выше) не учитывались.

Предложений, в которых говорящий, переключаясь (или делая попытку переключения) на нанайский, просто продолжает начатый рассказ, а не повторяет или модифицирует сказанное по-русски, несколько больше (61%). Предложений-модификаций больше, чем предложений с полным повтором.

На Диаграмме 7 отдельно показаны результаты для предложений со смешением кодов, предложений по-нанайски и тех предложений по-русски, которые есть основания считать осознанной реакцией на стимул.

решение переключиться на русский. Однако, как кажется, общее желание «рассказывать по-нанайски» распространяется на весь текст в целом и реплики слушателей не меняют стратегию рассказчика, а скорее напоминают ему о выбранной стратегии.

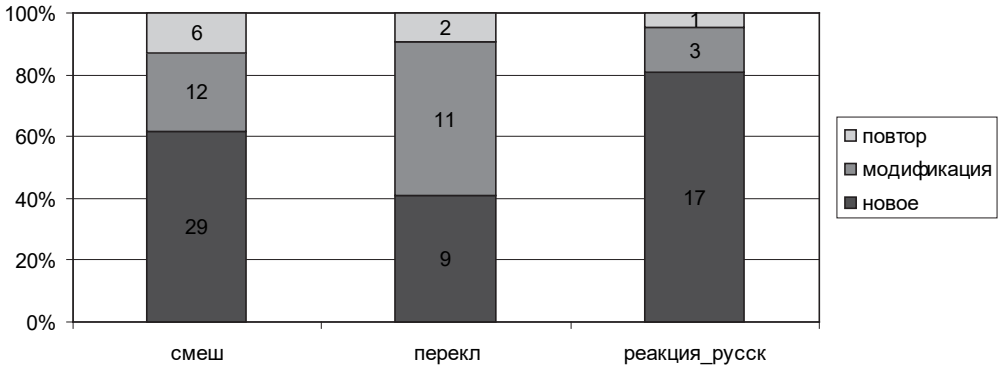

Диаграмма 7. Типы реакций по соотношению с предтекстом: мешение кодов, нанайский, русский

Статистически значимой разницы между предложениями со смешением и полным переключением кодов не отмечается. Зато представленное для них распределение отличается от распределения для предложений на русском языке: предложений с модификацией и повтором предтекста ожидаемо больше, см. Таблицу 1.

Таблица 1

Типы реакций по соотношению с предтекстом: переключение кодов vs. русский

	новое	модификация и повтор	точный двусторонний критерий Фишера p=0.0417
реакция по-русски	17	4	
смешение и переключение	38	31	

3.7. Реакция и посттекст

Чтобы понять, локализуется ли реакция на каузацию переключения кодов в предложении, непосредственно следующем за стимулом или не / не только в нем, я сопоставила распределение по языкам для этого предложения (условно называемого здесь предложением-реакцией)⁷ и следующего за ним (посттекста). Эти данные представлены на Диаграмме 8. Для контраста там же приводятся данные по всем остальным предложениям выборки.

Диаграмма 8 показывает плавное изменение соотношения языков: доля предложений на нанайском и со смешением кодов уменьшается от предложений-реакций к предложениям, не вовлеченным в каузацию переключения кодов, доля предложений на русском языке увеличивается. Предложение-посттекст (второе после стимула) показывает промежуточные результаты. При этом для предложений со смешением кодов и предложений на русском языке разница более отчетлива, чем для предложений на нанайском. Статистически значима (точный двусторонний тест Фишера) разница

⁷ Из предложений на русском языке в этом разделе в подсчет включены только те, которые выше отнесены к содержащим реакцию на стимул.

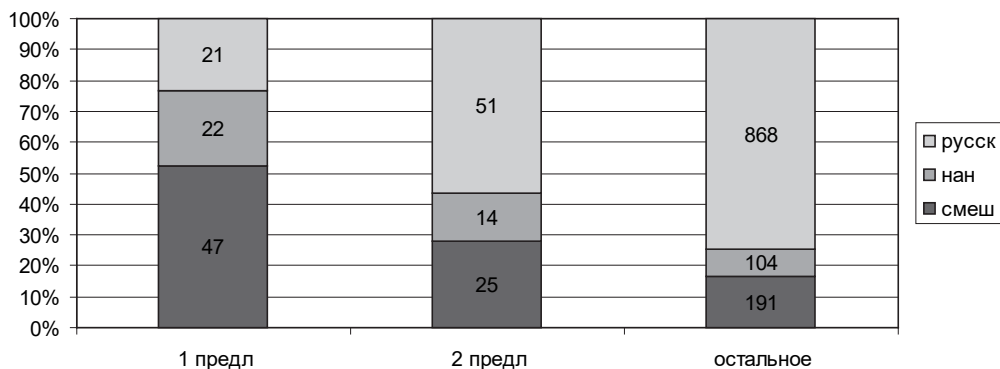

Диаграмма 8. Распределение по языкам: реакция, посттекст и прочие предложения выборки

между реакцией и посттекстом в доле русских предложений ($p < 0.0001$) и в доле предложений со смешением кодов ($p = 0.0013$). То же для посттекста и предложений выборки, не вовлеченных в каузацию переключения кодов: значимая разница в доле русских предложений ($p = 0.0005$) и предложений со смешением кодов ($p = 0.0088$). Разница в доле предложений на нанайском языке значима между предложениями-реакциями и «прочими» ($p < 0.0001$), но незначима и между реакциями и посттекстом ($p = 0.1917$), и между посттекстом и прочими предложениями выборки ($p = 0.0578$). Таким образом, можно сказать, что ответ на каузацию переключения кодов действительно в наибольшей степени локализуется в непосредственно следующем за ним предложении, однако затрагивает и предложение, находящееся чуть дальше.

Исходя из этого, попробуем более подробно рассмотреть не только первое следующее за стимулом предложение, но и комбинации из первого и второго предложений. В Таблице 2 содержатся данные о частотности всех логически возможных комбинаций (по языку первого и второго предложений).

Наиболее частотны случаи, когда за предложением со смешением кодов следует предложение на русском языке, наименее частотны случаи, когда за предложением на русском языке, наоборот, следует предложение со смешением кодов или на нанайском.

Если объединить эти комбинации в более общие типы в зависимости от того, наблюдается ли в них движение в сторону нанайского языка (рус_смеш, рус_нан, смеш_нан), русского (нан_смеш, нан_рус, смеш_рус) или ничего не меняется (рус_рус, смеш_смеш, нан_нан), то получается картина, представленная на Диаграмме 9. Движение от русского языка к нанайскому наблюдается редко, стабильных случаев и случаев движения от нанайского к русскому сопоставимое число.

Таблица 2

Комбинации из двух предложений, следующих за стимулом

комбинация	N	%
смеш_русск	28	31%
русск_русск	16	18%
смеш_смеш	15	17%
нан_смеш	8	9%
нан_рус	7	8%
нан_нан	7	8%
смеш_нан	4	4%
рус_нан	3	3%
рус_смеш	2	2%
всего	90	100%

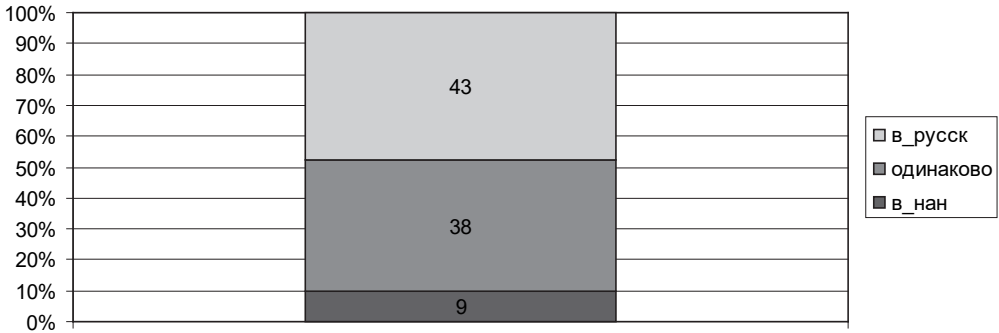

Диаграмма 9. Комбинации из двух предложений, следующих за стимулом: движение в сторону русского vs. нанайского языка

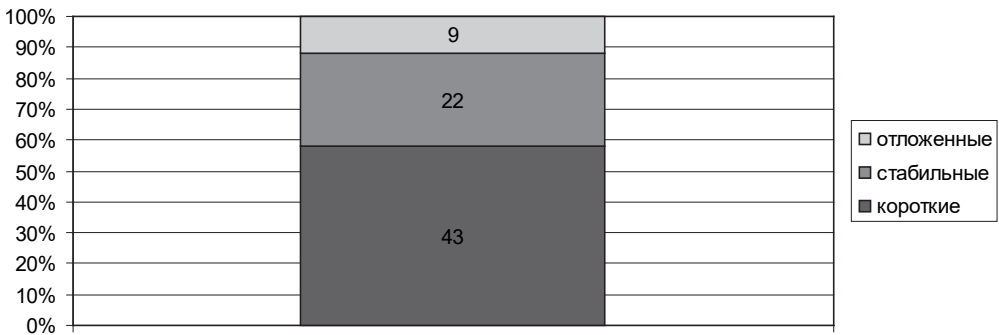

Диаграмма 10. Стабильность переключения кодов в ответ на стимул

Из Диаграммы 10 исключены наименее интересные случаи, когда язык обоих предложений русский, и те же данные организованы немного по-другому.

О данных Диаграммы 10 можно говорить в терминах стабильности переключения кодов в ответ на каузацию переключения. Можно выделить «короткие» реакции: первое предложение со смешением кодов или по-нанайски, а второе по-русски или первое по-нанайски, а второе со смешением кодов; «стабильные»: оба предложения по-нанайски или оба со смешением кодов — и «отложенные»: первое предложение по-русски, а второе со смешением кодов или по-нанайски или первое со смешением кодов, а второе по-нанайски. Картина получается более отчетливой: наиболее частотны короткие реакции, реже стабильные, наиболее редки отложенные.

3.8. Реакция и тип стимула

Выше говорилось о прямой каузации переключения кодов (эксплицитная просьба говорить по-нанайски) и косвенной (когда слушатель, с целью переключить на нанайский рассказчика, сам вставляет реплики по-нанайски). Бóльшая часть зафиксированных в выборке случаев — случаи прямой каузации (88 из 108, 82%). Из трех слушателей VSG каузация переключения кодов чаще всего исходила от ее

Таблица 3

Стимулы: распределение по говорящим

	N	%
vsg_daughter	75	69%
lingv1	16	15%
lingv2	17	16%
всего	108	100%

дочери и реже от двух записывающих лингвистов, косвенная каузация представлена почти исключительно в репликах лингвистов (особенно одного из них). См. Таблицы 3 и 4.

Сопоставление типа стимула с типом реакции дает следующий результат: больше случаев переключения и смешения кодов наблюдается при прямой каузации, чем при косвенной, см. Таблицу 5 и более подробные данные на Диаграмме 11.

Кажется, однако, что результат связан скорее со спецификой коммуникативной ситуации: прямые просьбы говорить по-нанайски исходили в основном от дочери VSG, которая, в частности, просто говорила значительно громче и настойчивее обоих лингвистов.

Еще один тип реплик слушателя, упомянутый выше в связи с переключением кодов, — маркеры обратной связи. В 3.1.2 было высказано предположение о том, что в рассматриваемой выборке текстов они используются в специфической функции поддержания переключения кодов. На Диаграмме 12 приведены косвенно подтверждающие это предположение количественные данные (для самого частотного в выборке маркера угу).

Таблица 4

Стимулы: распределение по типам каузации

	прямая	косвенная	% прямой
vsg_daughter	74	1	99%
lingv2	12	5	71%
lingv1	2	14	13%
всего	88	20	81%

Таблица 5

Смешение и переключение кодов при прямой vs. косвенной каузации

	смешение и переключение	прочее	точный двусторонний критерий Фишера
прямая	62	26	p=0.0044
косвенная	7	13	

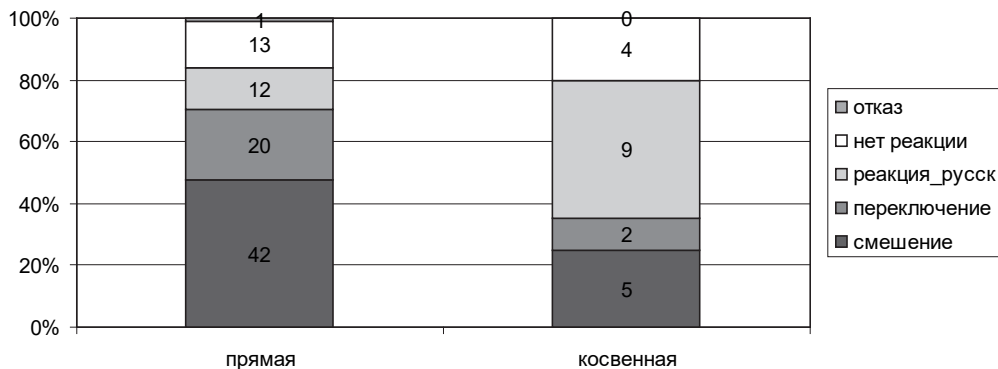

Диаграмма 11. Типы реакций при прямой vs. косвенной каузации переключения кодов

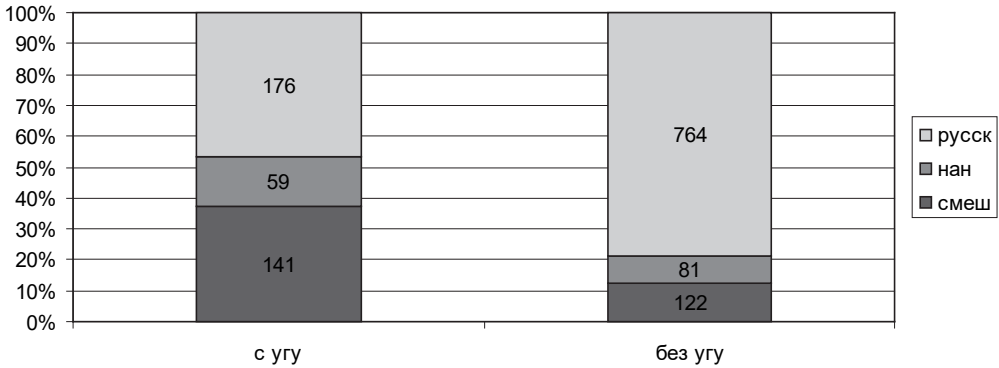

Диаграмма 12. Маркер обратной связи угу в ответ на предложения с переключением и смешением кодов

В левом столбце дано частотное распределение по языку (русский / нанайский / смешение кодов) для тех предложений рассказчика, которые пересекаются по времени с репликой слушающего *угу* (на какое именно место в предложении она накладывается, подробно не анализировалось). В правом столбце — для сравнения — аналогичные данные для предложений, не сопровождаемых маркером обратной связи. Диаграмма показывает, что маркер обратной связи *угу* чаще сопровождает предложение на русском языке, чем на нанайском или со смешением кодов, однако среди предложений, сопровождаемых маркером обратной связи, доля предложений со смешением кодов и доля предложений на нанайском языке значимо выше, чем среди прочих предложений выборки (точный двусторонний критерий Фишера, $p < 0.0001$).

Насколько, в свою очередь, такой «поддерживающий переключение кодов» маркер обратной связи влияет на дальнейшую речь рассказчика, не анализировалось.

4. Русские фрагменты в текстах с переключением кодов

В этом разделе будет рассмотрен еще один аспект описываемой выборки текстов. Как было сказано выше, основная особенность этих текстов состоит в том, что перед рассказчиком стоит вполне осознаваемая им задача породить нарратив по-нанайски, однако в реальности текст порождается на смеси нанайского и русского языков. Оказывает ли такая ситуация — при которой русский язык проникает в нарратив «нелегально» — влияние на грамматику русской речи этих текстов?

Русская грамматика VSG и в целом достаточно нестандартна (см. подробнее ниже), однако можно ожидать, что в таких текстах в дополнение к «статической» интерференции, закрепленной в идиолекте носителя (или, шире, в данной региональной разновидности русского языка) будет наблюдаться «динамическая» в терминах [Paradis 1993]; [Grosjean 1989; 2001], или «межъязыковой прайминг» (см. [Loebell, Vock 2003]). Иными словами, будет иметь место не / не только общее

влияние нанайской грамматической системы на русскую, но и влияние на конкретный фрагмент русской речи нанайского языка, активированного в сознании носителя одновременно с русским («билингвальный режим» в терминах [Grosjean 2001]).

Зафиксированные в рассматриваемой выборке текстов с переключением кодов русские фрагменты действительно заметно отличаются от русской речи монолингвов. Ср. отклонения от монолингвального русского из примеров, приводимых выше: *Кондоне* вместо *в Кондоне* (опущение предлога, пример (2)), *выступить начнет* о нескольких женщинах (единственное число вместо множественного, пример (2)), *нашу дедушку* (рассогласование по роду, пример (8)), *подарила поварешка* (форма номинатива в позиции прямого объекта, пример (9)). Ср. также длинный фрагмент (23) из той же выборки, но полностью на русском языке. В нем встречается рассогласование по роду (*эта бабушкина отец*), нестандартная количественная группа (*пять сыновья*), опущение предлога (*Вовкой остались*), нестандартное управление (*заходите Вовка*) и др.

(23) vsg_151013_ns_86_RanjsheVKondone_rus_nan
 Ну это наша бабушкина\ брат || Вот эта-то бабушкина эээ отец/ мать родила пять сыновья/ одна дочка\ || И она эта же дочка/ родила пять сыновья/ одна дочка\ || Вот\ это наши родители\ получилось || И дедушка\ была бедный-бедный\ || И она вышла\ || Она богатой семье вышла за дедушку\ нашу || Ой\ мы остались ... Н*** Вовкой\ остались || А вы Вовка\ заходите/ нашей Вовка? || Хромой Вовка\

4.1. Особенности русской речи в текстах с переключением кодов: количественные оценки

Ниже я попробую количественно оценить, отличаются ли русские фрагменты в текстах с переключением кодов от русской речи того же носителя без переключения кодов. В Таблице 6 указано, сколько таких нестандартных морфосинтаксических явлений встретилось в русских предложениях анализируемой выборки и сколько — в контрольной выборке русских текстов от VSG без переключения

Таблица 6

Число контактных морфосинтаксических явлений в русской речи: тексты выборки vs. тексты без переключения кодов

	тексты с ПК	тексты без ПК
всего предложений (по-русски)	940	547
контактное: синтаксис	474	228
контактное: морфология	92	61
контактное/100 предл.	60,21277	52,83364
синт./100 предл.	50,42553	41,6819
морф./100 предл.	9,787234	11,15174

кодов (чуть меньшего объема). Отдельно показаны подсчеты для явлений, отнесенных условно к морфологии (нестандартное в области словоизменения и продуктивной деривации, нестандартный выбор времени, вида, числа и под.) и к синтаксису (нестандартное кодирование аргументов, рассогласование по роду, числу и падежу, нестандартное использование служебных слов, нехарактерный для русского языка монолингвов порядок слов и под.).

Таблица показывает, что количество контактных черт на сто клауз для выборки текстов с переключением кодов действительно больше, однако разница незначительна. Интересно, что для явлений, которые были отнесены к морфологии, разницы нет совсем (в текстах без переключения кодов их оказалось даже чуть больше). Она возникает только в области синтаксиса (к которому, напомним, отнесен, в частности, выбор падежа и всех согласовательных категорий).

Более подробные данные для синтаксических явлений приведены в Таблице 7.

Таблица 7

**Число контактных морфосинтаксических явлений в русской речи:
тексты выборки vs. тексты без переключения кодов**

тексты без ПК	тексты с ПК	%	тексты без ПК	%	точный двусторонний критерий Фишера
согл.: прил.	121	26%	40	18%	sign, p=0.0212
согл.: глаг.	65	14%	43	19%	
согл.: личн. мест.	14	3%	3	1%	
управление	70	15%	23	10%	sign, p=0.0145
номинатив в позиции прямого объекта	46	10%	14	6%	
опущ-е предлога	49	10%	28	12%	
колич. группа	22	5%	14	6%	
пос. группа	22	5%	8	4%	
завис. клауза	12	3%	11	5%	
топик	10	2%	8	4%	
отрицание	9	2%	4	2%	
сочинение	8	2%	1	0%	
глаг. конструкции	7	2%	5	2%	
мена части речи	4	1%	2	1%	
залог	4	1%	4	2%	
имена собств.	3	1%	3	1%	
предл. группа	3	1%	6	3%	
порядок слов	2	0%	1	0%	
сравнение	1	0%	2	1%	
анаф. ср-ва	1	0%	1	0%	
прочее	1	0%	7	3%	
всего	474	100%	228	100%	

Значимо выше для текстов с переключением кодов оказывается доля нестандартного согласования прилагательных (но не глаголов и личных местоимений) и доля нестандартного кодирования актантов (включая использование номинатива в позиции прямого дополнения). Для остальных явлений цифры сопоставимые, разница незначима. В целом, таким образом, можно сказать, что большие отличия от монолингвальной речи проявляются а) в точках, связанных с «внешним» структурным оформлением высказывания, а не непосредственно с семантикой (нестандартным выбором синтаксических признаков: значений падежа, согласовательного рода, а не семантических: вида, времени), contextual inflection по [Booij 1996]⁸, б) в тех из них, где отклонение от речи монолингва для этого носителя в целом наиболее характерно (значимая разница — для самых частотных нестандартных черт).

Почему, однако, количественное различие настолько мало? Это может быть связано с составом сравниваемых выборок, на самом деле более похожих, чем нам бы хотелось. С одной стороны, контрольная выборка текстов без переключения кодов записывалась вместе с нанайскими текстами (часть этих текстов — пересказы историй, рассказанных по-нанайски), поэтому эти тексты тоже могут содержать черты «динамической интерференции». С другой стороны, рассматриваемая выборка текстов с переключением кодов неоднородна: в ней есть достаточно длинные фрагменты полностью на русском языке (такие как приведенный выше в (23)). В них «динамическое» влияние нанайского языка может быть меньше, чем в предложениях со смешением кодов и предложениях, непосредственно соседствующих с нанайскими, или оно может вовсе отсутствовать.

4.2. Особенности русской речи в текстах с переключением кодов: квазиимперативы

Если искать яркие нестандартные грамматические черты не на количественном уровне, а на качественном, то прежде всего обращают на себя внимание «квазиимперативы»: неоформленная основа императива/настоящего времени в позиции индикативных форм, ср. (24) и (25).

- (24) vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan
И потом *давай* {ama ('отец')} мне другой нарта\ собака\ ('и потом отец дал мне другие нарты и собаку')
- (25) vsg_120821_ns_Medvezhatina_rus
Четыре\ медведь *убивай!* <...> Семья-то *таскай!* ('по четыре медведя убивал, <...> в семью приносил')

⁸ Если подходить к этим данным с точки зрения переключения кодов, то можно отметить, что это явления, связанные с использованием т. н. «поздних морфем» (outsider late morphemes) в теории К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton 2002], т. е. тех, про которые предполагается, что при переключении кодов они должны приходиться из языка, задающего структуру предложения (Matrix Language).

В текстах без переключения кодов таких употреблений не встретилось, в текстах с переключением кодов они тоже редки, но есть. Не до конца понятно, что это за формы и какова их природа. Можно считать, что это презентная основа без лично-числовых аффиксов, а можно — что императивная. В большинстве случаев они совпадают, форма *давай* в примере (24) указывает скорее на вторую возможность (основа презенса *дай-*), однако глагольная морфология VSG может отличаться от стандартной (формы *давает* в текстах не зафиксировано, но она не кажется невозможной, ср. зафиксированные *празднуюают, жалувается*).

Следующий вопрос — можно ли интерпретировать такие формы как прямые кальки с нанайского (чего естественнее всего ожидать при межъязыковом прайминге). Нанайские финитные формы содержат показатель времени и следующий за ним показатель лица-числа (*bū-ri-ni* ‘дает: давать-PRS-3SG’). В отличие от русских, они — по крайней мере в части контекстов — допускают и употребление без лично-числового аффикса (*^{OK}bū-ri* ‘дает: давать-PRS’). Теоретически можно было бы интерпретировать русские примеры (24)–(25) по аналогии с этими употреблениями в нанайском. Но более естественно считать, что в (24)–(25) мы имеем дело скорее с упрощенной дефолтной русской формой, используемой в любом глагольном контексте, а не с калькой с нанайского. Выбор такой формы в текстах с переключением кодов также не исключен. Непосредственно в предложении со смешением кодов выбор дефолтной формы, не оформленной по правилам ни одного из двух языков, может возникать при отсутствии структурной «конгруэнтности» между языками, т. е. когда языки требовали бы настолько разного оформления, что в результате не выбирается ни одно (см. об этом механизме в [Sebba 2009], где он описывается как «компромиссная стратегия»). Здесь, однако, ситуация не вполне такова. Нельзя объяснить выбор дефолтной формы тем, что в нанайском и русском языках на ее месте требовались бы принципиально разные, «противоречащие друг другу», глагольные формы.

4.3. Гипотеза о переключении на пиджин

Выше были предложены не вполне убедительные попытки объяснить квазиимперативные глагольные формы в речи VSG структурными факторами, действующими в ситуации переключения кодов: влиянием нанайского грамматического образца или требованиями взаимной аккомодации разноязычных фрагментов текста. Более смелая гипотеза — считать эти формы (и, возможно, другие нестандартные грамматические черты в текстах с переключением кодов) свидетельством переключения на другую разновидность русского языка или в другой регистр.

Подобные квазиимперативы — яркая черта Дальневосточного (Сибирского) пиджина, одна из разновидностей которого (незадокументированная) была распространена на этой территории, видимо, в поколении родителей и бабушек-дедушек VSG (см. описание грамматики удэгейской разновидности пиджина в [Перехвальская 2008]). Ср. имитацию пиджина этого региона в художественной литературе:

- (26) Что ты, что ты, Сура Путинча, моя только *смейся*, моя тебя *бойся*, — пролепетал шаман. (В. Ф. Зуев. Горюн — священная река)

В отрывке (26) из книги местного автора действие происходит в родном селе VSG в 1930-е гг. (детство VSG). Имитируется речь старика-шамана (поколение бабушек-дедушек или родителей VSG).

Обычную русскую речь VSG в целом нельзя охарактеризовать как пиджин (тем более как базилект пиджина), это скорее стандартный русский язык с отдельными особенностями контактной природы. Ср. (26) с фрагментом из рассказа самой VSG о той же Александре Путинцевой, к которой в (26) шаман обращается *Сура Путинча*:

- (27) vsg_151013_ns_84_Putintseva_rus_nan
Как\ же, знаю\ я ее || Хорошо\ знаю || А его клеш\ укусила || Она <НРЗБ> ||
Ученикам ездила за черемшой/ || Она заболела\

Однако пиджин VSG точно слышала в детстве и, вполне возможно, как минимум пассивно владеет им наряду с более стандартной разновидностью русского языка. Вполне можно допустить, что в рассматриваемой выборке текстов VSG, возможно неосознанно, иногда приближает свою русскую речь к пиджину, т.е. вместо того, чтобы переключиться на нанайский язык, переключается с более стандартного на пиджинизированный русский или на воссоздаваемую по воспоминаниям имитацию пиджина.

Показательны в этом контексте встретившиеся в текстах случаи декларации переключения на нанайский без самого переключения. Ср.:

- (28) vsg_151013_ns_69_PoJagody_rus_nan
Там ... по-нанайски\ я щас скажу. Например часть от этого\ ой\ кету\.

В (28) рассказчик прямо заявляет о намерении говорить по-нанайски и продолжает рассказ по-русски.

Мотивация для переключения с более стандартного русского на разновидность, близкую к пиджину, должна быть примерно следующей. В рассматриваемой ситуации на рассказчика действуют два противоречащих друг другу триггера переключения кодов: а) прямая инструкция от лингвистов говорить по-нанайски (т.е. «как раньше») и б) коммуникативная ситуация разговора с русскими. Рассказчик неосознанно выбирает из своего репертуара языков компромиссный вариант. Пиджин — это, с одной стороны, язык, на котором «говорят с русскими» (б), с другой — язык, на котором «говорили раньше» (а).

Уверенно говорить о переключении на пиджин (или псевдо-пиджин, имитацию пиджина) все же нельзя. Редкие квазимперативы вроде (24) и (25) — самое убедительное свидетельство в пользу такой гипотезы (например, другой яркой черты дальневосточного пиджина, местоимений *моя* и *твоя* вместо *я* и *ты*, ср. (26), в речи VSG не засвидетельствовано). Однако сама по себе такая возможность кажется вполне естественной.

5. Результаты

Итак, выше были рассмотрены некоторые аспекты особой разновидности текстов с переключением кодов между доминирующим языком (русским) и малым языком, находящимся на грани исчезновения (горинским говором нанайского языка). В этих текстах рассказчик стремится говорить на одном языке (рецессивном), но в процессе неосознанно переключается на более привычный другой язык (доминирующий).

Основные наблюдения, сформулированные в статье, касаются реакций на каузацию переключения кодов (реплик слушателей вроде *Говори по-нанайски!*). Еще раз перечислим их.

1) В ответ на прямую каузацию (эксплицитные просьбы говорить «на родном языке») переключение происходит чаще, чем в ответ на косвенную (реплики слушающего по-нанайски). Это, однако, может быть отчасти обусловлено специфической конкретной коммуникативной ситуацией.

2) Смешение кодов в ответ на каузацию переключения кодов более типично, чем полное переключение.

3) Среди предложений со смешением кодов, порождаемых в ответ на просьбу говорить «на родном языке», распределение по структурным типам не отличается от общего по выборке: альтернации > вставки в русский, вставки в нанайский.

4) При этом среди реакций на каузацию переключения кодов со смешением кодов доля предложений, начинающихся с рецессивного языка и продолжающихся на доминирующем выше, чем для остальных предложений выборки со смешением кодов.

5) Ответ на каузацию переключения кодов локализуется, главным образом, в непосредственно следующем за ней предложении и в меньшей степени затрагивает следующие предложения: короткие реакции > стабильные > отложенные.

6) Отвечая на запрос слушающего, рассказчик может повторять на другом языке то, что сказал ранее, а может просто продолжать повествование, переключившись на другой язык. Последнее наблюдается чаще. Разницы между реакциями со смешением и полным переключением кодов в этом отношении не отмечается.

В статье был также рассмотрен вопрос об особенностях русских фрагментов в анализируемых текстах: задуманных говорящим как «рассказ по-нанайски», но де факто содержащих русский материал даже в большем объеме. Можно ожидать, что грамматика таких русских фрагментов будет обнаруживать больше контактных черт, чем в других текстах того же носителя (полностью на русском языке или содержащих незначительные нанайские вставки).

На количественном уровне (при подсчете «отклонений» от литературного монолингвального русского) различие оказывается минимальным. Возможно, это связано с тем, что и тексты полностью на русском языке, имеющиеся в нашем распоряжении, не вполне свободны от непосредственного влияния нанайского языка, активированного в сознании носителя на момент порождения текста

(межъязыкового прайминга): значительная их часть — параллельные версии (пересказы) нанайских текстов. Интересно, что там, где количественное различие все же обнаруживается, речь идет о категориях, связанных с оформлением синтаксических связей между элементами предложения, а не о семантической модификации лексем: согласование прилагательных, предложно-падежное кодирование актантов. В модели переключения кодов К. Майерс-Скоттон предполагается, что при переключении кодов внутри предложения морфемы, оформляющие такие значения, приходят из «матричного языка», того языка, по правилам которого оформляется предложение. Здесь речь идет о русских предложениях без смешения кодов (сами морфемы русские), но тот факт, что «нанайская модель» на уровне выбора значения категории затрагивает именно этот тип морфем, кажется неслучайным. Еще одна обнаруженная тенденция: различие между русскими текстами и текстами с переключением кодов наблюдается для тех грамматических отклонений, которые в обоих типах текстов наиболее частотны (например, для частотного рассогласования прилагательных, но не для более редкого рассогласования глаголов). Не до конца понятно, связано ли это просто с малым объемом данных или за этим стоят содержательные причины.

Отдельные необычные грамматические черты обнаруживаются в анализируемых русских фрагментах на качественном, а не количественном уровне. Редко, но встречаются, в частности, квазиимперативы: формы типа *таскай* в индикативном контексте. Такие формы не являются, судя по всему, прямой калькой с нанайского. Они были характерны для пиджина, ранее распространенного на этой территории. Их наличие в рассматриваемых текстах может свидетельствовать о том, что говорящий (возможно, неосознанно) переключается между регистрами: более стандартной разновидностью русского и разновидностью, близкой к пиджину. Можно осторожно предположить, что на пиджинизированную разновидность говорящий переключается в тех случаях, когда его осознанной целью на самом деле является переключение на нанайский. Правдоподобный сценарий такого «переключения не на тот код» связан с тем, что у говорящего в рассматриваемой ситуации имеется две вступающих в противоречие мотивации: первая — говорить «как раньше» (по просьбе лингвистов), вторая — говорить на том языке, на котором обычно говорят с русскими. Нанайский язык удовлетворяет первой мотивации, но не второй. Пиджин — обеим.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо;

ABL — аблатив; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; HESIT — маркер хезитации; IMP — императив; INCH — инхоатив; IPFV — имперфектив; LAT — латив; MPURP — движение с целью; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Литература

Зудина Е. А. Экспериментальные методы исследования маркеров обратной связи на материале русского диалогического дискурса. Дипломная работа. М.: МГУ, 2008.

Перехвальская Е. В. Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008. 363 с.

Auer P. Bilingual conversation. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1984. 116 p.

Auer P. (ed.) Code-switching in conversation. Language, interaction and identity. London: Routledge, 1999. 368 p.

Auer P. Bilingual conversation revisited // Code-switching in conversation. Language, interaction and identity / ed. by P. Auer. London: Routledge, 1999. P. 10–24.

Backus A. Codeswitching and language change: One thing leads to another? // International Journal of Bilingualism. 2005. №9 (3&4). P. 307–340.

Booij G. Inherent versus contextual inflection and the split morphology hypothesis // Yearbook of morphology / ed. by G. Booij and J. van Marle. Dordrecht/Boston/London: Kluwer Academic Publishers, 1996. P. 1–16.

de Bot K. Cognitive processing in bilinguals: from static to dynamic models // The Oxford Handbook of Applied Linguistics / ed. by R. Kaplan. 2-nd ed. Oxford: OUP, 2010. P. 335–348.

Gardner R. Between speaking and listening: the vocalisation of understanding // Applied Linguistics. 1998. №19(2). P. 204–224.

Grenoble L. A. Switch or shift: code-mixing, contact-induced change and attrition in Russian-Evenki contacts // Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia. 2010. №40. P. 147–161.

Grosjean F. Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person // Brain and Language. 1989. №. 36. P. 3–15.

Grosjean F. The bilingual's language modes // One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing / ed. by J. Nicol. Cambridge, MA: Blackwell, 2001. P. 1–22.

Johanson L. Do languages die of 'structuritis'? On the role of code-copying in language endangerment // Rivista di Linguistica, 2002. №14(2). P. 249–270.

Knight D. Multimodality and Active Listenership: A Corpus Approach. London: Continuum, 2011. 272 p.

Loebell H., Bock K. Structural priming across languages // Linguistics. 2003. №41. P. 791–824.

Muysken P. Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge/New York: Cambridge University Press, 2000. 306 p.

Myers-Scotton C. Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes. Oxford/New York: Oxford University Press, 2002. 342 p.

O'Keefe A., Adolphs S. Using a corpus to look at variational pragmatics: response tokens in British and Irish discourse // Variational Pragmatics / ed. by K. P. Schneider and A. Barron. Amsterdam, Netherlands: John Benjamins, 2008. P. 69–98.

Paradis M. Linguistic, psycholinguistic, and neurolinguistic aspects of “interference” in bilingual speakers: The activation threshold hypothesis // *International Journal of Psycholinguistics*. 1993. №9(2). P. 133–145.

Poplack Sh. Contrasting patterns of code-switching in two communities // *Codeswitching: Anthropological and sociolinguistic perspectives* / ed. by M. Heller. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1988. P. 215–244.

Sebba M. On the notions of congruence and convergence in code-switching // *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching* / ed. by B. E. Bullock and J. Toribio. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 40–57.

Natalia Stoynova

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS
(Russia, Moscow)
stoynova@yandex.ru*

“SPEAK NANAI!” CODE-SWITCHING IN TEXTS IN AN ENDANGERED LANGUAGE

The paper deals with structural features of code-switching in a specific situation of narrative production in the half-remembered “native” language. The data involved in the study is a sample of texts with numerous switches between Nanai and Russian, recorded from one of the last speakers of Gorin Nanai. In the paper, I discuss two relevant points on these data. First, I analyze the contexts of code-switching causation (listeners’ direct or indirect requests on code-switching). The frequency, length, structural features of the reaction-switches and their differences from spontaneous switches are in focus. Second, I describe Russian sentences attested in texts with intensive code-switching as a target of the “crosslinguistic priming” (the grammatical influence of the other language involved in the text). Some of the Russian fragments attested in the text sample can be interpreted as a case of code-switching (or rather register-switching) between a more standard variety of Russian and a pidgin-like variety.

Keywords: Russian, Tungusic languages, Nanai, code-switching, code-mixing, Russian Pidgins, language shift, language attrition.

References

Auer P. *Bilingual conversation*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing, 1984, 116 p.

Auer P. (ed.) *Code-switching in conversation. Language, interaction and identity*. London, Routledge, 1999, 368 p.

Auer P. Bilingual conversation revisited. *Code-switching in conversation. Language, interaction and identity* (ed. by P. Auer). London, Routledge, 1999, pp. 10–24.

Backus A. Codeswitching and language change: One thing leads to another? *International Journal of Bilingualism*, 2005, no. 9 (3&4), pp. 307–340.

Booij G. Inherent versus contextual inflection and the split morphology hypothesis. *Yearbook of morphology* (ed. by G. Booij and J. van Marle). Dordrecht/Boston/London, Kluwer Academic Publishers, 1996, pp. 1–16.

de Bot K. Cognitive processing in bilinguals: from static to dynamic models. The *Oxford Handbook of Applied Linguistics* (ed. by R. Kaplan). 2nd ed. Oxford, Oxford University Press, 2010, pp. 335–348.

Gardner R. Between speaking and listening: the vocalisation of understanding. *Applied Linguistics*, 1998, no. 19(2), pp. 204–224.

Grenoble L. A. Switch or shift: code-mixing, contact-induced change and attrition in Russian-Evenki contacts. *Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia*, 2010, no. 40, pp. 147–161.

Grosjean F. Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person. *Brain and Language*, 1989, no. 36, pp. 3–15.

Grosjean F. The bilingual's language modes. *One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing* (ed. by J. Nicol). Cambridge, MA, Blackwell, 2001, pp. 1–22.

Johanson L. Do languages die of 'structuritis'? On the role of code-copying in language endangerment. *Rivista di Linguistica*, 2002, no. 14(2), pp. 249–270.

Knight D. *Multimodality and Active Listenership: A Corpus Approach*. London, Continuum, 2011, 272 p.

Loebell H., Bock K. Structural priming across languages. *Linguistics*, 2003, no. 41, pp. 791–824.

Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge/New York, Cambridge University Press, 2000, 306 p.

Myers-Scotton C. *Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes*. Oxford/New York, Oxford University Press, 2002, 342 p.

O'Keeffe A., Adolphs S. Using a corpus to look at variational pragmatics: response tokens in British and Irish discourse. *Variational Pragmatics* (ed. by In K. P. Schneider and A. Barron). Amsterdam, Netherlands, John Benjamins, 2008, pp. 69–98.

Paradis M. Linguistic, psycholinguistic, and neurolinguistic aspects of "interference" in bilingual speakers: The activation threshold hypothesis. *International Journal of Psycholinguistics*, 1993, no. 9(2), pp. 133–145.

Perehval'skaja E. V. *Russkie pidzhiny* [Russian Pidgins]. Moscow, Aletejja, 2008, 363 p.

Poplack Sh. Contrasting patterns of code-switching in two communities. *Codeswitching: Anthropological and sociolinguistic perspectives* (ed. by M. Heller). Berlin/New York, Mouton de Gruyter, 1988, pp. 215–244.

Sebba M. On the notions of congruence and convergence in code-switching. *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching* (ed. by B. E. Bullock and J. Toribio). Cambridge, Cambridge University Press, 2009, P. 40–57.

Zudina E. A. *Eksperimental'nye metody issledovanija markerov obratnoj sv'azi na materiale russkogo dialogicheskogo diskursa*. [Experimental methods of investigation of backchannels on the data of Russian dialogues]. Master thesis. Moscow, MSU, 2008.

В. В. Дьячков
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
hyppocentaurus@mail.ru

СТРУКТУРНЫЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОРНОМАРИЙСКО-РУССКОГО ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ: ПИЛОТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

В статье на материале пилотного корпуса горномарийской речи рассматриваются структурные особенности переключения кодов (code switching), наблюдаемого в сельских сообществах Горномарийского района Республики Марий Эл. Вначале на основе неформальных наблюдений характеризуется социолингвистическая ситуация, наблюдаемая для изучаемого идиома. Далее подробно описывается структура пилотного корпуса, на основе которого проводилось исследование, детально обсуждаются используемая разметка и накладываемые исходным материалом ограничения. На основании количественных данных делаются некоторые выводы о структурных особенностях горномарийско-русского переключения кодов в изучаемом языковом сообществе. В частности, отмечается невысокая доля межклаузуальных кодовых переключений внутри сложных предложений и большое количество переключений на уровне составляющих такого типа, как предложные группы, адвербиалы, предикативные единицы и дискурсивные маркеры. Кратко описывается также большая доля речевых клише среди переключаемых составляющих.

Ключевые слова: социолингвистика, переключение кодов, русский язык, финно-угорские языки, горномарийский язык, лингвистические корпуса

Введение

Данное исследование посвящено выявлению структурных характеристик переключения кодов (code switching или code mixing) в горномарийском языке. Это явление применительно к материалу разноструктурных языков получает в последние десятилетия обширное освещение в лингвистической литературе, перечислить которую даже в виде краткого списка здесь не представляется возможным

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-312-00155 мол_а.

(но которую мы кратко охарактеризуем ниже). Вместе с тем переключение кодов в горномарийских языковых сообществах, насколько нам известно, на данный момент подробно не описано.

Данные для исследования собраны в первую очередь в ходе лингвистических экспедиций ОТиПЛ МГУ в с. Кузнецово и окрестные деревни (Апшак-Пеляк, Тюманово, Кукшилиды, Паулкино, Кожланангер) Горномарийского района республики Марий Эл и отражают речевые практики соответствующего сообщества.

Дальнейшее изложение структурировано следующим образом. В разделе 1 мы охарактеризуем социолингвистическую ситуацию, в которой функционирует горномарийский язык, и отдельно приведем наши наблюдения над социолингвистической ситуацией в изучаемом идиоме. В разделе 2 мы опишем структуру пилотного корпуса, используемого в нашем исследовании, а в разделе 3 — отмеченные на материале этого корпуса структурные свойства русско-горномарийского переключения кодов.

1. Горномарийский язык: социолингвистическая ситуация

Горномарийский язык входит в финно-угорскую группу уральской языковой семьи, на нем говорят в основном в Горномарийском районе Республики Марий Эл. Число носителей оценивается примерно в 30 тыс. человек (оценка сайта Ethnologue¹), и он оценивается с социолингвистической точки зрения как язык под угрозой исчезновения (6b, threatened). В данной работе описывается идиом, распространенный в с. Кузнецово и его окрестностях (Кузнецовского сельского поселения).

Все взрослые носители описываемого идиома являются двуязычными и говорят на русском языке. Несмотря на социолингвистический статус горномарийского, этот язык продолжает усваиваться как родной. Согласно сообщениям наших информантов, некоторые дети дошкольного возраста до сих пор не знают никакого языка, кроме горномарийского, выучивая русский только в школе. Вместе с тем многие носители впоследствии перестают использовать горномарийский язык, если переезжают в город. Сами носители зачастую считают горномарийский язык непрестижным. Автору данной статьи в неформальной беседе сообщали, что жители села могут, к примеру, общаться между собой по-горномарийски на автобусной остановке, однако, войдя в автобус, переходят на русский («стесняются своего родного языка»).

Поверхностное наблюдение показывает, что в языковом сообществе, речь которого является предметом изучения в данной статье (с. Кузнецово), горномарийский язык по-прежнему широко используется в повседневной речи. Так, в непосредственно доступных наблюдению исследователей ситуациях общения (например, в магазине) отмечается преимущественное использование горномарийского языка, а не русского. Есть, тем не менее, свидетельства того, что некоторые

¹ www.ethnologue.com.

речевые практики оцениваются частью носителей (особенно старшего поколения) как неправильные («дети говорят на испорченном языке»). Согласно подобным суждениям, дети могут включать в речь неоправданные русизмы, как в следующем примере (приведенном в ходе интервью со взрослым носителем), где вместо горномарийского глагола *väsäñ* ‘лететь’ употребляется гибридная словоформа, состоящая из русского корня и горномарийского словоизменительного показателя:

- (1) *kek l'et-ä*
птица лететь-NPST.3SG
‘Птица летит’.

Подобные случаи могут свидетельствовать в пользу того, что в изучаемом языковом сообществе функционирует т. н. смешанный код, при котором переключение с языка на язык является не осознанным способом маркировки коммуникативного намерения говорящего, а некоторой немотивированной контаминацией элементов двух языков (о смешанных кодах см., например, [Romaine & Kachru 1992], [Swigart 1992], [Gardner-Chloros 1995], [Головки 2001], помимо многих других).

Переключение кодов, используемое в горномарийских языковых сообществах, не становилось предметом отдельного исследования. В этом отношении гораздо лучше исследован близкородственный луговой марийский язык (см. [Гаврилова 2012; 2013; 2015]). В.Г. Гаврилова отмечает следующие существенные характеристики переключения луговомарийско-русского переключения кодов: использование русскоязычных «дней недели, цветов, чисел, терминов родства» (*Мый тендан деке понедельникын толам, вет?* ‘Я ведь к вам в понедельник приду?’²; *Тиде, короче, метр шесятсемь* ‘А этот, короче, метр шестьдесят семь’ [Гаврилова 2013: 17]); использование русских союзов (в том числе дублирование) (*Шоньмо огыл, што мый тышке тунемаши толам* ‘Не думали, что я сюда поступлю учиться’; *Если урок уло гын, то кынелам, если уке гын, мален кертат лу шагат марте* ‘Если есть уроки, то встаю, если нет, то могу спать до десяти часов’ [Гаврилова 2013: 18]); включение русских междометий и дискурсивных маркеров. В.Г. Гаврилова указывает, что русские элементы при кодовом переключении хорошо интегрированы в язык-реципиент, т. е. включаются в речь в соответствии с правилами лугового марийского языка.

Гаврилова отмечает также, что переключение кодов в некоторых случаях зависит от структуры текста: «смешение кодов при цветообозначении напрямую зависит от темы беседы: в приведенном [выше в тексте — В.Д.] примере речь шла об учебном процессе в университете, по мнению самих респондентов, языком учебы, преподавания, науки является русский язык, что вызывает смешение. Обсуждение других тем традиционно не вызывает заимствований лексем для обозначения цветов из русского языка» [Гаврилова 2013: 17]. Безусловно, наличие близкого родства между языками не является аргументом в пользу того, что

² Здесь и далее примеры из лугового марийского языка приведены в том же виде, как в источнике.

горномарийско-русское переключение кодов имеет сходную структуру, поэтому горномарийский материал нуждается в первичном эмпирическом исследовании, которое позволило бы выявить его наиболее существенные свойства.

Таким образом, целью нашего пилотного исследования является сбор тестового корпуса данных и описание как можно большего количества случаев наблюдаемого кодового переключения. Нашей задачей является также качественная характеристика наблюдаемых явлений — в первую очередь с точки зрения структуры (в частности, синтаксической). Конечной целью нашей работы является выявление факторов, которые определяют переключение кодов в исследуемом идиоме горномарийского языка, однако эта цель, безусловно, не может являться достижимой в рамках настоящей статьи. Очевидной причиной этого является крайняя ограниченность текстовой выборки, размер которой не представляется достаточным для формулировки статистически верифицируемых утверждений. Тем не менее, мы считаем, что даже в рамках пилотного исследования возможно определить наиболее существенные структурные черты горномарийско-русского переключения кодов.

2. Описание состава и разметки корпуса

Итак, для пилотного исследования мы отобрали несколько устных текстов, записанных в ходе полевой работы 2017–2018 гг.³ в селах Кузнецовского сельского поселения Горномарийского района Республики Марий Эл. Основным принципом отбора текстов на данном этапе являлось достаточное количество русскоязычных вкраплений, независимо от того, являются ли они заимствованиями, ассимилированными по фонетическим правилам матричного (т. е. горномарийского) языка, или полноценными русскоязычными вставками (см. например, [Winford 2003; 2010], [Matras 2009], [Poplack 2017] о трудностях различения лексических заимствований и переключения кодов). Безусловной проблемой текущего этапа исследования является проблема спонтанности исследуемой речи, поскольку собранные в ходе полевой работы тексты являются зачастую текстами, порождаемыми по определенному заданию. Именно поэтому для пилотного корпуса были отобраны 5 текстов (общей продолжительностью около 47 мин), которые максимально соответствовали требованию естественности речи. Из этих 5 текстов 1 является диалогом двух носителей горномарийского языка, который ведется в присутствии исследователя, 3 текста — спонтанным диалогом двух носителей горномарийского языка, которые по заданию исследователя выполняют некоторые игровые действия, сообщая друг другу инструкции по перемещению фигурок, и 1 текст — диалогом носителя языка с русскоязычным исследователем. Последний текст является монологом носителя на горномарийском языке, в ходе которого исследователь иногда задает вопросы на русском. Для удобства этот текст разбит на два фрагмента, в первом

³ Автор статьи выражает благодарность Е. В. Кашкину и П. С. Плешак за предоставление материалов для пилотного корпуса.

из которых носитель использует преимущественно горномарийский язык, а во втором — русский.

Некоторые существенные дискурсивные характеристики исследуемых текстов приведены ниже вместе с номерами этих текстов в корпусе:

1. Текст 1 — диалог двух носителей горномарийского языка на свободную тему.
2. Текст 2 — диалог двух носителей горномарийского языка с элементами инструктивного речевого акта.
3. Текст 3 — диалог двух носителей горномарийского языка с элементами инструктивного речевого акта.
4. Текст 4 — диалог двух носителей горномарийского языка с элементами инструктивного речевого акта.
5. Текст 5 — монолог носителя горномарийского языка на тему игр в присутствии носителя русского языка (последний периодически задает вопросы на русском языке).

По нашему предположению, разметка имеющихся в нашем распоряжении текстов должна быть максимально информативной и отражать всю нужную информацию о структурных характеристиках текстов, которые значимы для выявления существенных характеристик изучаемого кодового переключения. В социолингвистической литературе описано огромное количество случаев кодового переключения, которое может быть мотивировано дискурсивными факторами. Хорошо известны случаи, когда переключение кодов осуществляется в пределах определенных фрагментов дискурса — например, для передачи прямой речи, уточнения сказанного, при смене адресата речи, а также в рамках языковых игр и смены регистра социального взаимодействия (см., например, важнейшие работы в этой области [Gumperz 1976; 1982], [Myers-Scotton 1988], [Gardner-Chloros 1995], помимо многих других).

В литературе описано также большое количество случаев нетривиального взаимодействия языковых структур, участвующих в переключении кодов. Влиятельной является теория Мейскена (см. [Muysken 2000]), в которой последовательно разграничиваются такие явления, как инсерция, альтернация и конгруэнтная лексикализация, различие между которыми лежит в степени интегрированности иноязычных фрагментов. Однако, как представляется, граница между этими явлениями не всегда четкая, и существует достаточно большое количество случаев, когда не удается однозначно определить, является ли спорный фрагмент случаем инсерции, альтернации или конгруэнтной лексикализации.

Стоит отметить, что даже в рамках одной языковой семьи структурные характеристики кодового переключения могут значительно варьироваться от языка к языку, несмотря на структурные сходства — см., например, сборник [Tánczos et al. 2018], где описаны свойства кодовых переключений в разных финно-угорских языковых сообществах, весьма сильно отличающиеся друг от друга.

Разметка исходных текстов осуществлялась в программной среде ELAN. В целях удобства весь исходный текст был сегментирован на токены, и, таким образом, дальнейшие слои разметки могут быть привязаны как к уровню клаузы, так

и к уровню конкретного токена (т. е. орфографического слова). В разметке есть следующие слои:

- *clause_type* — в данном слое отмечается тип придаточного предложения. Слой нужен для первичной разметки типов переключаемых придаточных предложений. Теоретически эти придаточные предложения могут быть связаны с определенными фрагментами дискурсивной структуры текста (например, с теми фрагментами, где происходит уточнение сказанного, описывается фоновое действие, цитируется прямая речь, и др.);
- *speech_act_type* — в этом слое отображается тип речевого акта, при котором наблюдается переключение кодов. На данный момент мы отказываемся от сплошного разбиения всего текста по типам речевого акта, хотя отдаем себе отчет в том, что такая разметка была бы информативнее. Вместе с тем, если при некотором типе речевого акта систематически появляется переключение кодов, это должно быть заметно даже при первичном анализе результатов;
- *comment_on_trigger* — слой, содержащий комментарий к двум предыдущим слоям, записанный в свободной форме;
- *constituent_type* — слой, который является дочерним по отношению к слою, содержащему разбиение на токены. Тэг из этого слоя приписывается токenu или последовательности токенов, отображая синтаксический тип соответствующей составляющей. Инвентарь тэгов для данного слоя описывается в подробностях ниже;
- *language* — слой, в котором указывается язык для составляющей, помеченной в слое *constituent_type*;
- *loan* — слой, в котором помечаются заимствованные лексемы⁴.

Отдельного комментария требует слой *constituent_type*, который является в нашем корпусе основным. Предлагаемое решение заключается в том, что мы полностью отказываемся от какой-либо априорной классификации наблюдаемых случаев переключения кодов на морфологическом или синтаксическом основании. Иными словами, в разметке отображается любое переключение кодов внутри предложения, а каждой составляющей, внутри которой происходит смена языка, присваивается синтаксический тэг. Этот синтаксический тэг совпадает с фразовой категорией выделяемой составляющей — так, предложной группе приписывается тэг *pp* [=prepositional phrase], адverbиальной составляющей — тэг *adv*, придаточному предложению — тэг *conj* [=conjunction phrase] и т. д. Допустимы и тэги для терминальных составляющих — так, одиночному имени можно приписать тэг *np* [=noun phrase]. Если переключению подвергается составляющая уровня предложения, это отображается в виде тэга *s* [=sentence].

⁴ Выше уже упоминалась теоретическая проблема, связанная с разграничением заимствованных лексем и переключения кодов. Не углубляясь в дискуссию по этому вопросу, отметим, что интегрированные в синтаксическую структуру одиночные лексемы мы относим к заимствованиям, хотя в случае союзов и адverbиалов (*što, no, naverno*) это решение не представляется бесспорным. С другой стороны, культурные заимствования, не имеющие горномарийских аналогов (*urov'en', kolxoz*), с нашей точки зрения, неправомерно анализировать как переключение кодов. Такие лексемы мы отображаем с помощью латинской транскрипции.

Некоторые дополнительные тэги вводятся также для дискурсивных маркеров — *discm* (в общем, может, можно сказать, видишь и т. д.), предикативных единиц, отличных от глаголов, таких как *да*, *нет*, *ясно*, *непонятно* и др. (*pred*). Отдельные тэги вводятся и для наиболее редких случаев переключения: например, тэг *case* употребляется в случаях, когда переключение происходит не на уровне отдельных составляющих, а на уровне словоформы, как в следующем случае:

- (2) *на крылечке-štāđ*
на крылечке-IN
'на крылечке'

Любой текстовый фрагмент⁵, который содержит составляющие и на горномарийском, и на русском языке, получает обязательную разметку в слое *constituent_type*. В этом слое указывается тип вставляемой (иноязычной по отношению к предложению) составляющей. Для каждого фрагмента, отмеченного в слое *constituent_type*, указывается также язык фрагмента, и отдельно отмечается также язык для правого и левого контекста (если они есть)⁶. Составляющая размером менее предложения снабжается соответствующим синтаксическим тэгом и языковым тэгом в слое *language*. Составляющая уровня предложения, при котором чередуются составляющие на горномарийском и русском языках, помечается как *s*, снабжаемое в слое *language* тэгом (*rus* [=Russian]). Поскольку основным языком в исследуемых текстах является горномарийский, то предложения на этом языке отдельно тэгами не маркируются.

В слое *language* также отмечается язык левого и правого контекста (*rus* или *hm*), причем для составляющей уровня предложения язык окружения не указывается. В следующем фрагменте, например, ярлыком *pp* [=prepositional phrase] помечена составляющая *при советской власти*, которая является предложной группой:

- (3) *nu vara при советской власти tožā kolhoz āl-ān*
ну потом то же колхоз быть-PRET
'Ну потом при советской власти то же колхоз был...'

⁵ Для простоты мы считаем, что текст изначально уже разбит на единицы, соответствующие клаузе. Хотя само определение единицы разбиения как клаузы/предложения/элементарной дискурсивной единицы нуждается в дополнительном обосновании, мы, однако, не обсуждаем здесь этот вопрос подробно и считаем, что текст изначально разбит на клаузы в соответствии с общими принципами транскрипции полевых данных.

⁶ Здесь стоит отметить, что в наших данных подавляющее большинство переключений осуществляется при матричном горномарийском языке, т. е. русскоязычные фрагменты вставляются в горномарийскую речь. Иногда происходит обратное (горномарийские фрагменты вставляются в русское предложение), однако в таком случае мы все равно отмечаем русскоязычные фрагменты в слое *constituent_type*, а отличить их от случаев, когда русскоязычный фрагмент, наоборот, вставляется в предложение на горномарийском языке, помогает последовательность тэгов в слое *language*. Так, для примера (6), приводимого ниже («А-а-а, все понятно, жага, жага, все понятно»), сигнализировать о том, что при переключении кодов матричным является русский язык, должна последовательность тэгов [*rus hm rus*]. Данное решение принимается в связи с тем, что нас в первую очередь интересует качество русскоязычных составляющих.

Поскольку эта составляющая находится в обрамлении горномарийских речевых фрагментов, и левый, и правый контекст помечаются как *hm*, и, таким образом, при выгрузке файла ELAN в текстовый формат фрагмент текста помечается последовательностью тэгов [*hm rus hm*]. Следовательно, если фрагмент на горномарийском языке замыкает клаузу, которая начинается по-русски, клауза наделяется последовательностью тэгов [*rus hm*], и т. д. Таким образом, мы предполагаем, что для каждого случая кодового переключения мы получаем в единообразном виде информацию о его синтаксической структуре и последовательности элементов двух переключаемых кодов, что позволяет извлекать их из текстов для последующего качественного и количественного анализа.

3. Пилотное исследование корпуса: результаты

Ниже мы кратко охарактеризуем с количественной и качественной точки зрения полученные результаты. Прежде всего, стоит отметить, что в корпусе было найдено два случая, когда переключение происходит внутри словоформы — русскоязычный фрагмент оформляется горномарийским падежным или посессивным показателем:

- (4) *зимой мы [молодые- et-šə] собирались*
 POSS.2SG-POSS.3SG⁷
 ‘Зимой мы, молодые, собирались...’
- (5) *Играли [третий лишний -lä] так svidan’i-lä*
 -SIM свидание-SIM
 ‘Играли в третьего лишнего, так, в свидания...’

Составляющие других типов распределены по текстам и по синтаксическим тэгам следующим образом. В Таблице 1 представлены только типы составляющих, которые встретились во всей выборке больше двух раз.

Таблица 1

	s	adv	discm	pred	pp	vp
Текст 1	6	2	3	0	0	0
Текст 2	7	4	5	4	4	0
Текст 3	6	3	3	5	1	0
Текст 4	4	6	4	3	1	0
Текст 5_a	4	7	6	1	4	7
Текст 5_b	9	5	1	1	3	3
<i>Итого</i>	<i>36</i>	<i>27</i>	<i>22</i>	<i>14</i>	<i>13</i>	<i>10</i>

⁷ Посессивные показатели в данном фрагменте употреблены в своем вторичном (дискурсивном) значении, подробно см. [Khomchenkova 2017].

Не претендуя на масштабные обобщения, которые могут быть возможны только со значительным расширением выборки, мы, однако, прокомментируем полученные результаты. В нашей выборке практически не встретилось случаев, когда переключение наблюдалось на границе двух клауз, одна из которых была главной, а другая зависимой (такие составляющие помечаются тэгом *conjр*, и их частотность в исследуемой выборке оказалась равна 2). Вместе с тем, как и предполагалось, частотными оказались русскоязычные вкрапления тех составляющих, которые можно с известной долей условности охарактеризовать как неизменяемые части речи — к их числу можно отнести в первую очередь дискурсивные маркеры, адвербиальные составляющие и предикативные единицы. Употребление предикативных единиц можно проиллюстрировать следующими текстовыми примерами:

- (6) *A-a-a, все понятно, jara, jara, все понятно хорошо*
 ‘А-а, все понятно, хорошо, хорошо, все понятно’.
- (7) *vot tǎn'-žǎ šǎdešk-et vopše če-to nepǎjntno*
 вот 2SG-POSS.3SG сердиться-NPST.2SG вообще **че-то непонятно**
 ‘Вот ты сердисься, вообще что-то непонятно [почему]’.
- (8) *stǒl ogol-ǎštǎ šalg-a, da*
 стол угол-IN стоять-NPST.3SG **да**
 ‘На углу стола стоит, да’.

Вместе с тем стоит отметить, что составляющие, объединенные нами под ярлыком «предикативы», распределены по текстам неравномерно: их частотность составляет соответственно 0 и 1 в текстах диалогического жанра, которые построены по определенному заданию исследователя (см. детали в разделе 2), однако равняется 4, 5 и 3 в трех текстах, которые можно отнести к инструктивам. К числу наиболее часто употребляемых предикативных единиц можно отнести лексемы *да, нет, ясно, понятно*. Все это лексемы, употребление которых связано с жанровой спецификой инструктивных текстов, предполагающих (в силу естественных причин) наличие маркеров обратной связи. В данном случае маркеры выполняют роль сигналов того, что собеседник понял исходящую информацию и готов выполнить соответствующее действие.

Составляющие других типов демонстрируют равномерное распределение по текстам нашей выборки. Ожидаемо равномерно распределены адвербиальные составляющие и дискурсивные маркеры, которые обычно являются первыми составляющими, подвергаемыми переключению при языковом сдвиге (см. об этом, например, [Auer 1999]). Предложные группы также встречаются во всех исследуемых текстах, хотя и в разных пропорциях — они отсутствуют в некоторых текстах и малочисленны в других. Вместе с тем среди предложных групп выделяются два семантически отличных друг от друга класса, которые, как кажется, могут представлять собой принципиально отличные друг от друга множества синтагм. Ниже в (9) и (10) приведены множества предложных групп, которые входят в эти два класса.

- (9) *на одном уровне
на границе картины
за пределы класса
на уровне
с розовой полоской
между тремя девочками*
- (10) *с этих с матерей [передавались традиции]
при советской власти
при мне [= 'в мое время']
до войны
после седьмого класса
в стороне
от поколения к поколению*

Разница между этими двумя множествами лежит в сфере принципиально разных семантических отношений между элементами составляющей. Так, предложные группы в (9), взятые из текстов 2, 3 и 4, которые, как мы это обозначили выше, представляют собой диалог со значительным включением элементов инструктивного речевого акта, обозначают в основном некоторое пространственное отношение. Это естественным образом объясняется тематикой диалога (напомним, что его участники выполняют задания по перемещению фигурок), однако здесь может быть уместен вопрос, почему данные фрагменты носители произносят на русском языке, а не на горномарийском. Условия переключения кодов, таким образом, остаются неизвестными и недоступными непосредственному наблюдению.

В случае предложных групп из множества (10), напротив, естественно сделать предположение, что данные фрагменты легче воспроизвести на русском языке, потому что они представляют собой речевые штампы. В самом деле, такие выражения, как *при советской власти* или *от поколения к поколению*, представляют собой устойчивые выражения, которые могут быть охарактеризованы как речевые клише. Застывшим выражением можно считать также предложную группу *в стороне*, имеющую в данном контексте значение 'не при деле'. Такие предложные группы, как *при мне*, *до войны* или *после седьмого класса*, однако, не могут быть охарактеризованы как застывшие выражения. Вместе с тем они представляют собой обозначения культурных реалий (в частности, 'война' и 'седьмой класс'), которые могут подвергаться переключению или заимствоваться в язык целиком, облегчая при этом и переключение всей предложной группы. В любом случае, подобное явление нуждается в более детальном исследовании.

Составляющие, помеченные тэгом *вр* (глагольная группа), представляют собой наиболее гетерогенный класс по естественным причинам: глагол может присоединять зависимые разного типа. Встретившиеся в исследовании глагольные группы приведены ниже:

- (11) *лесом торговали
сплошь лежит*

- лично участвовала
должны переходить
заново надо оформлять
- (12) обрабатывали с ног до головы
в гробу сто раз перевернулся
придете к тому что
диву даешься

Нетрудно заметить, что значительную часть списка составляют также выражения, которые, возможно, вообще не имеют эквивалентов в горномарийском языке и поэтому не могут подвергаться «частичному» переключению. Помимо вполне очевидных случаев типа *в гробу сто раз перевернулся*, это также глагольные группы типа *лично участвовала* и *заново оформлять*, которые также можно охарактеризовать как устойчивые (хотя не идиоматичные) коллокации, вероятно, не имеющие горномарийских аналогов и воспроизводимые целиком.

Однако наибольшее количество случаев, как видно из Таблицы 1, приходится на межклаузальное переключение, при котором независимая клауза на русском языке вставляется в горномарийский контекст. К сожалению, на данном этапе исследования любые предположения о причине таких переключений не имеют никакого статистического подтверждения, а их трактовка целиком зависит от теоретических установок исследователя. Отчетливо выделяются только некоторые типы контекстов — например, контекст уточнения сказанного, когда составляющая дублируется носителем на обоих языках:

- (13) Ремень *präžä* положишь
- (14) У нас клуба не было в деревне-то *klubna* *äl-de*
клуб-POSS.1PL быть-NEG.PRET
- (15) *ni, pätäriš ärvezäš urov'en' ture*
ну первый мальчик уровень около
ну в общем на одном уровне, можно сказать
'Ну, на уровне первого мальчика, ну, в общем, на одном уровне, можно сказать'

Некоторое количество кодовых переключений наблюдается в случаях, когда говорящий переключается на экспрессивный регистр. Например, в (16) говорящий сначала пересказывает некоторые события (а именно, факт визита), но затем начинает выражать свою оценку происходящего и переключается на русский язык (несмотря на задание исследователя, который просил его говорить по-горномарийски). Во фрагменте (17) подобное переключение внутри диалога связано с просьбой говорящего снизить тон:

- (16) *kâzmodemjansk-âštâ [имя]-vlä do-kâ mi-em* *äl'ä*
Козьмодемьянск-in [имя]-PL у-ILL2 приходить-NPST.1SG RETR1
rovotajâ-m-em *god-âm-et-šä*
работать-NMLZ-POSS.1SG время-ACC-POSS.2sg-POSS.3SG
ni man-am *män'-žä*
ну говорить-NPST.1SG 1SG-POSS.3SG

*все равно придете к тому что будете поддерживать производство.
щас вот давите как не знаю что, да.
че творят.*

*да простой пример возьмем техосмотр автомашины, блин.
такой этот пример [...]*

‘В Козьмодемьянск я приходила к Х-овым [фамилия]. Во время работы. Ну, я говорю, все равно [фрагмент по-русски]’

(17) А: *ture-štä ... ture kâce šalg-a* [НРЗБ]

около-IN около как стоять-NPST.3SG

stöl do-n=ok šalg-a

стол у-IN2=FOC стоять- NPST.3SG

‘Не рядом, а около стола стоит’.

В: *А ты зачем голос повышаешь?*

Однако в отсутствие убедительных статистических данных сложно постулировать наличие взаимосвязи между экспрессивными речевыми актами и переключением кодов. Поэтому любое решение подобных вопросов мы оставляем на будущее.

Выводы

Итак, в рамках данной работы мы создали аннотированную коллекцию горномарийской речи с переключением кодов и провели ее первичный анализ. Целью этой работы было получение данных, которые могли бы выявить некоторые существенные характеристики переключения кодов, используемого в речи билингвов, говорящих на изучаемом идиоме. При этом изначальное ограничение состояло в том, что используемые тексты не являлись в полной мере спонтанными, поскольку порождались носителями языка в условиях полевой работы и при наличии задания исследователя говорить по-горномарийски. Вместе с тем, по нашему мнению, неосознанное невыполнение этого задания является значимым, поскольку позволяет (хотя бы в первом приближении) получить представление о структурных характеристиках кодового переключения в изучаемом языковом сообществе.

Разработанная синтаксическая разметка позволила выделить следующие структурные характеристики кодового переключения в изучаемом идиоме горномарийского языка. Во-первых, несмотря на достаточно низкий социальный престиж языка, который отмечают сами носители, в нашем корпусе не наблюдалось большого количества переходов на русский язык, что отчасти обусловлено заданием исследователя, который просил носителей говорить именно по-горномарийски. Вместе с тем, даже спонтанное нарушение этого запрета не приводило к большому количеству переходов на русский язык. Всего в нашем корпусе встретилось 36 кодовых переключений между клаузами (т. е. таких переходов, в ходе которых русские клаузы чередовались с горномарийскими), однако практически не встретилось случаев, когда на разных языках произносились бы главная и зависимая клауза. Иными словами, межклаузальное переключение внутри сложного предложения практически отсутствует в нашей текстовой выборке.

Вместе с тем некоторые типы составляющих подвергаются переключению достаточно часто, и к их числу в первую очередь относятся адвербиальные составляющие — число русскоязычных адвербиалов, включаемых в горномарийскую речь, сопоставимо с числом межклаузуальных переключений (27 против 36 вхождений). Следующими по частотности являются дискурсивные маркеры (22 вхождения) и предикативные единицы, отличные от глаголов (14 вхождений), причем последние распределены по нашей выборке неравномерно. Частотны также группы предлога, которые встречаются во всех текстах, исследованных нами (13 вхождений).

Следующее обобщение состоит в том, что в исследуемой выборке мы практически не зафиксировали случаев переключения на именных составляющих, т. е. в текстах не встречается случаев, когда по-русски произносится только именная группа, но составляющая, которая является вершинной по отношению к ней, является горномарийской. В текстах, однако, встречаются глагольные группы, являющиеся русскоязычными включениями, и, как показывает простой качественный анализ этих групп, многие из них являются устойчивыми коллокациями или речевыми клише. Подобное можно сказать и про некоторое подмножество встреченных нами в текстах предложных групп — они также представляют собой речевые клише, возможно, не имеющие аналогов в горномарийском языке. Таким образом, типами составляющих, которые наиболее равномерно распределены по текстам исследуемой выборки, являются адвербиалы, предложные группы и дискурсивные маркеры, что позволяет сделать вывод о начальном этапе языкового сдвига, но никак не о повсеместном кодовом смешении и неразличении русского и горномарийского кодов — по крайней мере в исследуемом языковом сообществе. Вместе с тем, как мы неоднократно отмечали в тексте настоящей работы, подобные обобщения должны быть верифицированы и детализированы на большей выборке, что является частью нашей дальнейшей исследовательской программы.

Условные сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, ACC — аккузатив, SIM — симилятив, FOC — фокусная частица, IN — инессив, NEG — отрицание, NMLZ — номинализация, PL — множественное число, PST — непрошедшее время, POSS — посессив, NPST — непрошедшее время, PRET — претерит, SG — единственное число.

Литература

- Гаврилова В. Г.* Дублирование как одно из проявлений переключения // Финно-угорский мир, №3–4. 2012. С. 56–59.
- Гаврилова В. Г.* Марийско-русское переключение и смешение кодов // Вестник удмуртского университета, №2. Серия «История и филология». 2013. С. 16–22.
- Гаврилова В. Г.* Окказиональные заимствования в устной речи мари // Филологические науки. Вопросы теории и практики, №4–2(46), 2015. С. 68–70.

Головко Е. В. Переключение кодов или новый код? // Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета этнологии, вып. 1, 2001. С. 298–316.

Auer P. From codeswitching via language mixing to fused lects. Toward a dynamic typology of bilingual speech // International Journal of Bilingualism, no. 3(4), 1999. P. 309–332.

Gardner-Chloros P. Code-switching in community, regional and national repertoires: the myth of the discreteness of linguistic systems // One Speaker, Two Languages: Cross-disciplinary Perspectives on Code-switching. / ed. by L. Milroy, P. Muysken. Cambridge, 1995. P. 68–89.

Gumperz J.J. The sociolinguistic significance of conversational code-switching // Papers on Language and Context. Working Paper no. 46 / ed. y J. Cook Gumperz, J.J. Gumperz. Berkeley: Language Behavior Research Laboratory, University of California, 1976. P. 1–34.

Gumperz J.J. Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 225 p.

Khomchenkova I. Discourse use of the possessive affix 3SG in Hill Mari // 50th annual meeting of the Societas Linguistica Europaea (10–13 September 2017, University of Zurich, Switzerland). Book of abstracts. Zurich, 2017. P. 381–383.

Matras Y. Language Contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 366 p.

Muysken P. Bilingual speech: a typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. xiv + 306 pp.

Myers-Scotton C. Codeswitching as indexical of social negotiation // Codeswitching: Anthropological and Sociolinguistic Perspectives / ed. by M. Heller. Berlin: Mouton de Gruyter, 1988. P. 151–186.

Poplack S. Borrowing: Loanwords in the speech community and in the grammar. New York: Oxford University Press, 2017. 272 p.

Romaine S., Kachru B. Code-mixing and code-switching // The Oxford Companion to the English Language / ed. by T. McArthur. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 228–229.

Swigart L. Two codes or one? The insiders' view and the description of codeswitching in Dakar // Codeswitching / ed. by C.M. Eastman. Clevedon, 1992. P. 83–102.

Multilingual practices in Finno-Ugric communities / ed. by O. Tánzos, M. Kovács, U. Puura. Uralica Helsingiensia, № 13, 2018. 326 p.

Winford D. An Introduction to Contact Linguistics. London: Blackwell, 2003. 434 p.

Winford D. Contact and borrowing // Handbook of Language Contact / ed. by R. Hickey. New York: John Wiley & Son, 2010. P. 170–187.

Vadim V. Dyachkov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Science

(Russia, Moscow)

hyppocentaurus@mail.ru

STRUCTURAL AND SOCIOLINGUISTIC FEATURES OF HILL MARI — RUSSIAN CODE SWITCHING: A PILOT STUDY

The article examines the structural features of code switching in the Hill Mari language spoken in rural communities of the Hill Mari district (Republic of Mari El). The study is based on the data of a pilot corpus of Hill Mari speech. First, informal observations on the sociolinguistic situation in the area under study are presented. The structure of the pilot corpus is described in detail as well as the annotation used and the restrictions imposed on the data. Basing on the quantitative study, I make some observations on the structural features of the Hill Mari — Russian code switching. For instance, interclausal code switching occurrences within complex sentences are rare, while code switching occurrences within prepositional phrases, adverbials, predicative adverbials and discourse markers are very frequent. Speech clichés which are rather common when occurring within switched fragments are also briefly described.

Key words: sociolinguistics, code-switching, Russian, Finno-Ugric languages, Hill Mari, linguistic corpora

References

Auer P. From codeswitching via language mixing to fused lects. Toward a dynamic typology of bilingual speech. *International Journal of Bilingualism*, no. 3(4), 1999, pp. 309–332.

Gardner-Chloros P. Code-switching in community, regional and national repertoires: the myth of the discreteness of linguistic systems. *One Speaker, Two Languages: Cross-disciplinary Perspectives on Code-switching* / ed. by L. Milroy, P. Muysken. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, pp. 68–89.

Gavrilova V.G. Dublirovaniye kak odno iz proyavleniy pereklyucheniya [Doubling as one of the instantiations of code switching]. *Finno-ugorskiy mir*, no. 3–4, 2012, pp. 56–59. (In Russ.)

Gavrilova V.G. Mariysko-russkoye pereklyucheniye i smesheniye kodov [Mari — Russian code switching and code mixing]. *Vestnik udmurtskogo universiteta*, 2. *Seriya "Istoriya i filologiya"*, 2013, pp. 16–22. (In Russ.)

Gavrilova V.G. Okkazionalnyye zaimstvovaniya v ustnoy rechi mari [Occasional borrowings in Mari oral speech]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 4–2 (46), pp.68–70. (In Russ.)

Golovko E.V. Pereklyucheniye kodov ili novyy kod? [Switching of codes or new code?] *European University at St. Petersburg. Trudy fakulteta etnologii*, no. 1, pp. 298–316. (In Russ.)

Gumperz J.J. The sociolinguistic significance of conversational code-switching. *Papers on Language and Context. Working Paper no. 46* / ed. y J. Cook Gumperz, J.J. Gumperz. Berkeley: Language Behavior Research Laboratory, University of California, 1976, pp. 1–34.

Gumperz J.J. *Discourse strategies*. Cambridge, Cambridge University Press, 1982. 225 p.

Khomchenkova I. Discourse use of the possessive affix 3SG in Hill Mari. *50th annual meeting of the Societas Linguistica Europaea (10–13 September 2017, University of Zurich, Switzerland). Book of abstracts*. Zurich, 2017, pp. 381–383.

Matras Y. *Language Contact*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 366 p.

Muysken P. *Bilingual Speech: A Typology of Code-mixing*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000.

Myers-Scotton C. Codeswitching as indexical of social negotiation. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives* / ed. by M. Heller. Berlin, Mouton de Gruyter, 1988, pp. 151–186.

Poplack S. *Borrowing: Loanwords in the Speech Community and in the Grammar*. New York, Oxford University Press, 2017. 272 p.

Romaine S., Kachru B. Code-mixing and code-switching. *The Oxford Companion to the English Language* / ed. by T. McArthur. Oxford, Oxford University Press, 1992, pp. 228–229.

Swigart L. Two codes or one? The insiders' view and the description of codeswitching in Dakar. *Codeswitching* / ed. by C.M. Eastman. Clevedon, 1992, pp. 83–102.

Multilingual Practices in Finno-Ugric Communities / ed. by O. Tánčzos, M. Kovács, U. Puura. *Uralica Helsingiensia*, no. 13, 2018. 326 p.

Winford D. *An Introduction to Contact Linguistics*. London, Blackwell, 2003, 434 p.

Winford D. Contact and Borrowing. *Handbook of Language Contact* / ed. by R. Hickey. New York, John Wiley & Son, 2010, pp. 170–187.

И. А. Хомченкова

*МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
irina.khomchenkova@yandex.ru*

РУССКИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ГОРНОМАРИЙСКОЙ РЕЧИ¹

В работе рассматривается употребление русских числительных в речи горномарийско-русских билингвов (горномарийский < финно-угорские) на материале корпуса, собранного в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ в 2016–2018 гг. в село Кузнецово и близлежащие деревни Горномарийского района республики Марий Эл. Анализ производится с помощью рамочной модели матричного языка, разработанной К. Майерс-Скоттон. Показано, что в горномарийском языке числительные могут употребляться как внутри островов матричного языка и включенного языка, так и в смешанных составляющих. Порядковые числительных в форме мужского рода вместо ожидаемого женского (типа *первый смена*) анализируются как смешанные составляющие, а не как острова включенного языка, как предлагалось до этого некоторыми исследователями. Также приводятся корпусные данные о синтаксических и семантических типах числительных. Выявлено, что чем большее число обозначает числительное, тем больше вероятность, что будет использован его русский вариант. Русские варианты порядковых числительных встречаются значительно чаще, чем русские варианты количественных, а русские варианты количественных, в свою очередь, встречаются чаще, чем русские варианты собирательных. Эти факты подтверждают иерархии заимствования числительных Я. Матраса, а также данные о других финно-угорских языках.

Ключевые слова: горномарийский язык, переключение кодов, конструкции с числительными, порядковые числительные, рамочная модель матричного языка, морфосинтаксис.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ №18-312-00155мол.а «Переключение кодов в речи русскоговорящих носителей малых языков России: комплексное исследование четырех контактных ситуаций».

1. Введение

В данной работе представлен корпусный анализ использования числительных в речи горномарийско-русских билингвов (горномарийский язык < финно-угорские). Корпус был собран коллективом горномарийской экспедиции ОТиПЛ МГУ в 2016–2018 гг. и на момент исследования насчитывал 44297 словоупотреблений.

Анализируемые данные собраны в с. Кузнецово, а также в близлежащих деревнях (Тюманово, Апшак-Пеляк, Паулкино, Кукшилиды). Все опрошенные нами носители владеют как горномарийским, так и русским языком. С русским языком горномарийский язык контактировал долгое время [Berezcki 1968]. При этом степень сохранности горномарийского языка весьма высока: большинство детей усваивает его как родной. Постоянное сосуществование горномарийского и русского языков привело к довольно частой ситуации переключения кодов. Более подробно социолингвистическая ситуация для марийских языков (горномарийского и лугового марийского) описана, например, в [Куклин 2010; Шабыков, Кудрявцева 2017].

Под переключением кодов мы понимаем переход с одного языка на другой в рамках одного речевого отрезка — при этом говорящий может вставить в свою речь иноязычный фрагмент любого размера — как однословный, так и состоящий из нескольких предложений. Существуют работы о кодовом переключении между луговым марийским и русским языками, например, о вставках русской лексики вместо исконной марийской при обозначении дней недели, цвета, чисел и терминов родства, использовании русских дискурсивных маркеров, дублировании и окказиональных заимствованиях [Гаврилова 2012; 2013]. Горномарийский язык же до настоящего момента оставался за рамками исследований о переключении кодов.

В горномарийском языке существует своя система числительных, и перехода на русскую систему не было зафиксировано [Сидорова 2018]. Тем не менее в речи горных марийцев встречаются русские варианты числительных: в корпусе обнаружилось 113 русских и 904 горномарийских числительных. Мы считаем, что русские числительные в горномарийской речи являются не заимствованием (согласно [Matras 2007: 50], заимствование числительных не считается распространенным явлением), а переключением кодов. Мы предлагаем анализ такого употребления числительных, используя рамочную модель матричного языка (Matrix Language Frame Model, см., например, [Myers-Scotton 1993]).

Структура работы устроена следующим образом. В **разделе 2** приводится краткий обзор рамочной модели матричного языка. В **разделе 3** описывается внутренний морфосинтаксис в конструкциях с русскими числительными в горномарийском языке. В **разделе 4** проанализирована зависимость употребления горномарийских и русских числительных от синтаксического типа числительного, от его арифметического значения и от типа контекста. Наконец, в **разделе 5** представлено заключение.

2. Рамочная модель матричного языка

Рамочная модель матричного языка разработана К. Майерс-Скоттон (см., например, [Myers-Scotton 1993]). Эта модель основана на противопоставлении более активированного матричного языка (*matrix language*) и включенного языка (*embedded language*). Матричный язык задает морфосинтаксическую рамку (*frame*) во фрагментах с переключением кодов, накладывая ограничения на значимые морфемы (*content morphemes*) — единицы открытого класса (существительные, глаголы и т. д.) и служебные морфемы (*system morphemes*) — единицы закрытого класса (окончания, артикли и т. д.).

Морфосинтаксическая рамка задается на основании ряда принципов. Во-первых, согласно принципу порядка морфем (*Morpheme Order Principle*), последовательность слов и морфем в фрагментах с переключением кодов не должна противоречить правилам матричного языка. Приведем пример из [Myers-Scotton, 1993: 91]: во фрагменте, содержащем суахили-английское переключение *...workers wa-nene sana* (рабочие толстый очень) ‘очень толстые рабочие’ порядок слов будет отражать порядок слов матричного языка — суахили, а не включенного — английского (**...sana wa-nene workers*). Во-вторых, согласно принципу служебных морфем (*System Morpheme Principle*), все служебные морфемы, которые выражают грамматические связи с элементами, отличными от вершины, должны быть представлены единицами матричного языка.

Существует три типа составляющих: острова матричного языка (*Matrix Language Island, ML Island*), острова включенного языка (*Embedded Language Island, EL island*) и смешанные составляющие — составляющие типа *ML+EL* (*Matrix Language + Embedded Language Constituents, ML + EL constituents*).

В островах матричного языка значимые и служебные морфемы матричного языка используются в соответствии с грамматическими правилами матричного языка. В островах включенного языка используются значимые и служебные морфемы включенного языка в соответствии с правилами включенного языка. На этот тип составляющих не распространяется принцип служебных морфем. В составляющих типа *ML+EL* используются значимые и служебные морфемы из матричного языка, а также служебные морфемы из включенного языка, но в соответствии с грамматическими правилами матричного языка.

3. Морфосинтаксис в конструкциях с русскими числительными

Конструкции с числительными в горномарийском отличаются от конструкций с числительными в русском языке. Количественные числительные в русском языке приписывают генитив существительному (*три мальчик-а*), в то время как в горномарийском они не влияют на падеж существительного:

- (1) kâm ärvezäš / *ärvezäš-än
 три мальчик мальчик-GEN
 ‘(Ко мне подошли) три мальчика’.

- (5) **p'ervôj sm'enë**-m=ät nänge-ä
 первый смена-ACC=ADD вести-NPST.3SG
 'Он и первую смену ведет'.
- (6) и вот **tī sever sändälök cilä tözem ändekš šüdä**
 этот красивый земля весь тысяча девять сто
kändäkš-lu-šä... kändäkš lu ik-šš god-än
 восемь-десять-ORD восемь десять один-ORD год-GEN
lövä-kë kej-en
 низ-ILL2 идти-PRET
 'И вот эта прекрасная местность вся в 1980... в 1981 году ушла под воду'.

П. Ауэр и Р. Мухамедова анализируют предложения в казахском языке (< тюркские) с русскими вставками типа (4) и (5) как случаи острова включенного языка, а не как две единичные вставки слов, поскольку «существует зависимость между двумя словами» [Auer, Muhamedova 2006: 44]:

- казахский (< тюркские)
- (7) **uže anau старый площадь-tī ne-ler-di žönde-di**
 уже этот старый площадь-ACC вещь-PL-ACC восстанавливать-3SG
 'Там старая площадь и еще что-то уже были восстановлены'
 [Auer, Muhamedova 2006: 43]

Они утверждают, что матричный язык (в данном случае язык без системы рода) может влиять на включенный язык (в данном случае язык с системой рода), поскольку словосочетания *первый смена в (5) и *старый площадь в (7) неграмматичны в русском языке (числительное и прилагательное в форме мужского рода, а оба существительных женского рода).

Мы не согласны с такой точкой зрения. Мы считаем, что примеры типа (5) необходимо анализировать как составляющие вида ML+EL, поскольку в рамочной модели матричного языка нет ограничений на количество слов из включенного языка в таких составляющих: составляющие вида ML+EL «состоят из любого количества морфем из матричного языка и (обычно) одной лексемы из включенного языка» [Myers-Scotton 1992: 23]. Также, согласно [Myers-Scotton 1992: 33], «неконгруэнтность между матричным и включенным языками приводит к использованию **начальных** форм включенного языка»¹. Таким образом, в примерах (4)–(5) и (8) единицы взяты из включенного языка в начальной форме, но остров включенного языка не образуется: внутренний синтаксис таких составляющих — это синтаксис матричного языка².

¹ Non-congruence between the ML and the EL in regard to subcategorisation in general sometimes results in single EL forms which are 'bare forms' [Myers-Scotton 1992: 33].

² Существует еще одно возможное объяснение такого феномена — в некоторых вариантах русского языка наблюдается рассогласование по роду (см., например, [Khomchenkova et al. 2018] про варианты русского языка носителей языков Севера Сибири и Дальнего Востока), т. е. словосочетание типа *первый смена* может образовывать остров. Однако такая трактовка не согласуется с данными горномарийского варианта русского языка, в котором рассогласование по роду

4. Внутригенетические данные и факторы, влияющие на выбор варианта числительного

Во многих финно-угорских языках распространено использование русских числительных в речи, несмотря на наличие уже давно сформировавшейся собственной системы счета. Например, это верно для многих пермских диалектов [Максимов 2017: 12], в первую очередь для **коми-пермяцкого**: русским числительным отдается предпочтение при счете далее десяти, в то время как при счете до десяти используются коми-пермяцкие исконные числительные [Кривошекова-Гантман 1985]. Водские числительные используются только при счете от одного до семи (кроме важных для носителей **водского** дат, которые, соответственно, выражаются на водском) [Turunen 1997: 219].

Кроме ограничения на арифметическое значение числительного, существует и ограничение по теме. Например, в первую очередь в северных диалектах **удмуртского** русские числительные используются в конкретных областях, а именно при названии времени, даты, денежных сумм, номеров зданий и прочей нумерации [Максимов 2017: 12–13]. Это отмечала также О. Б. Стрелкова, которая в отдельную группу, тяготеющую к русским числительным, выделяла также возраст человека [Стрелкова 2013: 28, цит. по Максимов 2017: 13].

В мордовских языках использование русских числительных тоже распространено. В работе [Сааринен 2014: 542] отмечается, что из русских вставок в речь мокши больше всего встречаются русские наречия и числа. При этом некоторые информанты говорят практически полностью на **мокшанском**, и только годы называют по-русски. Согласно [Janurik 2017: 117], в **эрзянском** языке к типичным темам, которые вызывают использование русских числительных, относятся временные выражения, школьные оценки и классы, дистанции (например, километры) и деньги.

Ограничения обоих типов — и на арифметическое значение, и на тему — зафиксированы также в **карельском** языке. Русские варианты чаще всего используются при номинации составных числительных [Sarhima 1999: 234], а также в разговорах о времени, возрасте, дате рождения, школьных оценок, классах и деньгах [Рублі 1996: 295].

В кильдинском **саамском** языке (который, впрочем, можно назвать слитым лектом кильдинского и русского в терминологии П. Ауэра, см. [Auer 1999]) также существуют подобные ограничения на числительные: чаще всего русские числительные употребляются, если идет счет больше семи [Пинедда 2009: 31], а «год рождения и возраст почти всегда даются на русском» [Пинедда 2009: 34].

Таким образом, мы рассматриваем следующие факторы, которые могут влиять на выбор русского или горномарийского варианта числительного:

- а) морфосинтаксический тип числительного: порядковый, количественный или собирательный;
- б) арифметическое значение числительного;
- в) семантический тип контекста.

практически не встречается и который в целом очень близок к монолингвальному разговорному русскому.

4.1. Синтаксический тип числительного

Как показано в Таблице 1, в исследованных нами горномарийских текстах наибольший процент русских числительных отмечается у порядковых числительных (30,4%), в то время как количественные и собирательные числительные значительно чаще встречаются в горномарийской форме (соответственно 4,2% и 2,1% русских числительных).

Таблица 1

Зависимость выбора числительного от его синтаксического типа

	порядковые	количественные	собирательные
горномарийский	183	657	46
русский	80	29	1
%	30,4	4,2	2,13

Единственный пример, который можно было бы отнести к русскому варианту горномарийских собирательных числительных, представлен в (8) — согласно [Русская грамматика 1980: 571], к собирательным относятся как числительные, образованные при помощи суффикса *-oe* (*двое, трою*) и *-ero* (*четверо, пятеро*), так и слово *оба*. Стоит также отметить, что слово *оба* в (8) является частью составляющей включенного — русского — языка.

- (8) **Оба** горномарийцы, kok-tâ-n=at³ kârâk marê-vlä êl-êna
 два-FULL-ADV=ADD гора мари-PL быть-NPST.1PL
 ‘(Там жили, мы с Борисом там встретились.) Оба горномарийцы’.

4.2. Арифметическое значение числительного

Я. Матрас показал, что чем больше числительное, тем больше вероятность, что будет использован его иноязычный вариант, т. е. что соблюдается следующая иерархия: от 100 и выше > от 20 > от 10 > от 5 > меньше 5, [Matras 2007: 51]. Рассмотрим эту иерархию на данных горномарийского языка.

Проблему составляют случаи типа (9) с укороченным названием года: например, *шестьдесят второй* вместо *тысяча девятьсот шестьдесят второй*. Соответственно, такие числительные можно анализировать двояко: либо относить их формально к числительным меньше ста, либо по семантическому критерию относить их к числительным больше ста.

- (9) êrža-m вот äšt-em šes'at ftoroj god-ên даже
 рожь-ACC помнить-NPST.1SG год-GEN
 kid dono tared-ênä êl'ê
 рука с стричь-NPST.1PL RETR1
 ‘В 62-м году вот, я помню, рожь даже собирали руками’.

³ В горномарийском существуют и другие серии собирательных числительных, см. [Саваткова 2002: 153–155; Sidorova 2018].

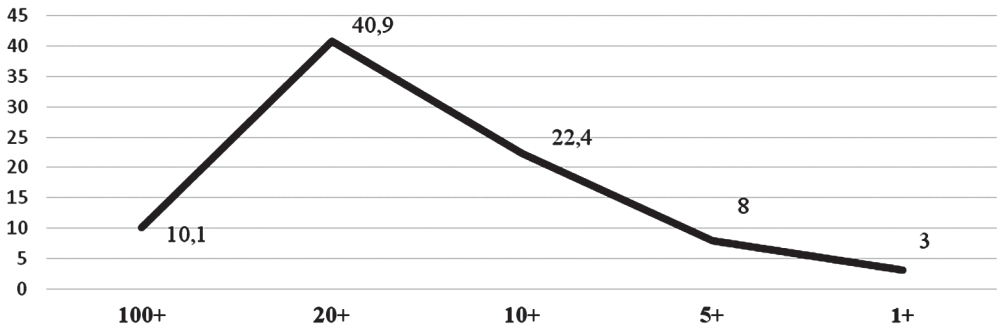

Рисунок 1. Процентное соотношение русских числительных от всех числительных в зависимости от семантического типа числительного — анализ 1

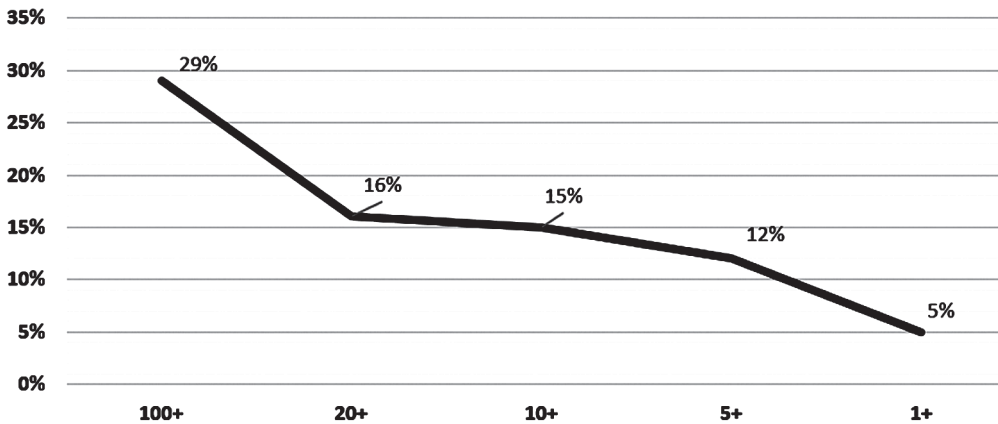

Рисунок 2. Процентное соотношение русских числительных от всех числительных в зависимости от семантического типа числительного — анализ 2

Если мы воспользуемся первым вариантом, то иерархия Я. Матраса в точности не будет выполняться: на Рисунке 1 мы видим, что в горномарийской речи русские числительные от 20 до 100 используются значительно чаще, чем русские числительные от 100 и выше (40,9% против 10,1% соответственно).

Однако если воспользоваться вторым вариантом анализа, то иерархия будет соблюдаться (см. Рисунок 2). Далее мы будем придерживаться именно его.

4.3. Тип контекста

Наконец, рассмотрим зависимость выбора числительного от типа контекста. Все числительные были расклассифицированы по семантическим типам контекста, выделенным по эмпирическим обоснованиям. Для каждого класса была подсчитана доля русских числительных от всех числительных в корпусе, после чего выстроилась следующая иерархия контекстов: номер (75%) > образование (35%) > год (29%) > дата (28%) > деньги (16%) > температура (8%) > возраст (6%) > прочие

наименования меры (3%). Под типом «номер» понимается употребление числительных, как в (10), под типом «образование» — номера классов в школе и курсов в университете, как в (11).

- (10) mäm-nä-m čas't'-êš kand-evä,
 мы-POSS.1PL-ACC часть-ILL приносить-AOR.3PL
 čas't' man-alt-eš **сорок пять сто пять**
 часть говорить-MED-NPST.3SG
 'Нас в [воинскую] часть привели, часть называется 45105'.
- (11) vos'moj klas-êṃ pät-är-en-äm dä ken-äm
 класс-ACC кончатся-CAUS-PRET-1SG и идти-PRET-1SG
 čeboksar-êškê rovojaj-aš
 Чебоксары-ILL работать-INF
 'Закончила восьмой класс и уехала работать в Чебоксары'.

Типы «год» и «дата» отличаются тем, что в первом учитывались только наименования годов (что можно понять из его названия), как в (12), в то время как к типу «дата» относились словосочетания с названиями дней и месяцев, как в (13).

- (12) no soitok **десятый год** jakte rovojaj-en-äm
 но все_равно до работать-PRET-1SG
 'Но все равно до десятого года работала'.
- (13) vorš'em **четвертый nojabär'**-êṃ vëclä vës i по-моему
 в_общем ноябрь-GEN пятьдесят пять год
 šo-eš tã trag'ed'i-län
 достигать-NPST.3SG тот трагедия-DAT
 'В общем четвертого ноября 55 лет, по-моему, исполняется той трагедии'.

Приведем примеры также на остальные типы: деньги (14), температура (15), возраст (16), иные наименования мер (17).

- (14) st'ip'end'ij-žä **двенадцать рублей** êl'-êṃ в месяц
 стипендия-POSS.3SG быть-AOR.3SG
 'Стипендия была двенадцать рублей в месяц'.
- (15) kêṃam **минус тридцать** škol-êš ke-äš a-k kel
 когда школа-ILL идти-INF NEG.NPST-3 быть_нужным
 'Когда минус тридцать — в школу не надо идти'.
- (16) **Сорок пять лет**, nällä vës i t'o'a-n
 сорок пять год дедушка-GEN
 'Сорок пять лет дедушке'.
- (17) sâkêr-êṃ ru-at **пятьсот** gram-êṃ
 хлеб-ACC давать-NPST.3PL грамм-ACC
 kačk-aš keč-eš
 есть-INF день-LAT
 'Хлеб давали, пятьсот граммов, есть в день'.

Однако стоит отметить, что тип контекста может коррелировать как с синтаксическим типом числительного, так и с его арифметическим значением. Например, в контекстах «год» чаще всего будут встречаться большие порядковые числительные, а как мы показали выше, для таких типов числительных чаще всего используются русские варианты.

6. Заключение

Таким образом, мы показали, что в горномарийском языке числительные могут употребляться как внутри островов матричного языка и включенного языка, так и в смешанных составляющих вида ML+EL. Употребление порядковых числительных в форме мужского рода вместо ожидаемого женского (типа *первый смена*) анализируется как составляющие вида ML+EL, а не как острова включенного языка, как предлагалось до этого в [Auer, Muhamedova 2006].

Мы также выявили, что чем большее число обозначает числительное, тем больше вероятность, что будет использован его русский вариант. Русские варианты порядковых числительных встречаются значительно чаще, чем русские варианты количественных, а русские варианты количественных в свою очередь встречаются чаще, чем русские варианты собирательных. Эти данные подтверждают иерархии заимствования числительных Я. Матраса, а также имеющиеся данные по другим финно-угорским языкам.

Интересны причины такого феномена. По мнению С. А. Максимова, изучавшего пермские языки, причина повсеместного распространения русских числительных — это «господство русского языка в информационной сфере в условиях урбанизированной среды» [Максимов 2017: 13]. Также высказывались мнения о том, что говорящие на финно-угорских языках часто коммуницируют с русскими властями, в разговорах с которыми часто приходится употреблять много числительных (зарплата, дата рождения и т. д.), т. е. в первую очередь на появление в речи русских числительных влияет именно тип контекста. Многие также учат математику в школах по-русски [Janurik 2017: 49, 101, 119, 128]. Л. Широбокова [Shirobokova 2011: 117] также отмечала, что в удмуртском сообществе, которое она изучала, использование русских числительных можно отнести к тому, что в детском саду детям преподают только русские числительные.

В дальнейшем планируется проанализировать большее количество корпусных данных, а также выявить отдельный вклад каждого из рассматриваемых параметров.

Список сокращений

1, 2, 3 — 1, 2 и 3 лицо, ACC — аккузатив, ADD — аддитивная частица, ADV — адвербиализатор, AOR — аорист, CAUS — каузатив, DAT — датив, FULL — полная форма, GEN — генитив, ILL — иллатив, ILL2 — второй иллатив (непродуктивный показатель), IN — инессив, INF — инфинитив, LAT — латив, MED — медий, NEG — отрицание, NMLZ — номинализация, NPST — непрошедшее время, ORD — показатель

порядкового числительного, PL — множественное число, POSS — посессивность, PRET — претерит, REFL — рефлексив, RETR1 — ретроспективный сдвиг, SG — единственное число.

Литература

Гаврилова В. Г. Дублирование как одно из проявлений переключения // Финно-угорский мир. 2012. №3/4. С. 56–59.

Гаврилова В. Г. Марийско-русское переключение и смешение кодов // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. №2. С. 16–22.

Кривошекова-Гантман А. С. Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка // Коми-пермяцко-русский словарь / ред. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. С. 595–621.

Куклин А. Н. Особенности функционирования марийского языка в Урало-Поволжской историко-этнографической области // Финно-угорский мир. 2010. №1. С. 17–23.

Максимов С. А. Числительные в пермских языках: прошлое и настоящее. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. №11(3). С. 7–13.

Сааринен С. Переключение кодов в мокшанских диалектных текстах. // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: Материалы / ред. Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен и др. Петрозаводск, 2014. С. 540–543.

Саваткова А. А. Горное наречие марийского языка. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, Bibliotheca Ceremissica, V. 5. 2002. 298 с.

Сидорова М. А. Числовое маркирование существительного в горномарийских количественных конструкциях // Acta Linguistica Petropolitana. 2018. Т. XIV №2. С. 400–427.

Стрелкова О. Б. Имена числительные удмуртского языка. История и типология: Монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. 238 с.

Шабыков В. И., Кудрявцева Р. А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл в начале 2010-х годов: социолингвистический анализ // Урало-алтайские исследования. 2017. №3. С. 208–229.

Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 789 с.

Auer P. From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech. // International Journal of Bilingualism. 1999. №3(4). P. 309–332.

Auer P., Muhamedova R. ‘Embedded language’ and ‘matrix language’ in insertional language mixing: Some problematic cases // Rivista di linguistica. 2006. №17(1). P. 35–54.

Bereczki G. Wichtigere lautgeschichtliche Lehren der russischen Lehnwoerter im Tscheremissischen // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Acta Linguistica. Helsinki. 1968. P. 70–76.

Khomchenkova I., Pleshak P., Stoynova N. Gender disagreement in the contact-influenced Russian of Northern Siberia and Russian Far East // Theoretical and Experimental Approaches to Gender (14–15 June, 2018). Available at: https://drive.google.com/file/d/1G_ZrDvAh0DnZN31E2F1e2sFfWD5GyB_X/view. (accesses 08.06.2019)

Matras Y. The borrowability of structural categories // Empirical Approaches to Language Typology: Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective / ed. by Y. Matras and J. Sakel. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 31–73.

Myers-Scotton C. Comparing codeswitching and borrowing // Journal of Multilingual & Multicultural Development. 1992. № 13(1–2). P. 19–39.

Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford: Clarendon Press, 1993. 265 p.

Pyöli R. Venäläistyvä aunuksenkarjala: kielenulkoiset ja -sisäiset indikaattorit kielenvaihtotilanteissa: doct. diss. / University of Joensuu. Joensuu, 1996.

Sarhimaa A. Syntactic transfer, contact-induced change, and the evolution of mixed codes: Focus on Karelian–Russian language alternation. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. 340 p.

Shirobokova L. Az udmurt–orosz kétnyelvűség: doct. diss. / Eötvös Loránd University. Budapest, 2011.

Sidorova M. What are Hill Mari “collective numerals”? // 51st Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (29 August — 1 September 2018). Book of abstracts. 2018. P. 232–234.

Turunen M. Nykyvatjan koodinvaihdosta // Virittäjä. 1997. № 2. P. 208–232.

Irina Khomchenkova

M. V. Lomonosov Moscow State University,

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS

(Russia, Moscow)

irina.khomchenkova@yandex.ru

RUSSIAN NUMERALS IN HILL MARI SPEECH

This paper deals with the occurrences of Russian numerals in the spontaneous speech of Hill Mari-Russian bilinguals. We propose an analysis in terms of the Matrix Language Frame (MLF) Model, basing on the corpus study of the numeral phrases with code-switching in Hill Mari. The data come from spoken corpus collected in the village of Kuznetsovo and its surroundings in the Mari El Republic in 2016–2018. In Hill Mari numerals are attested in matrix language (Hill Mari) islands and in embedded (Russian) language islands, as well as in mixed (ML+EL) constituents. Ordinal numerals in the masculine form instead of the feminine one (e.g. *pervyj smena* ‘first.M shift.F’) are analyzed as ML+EL constituents, but not as embedded language islands, contrary to some previous accounts. Moreover, the correlation between the syntactic

type of numerals and their arithmetic meaning and the form of a numeral is detected: bigger numerals tend to be used in their Russian form; Russian ordinal numerals are used more than Russian cardinal and collective numerals, which confirms the existing hierarchies of borrowing numerals proposed by Matras and the data on some Finno-Ugric languages.

Keywords: Hill Mari, code-switching, numeral constructions, ordinal numerals, Matrix Language Frame Model, morphosyntax.

References

Auer P., Muhamedova R. 'Embedded language' and 'matrix language' in insertional language mixing: Some problematic cases. *Rivista di linguistica*, 2006, no. 17(1), pp. 35–54.

Auer P. From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech. *International Journal of Bilingualism*, 1999, no. 3(4), pp. 309–332.

Bereczki G. Wichtigere lautgeschichtliche Lehren der russischen Lehnwoerter im Tscheremissischen. *Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Acta Linguistica*, 1968, pp. 70–76.

Gavrilova V.G. [Doubling as one of the occurrences of code-switching]. *Finno-Ugorskij mir*, 2012, no. 3/4, pp. 56–59. (In Russ.)

Gavrilova V.G. [Mari-Russian code-switching and code-mixing]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta «Istorija i filologija»*, 2013, no. 2, pp. 16–22. (In Russ.)

Khomchenkova I., Pleshak P., Stoyanova N. Gender disagreement in the contact-influenced Russian of Northern Siberia and Russian Far East. *Theoretical and Experimental Approaches to Gender* (14–15 June, 2018). Available at: https://drive.google.com/file/d/1G_ZrDvAh0DnZN31E2FIe2sFfWD5GyB_X/view (accessed 08.06.2019)

Krivoschekova-Gantman A.S. [Short grammatical sketch of Komi-Permian]. *Komi-Permian-Russian dictionary*, ed. by R.M. Batalova, A.S. Krivoschekova-Gantman. Moscow: Rus. jaz., 1985, pp. 595–621. (In Russ.)

Kuklin A.N. [The features of functioning of Mari language in the Ural-Volga historical and ethnographic region]. *Finno-Ugorskij mir*, 2010, no. 1, pp. 17–23. (In Russ.)

Maksimov S.A. [Numerals in Permic languages: the past and the future]. *Jezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*, 2017, no. 11(3), pp. 7–13. (In Russ.)

Matras Y. The borrowability of structural categories. *Empirical Approaches to Language Typology: Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective*, ed. by Y. Matras, J. Sakel. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007, pp. 31–73.

Myers-Scotton C. Comparing codeswitching and borrowing. *Journal of Multilingual & Multicultural Development*, 1992, no. 13(1–2), pp. 19–39.

Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 265 p.

Pöyli R. *Venäläistyvä aunuksenkarjala: kielenulkoiset ja -sisäiset indikaattorit kielenvaihtotilanteessa*. Doct. diss. Joensuu, 1996.

Saarinen C. [Code-switching in Moksha dialectal texts]. *V Vserossijskaja konferencija finno-ugrovedov «Finno-ugorskije jazyki i kultury v sociokulturnom landshafte Rossii»: Materials*, ed. by N.G. Zajceva, I.I. Mullonen et al. Petrozavodsk, 2014, pp. 540–543. (In Russ.)

Sarhimaa A. *Syntactic transfer, contact-induced change, and the evolution of mixed codes: Focus on Karelian–Russian language alternation*. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. 340 p.

Savatkova A. A. *Gornoje narechie marijskogo jazyka* [Hill Mari language (grammar)]. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, Bibliotheca Ceremissica, V. 5, 2002. 298 p. (In Russ.)

Shabykov V. I., Kudriavceva R. A. [Language situation in Mari El Republic in the beginning of 2010: sociolinguistic analysis]. *Uralo-Altajskie issledovanija*, 2017, no. 3, pp. 208–229. (In Russ.)

Shirobokova L. *Az udmurt–orosz kétnyelvűség*. Doct. diss. Budapest, 2011.

Sidorova M. A. [Number marking of nouns in Hill Mari numeral constructions]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2018, T. XIV no. 2, pp. 400–427. (In Russ.)

Sidorova M. What are Hill Mari “collective numerals”? *51st Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (29 August — 1 September 2018). Book of abstracts*, 2018, p. 232–234.

Strelkova O. B. *Imena čislitelnye udmurtskogo jazyka. Istorija i tipologija: Monografija* [Numerals in Udmurt. History and typology: Monograph]. Izhevks: Izd-vo «Udmurtskij universitet», 2013. 238 p. (In Russ.)

Turunen M. *Nykyvatjan koodinvaihdsta*. *Virittäjä*, 1997, no. 2, pp. 208–232.

Научный журнал

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

№ 4. 2020

Языки России в контакте с русским языком

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*

Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 12.12.2020. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 24,7. Заказ № 2257
Тираж 300 экз.

Адрес редакции: г. Москва, 119019, Волхонка 18/2

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86